

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2023. Т. 16. № 2

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© КалмНЦ РАН, 2023

© Коллектив авторов, 2023

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦC77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Баря-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Ответственный секретарь: *С. В. Мирзаева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
- Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
- Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
- Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
- Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
- Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
- Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
- Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*

Translator: *S. Dzhaqrunov*

Design and page layout: *Dz. Tatninov*

Executive Secretary: *S. Mirzaeva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Колесникова М. Е., Бабенко В. А.</i> Походы армии Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395–1396 гг. (локализация, проблемы изучения)	252
	<i>Хамзин И. Р., Ганиев Р. Т., Кочнев А. В.</i> Кяхтинская железная дорога: геоэкономический проект Российской империи с целью развития торговых связей с Китаем и Монголией	268
	<i>Амбарцумян К. Р.</i> Ориентализм в геополитических представлениях военных и дипломатических элит Российской империи (на материалах обсуждения «армянского вопроса» в конце XIX – начале XX в.)	281
	<i>Дудин П. Н., Бешенцев А. Н., Базаров К. Ю.</i> Традиционные институты публичной власти на монгольских землях имперского и республиканского Китая на сломе эпох (первая четверть XX в.): пространственная локализация и визуализация	293
	<i>Батмаев М. М.</i> Из истории калмыцкой повседневности. Кочевание в XVIII в.	313
Отечественная история	<i>Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.</i> Калмыцкая повседневность в годы Первой мировой войны: будни мобилизации населения на тыловые работы в Калмыцкой степи Астраханской губернии в 1916 г.	325
	<i>Мелкоян А. А., Хачатрян К. Г., Крючков И. В.</i> Проблемы советского национально-государственного строительства (историко-критический анализ на примере Армении)	340
	<i>Баикуев В. Ю.</i> Советские врачи и борьба с эпидемиями в Синьцзяне (конец 1920-х – 1940-е гг.)	353
	<i>Белоусов С. С.</i> Миграции населения в г. Элисту в первые годы строительства. 1927–1932 гг.	364
	<i>Максимов К. Н.</i> Перевод рыбной промышленности Калмыкии во второй половине 1930-х гг. в положение военного времени	375
Этнология и антропология	<i>Маннапов М. М., Псянчин А. В.</i> Этнография монгольских народов в Сибирском отделе Русского географического общества	388
	<i>Пушкарева Н. Л., Ли И.</i> Женская история в трудах китайских ученых второй половины XX в.	404
Языкознание	<i>Норманская Ю. В.</i> Уточнение степени близости кыпчакских языков между собой в сравнении с финно-угорскими на основе анализа словарей XVIII в.	417
Литературоведение	<i>Ханинова Р. М.</i> Благопожелание чаю в калмыцкой лирике XX в.: фольклорный аспект	428
Фольклористика	<i>Манджиева Б. Б.</i> Сюжетосложение «Песни о женитьбе Узенг Алдар-хана» из эпического репертуара ойратского сказителя Джавин Джуна	444

CONTENTS

General History	<i>Kolesnikova M. E., Babenko V. A.</i> Tamerlane's Campaigns in Central Ciscaucasia, 1395–1396: Localizations, Research Difficulties	252
	<i>Hamzin I. R., Ganiev R. T., Kochnev A. V.</i> The Kyakhta Railway: A Geoeconomic Project of the Russian Empire Aimed at Developing Trade Relations with China and Mongolia	268
	<i>Ambartsumyan K. R.</i> Orientalism in Geopolitical Representations of Imperial Russia's Military and Diplomatic Elites: Late 19 th – Early 20 th Century Materials Discussing the 'Armenian Question' Analyzed	281
	<i>Dudin P. N., Beshentsev A. N., Bazarov K. Yu.</i> Traditional Institutions of Public Authority in Mongol-Inhabited Lands of Imperial and Republican China, 1900s–1920s: Spatial Localization and Visualization	293
National History	<i>Batmaev M. M.</i> Insights into Kalmyk Everyday Life of the Past: 18 th -Century Nomadic Routes	313
	<i>Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A.</i> Kalmyk Everyday Life during WWI: Rear Service Mobilization across Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in 1916	325
	<i>Melkonyan A. A., Khachatryan K. H., Kryuchkov I. V.</i> Problems of Soviet Nation-State Building: A Critical Historical Analysis of Armenia	340
	<i>Bashkuev V. Yu.</i> Soviet Physicians and Struggle against Epidemics in Xinjiang: Late 1920s – 1940s	353
	<i>Belousov S. S.</i> Migration to Elista in Earliest Years of Its Construction: 1927–1932	364
	<i>Maksimov K. N.</i> Wartime Conversion of Kalmykia's Fishing Industry in the Late-to-Mid 1930s	375
Ethnology & Anthropology	<i>Mannapov M. M., Psyanchin A. V.</i> Siberia Department of the Russian Geographical Society: Ethnographic Research of the Mongolic Peoples	388
	<i>Pushkareva N. L., Li Y.</i> Women's History in the Works of Chinese Scholars of the Second Half of the 20 th Century	404
Linguistics	<i>Normanskaja J. V.</i> Defining Proximity Levels between Kipchak Languages in Comparison to Finno-Ugric Ones: Analyses of Eighteenth-Century Dictionaries	417
Literary Studies	<i>Khaninova R. M.</i> Tea Well-Wishes in 20 th -Century Kalmyk Lyric Poetry: The Folklore Aspect Revisited	428
Folklore studies	<i>Mandzhieva B. B.</i> The Song of Khan Uzeng Aldar's Marriage Recorded from Oirat Tale-teller Javin Juna: Plot Structure Reviewed	444

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 2, pp. 252–267, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.2 + 94(470) + 94(4) + 94(470)''1238/1480''
 DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267

Походы армии Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395–1396 гг. (локализация, проблемы изучения)

Марина Евгеньевна Колесникова¹, Виталий Александрович Бабенко²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355000 Ставрополь, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института, заведующий кафедрой
 0000-0002-2896-7753. E-mail: [kolesnikovam2017\[at\]mail.ru](mailto:kolesnikovam2017[at]mail.ru)

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355000 Ставрополь, Российская Федерация)
 старший преподаватель
 0000-0003-3046-9582. E-mail: [vit-babenko\[at\]yandex.ru](mailto:vit-babenko[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Колесникова М. Е., Бабенко В. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются вопросы локализации походов Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395–1396 гг. Они преследовали цели ослабления Золотой Орды, разгрома основных сил Токтамыша и его союзников на Северном Кавказе из среды местных народов. *Цель и задачи* исследования — сопоставить сведения вещественных, письменных и фонических источников о походах Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395–1396 гг., прояснить роль в этих событиях новых выявленных на Ставрополье археологических памятников. *Материалы и методы.* Источниковая база изучаемой проблемы в основном представлена вещественными, письменными и фоническими источниками. Вещественные источники представлены культурным слоем городища *Маджары*, в котором выделены следы разрушения города в конце XIV в., и двумя бытовыми памятниками золотоордынской эпохи — Новопавловским поселением и поселением «Кочубеевское-1» в Ставропольском крае. Письменные источники представлены трудами арабских, персидских, западноевропейских авторов и авторов Нового времени. Из средневековых арабских и персидских источников наиболее подробные сведения содержатся в «Книгах побед» Шами и Йезди и в хронике Абд-ар-Раззак Самарканди, которые анализируются в статье. Из западноевропейских авторов особо ценную информацию содержит сочинение И. Шильтбергера. Устные источники были обобщены Э. Челеби и А. Фирковичем. В ходе исследования применялись: историко-системный, историко-сравнительный и картографический методы. В статье к анализу привлечены результаты естественнонаучных исследований, проводимых в последнее время на ледниках Центрального и Западного Кавказа. *Результаты.* Весной 1395 г. армия Тамерлана вторглась на Восточный и

Центральный Кавказ и нанесла поражение армии Токтамыша в генеральном сражении в междуречье рек Малка и Кура. Осенью и зимой 1395–1396 гг. она вернулась на Северный Кавказ и совершала рейды по большей части с территорий Прикубанья и Пятигорья. *Выводы.* В 1395–1396 гг. Тамерлан действовал по определенному плану, учитывавшему природно-климатические особенности Северного Кавказа и сезонный цикл скотоводов Центрального Предкавказья. Армия Тамерлана вела боевые действия, опираясь на ресурсы региона — продовольствие области Джулат, летние пастбища области Бишдаг и зимние пастбища Кумо-Манычской впадины. Разоряя правое крыло Улуса Джучи, Тимур эксплуатировал ресурсы, использовавшиеся до этого золотоордынскими ханами.

Ключевые слова: Тамерлан, походы, обоз, база, предгорья, горы, Северный Кавказ, Центральное Предкавказье, Маджар

Для цитирования: Колесникова М. Е., Бабенко В. А. Походы армии Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395–1396 гг. (локализация, проблемы изучения // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 252–267. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267

Tamerlane's Campaigns in Central Ciscaucasia, 1395–1396: Localizations, Research Difficulties

Marina E. Kolesnikova¹, Vitaly A. Babenko²

¹ North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355000 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Director of Institute, Head of Department

 0000-0002-2896-7753. E-mail: kolesnikovam2017[at]mail.ru

² North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355000 Stavropol, Russian Federation)

Senior Lecturer

 0000-0003-3046-9582. E-mail: vit-babenko[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Kolesnikova M. E., Babenko V. A., 2023

Abstract. Introduction. The article attempts to localize Tamerlane's campaigns of 1395–1396 in Central Ciscaucasia aimed to weaken the Golden Horde, eliminate chief forces of Tokhtamysh and his allies native to the region invaded. **Goals.** The study seeks to analyze and compare data from artefacts, written and phonic sources relating to Tamerlane's campaigns in Central Ciscaucasia, clarify the roles once played therein by archaeological sites investigated across Stavropol Krai. **Materials and methods.** The paper focuses on artefacts, written and phonic sources. The former include ones contained in the occupation layer of Majar hillfort and bearing traces of the city's demolition in the late 14th century CE, as well as those from two other sites of the Golden Horde era — Novopavlovka and Kochubeevskoe-1 settlements. The examined written sources are works by Arab, Persian and Western European authors, including modern ones. As for medieval Arab and Persian sources, the most detailed accounts for further analysis are contained in Books of Victory by Nizam al-Din Shami and Sharaf al-Din 'Ali Yazdi, as well as in chronicles by Abd-al-Razzāq Samarqandī. Most precious data has been discovered in J. Schiltberger's writing, oral accounts summarized by E. Çelebi and A. Firkovich. The work employs the historical-systemic, historical-comparative, and cartographic methods. The analysis is supplemented with results of scientific surveys recently conducted across glaciers of the Central and West Caucasus. **Results.** In spring of 1395, Tamerlane invaded the East and Central Caucasus to defeat Tokhtamysh in the decisive battle that took place in the Malka-Kura interfluvium. Later in autumn and winter of 1395–1396, the invaders would return to the North Caucasus for raids throughout the lands of Kuban and Beshtau. **Conclusions.** In 1395–1396, Tamerlane was following a certain plan of his compiled with due regard for natural/climatic conditions of the region and seasonal economic cycles of Central Ciscaucasia's nomads. The invading troops kept the field with the use of local resources — foodstuffs of Dzhaulat county, summer pastures of Bishdag, and winter pastures of the Kuma-Manych Depression. Tamerlane was devastating the right wing of the

Ulus of Jochi to take into possession the resources previously deployed by rulers of the Golden Horde.

Keywords: Tamerlane, campaigns, baggage train, army base, foothills, mountains, North Caucasus, Central Ciscaucasia, Majar

For citation: Kolesnikova M. E., Babenko V. A. Tamerlane's Campaigns in Central Ciscaucasia, 1395–1396: Localizations, Research Difficulties. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 252–267. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267

1. Введение

Важным событием в позднесредневековой истории Северного Кавказа стали походы на территорию региона среднеазиатского завоевателя Тамерлана в 1395–1396 гг. Они преследовали цели подрыва экономической базы Золотой Орды, разгрома основных сил Токтамыша и ослабления Золотой Орды. Как показали Э. В. Ртвеладзе и А. Е. Криштопа, одной из основных целей похода на Северный Кавказ также являлся разгром союзников Токтамыша в регионе из среды местных народов, появившихся здесь после событий феодальной смуты 60–70-х гг. XIV в. и ослабления власти Золотой Орды [Ртвеладзе 1976: 124; Криштопа 2007: 164–166].

История противостояния Тамерлана с Токтамышем и его походов на Северный Кавказ в 1395–1396 гг. были подробно рассмотрены в работах Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского и М. Г. Сафаргалиева [Греков, Якубовский 1950: 362–373; Сафаргалиев 1960: 161–171].

В начале 2000-х гг. И. М. Миргалеев подготовил к публикации ряд редких источников [Миргалеев 2007] и написал работу о периоде правления в Золотой Орде Токтамыша, в которой есть большой раздел, посвященный войнам с Тамерланом [Миргалеев 2003: 109–135]. К сожалению, в обобщающих работах недостаточно подробно рассматриваются события, связанные с Северным Кавказом.

Этот пробел восполнен в работах северокавказских авторов. Э. В. Ртвеладзе и А. Е. Криштопой предложена периодизация истории походов Тамерлана на Северный Кавказ. Э. В. Ртвеладзе выделил три этапа: 1) с момента выступления Тимура в поход весной 1395 г. из Северного Азербайджана до бегства Токтамыша после решающего

сражения 14–15 апреля 1395 г. [Ртвеладзе 1976: 104], 2) с момента выступления в начале осени 1395 г. Тимура из Азака до его ухода на зимовку в местности Богаз-кум зимой 1395/1396 гг. [Ртвеладзе 1976: 111], 3) поход весной 1396 г. в Дагестан [Ртвеладзе 1976: 121]. А. Е. Криштопа, рассматривая действия войска Тимура после каждого ухода с базы, выделяет с октября 1395 г. по март 1396 г. пять основных рейдов [Криштопа 2007: 170]. А. Е. Криштопа пришел к важным выводам, что «гора Эльбурз», упоминаемая в письменных источниках — это название не какой-то отдельной возвышенности, а горной зоны Большого Кавказа в целом [Криштопа 2007: 169]. По его мнению, сведения источников об армии Тимура относятся «к двум взаимосвязанным ее частям: либо к „обозу“, либо к „войску“; местонахождение обоза определялось его чисто хозяйственной функцией и необходимостью иметь кормовую базу для огромных стад» [Криштопа 2007: 169–170].

Маршруты походов Тамерлана в горные и отчасти равнинные районы Северного Кавказа подробно рассмотрены в работах Э. В. Ртвеладзе [Ртвеладзе 1976], Х. А. Хизриева [Хизриев 1977], А. Е. Криштопы [Криштопа 2007] и И. М. Чеченова [Чеченов 2008; Чеченов 2012].

Принципиально иная локализация походов осени 1395 г. была предложена Е. И. Нарожным [Нарожный 2010: 44–45]. Наметившееся противоречие в предложенной локализации маршрутов походов в горные районы Северного Кавказа в октябре 1395 г. – марте 1396 г. пока далеко от своего разрешения. Нет единства мнений и в вопросе локализации места генерального сражения армий Тамерлана и Токтамыша 14–15 апреля 1395 г. И. М. Чеченов отметил, что в «историографических построе-

ниях, суждениях и выводах их авторов проявляется такое количество расхождений и противоречий, что невозможно представить себе целостную, объективно воссозданную картину нашествия Тимура на Кавказ» [Чеченов 2012: 403].

За время, прошедшее с момента выхода работ Э. В. Ртвеладзе и Х. А. Хизриева, были открыты новые памятники золотоордынской эпохи (Новопавловские могильник и поселение в Кировском городском округе, поселение «Кочубеевское-1» в Кочубеевском муниципальном округе Ставропольского края), занимающие стратегическое положение в Центральном Предкавказье, опубликованы новые переводы письменных источников [Челеби 1979], вышли обобщающие работы по истории крупнейших золотоордынских памятников Северного Кавказа [Кузнецов 2014; Маджар и Нижний... 2015].

В связи с этими обстоятельствами назрела необходимость заново рассмотреть некоторые аспекты пребывания армии Тамерлана в степных и предгорных районах Центрального Предкавказья весной и осенью 1395 г. и зимой 1395/1396 гг. Необходимо по-новому сопоставить сведения археологических и письменных источников и расширить круг письменных источников. В связи с расширением источниковой базы нуждаются в уточнении маршруты похода армии Тамерлана по территории предгорных и степных районов Центрального Предкавказья на всех этапах похода. В статье рассматриваются события первых двух этапов по Э. В. Ртвеладзе и I–V этапов по А. Е. Криштопе, затронувшие равнинные и предгорные районы Центрального Предкавказья в 1395–1396 гг.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследуемой проблемы в основном представлена вещественными (археологическими), письменными и фонетическими (устными) источниками. Вещественные источники представлены культурным слоем городища Маджары, в котором выделена прослойка, связанная с периодом правления в Золотой орде хана Токтамыша и следы разрушения города в конце XIV в., и двумя бытовыми памятниками золотоордынской эпохи — Новопавловским поселением и поселением «Кочубеевское-1» в Ставропольском крае.

Письменные источники представлены трудами арабских (ал-Макризи, Ибн Арабшах, Бадр-ад-Дин ал-Айни), персидских (Низам-ад-дин Шами, Шереф-ад-дин Йезди, Абд-ар-Раззак Самарканди, Мирхонд, Хондемир), западноевропейских (Клавихо, И. Шильтбергер, ватиканские грамоты) авторов и авторов Нового времени (Э. Челеби, А. Фиркович). Из числа перечисленных арабских и персидских авторов в статье анализируются как наиболее информативные по рассматриваемой в статье проблеме сочинения Шами [Тизенгаузен 1941: 104–125], Йезди [Тизенгаузен 1941: 144–189] и Абд-ар-Раззак Самарканди [Тизенгаузен 1941: 181, прим. 1, 183, прим. 2].

Низам-ад-дин Шами является автором единственной прижизненной истории Тамерлана. Предположительно, он сопровождал его в нескольких походах. В 1401–1402 гг. Тамерлан поручил ему привести в порядок официальные документы и написать историю его правления. Источниками его сочинения стали официальные дневники и записи писцов и, возможно, сообщения участников походов [Арсланова 2020: 5–6].

Сочинение Шами оказало влияние на тимуридскую историографию, в том числе на творчество Шереф-ад-дина Йезди. Он служил в канцелярии Тамерлана в качестве историка-летописца. В 1419 г. внук Тамерлана Ибрагим Султан ибн Шахрух поручил ему создать переработанную биографию своего деда. Сочинение Йезди было написано на основе сочинения Шами, хроник и устных сообщений участников походов [Арсланова 2020: 8].

«Книги побед» Шами и Йезди являются основным и весьма ценным источником по истории событий 1395–1396 гг. [Арсланова 2020: 5]. Вероятно, их информаторы были осведомлены о географии Северного Кавказа и событиях 1395–1396 гг. в регионе лучше, чем о событиях в Нижнем и Среднем Поволжье. Оба автора с определенной степенью объективности излагают факты жестокости своего покровителя, но в целом в их трудах создается его идеализированный образ. С учетом специфики их сочинений сведения, относящиеся к Северному Кавказу, могут быть использованы при реконструкции событий в регионе в 1395–1396 гг. Сведения из сочинения Йез-

ди во многих случаях уточняют и дополняют сведения Шами [Арсланова 2020: 8–9].

Важным источником является историческая хроника Абд-ар-Раззака Самарканди «Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей». Отрывки из его сочинения приведены В. Г. Тизенгаузен [Тизенгаузен 1941: 181, прим. 1, 183, прим. 2] и являются ценными дополнением к сведениям Шами и Йезди.

Из западноевропейских авторов особо ценную информацию содержит сочинение баварского дворянина И. Шильтбергера, который провел более 30 лет жизни в плену у различных восточных правителей, включая Тамерлана и его потомков. Его сведения, несмотря на отмеченную многими исследователями недостоверность, содержат более или менее точную информацию. В начале XV в. во время своих скитаний он побывал на Тереке и зафиксировал в своих воспоминаниях название «гористой страны Джулад» [Брун 1867: 31]. Эти упоминания дополняют сведения Шами и Йезди.

Ватиканская грамота 1401 г. приводит по выдержке из работы В. А. Кузнецова [Кузнецов 2002: 134]. Она характеризует положение францисканских миссий в Маджаре и других населенных пунктах.

Фонические (устные) источники были обобщены Э. Челеби [Челеби 1979: 91, 97–102] и А. Фирковичем [Фиркович 1857: 378]. В 1666 г. поездку на Северный Кавказ совершил турецкий путешественник Э. Челеби. Его сочинение включает ряд фантастических сюжетов [Мамаев 1984: 81]. Вместе с ними оно содержит важные сведения о посещении армией Тамерлана долины р. Подкумок в Пятигорье и разрушении двух золотоордынских городов на Среднем Тереке [Челеби 1979: 97–102]. А. Фиркович зафиксировал в 1849 г. предания, относящиеся к крепости Рим-гора в Пятигорье [Фиркович 1857: 378].

В ходе исследования применялись историко-генетический, историко-сравнительный и картографический методы. Учитывая лаконичность сведений персидских авторов, проводилось сопоставление их сведений с современной ландшафтной ситуацией. Картографический метод использовался при реконструкции маршрутов продвижения армии Тамерлана, сопоставимых с коммуникациями Нового времени, зафиксирован-

ными на картах и в текстовых описаниях. В статье привлечены к анализу результаты гляциологических, дендрохронологических и лихенометрических исследований, проводимых в последнее время на ледниках Центрального и Западного Кавказа.

3. События весны 1395 г.

Весной 1395 г. армия Тамерлана вторглась из Ширвана на Северный Кавказ через Дербент. Маршрут вторжения проходил через предгорья Восточного и Центрального Предкавказья. После переправы через реки Самур, Кой / Хой (Койсу / Сулак), Сундж (Сунжа) армия Тамерлана подошла к Терек. Краткая версия событий с обманным маневром при переправе через Терек изложена у Клавихо [Клавихо 1990: 143–144]. У Шами и Йезди есть разногласия в изложении маршрута дальнейшего движения армии Токтамышша по левому берегу Терека.

По сообщению Йезди, переправившись через Терек, армия Тамерлана пошла в «область Джулат, чтобы воины запаслись провизией из тамошних зерновых продуктов» [Тизенгаузен 1941: 175], а армия Токтамышша отступила до реки Курай, где Токтамышша занялся собиранием своего войска [Тизенгаузен 1941: 175].

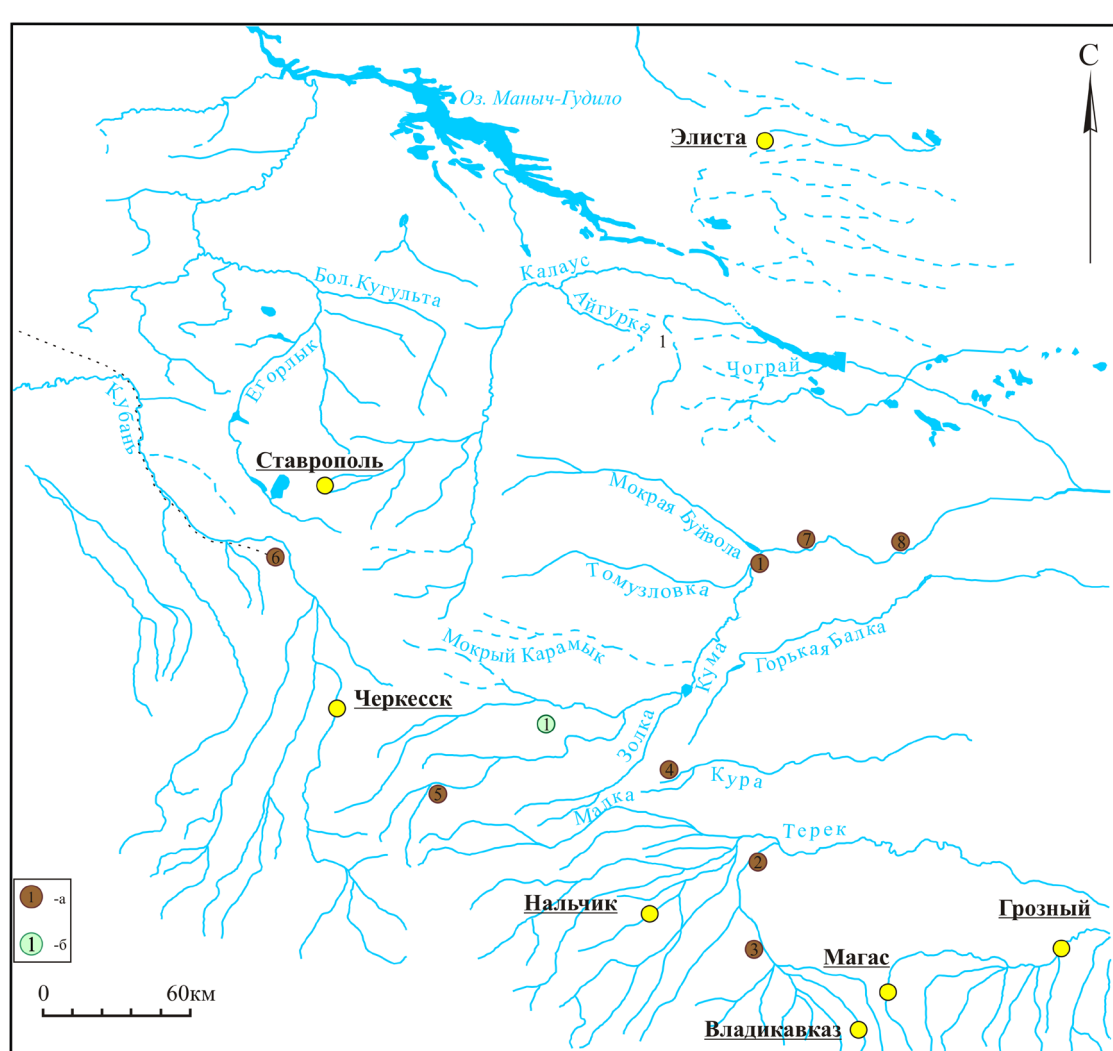
По сведениям Шами, «Тимур перешел через реку Терек. Токтамыш-хан, дойдя до реки Каурай, остановился и собрал войска. Тимур, во второй раз спустившись по берегу реки, отправился к Джулату, дал там войску провиант и устроил (ему) новый порядок. Вдруг пришло известие, что Токтамыш-хан, вторично устроив войско, идет по берегу реки Терек и что на этот раз он решился на бой и намерен сражаться. Тимур повернул обратно и пошел ему навстречу... и на другой день, подойдя к войску врага, стал лагерем» [Тизенгаузен 1941: 119].

Вызывает интерес упоминаемый обоими авторами гидроним Курай / Каурай. Несмотря на разночтения у Шами и Йезди, более правильным следует признать написание «Курай». Именно в такой форме данный гидроним упоминается в сочинении академика И. П. Фалька, описывающем его поездку на Терек в 1773 г. [Полное собрание... 1824: 92]. Это свидетельство не оставляет сомнений в локализации р. Курай / Каурай на месте р. Куры. Эта небольшая по протяженности река протекает в глубо-

кой извилистой долине, являющейся одним из древних русел р. Малки и теряется в песках Прикаспийской низменности. Данной локализации придерживались в своих работах М. Г. Сафаргалиев [Сафаргалиев 1960: 164], Э. В. Ртвеладзе [Ртвеладзе 1976: 107], В. А. Кузнецов [Кузнецов 1992: 346] и И. М. Чеченов [Чеченов 2008: 371].

Вероятно, Токтамыш приводил в порядок свои войска после отступления с Терека на Новопавловском поселении (средневековое название данного населенного пункта неизвестно) или в его окрестностях.

В 1902 г. на восточной окраине современного г. Новопавловска при строительстве железнодорожной линии на территории бывшей Павловской крепости были обнаружены многочисленные фрагменты керамики и «небольшие буддийские божки» [Известия Императорской... 1913: 104]. Крепость возникла на территории Новопавловского поселения и могильника эпохи Золотой Орды (карта 1: 4a). Могильник был частично исследован в 1982 г. Н. А. Охонько [Нарожный, Охонько: 2007].

Карта. 1. Бытовые памятники в Центральном Предкавказье, захваченные армией Тамерлана в 1395 г.: а — города и поселения: 1 — городище Маджары, 2 — Нижний Джулат, 3 — Верхний Джулат, 4 — Новопавловское поселение, 5 — городище Рим-гора, 6 — поселение «Кочубеевское-1», 7 — Первый Маджар, 8 — Нижний Маджар; б — кочевые ставки: 1 — Бишдаг [Map 1. Household sites in Central Ciscaucasia seized by Tamerlane in 1395: a — cities and settlements: 1 — Majar city, 2 — Nizhny Dzhaulat, 3 — Verkhny Dzhaulat, 4 — Novopavlovka settlement, 5 — Rimgora site, 6 — Kochubeevskoe-1, 7 — Pervy Majar, 8 — Nizhny Majar; b — nomadic base camps: 1 — Bishdag]

Новопавловское поселение располагалось на маршруте перекочевок ханских ставков в XIV в. из Маджара по долинам Кумы, ее правого притока р. Золки и в верховья р. Куры на Терек. Здесь также проходил отмеченный В. А. Кузнецовым торговый маршрут от низовьев Волги к Дарьяльскому проходу [Кузнецов 1992: 346]. Возможно, армия Токтамыша пыталась перекрыть Тамерлану дорогу в Пятигорье и Прикумье (Маджар и его округу).

Пока Токтамыш приводил свою армию в порядок, армия Тамерлана разоряла область Джулат. В записках И. Шильтбергера она упомянута как «гористая страна Джулад» [Брун 1867: 31] и как «страна Бештамак (bestan), весьма гористая, с главным городом Джулад» [Брун 1867: 56]. Под названием Бештамак (от тюрк. *беш* 'пять' и *тамак* 'горло, устье') традиционно упоминается урочище в месте последовательного слияния с р. Терека его 5 притоков у ст. Екатериноградской. Несомненно, это крупные реки Черек, Чегем, Баксан и Малка. Возможно, под пятой рекой подразумевалась либо р. Нальчик (приток р. Урвань), упоминаемая И.-А. Гильденштедтом [Гильденштедт 2002: 275], либо р. Урух, упоминаемая П. С. Палласом [Паллас 2010: 270], либо р. Баксанёнок («малая речка Бахсаны», упоминаемая кабардинским послом Саадат-Гереем Солтаналеевым в сообщении в Коллегию иностранных дел [Кабардино-русские 1957: 29]. По данным Ю. Клапрота, урочище образовывали устья рек Малка, Баксан, Чегем и Черек, соединившиеся с Терексом [Клапрот 2008: 192].

В. А. Кузнецов первоначально относил это свидетельство И. Шильтбергера к области Джулат в целом [Кузнецов 1992: 345]. В дальнейшем он соотнес его с городищем Верхний Джулат [Кузнецов 2002: 138], хотя гораздо ближе к урочищу Бештамак расположено городище Нижний Джулат.

И. М. Чеченов аргументированно связывает эти сведения с городищем Нижний Джулат [Чеченов 2008: 370]. На наш взгляд, Шахи упоминает город Джулат, локализуемый на городище Нижний Джулат [Тизенгаузен 1941: 119].

Неясность описания маневров противоборствующих армий в сочинениях Шахи и Йезди предопределила разнообразие версий в историографии. Персидские авторы

не передали описанные выше особенности урочища Бештамак и топографии области Джулат. Поэтому возникает впечатление о нелогичных действиях противников. На наш взгляд, наиболее логичная реконструкция событий предложена И. М. Чеченовым.

По его мнению, после переправы на левый берег Терека близ Сунжи армия Токтамыша и преследовавшая ее армия Тимура быстро продвигались в западном направлении до брода Бештамак. Армия Токтамыша перешла через Малку и продолжила движение в сторону Куры. Армия Тамерлана вернулась по броду в урочище Бештамак на левый берег Терека и стала пополнять запасы продовольствия, отправив отдельные отряды на правобережье Терека, где располагались городище Нижний Джулат и памятники его округи. Тамерлан продолжал контролировать важнейший брод. Из этого пункта его армия выдвинулась к месту решающего сражения [Чеченов 2008: 371]. Таким образом, армии противников сближались друг с другом не по правому берегу Терека, как пишет Шахи [Тизенгаузен 1941: 119], а по левому берегу его крупнейшего притока Малки. Вероятно, до отхода в область Джулат армия Тамерлана начинала преследование армии Токтамыша также по левому берегу р. Малки.

В междуречье Малки и Куры 14–15 апреля 1395 г. состоялось решающее сражение между армиями Тамерлана и Токтамыша. По мнению В. А. Кузнецова, оно произошло в 20–30 км восточнее брода между современными г. Моздок и ст. Курской [Кузнецов 1992: 346]. И. М. Чеченов предполагает, что оно произошло к востоку от канала Малка-Кура у ст. Солдатской и западнее ст. Приближенной в пределах территории между течением р. Малки и районом расположения пос. Комсомольского и с. Пролетарского по линии канала им. Ленина в КБР [Чеченов 2008: 371]. На наш взгляд, сражение произошло на расстоянии одного дневного перехода по дороге от брода Бештамак до Новопавловского поселения, как это следует из сообщения Шахи [Тизенгаузен 1941: 119].

По сведениям Шахи, после победы, одержанной в генеральном сражении, Тамерлан дошел до «местности Каурай» и стал лагерем. Здесь он оставил своего сына Мираншаха вместе с обозом [Тизенгаузен

1941: 121]. Вероятно, обоз остался на Новопавловском поселении. Сам Тамерлан, отправив армию в погоню за Токтамышем в Нижнее Поволжье, дошел до Укека [Тизенгаузен 1941: 121]. Согласно сведениям Эмира Абу Мухаммеда Мустафы ибн Хасана, Токтамыш бежал до Болгара [Миргалеев 2007: 64].

Вероятно, армия Тимура прошла по долине р. Горькой Балки, через Прикумскую возвышенность и Кумо-Манычскую впадину в Волго-Донские степи по маршруту, совпадающему, по мнению Э. В. Ртвеладзе, с так называемой Томской дорогой XIX в. [Ртвеладзе 1976: 111]. Этот маршрут проходил западнее открытых песков в древних дельтах Куры, Сухой Кумы и Кумы. Этим маршрутом в 1263 г. прошла через Центральное Предкавказье на пути в Нижнее Поволжье армия Хулагу [Бабенко 2019: 575–577]. По пути армия Тамерлана могла разорить крупные поселения маджарской округи в Нижнем Прикумье в районе современных сел Бургун-Маджары и Урожайного в Ставропольском крае, первый Маджар по С. Г. Гмелину [Шестаков 1884: 8] и Нижние Маджары по П. С. Палласу (карта 1: 7а, 8а) [Паллас 2010: 249].

Город Маджар (карта 1: 1а) оставался в стороне от маршрута продвижения Тамерлана. Но он упомянут Йезди в общем перечне разоренных Тамерланом городов и местностей [Тизенгаузен 1941: 185].

По предположению Э. В. Ртвеладзе, войска под командованием Мираншаха, остававшиеся после битвы на р. Куре, разорили Маджар, а затем присоединились к армии Тимура где-то на Дону [Ртвеладзе 1972: 161]. Однако у Йезди есть информация о следовании обоза за основными силами, которые совершили походы и их воссоединении недалеко от «страны мрака» [Тизенгаузен 1941: 178]. Из района верховий р. Куры Мираншах вместе с обозом мог пройти к Маджару, но после разорения Маджара он мог также направиться и в Нижнее Поволжье.

По данным Э. В. Ртвеладзе, Маджар пережили разгром, о чем свидетельствуют найденные на памятнике обожженные монеты Токтамышя и следы пожаров [Ртвеладзе 1972: 161]. В ходе раскопок археологической экспедиции «Кафа» в 2015–2017 гг. на городище Маджары в центральной части

торгово-ремесленного квартала был выделен слой II, относящийся к периоду 1380–1390-х гг., к правлению Токтамышя, сильно разрушенный при планировке городища на рубеже 1950–1960-х гг. [Бочаров, Обухов 2022: 112–13].

Подтверждение наблюдениям Э. В. Ртвеладзе на данном участке городища не выявлено. Возможно, сказалось сильное разрушение данного слоя мелиоративными работами. Несмотря на вероятный разгром Маджара в 1395 г. войсками Тамерлана, жизнь в нем не прекратилась. В булле папы Бонифация IX от 1401 г. упоминаются пункты: Comech, Thuma, Tarshu, Dawech, Michaha [Кузнецов 2002: 134]. В. А. Кузнецов пришел к выводу, что под пунктом Comech в документе упомянут Маджар [Кузнецов 2002: 138]. Неясна и судьба других золотоордынских городов Северного Кавказа.

В области Таустан (Малая Кабарда) Э. Челеби упоминает два города, разоренных Тимуром: город Таусултан на берегу реки Бахистан и город Ирак-и Дадиян. Город Таусултан он называет древней столицей этой страны, основанной Хормоздом, сыном Ануширвана [Челеби 1979: 97]. Возможно, что под названием Таусултан путешественник упомянул городище Нижний Джулат (карта 1: 2а). Город Ирак-и Дадиян Э. Челеби посетил, двигаясь три часа по направлению к кыбле после посещения города Таусултан. Описывая город, он говорит в восторженных тонах о восьмиэтажных минаретах и надгробиях на мусульманском кладбище [Челеби 1979: 100–102].

Данный город, несмотря на массу неточностей в описании, принято отождествлять с Верхним Джулатом (карта 1: 3а). Возможно, Э. Челеби был знаком с местными историческими хрониками. В начале XV в. продолжилось функционирование религиозного центра и на городище Верхний Джулат, о чем свидетельствует побывавший здесь в 1410 г. И. Шильтбергер. Он сообщил о большом числе христиан в этой гористой стране и наличии здесь епископства [Брун 1867: 31]. По мнению В. А. Кузнецова, современные представления о степени разрушений, причиненных войсками Тимура золотоордынским городам на Северном Кавказе, преувеличены [Кузнецов 2014: 102].

Согласно периодизации Э. В. Ртвеладзе, этими событиями завершается первый этап

похода Тамерлана на Северный Кавказ, главной целью которого был разгром основных сил Токтамышша на Северном Кавказе, а столкновения с народами Северного Кавказа совершались лишь по ходу движения войска [Ртвеладзе 1976: 111].

4. События осени 1395 г. – зимы 1396 г.

После рейда в Поволжье и Подонье армия Тамерлана осенью 1395 г. возвратилась на Северный Кавказ. На втором этапе похода Тамерлан наносил удары по северокавказским союзникам Токтамышша. По мнению И. М. Чеченова, одной из основных целей дальнейших походов на Северный Кавказ стало междуречье верховьев Кубани, Кумы и Терека, где сформировались три этнополитических объединения: западное (приэльбрусское), центральное (восточно-балкарское) и восточное (дигорское) во главе которых стояли упомянутые в сочинениях Шами и Йезди лидеры Буриберди, Буракан, Кулу, Тауса и Пулад [Чеченов 2012: 403–404]. Но первый удар был нанесен по черкесам. По предположению Э. В. Ртвеладзе, они в качестве союзников Токтамышша участвовали на его стороне в нескольких сражениях, включая сражение 14–15 апреля 1395 г. [Ртвеладзе 1976: 111].

Йезди сообщает, что, выдвинувшись из Азака, армия Тамерлана прошла в течение 7–8 дней через подожженные черкесами луга и, далее, через «много рек и болот, они пришли к Кубани» [Тизенгаузен 1941: 180], откуда Тамерлан направил своих эмиров в поход на черкесов и «настойчиво приказал им, чтобы они поскорее покорили эту область и вернулись обратно» [Тизенгаузен 1941: 180]. Возникает впечатление, что ставка с обозом продвинулись по предгорьям несколько вперед относительно мест проживания черкесов. Возможно, в поисках пастбищ и продовольствия Тамерлан мог продвинуться дальше от сожженных лугов на побережье Азовского моря. Под многочисленными реками из сообщения Йезди можно подразумевать, на наш взгляд, не только реки Ея, Кирпили, Челбас, Бейсуг и протоки кубанской дельты, но и многочисленные левые притоки Кубани (правых притоков в среднем и нижнем течении река почти не имеет).

Э. В. Ртвеладзе, анализируя сообщение Абд-ар-Раззака Самарканди о разорении

эмирами местности от побережья Азовского моря до предгорий Кавказа («левой» и «правой» сторон «тех степей») [Тизенгаузен 1941: 181, прим. 1], предположил, что Тамерлан с обозом ожидал эмиров, не углубляясь в горы [Ртвеладзе 1976: 112]. В источниках нет сведений, откуда Тамерлан отправил эмиров в поход на черкесов. Л. Э. Голубев предполагает, что «базовый лагерь» Тамерлана располагался в нижнем течении Кубани [Голубев 2022: 74].

На наш взгляд, «левая» и «правая» стороны отмеченных Абд-ар-Раззаком Самарканди «степей» могли простирались от Ставропольской возвышенности до Азовского побережья. Тамерлан мог ожидать свое войско на крупном поселении «Кочубеевское-1» в Кочубеевском муниципальном округе Ставропольского края. Оно расположено на левом берегу Кубани, в ее излучине, на границе верхнего и среднего течений реки, в месте традиционного расположения брода (карта 1: 6а) [Бабенко 2013: 19]. Здесь меридиональный характер верхнего течения Кубани сменяется на широтный в начале ее среднего течения; река огибает Ставропольскую возвышенность с юго-запада и с запада. Памятник еще не изучен; он сильно разрушен карьерами. Он занимал сопоставимое по значению с городищем Нижний Джулат место в излучине крупной реки (карта 1: 2а). Пройти по территории Закубанья мимо него было невозможно. Рядом, на Сычевых горах, можно было найти корм для лошадей и других животных из обоза. Отсюда можно было пройти по долинам рек Барсучки и Суркуль в район Пятигорья. Но армия завоевателей направилась в Верхнее Прикубанье против асов.

В описаниях Шами и Йезди нет временного разрыва между возвращением эмиров из похода против черкесов и началом похода против асов Верхнего Прикубанья. Йезди сообщает о возвращении эмиров и церемонии «целования ковра» при встрече с Тамерланом [Тизенгаузен 1941: 181]. У Шами содержатся сведения, что посланные в поход против черкесов эмиры вернулись и встретились с Тимуром. А Тимур, «вознамерившись идти на Бурагана, велел вырубить леса и сделать дорогу» [Тизенгаузен 1941: 122].

Начиная поход против асов Верхнего Прикубанья, Тамерлан «повернул к горе

Эльбурз» и направился на Буриберди и Буракана [Тизенгаузен 1941: 181]. «Вырубив деревья и проложив дорогу, (Тимур) оставил эмира Хаджи Сейф-ад-дина при обозе, а сам с целью джихада взойшел на гору Эльбурз» [Тизенгаузен 1941: 181]. Возможно, в этом фрагменте текста содержится свидетельство поворота армии Тамерлана на юг, вверх по течению Кубани. Указания на продвижение армии Тамерлана в леса Верхнего Прикубанья не исключает ее продвижения к подножию Передового хребта в верховьях Кубани, Теберды или Бол. Зеленчука.

Рассматривая возможные маршруты похода Тамерлана в Верхнее Прикубанье и другие горные районы Северного Кавказа, необходимо учитывать природно-климатические факторы того времени. В условиях наступившего малого ледникового периода в горах Северного Кавказа происходили понижение температур, рост длины ледников и активизация лавинной деятельности в высокогорных и среднегорных районах [Шальнев, Ковалева, Настатуха 2016: 136]. Об этом свидетельствуют материалы изучения ледника Гондарай в верховьях р. Учкулана, одного из истоков р. Кубани. В верховьях Бол. Зеленчука понижение температур к современным данным составляло 2–3°C, количество осадков увеличилось на 20–30 %, население среднегорных долин Бокового и Главного Кавказского хребта покинуло свои поселения [Шальнев, Юрин 2014: 130]. В Приэльбрусье, на леднике Большой Азау в верховьях р. Баксана, а также наблюдается рост длины ледника в XIII–XIV вв., что синхронизируется с аналогичными процессами в Альпах [Соломина и др. 2021: 282, 285].

Учет данного обстоятельства позволит определить в перспективе пределы возможного продвижения армии Тамерлана вверх по горным ущельям и локализацию упоминаемых в письменных источниках местностей и крепостей. Вероятно, климатический фактор был учтен Тамерланом при планировании сроков походов в горные районы Северного Кавказа. В апреле-мае снег мог лежать не только на перевалах, но и на подступах к ним. Учитывая погодные факторы, он торопил эмиров с проведением операции против черкесов в октябре 1395 г.

На наш взгляд, во время «восхождения на гору Эльбурз» обоз мог оставаться либо в районе устья р. Джегуты, либо в месте

слияния Кубани и Теберды. Шами сообщает о пире, устроенном эмиром Хаджи Сейф-ад-дином войску в лагере после возвращения из похода против асов, продолжавшемся несколько дней. После пира войско выступило в поход против Кулу и Тауса [Тизенгаузен 1941: 122]. Йезди сообщает, что, отправившись в поход против крепостей Кулы и Тауса, он оставил свой обоз [Тизенгаузен 1941: 181]. Вероятно, обоз остался в Пятигорье, потому что далее он сообщает о возвращении Тамерлана в Баш-так и его окрестности [Тизенгаузен 1941: 183].

Пробел в сведениях Шами и Йезди о событиях после завершения похода в Верхнее Прикубанье можно объяснить следующими факторами. После завершения похода против асов завоеватели могли перейти в долины Кумы и Подкумка через отроги Пастбищного хребта или перевал Гум-Баши, о чем свидетельствуют источники Нового времени. Э. Челеби зафиксировал предание о посещении Тамерланом долины р. Подкумок и крепости Боргустан на Рим-горе (карта 1: 5а) [Челеби 1979: 91]. По предположению С. Н. Савенко, под «ущельем Боргустана» Э. Челеби следует подразумевать долину р. Эшкакона, узкая теснина которого начинается недалеко от Рим-горы [Афанасьев, Савенко, Коробов 2004: 10].

А. Фиркович в 1849 г. во время посещения Рим-горы зафиксировал предание о взятии армией Тамерлана этой крепости, принадлежавшей «владетельной княгине» Ак-Билек [Фиркович 1857: 378].

Судя по сообщению Йезди, обоз в ходе нового похода вместе с Тамерланом остался на территории Пятигорья, именуемой в средневековых источниках как область Бишдаг (карта 1: 1б). Это было место традиционного расположения летних пастбищ и размещения ставок ханов Золотой Орды в XIV в. Это могли быть либо золотоордынские поселения в окрестностях современных городов Ессентуки и Новопавловск, либо летние пастбища на отрогах Пастбищного хребта к югу от Пятигорья и на всей Минераловодской равнине, которая входила в область Бишдаг [Бабенко 2018: 17].

По сведениям Шами и Йезди, крепости Кулу и Тауса принадлежали «племенам обитателей Эльбурза» [Тизенгаузен 1941: 122, 181]. Создается впечатление, что под горой Эльбурз оба автора подразумевают именно

г. Эльбрус. Э. Челеби упоминает гору Тауса, лежащую в двух часах пути к югу от города Ирак-и Дадиан [Челеби 1979: 100], локализуемого на городище Верхний Джулат. В сочинении Э. Челеби содержится множество неточностей и фантастических сведений [Мамаев 1984: 81], но данный факт нуждается в более пристальном рассмотрении.

Э. В. Ртвеладзе предложил вполне реальный маршрут движения Тамерлана после покорения крепостей Кулу и Тауса через Чегемское и Баксанское ущелья в верховья Малки, откуда проследовал в местность Абаса в верховьях Кумы и Подкумка [Ртвеладзе 1976: 116]. Л. Э. Голубев предполагает, что местность Абаса находилась в верховьях р. Малой Лабы [Голубев 2022: 76–77]. Но он не предложил свой вариант похода армии Тамерлана через перевалы и межгорные котловины в верховья р. Малой Лабы. Вероятно, горные маршруты из верховьев Малки через районы Теберды и Архыза в условиях менявшегося климата были труднодоступны.

Армия Тамерлана могла возвратиться из местности Абаса через долину Подкумка. Йезди сообщает о возвращении в 1395 г. армии Тимура после покорения крепостей Кулу и Тауса и похода в местность Абаса в местность Баш-так и ее окрестности [Тизенгаузен 1941: 182–183].

У Шами содержится информация, что по возвращении из местности Абаса «он повернул обратно, прибыл к обозу и стал лагерем, а все войско остановилось среди Беш-тага» [Тизенгаузен 1941: 123]. В примечаниях к сочинению Йезди В. Г. Тизенгаузен приводит отрывок из сочинения Абд-ар-Раззака Самарканди, уточняющий место прихода к Тимуру сына правителя области Симсим — «равнина Бешдак» [Тизенгаузен 1941: 183, прим. 2].

Завершив походы на Западный и Центральный Кавказ, армия Тамерлана стала продвигаться на северо-восток от Минераловодской равнины. После похода в область Симсим, отождествляемой с одной из областей в Чечне, армия направилась в область Бешкент. Эта область находилась на пути к областям Чудур-Казак (Чутур-Казак) и Бугаз-кум. Предложенное Х. А. Хизриевым отождествление областей Бишдаг и Бешкент [Хизриев 1977: 152] не соответствует

этимологии данных названий и контексту источников.

А. Е. Криштопа локализует область Бешкент вблизи Андийской котловины и Наха-Хиндальской долины [Криштопа 2007: 174]. Э. В. Ртвеладзе локализует ее в землях кумыков, опираясь на этимологию этого названия [Ртвеладзе 1976: 119–120]. Этимология названия «Бешкент» может быть реконструирована как «пять городов» (*беш* ‘пять’, *кент* ‘город, селение’). Эта область могла располагаться в предгорьях Северного Кавказа на удалении от Пятигорья. Еще один вариант локализации данной области — долина Сунжи или Терско-Сулакское междуречье, где известны несколько поселений золотоордынского времени [Гамзатов 1982: 231–234].

Далее армия завоевателя проследовала в область Чудур-Казак (Чутур-Казак). Э. В. Ртвеладзе помещает эту область в северо-восточной Аварии [Ртвеладзе 1976: 120]. Согласно предположению Х. А. Хизриева, под наименованием Чутур-Казак (область палаточных казаков) в сочинении Йезди упоминается территория Ставропольской возвышенности [Хизриев 1977: 152–153], которое нуждается в дополнительном обосновании. По его мнению, этот поход выпадает «из цепи северокавказских горных походов»; также основанием для такого предположения служит направление войск на зимовку в местность Бугаз-кум¹ [Хизриев 1977: 153].

В то же время, учитывая рельеф восточных склонов Ставропольской возвышенности, представляющих собой слабо расчлененные водоразделы речных долин и балок, их трудно назвать горами в буквальном смысле. Возвышенные участки расположены в западных, южных и центральных районах возвышенности. Маловероятно, что армия Тамерлана могла специально пройти туда, отклонившись от общего направления на север Предкавказья. Вопрос локализации областей Бешкент и Чудур-казак (Чутур-казак) остается открытым.

Вероятно, Тамерлан отправился в походы в области Бешкент и Чудур-Казак (Чутур-казак) вместе с обозом, что свидетельствует как об их удаленности от Пяти-

¹ Разнотение в написании названий у Шами, Йезди и Самарканди.

горя, так и иных обстоятельствах. Согласно Шами, армия Тимура, покорив область Бешкенд и разорив область Чудур-Казак (Чутур-казак), провела зиму 1395/1396 гг. перед походом против нижневолжских городов Золотой Орды в местности Бугаз-кум [Тизенгаузен 1941: 123]. Йезди называет эту местность зимовьем [Тизенгаузен 1941: 184]; туда Тимур вернулся из похода на Нижнюю Волгу и оттуда им был совершен поход в район Дербенда. По предположению А. Е. Криштопы, эта местность располагалась в Бажиганских песках [Криштопа 2007: 174].

На наш взгляд, данная местность может быть локализована на территории Кумо-Манычской впадины, являющейся зоной преимущественного расположения зимних пастбищ кочевников эпохи позднего средневековья и Нового времени на территории Центрального Предкавказья [Бабенко 2019: 574–575]. Долина Кумы почти сплошь была покрыта камышом, в дождливые сезоны камыш вырастал также в долинах Калауса и Восточного Маныча. В долине Кумы, в камышовых зарослях в зимнее время укрывался скот [Курбанов 1995: 87–88; Костенков 1868: 99]. Очевидно, что в золотоордынскую эпоху эти территории были не менее привлекательными для ведения кочевого хозяйства. Пребывание на территории Кумо-Манычской впадины завершает историю походов Тамерлана на территорию Центрального Предкавказья.

Походы на Северный Кавказ заняли значительную часть всего времени, отведенного Тамерланом на поход против

Золотой Орды [Ртвеладзе 1976: 123], что свидетельствует о важности региона для золотоордынского государства. По мнению В. А. Кузнецова, события 1395 г., как и 1239 г., коренным образом изменили этническую карту Северного Кавказа [Кузнецов 1992: 348]. Последствиями этих походов для территории Дагестана явились изменение конфессионального состава населения в пользу мусульман, ослабление позиций православия, искоренение католицизма среди части населения и ускорение феодализации [Криштопа 2007: 182–190].

5. Заключение

Рассмотренные материалы свидетельствуют, что в 1395–1396 гг. Тамерлан действовал по определенному плану, учитывавшему природно-климатические особенности степных и горных районов Северного Кавказа. Несомненно, при подготовке к кампании 1395 г. Тамерлан учитывал сезонный цикл скотоводов Центрального Предкавказья и был осведомлен о местах преимущественного расположения летних и зимних пастбищ в регионе. Тамерлан планировал направления и сроки походов в 1395 г. с учетом данных факторов. Его армия вела боевые действия, опираясь на ресурсы Центрального Предкавказья — продовольствие области Джулат, летние пастбища области Бишдаг и зимние пастбища Кумо-Манычской впадины. Разоряя правое крыло Улуса Джучи, Тимур эксплуатировал ресурсы, использовавшиеся до этого золотоордынскими ханами. Несомненно, что поставленные перед началом походов цели были достигнуты.

Литература

- Арсланова 2020 — Арсланова А. А. Из истории изучения персоязычных историков тимуридского периода: Низам ад-Дина Шами («Зафар-нама») и Шараф ад-Дина «Али Йазди» («Зафар-нама», «Мукаддима») // Средневековые тюрко-татарские государства. 2020. № 12. С. 5–11.
- Афанасьев, Савенко, Коробов 2004 — Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир, 2004. 240 с.
- Бабенко 2013 — Бабенко В. А. Древности эпохи Золотой Орды на территории Верхнего Прикубанья // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: мат-лы конф. (г. Новороссийск, 29 сентября – 4 октября 2013 г.) / отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 18–21.
- Бабенко 2018 — Бабенко В. А. Локализация области Бишдаг в Центральном Предкавказье по данным письменных и археологических источников // Археология Евразийских степей. 2018. № 4 (Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвящ. памяти Г. А. Федорова-Давыдова (г. Ставрополь, с. Прасковеев, 20–25 сентября 2018 г.) / гл. ред. А. Г. Ситдинов). С. 16–20.
- Бабенко 2019 — Бабенко В. А. Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста (Ставропольская губерния, 1890 г.) и выделение

- золотоордынских владений в Центральном Предкавказье // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Памяти Г. А. Федорова-Давыдова (Сер. «Археологические источники Восточной Европы») / под ред. С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова. Казань; Кишинев: Stratum plus, Ун-т «Высшая антропологическая школа», 2019. С. 569–584.
- Бочаров, Обухов 2022 — *Бочаров С. Г., Обухов Ю. Д.* Стратиграфия золотоордынского города Маджар. Первые наблюдения // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 110–118. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.4.110.118
- Брун 1867 — *Брун Ф. К.* Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1426 год // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 1. Вып. 1. Одесса: Имп. Новоросс. ун-т, 1867. 156 с.
- Гамзатов 1982 — *Гамзатов Г. Г.* Памятники позднесредневекового времени на территории Терско-Сулакского междуречья // Советская археология. 1982. № 3. С. 231–235.
- Голубев 2022 — *Голубев Л. Э.* Локальный поход Тимура в местность Абаса в 1395 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. Вып. 2(299). С. 72–79. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-2-299-72-79
- Известия Императорской... 1913 — Известия Императорской археологической комиссии. Приб. к вып. 50. СПб.: Тип. Гл. управления уделов. 1913. 163 с.
- Гильденштедт 2002 — *Гильденштедт И. А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / пер. Т. К. Шафрановской; ред. Ю. Ю. Карпов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 512 с.
- Греков, Якубовский 1950 — *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: АН СССР, 1950. 479 с.
- Кабардино-русские 1957 — Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: в 2 тт. Т. 2. / сост. В. М. Букалова. М.: АН СССР, 1957. 424 с.
- Клапрот 2008 — *Клапрот Ю.* Описание поездки по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах / пер. с англ.: К. А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 318 с.
- Костенков 1868 — *Костенков К. И.* Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи // Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.: Изд. Мин-ва гос. имуществ. 1868. С. 1–77.
- Клавихо 1990 — *Клавихо, Руи Гонсалес де.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1496) / пер. со староиспан., предисл. и коммент. И. С. Мироковой. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 211 с.
- Криштопа 2007 — *Криштопа А. Е.* Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. М.: Таус, 2007. 228 с.: илл.
- Кузнецов 1992 — *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. 2-е изд., доп. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.
- Кузнецов 2002 — *Кузнецов В. А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ: Ир, 2002. 159 с.
- Кузнецов 2014 — *Кузнецов В. А.* Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ РАН, 2014. 160 с.
- Курбанов 1995 — *Курбанов А. В.* Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 240 с.: ил.
- Маджар и Нижний... 2015 — Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа / авт. науч. проекта Э. Д. Зиливинская. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 184 с.
- Мамаев 1984 — *Мамаев Х. М.* Из истории изучения средневековых городов Центрального Кавказа // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии / отв. ред. В. Б. Виноградов, М. Б. Мужухоев. Грозный: ЧИИИСФ, 1984. С. 79–94.
- Миргалеев 2003 — *Миргалеев И. М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
- Миргалеев 2007 — *Миргалеев И. М.* Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 108 с.
- Нарожный 2010 — *Нарожный Е. И.* Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2010. 59 с.
- Нарожный, Охонько 2007 — *Нарожный Е. И., Охонько Н. А.* Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей (Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 7). Армавир; Ставрополь: АГПУ, 2007. 173 с.
- Паллас 2010 — *Паллас П. С.* Заметки о путешествии в южные наместничества Российского

- государства в 1793–1794 годах / пер. с англ. В. М. Аталикова // Европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. М. Аталиков. Проект Марии и Виктора Котляровых Кавказ. Вып. III. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2010. 304 с.
- Полное собрание... 1824 — Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук, по предложению ее президента. Т. 6: Записки путешествия академика Фалька. СПб.: Имп. акад. наук, 1824. 546 с.
- Ртвеладзе 1972 — Ртвеладзе Э. В. К истории города Маджар // Советская археология. 1972. № 3. С. 149–163.
- Ртвеладзе 1976 — Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV / отв. ред. В. Б. Виноградов Грозный: ЧИИИСФ, 1976. С. 103–128.
- Сафаргалиев 1960 — Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // Ученые записки Мордовского государственного университета. Вып. XI. Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1960. 276 с.
- Соломина и др. 2021 — Соломина И. Н., Бушueva И. С., Володичева И. А., Долгова Е. А. Возраст морен ледника Большой Азау в верховьях долины реки Баксан по дендрохронологическим данным // Лёд и Снег. 2021. Т. 61. № 2. С. 271–290. DOI: 10.31857/s2076673421020088
- Тизенгаузен 1941 — Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенom и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / отв. ред. П. П. Иванов. М.; Л.: АН СССР, 1941. 308 с.
- Хизриев 1977 — Хизриев Х. А. Из истории борьбы народов Чечено-Ингушетии и Ставрополя против Тимура // Вопросы истории Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Т. XI. Грозный: ЧИИИСФ, 1977. С. 152–157.
- Фиркович 1857 — Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского русского археологического общества. Том IX. Вып. 2. 1857. СПб.: Экспедиции заготовления государственных бумаг, Имп. акад. наук, 1857. С. 371–405.
- Челеби 1979 — Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков, прим. и комм. А. П. Григорьева и А. Д. Желтякова (Памятники литературы народов Востока, VI). М.: Наука, ГРВЛ, 1979. 286 с.
- Чеченов 2008 — Чеченов И. М. Вопросы локализации места генерального сражения между войсками Тимура и Тохтамыша в апреле 1395 г. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докл. междунар. науч. конф. (г. Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г.) / отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. С. 367–371.
- Чеченов 2012 — Чеченов И. М. К истории вторжения войск Тимура в междуречье верховьев Кубани и Терека осенью 1395 г. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.) / отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 403–405.
- Шальнев, Юрин 2014 — Шальнев В. А., Юрин Д. В. Древние оледенения и палеогляциальный рельеф Архыза // Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 3. С. 127–136.
- Шальнев, Ковалева, Настатуха 2016 — Шальнев В. А., Ковалева Т. Г., Настатуха Д. С. Древние оледенения и трансформация высотной поясности среднегорных и высокогорных ландшафтов Западного Кавказа (на примере долины Гондарай) // Наука. Инновации. Технологии. 2016. № 1. С. 133–146.
- Шестаков 1884 — Шестаков П. Д. Напоминание о древнем городе Маджаре (читано на заседании 31 июля. См. протокол. Стр. XXXII) // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 1 / пред. ред. ком. Н. Булич. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1884. С. 1–16.

References

- Afanasyev G. E., Savenko S. N., Korobov D. S. Antiquities of Kislovodsk Depression. Moscow: Nauchnyi Mir, 2004. 240 p. (In Russ.)
- Arslanova A. A. From the history of study of Persian-speaking historians of the Timurid period: Nizam al-Din Shami ("Zafar-Nama") and Sharaf al-Din 'Ali Yazdi ("Zafar-Nama"),

- “Mukkaddima”). *Medieval Turkic-Tatar States*. 2020. Vol. 12. Pp. 5–11. (In Russ.)
- Babenko V. A. Antiquities from the Golden Horde era in the Upper Kuban. In: Marchenko I. I. (ed.) Sixth Kuban International Archaeological Conference (Novorossiysk, 29 September – 4 October 2013). Krasnodar: Ecoinvest, 2013. Pp. 18–21. (In Russ.)
- Babenko V. A. Localization of Bishdag area in the Central Ciscaucasia according to written and archaeological sources. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*. 2018. No. 4. Pp. 16–20. (In Russ.)
- Babenko V. A. Localization of the Gashun-Ustastov complex (Stavropol Province, 1890) and distinction of the Golden Horde possessions in Central Ciscaucasia. In: Bocharov S. G., Sitdikov A. G. (eds.) The Genoese Gazaria and the Golden Horde. Vol. 2: In Memory of German Fyodorov-Davydov. Kazan, Kishinev: Stratum Plus, High Anthropological School, 2019. Pp. 569–584. (In Russ.)
- Bocharov S. G., Obukhov Yu. D. Stratigraphy of the Golden Hoard town of Madzhar. First observations. *Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*. 2022. No. 4. Pp. 110–118. (In Russ.) DOI: 10.24852/2587-6112.2022.4.110.118
- Bruun Ph. J. Travels of Johannes Schiltberger in Europe, Asia and Africa: From 1394 to 1426. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta*. 1867. Vol. 1. No. 1. 156 p. (In Russ.)
- Bukalova V. M. (comp.) Kabardian-Russian Relations: 16th–18th Centuries. Documents and materials. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1957. 424 p. (In Russ.)
- Çelebi E. The Book of Travels: Selections from the 17th-Century Turkish Traveler's Writings. Vol. 2: Lands of the North Caucasus, Volga and Don. A. Zheltyakov (comp., ed.), etc. (Literary Monuments of the Orient 6). Moscow: Nauka — GRVL, 1979. 286 p. (In Russ.)
- Chechenov I. M. Localizing the April 1395 battle between the armies of Timur and Tokhtamysh. In: Tuallagov A. A. (ed.) Civilizational Processes in Archaeological Cultures of the North Caucasus and Neighboring Territories. Jubilee conference proceedings (Vladikavkaz, 21–25 April 2008). Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanities and Social Research, 2008. Pp. 367–371. (In Russ.)
- Chechenov I. M. Timur's invasion of the Kuban and Terek basins in the autumn of 1395. In: Gadzhiev M. S. (ed.) Latest Discoveries in the Archaeology of the North Caucasus: Investigations and Interpretations. Conference proceedings (Makhachkala, 23–28 April 2012). Makhachkala: Mavraev, 2012. Pp. 403–405. (In Russ.)
- Clavijo R. G. de. Narrative of the Embassy of Ruy Gonzalez de Clavijo to the Court of Timour at Samarcand AD 1403-6. I. Mirokova (transl., foreword, comment.). Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 211 p. (In Russ.)
- Complete Scholarly Travels through Russia: Published by the Imperial Academy of Sciences. Vol. 6: Travel Notes by Acad. [Johan Peter] Falck. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1824. 546 p. (In Russ.)
- Firkovich A. Archaeological surveys in the Caucasus. *Zapiski Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1857. Vol. IX. No. 2. Pp. 371–405. (In Russ.)
- Gamzatov G. G. Late medieval sites of the Terek-Sulak area. *Sovetskaya arkheologiya*. 1982. No. 3. Pp. 231–235. (In Russ.)
- Golubev L. E. Timur's local campaign to the Abas area in 1395. *Bulletin of Adyghe State University. Series «Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies»*. 2022. No. 2 (299). Pp. 72–79. (In Russ.) DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-2-299-72-79
- Grekov B. D., Yakubovsky A. Yu. The Golden Horde and Its Collapse. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 479 p. (In Russ.)
- Güldenstädt J. A. Travels in the Caucasus: 1770–1773. T. Shafranovskaya (transl.), Yu. Karpov (ed.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 512 p. (In Russ.)
- Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii*. 1913. No. 50 (suppl.). 163 p. (In Russ.)
- Khizriev Kh. A. The struggle of peoples inhabiting Checheno-Ingushetia and Stavropol against Timur. In: Issues of Checheno-Ingushetia's History (Pre-Revolutionary Period). Vol. 11. Grozny: Checheno-Ingush Institute of History, Sociology and Philology, 1977. Pp. 125–141. (In Russ.)
- Klaproth J. H. Travels in the Caucasus and Georgia: Performed in the Years 1807 and 1808. K. Malbakhov (transl.). Nalchik: El-Fa, 2008. 318 p. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. Kalmyk Steppe: Statistical and economic descriptions. In: Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate according to Investigations of the Kuma-Manych Expedition. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1868. Pp. 1–77. (In Russ.)

- Krishtopa A. E. Dagestan, 13th to Early 15th Centuries: An Essay on Political History. Moscow: Taus, 2007. 228 p. (In Russ.)
- Kurbanov A. V. Stavropol Turkmens: Historical and Ethnographic Essays. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1995. 240 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. Christianity in the North Caucasus before the 15th Century. Vladikavkaz: Ir, 2002. 159 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. Essays on Alan History. 2nd ed., suppl. Vladikavkaz: Ir, 1992. 392 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. Verkhny Dzhulat (Tatartup): History of Golden Horde Cities in the North Caucasus Revisited. Nalchik: Kabardino-Balkarian Humanities Research Institute (RAS), 2014. 160 p. (In Russ.)
- Mamaev Kh. M. Medieval cities in the Central Caucasus: History of research revisited. In: Vinogradov V. B., Muzhukhoev M. B. (eds.) Settlements and Dwellings of Checheno-Ingushetia's Peoples. Grozny: Checheno-Ingush Institute of History, Sociology and Philology, 1984. Pp. 79–94. (In Russ.)
- Mirgaleev I. M. Political History of the Golden Horde under Khan Tokhtamysh. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russ.)
- Mirgaleev I. M. Wars between the Golden Horde and Tamerlane's Empire: Historical Materials. Kazan: Märcani Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2007. 108 p. (In Russ.)
- Narozhny E. I. North Caucasus, 13th–15th Centuries: Issues of Political History and Ethnocultural Interaction. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Vladikavkaz, 2010. 59 p. (In Russ.)
- Narozhny E. I., Okhonko N. A. Novopavlovka Burial Ground (14th Century AD) in the System of Eurasian Antiquities (Materials and Studies in the Archaeology of the North Caucasus 7). Armavir, Stavropol: Armavir State Pedagogical University, 2007. 173 p. (In Russ.)
- Pallas P. S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in 1793 and 1794. V. Atalikov (transl.). In: Atalikov V. M. (comp.) European Travelers' Notes: 13th–18th Centuries (The Caucasus Project 3). Nalchik: M. & V. Kotlyarov, 2010. 304 p. (In Russ.)
- Rtveladze E. V. City of Majar: History revisited. *Sovetskaya arkheologiya*. 1972. No. 3. Pp. 149–163. (In Russ.)
- Rtveladze E. V. Timur's campaign in the North Caucasus. In: Vinogradov V. B. (ed.) Archaeology and Ethnography: Collected Works. Vol. 4. Grozny: Checheno-Ingush Institute of History, Sociology and Philology, 1976. Pp. 103–128. (In Russ.)
- Safargaliev M. G. Dissolution of the Golden Horde. *Uchenye zapiski Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1960. Vol. XI. 276 p. (In Russ.)
- Shalnev V. A., Kovaleva T. G., Nastatukha D. S. Ancient glaciation and transformation of altitudinal zones of medium and high mountain landscapes of Western Caucasus (For example, Gondaray Valley). *Science. Innovations. Technologies*. 2016. No. 1. Pp. 133–146. (In Russ.)
- Shalnev V. A., Yurin D. V. Ancient glaciation and paleoglyatsialny relief of Arkhyz. *Science. Innovations. Technologies*. 2014. No. 3. Pp. 127–136. (In Russ.)
- Shestakov P. D. Reminiscences of the ancient city of Majar: [Report] delivered at the [Congress] meeting on 31 July [1877]. P. XXXII. In: Bulich N. (ed.) Transactions of the Fourth Archaeological Congress of Russia (Kazan, 31 July – 18 August 1877). Vol. 1. Kazan: Imperial Kazan University, 1884. Pp. 1–16. (In Russ.)
- Solomina I. N., Bushueva I. S., Volodicheva I. A., Dolgova E. A. Age of moraines of the Bolshoy Azau Glacier in the upper course of the Baksan River valley according to dendrochronological data. *Ice and Snow*. 2021. Vol. 61. No. 2. Pp. 271–290. (In Russ.) DOI: 10.31857/s2076673421020088
- Tiesenhhausen E. W. von. History of the Golden Horde: Collected Materials. Vol. 2: Extracts from Persian Writings Collected by E. W. von Tiesenhhausen, Revised by A. A. Romaskevich and S. L. Volin. P. Ivanov (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 308 p. (In Russ.)
- Zilivinskaya E. D. Majar and Nizhny Dzhulat: History of Golden Horde Cities in the North Caucasus Revisited. Nalchik: Kabardino-Balkarian Humanities Research Institute, 2015. 184 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 2, pp. 268–280, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(510).07

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-268-280

Кяхтинская железная дорога: геоэкономический проект Российской империи с целью развития торговых отношений с Китаем и Монголией

Ильдар Рашидович Хамзин¹, Рустам Талгатович Ганиев², Антон Владимирович Кочнев³

¹ Уральский федеральный университет (д. 19, ул. Мира, 620002 Екатеринбург, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-4967-0705. E-mail: [Ildar.hamzin1991\[at\]mail.ru](mailto:Ildar.hamzin1991[at]mail.ru)

² Уральский федеральный университет (д. 19, ул. Мира, 620002 Екатеринбург, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0003-4568-7179. E-mail: [rusthist\[at\]yandex.ru](mailto:rusthist[at]yandex.ru)

³ Уральский федеральный университет (д. 19, ул. Мира, 620002 Екатеринбург, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-6831-6947. E-mail: [a.kochnev.usu\[at\]gmail.com](mailto:a.kochnev.usu[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Хамзин И. Р., Ганиев Р. Т., Кочнев А. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В конце XIX – начале XX в. одним из приоритетных направлений азиатской политики Российской империи становится создание торгово-транспортного сообщения со странами Востока. Транссибирская магистраль, Китайско-Восточная железная дорога и Южно-Маньчжурская железная дорога стали наиболее известными воплощениями этих идей. На этом фоне намного менее известным и изученным остается проект Кяхтинской железной дороги, предполагавший соединение Транссибирской магистрали со слободой Кяхта с дальнейшим продлением железной дороги на территорию Монголии. *Цель* исследования — провести анализ развития идеи создания Кяхтинской железной дороги в конце XIX – начале XX в. и выявить основные особенности этого проекта в связи с его геоэкономическими и геополитическими задачами. *Материалы и методы.* Исследование проведено на основе малоизученных материалов Российского государственного исторического архива. В основе методологии исследования лежит системно-исторический подход, позволивший изучить развитие проекта Кяхтинской железной дороги неотрывно от политической и экономической конъюнктуры азиатской политики Российской империи в начале XX в. *Результаты.* На основе привлека-

емых источников авторам удалось реконструировать процесс развития проекта Кяхтинской железной дороги. Первые инициативы по сооружению железнодорожной линии от Кяхты до северных границ Китая появились в начале XX в. на фоне плана китайских властей построить железнодорожную ветку Пекин – Калган. Правительственный интерес к изучаемому проекту прослеживается в период после Русско-японской войны 1904–1905 гг. В качестве полноценной концепции проект был представлен в специальной записке, подготовленной представителями кяхтинского купечества в 1910 г. Решение о строительстве Кяхтинской железной дороги было принято в 1913 г., но начало Первой мировой войны отложило реализацию проекта на неопределенный срок. В статье изучается каждый из этапов развития кяхтинского железнодорожного проекта с акцентом на его геоэкономических и геополитических задачах. Выявлено, что проект Кяхтинской железной дороги виделся как способ решения текущих проблем русско-китайской и русско-монгольской торговли, стимулирования экономики Восточной Сибири, реализации транзитного потенциала России и укрепления российского геополитического влияния на территории Монголии. **Выводы.** В результате проведенного исследования показан системный и многофакторный характер проекта Кяхтинской железной дороги, ее место в общей геоэкономической стратегии Российской империи.

Ключевые слова: Кяхтинская железная дорога, русско-китайская торговля, русско-монгольская торговля, Кяхта, КВЖД, транзит

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Система торговых отношений России и Китая во второй половине XIX – начале XX в.» (№ 22-78-00050).

Для цитирования: Хамзин И. Р., Ганиев Р. Т., Кочнев А. В. Кяхтинская железная дорога: геоэкономический проект Российской империи с целью развития торговых связей с Китаем и Монголией // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 268–280. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-268-280

The Kyakhta Railway: A Geoeconomic Project of the Russian Empire Aimed at Developing Trade Relations with China and Mongolia

Ildar R. Hamzin¹, Rustam T. Ganiev², Anton V. Kochnev³

¹ Ural Federal University (19, Mira St., 620002 Yekaterinburg, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-4967-0705. E-mail: Ildar.hamzin1991[at]mail.ru

² Ural Federal University (19, Mira St., 620002 Yekaterinburg, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-4568-7179. E-mail: rusthist[at]yandex.ru

³ Ural Federal University (19, Mira St., 620002 Yekaterinburg, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-6831-6947. E-mail: a.kochnev.usu[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Hamzin I. R., Ganiev R. T., Kochnev A. V., 2023

Abstract. Introduction. In the late 19th and early 20th centuries, Imperial Russia tended to prioritize the creation of trade and transport communications with countries of the East, which was vividly manifested in a number of projects, such as the Trans-Siberian Railway, Chinese Eastern Railway, and South Manchuria Railway. In this regard, not that widely known remains the Kyakhta Railway project, which implied a construction of a railway line from the Trans-Siberian Railway to Kyakhta with subsequent access to the territory of Mongolia. **Goals.** The paper attempts an analysis of how the concept of the Kyakhta Railway was evolutionizing throughout the late 19th and early 20th centuries, and seeks to reveal some key features arising from the latter's geoeconomic and geopolitical

objectives. *Materials and methods.* The work involves understudied materials stored at the Russian State Historical Archive, and methodologically rests on a systemic historical approach that secures insights into the development of the project from the perspectives of Imperial Russia's political and economic interests and opportunities across Asia at the turn of the 20th century. *Results.* The conducted analysis of documents shows how the Kyakhta Railway project was actually developing. So, the earliest initiatives to build a railway line from Kyakhta to China's northern borders were announced at the beginning of the 20th century, after Chinese authorities decided to lay a Beijing–Kalgan railway line. The Government was showing interest in the project under study in the direct aftermath the Russo-Japanese War of 1904–1905. And the project's complete concept was introduced in a special note prepared by Kyakhta-based merchants in 1910 — to be finally approved in 1913. However, the outbreak of WWI postponed its implementation indefinitely. The article examines each stage in the shaping of the Kyakhta Railway project with emphases be laid on its geoeconomic and geopolitical objectives. The paper shows the project was viewed as a means to solve the then problems of Russian-Chinese and Russian-Mongolian trade, stimulate Eastern Siberia's economy, fulfill transit potentials of Russia, and strengthen our geopolitical influence in the territory of Mongolia. *Conclusions.* The work attests to the Kyakhta Railway project was systemic and multifactorial by nature, illustrates its essential place in the overall geoeconomic strategies of the Russian Empire.

Keywords: Russian-Chinese trade, Russian-Mongolian trade, Kyakhta, geoeconomics, transit

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 22-78-00050 'The System of Trade Relations between Russia and China: Mid-19th to Early 20th Centuries'.

For citation: Hamzin I. R., Ganiev R. T., Kochnev A. V. The Kyakhta Railway: A Geoeconomic Project of the Russian Empire Aimed at Developing Trade Relations with China and Mongolia. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 268–280. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-268-280

1. Введение

В конце XIX в. Китай ускорено интегрировался в мировую капиталистическую систему в виде его периферийного придатка. Одним из факторов подобной периферизации стало предоставление Пекином другим государствам концессий на строительство железных дорог на китайской территории. Концессии не только выступали каналом получения прибыли для иностранцев, но также играли большую геополитическую роль: постройка инфраструктуры де-факто означало включение того или иного региона цинской империи в орбиту влияния страны, получившей концессию [Непомнин 1980: 60–79; Салогуб 2016: 16]. Таким образом, Китай на рубеже XIX–XX вв. оказался разделенным на сферы влияния между Россией, Англией, Германией, Францией, США и Японией. Кульминацией борьбы между Российской и Британской империями за железнодорожные концессии в Китае стало соглашение 1899 г., согласно которому Англия обязывалась не претендовать на концессии севернее Пекина, а Россия дала аналогичное обещание относительно регио-

на долины р. Янцзы [Huenemann 1984: 57; Лукоянов 2008: 340–341].

В итоге в начале XX в. Маньчжурия и Монголия были практически признаны сферой интересов России [Международные отношения 1951: 107–108; Чимитдоржиев 1987: 126–128]. Заметим, что для Санкт-Петербурга получение права на строительство и эксплуатацию железных дорог подразумевало не только политические и инвестиционные перспективы. Россия преследовала цель создания торгово-транзитного пространства на своих дальневосточных окраинах, что предопределило строительство Китайско-Восточной железной дороги (далее — КВЖД) и Южно-Маньчжурской железной дороги (далее — ЮМЖД) в качестве продолжения Транссибирской магистрали на территории Маньчжурии.

Таким образом, в начале XX в. обозначились основные контуры новой азиатской геоэкономической политики Российской империи. Это необходимость создания транспортной инфраструктуры, которая обеспечивала бы устойчивые товаропотоки между российской территорией и близлежащими

азиатскими рынками, в частности с Монголией, Маньчжурией и северными провинциями Китая. В рамках этого тренда на рубеже XIX–XX вв. появилась идея соединить железнодорожным сообщением Транссибирскую магистраль со слободой Кяхта — историческим центром торговых связей России с Монголией и Китаем. В источниках и литературе за данным проектом закрепилось название Кяхтинской железной дороги. На протяжении своей истории Кяхтинский железнодорожный проект всегда предполагал продолжение железнодорожного пути на монгольской территории, поэтому вполне справедливо рассматривать Кяхтинскую железную дорогу как инструмент концессионной политики Российской империи в империи Цин, а с 1912 г. — на территории независимой Монголии.

Цель исследования — провести анализ развития идеи создания Кяхтинской железной дороги в конце XIX — начале XX в. и выявить основные особенности этого проекта в связи с его геоэкономическими и геополитическими задачами.

Обратим внимание, что в научной литературе вопрос о Кяхтинской железной дороге поднимался ранее [Лузянин 2003: 47; Курас 2009: 101; Старцев 2015: 171]. Из последних работ стоит отметить статьи В. Г. Третьякова, который, изучая проект железной дороги Мысовая — Кяхта, справедливо указывает на значимость частной инициативы в экономической истории России [Третьяков 2018: 163]. В другом исследовании этого автора подробно изучена история развития российских железнодорожных проектов в Монголии в дореволюционный период [Третьяков 2014].

В статье Л. В. Кальминой и А. М. Плехановой Кяхтинская железная дорога изучается в контексте истории Трансмонгольской железной дороги [Кальмина, Плеханова 2017]. Авторы указали на то, что основные инженерно-технические разработки, легшие в основу Трансмонгольской железной дороги, были созданы в рамках Кяхтинского железнодорожного проекта в начале XX в. [Кальмина, Плеханова 2017: 120].

Роль забайкальского купечества в планах железнодорожного строительства в Монголии была рассмотрена в статье Л. В. Кальминой в соавторстве с Л. В. Курасом [Кальмина, Курас 2018].

В настоящей статье акцент сделан на геоэкономических задачах, поставленных перед Кяхтинской железной дорогой. Авторы стремятся выявить роль данного проекта в развитии торговых связей России с Китаем и Монголией, определить место проекта в геоэкономической и геополитической стратегии Российской империи. Такой взгляд на историю Кяхтинской железной дороги представляется весьма актуальным в связи с современной международной повесткой, обусловленной необходимостью укреплять старые и искать новые пути торгового сообщения с Центральной Азией и Китаем.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования основана прежде всего на неопубликованных материалах фонда министра финансов С. Ю. Витте (Ф. 560) из Российского государственного исторического архива. Привлеченные документы позволяют изучить первые инициативы о создании Кяхтинской железной дороги в начале XX в., обсуждение этого проекта на протяжении 1906–1915 гг. Особое значение для исследования представляет подготовленная кяхтинским купечеством в 1910 г. специальная записка, где подробно раскрыты задачи и торгово-экономические перспективы Кяхтинской железной дороги. Из опубликованных материалов стоит выделить работу А. И. Верблюнера, в которой проектируемая железная дорога рассматривается с инженерно-технической точки зрения [Верблюнер 1911].

В работе П. П. Червинского 1913 г. подробно изучается экономическая характеристика регионов, через которые планировалось строительство Кяхтинской железнодорожной линии (Забайкалье, Монголия) [Червинский 1913]. Большая часть указанного выше материала либо используется впервые, либо изучается на основе новых задач.

Ключевым методом исследования выступает системно-исторический подход. Проект рассматривается в неотрывной взаимосвязи с общей системой железнодорожных коммуникаций в Восточной и Центральной Азии, системой международных отношений на Дальнем Востоке, региональными и международными экономическими интересами России. В совокупности с привлекаемой источниковой базой системно-

исторический подход определяет новизну настоящего исследования.

3. Компания «Монголор» и поиск железной дороги к Пекину

Первые изыскания о возможной постройке железной дороги на территории Монголии на русский капитал были приняты в самом конце XIX в. по инициативе Общества рудного дела Тушетухановского и Цэцэнхановского аймаков в Монголии, более известного под названием «Монголор» [Чимитдоржиев 1987: 128–129].

В октябре 1899 г. в Пекин прибыл директор «Монголора» В. Ю. Грот с целью получить от китайских чиновников право на железнодорожную концессию от Кяхты до Калгана [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 171. Л. 9]. Эта поездка привлекла внимание официальных представителей России в Китае. Так, российский посланник в Пекине М. Н. Гирс в письме к С. Ю. Витте сообщал, что он «находит несвоевременным возбуждение подобного ходатайства» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 171. Л. 10]. Сомнения у дипломата вызвал вопрос средств, на которые Грот собирался строить железную дорогу, поскольку участие любого иностранного капитала, помимо русского, в создании концессий на территории Монголии противоречило русско-китайскому соглашению 1899 г. [Русско-китайские отношения 1958: 80].

В это же время внимание российской дипломатии в Китае было сосредоточено на появившихся слухах о возможном строительстве железнодорожной ветки от Пекина до Калгана (Чжанцзякоу) на национальный китайский капитал. Для заинтересованных российских лиц изначально было понятно, что железнодорожное строительство к северу от Пекина не ограничится территорией Внутренней Монголией, а будет продолжено намного дальше на север. В апреле 1899 г. востоковед и экономический обозреватель Д. М. Позднеев в письме к министру финансов писал, что «несомненно, рано или поздно, линия Кяхта – Пекин имеет быть построена» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 171. Л. 2]. Такие заявления нельзя рассматривать как ситуативные домыслы. Через десять лет, в 1909 г., на особом совещании по вопросам КВЖД будет поднята проблема о «неуклонном намерении Китайского правительства продолжить Пекин-Калганскую железную

дорогу до Кяхты» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 172. Л. 135]. Таким образом, железная дорога Пекин–Калган виделась в России как часть будущей трансмонгольской железной дороги, а последняя в свою очередь — как часть общей системы железнодорожного сообщения Китая.

Перспективы, которые открывало прямое сообщение между Кяхтой и Пекином, привлекли внимание торгово-финансовых кругов. Летом 1901 г. В. Ю. Грот организовал частную экспедицию в Монголию, состоящую из двух шведских инженеров и переводчика, с целью изучить территорию от Кяхты до Урги и далее до Калгана для возможного проведения железнодорожной линии [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 171. Л. 38–39]. По другим источникам, инициатором монгольской экспедиции стал директор Русско-китайского банка А. Ю. Ротштейн. Как видно из справки, предоставленной российским посольством из Стокгольма, А. Ю. Ротштейн в июле 1901 г. пригласил шведского подданного г. Оливекрона для «производства изысканий ввиду предполагавшейся постройки железной дороги от Кяхты через Ургу, пустыню Гоби, Калган до Пекина» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 172. Л. 62–63об.]. С. Ю. Витте, узнав об этой инициативе от русского консула в Урге Я. П. Шишмарева, потребовал прекратить данное начинание, способное осложнить русско-китайские отношения [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 171. Л. 40]. Тем не менее порученные шведским инженерам работы были выполнены, а чертежи, карты и все сопутствующие вычисления были переданы В. Ю. Гроту.

Ситуация конца XIX – начала XX в. показывает, что в строительстве железной дороги от Кяхты до северных границ Китая были заинтересованы Русско-Китайский банк и общество «Монголор», тогда как Министерство финансов и российские представители в Китае относились к данной идее с осторожностью. Однако поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг. внесло существенные коррективы в геоэкономическую стратегию России на территории империи Цин. Южно-Маньчжурская железная дорога, согласно Портсмутскому миру 1905 г., переходила к Японии, и, следовательно, Российская империя теряла влияние в Южной Маньчжурии, а также выход к не-

замерзающим портам. В российских руках оставалась КВЖД, соединенная с Владивостоком, но ее грузооборот в ближайшие годы после войны оказался очень далеким от планируемых [Жигалов 2008: 42; Янченко, Старовойтова 2018: 590]. Следовательно, не оправдывала экономических ожиданий и Транссибирская магистраль, задуманная прежде всего как транзитная линия. Все это подталкивало российское правительство искать выход из сложившейся ситуации.

4. Проект Кяхтинской железной дороги 1910 г.: внешнеторговые, региональные и макроэкономические задачи

В декабре 1906 г. в Иркутске состоялось Совещание о путях сообщения в Сибири, проходившее под председательством генерал-губернатора Восточной Сибири А. Н. Селиванова. Здесь впервые на официальном уровне был поднят вопрос о строительстве железной дороги к российско-монгольской границе с возможным продлением линии на территорию Монголии. Было представлено несколько вариантов, в том числе и проект железной дороги через слободу Кяхта [Третьяков 2014: 116–117].

В 1909 г. по поручению Совета Министров в Иркутске было созвано второе совещание, которое высказалось за необходимость соединения Забайкальской железной дороги и слободы Кяхта [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 85]. Главными сторонниками этой идеи выступили представители кяхтинского купечества, предложившие создать акционерное общество «Кяхтинская железная дорога» и частично на свои средства реализовать строительство железной дороги от станции Мысовая Забайкальской железной дороги (часть Транссиба) до г. Троицкосавск (слобода Кяхта).

Окончательно проект Кяхтинской железной дороги был сформирован в документе под названием «Изыскания железной дороги на Кяхту от станции Мысовой Забайкальской железной дороги до Кяхты. Общая записка», составленном в 1910 г. кяхтинскими купцами — братьями Лушниковыми и инженером А. И. Верблюнером [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708]. «Общую записку» Лушниковых и А. И. Верблюнера можно считать ключевым источником по проекту Кяхтинской железной дороги, так как в ней были изложены все основные положения

планируемого предприятия, которые впоследствии и станут темой для обсуждения. В 1911 г. те же авторы подготовили «Дополнительную записку», в которой уточнили некоторые расчеты по проекту [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 709].

Согласно проекту 1910 г., создание Кяхтинской железной дороги преследовало две основные цели: 1) создать прямой путь из России в Китай, конкурировать с которым было бы невозможно ввиду его более короткого расстояния; 2) «создать в Монголии прочные рынки сбыта для русских фабрикантов, ранее появление там иностранных товаров и организовать скупку ценного монгольского сырья» [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 16]. Последующие задачи вытекали из первых двух: стимулировать экономику Восточной Сибири; создать военно-стратегическую коммуникацию на границах с Монголией; реализовать потенциал России в качестве евразийского транзитного пространства.

Обращаясь к ситуации в русско-китайской торговле на момент 1910 г., авторы проекта указывают на упадок торговли в Кяхте и проблему низкого экспорта российских товаров в Китай. Причины этого виделись в открытии морских китайских портов для иностранной торговли в середине XIX в. Доставляемый дешевым морским путем европейский, американский и японский товар стал более конкурентоспособным в сравнении с российским и к концу XIX в. практически вытеснил его с китайского рынка [Сладковский 1974: 264–266].

Российско-китайская чайная торговля продолжала расти, но после открытия морского направления торговли России с Китаем в начале 1860-х гг. и открытия движения по КВЖД и Транссибу в начале XX в. чайные грузы пошли в обход Кяхты, что предопределило упадок знаменитой слободы [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 10–12].

В Кяхтинской железной дороге авторы «Общей записки» видели возможность возродить российско-китайскую торговлю, вновь перенаправив чайный грузопоток на Кяхту (рассчитывалось на привоз чая около 750 тыс. пудов ежегодно). Кроме чая, был расчет на доставку китайского шелка и шелковых тканей (около 100 тыс. пудов), хлопка (500 тыс. пудов), фруктов (150 тыс. пудов) и ряда других товаров [РГИА. Ф. 350.

Оп. 13. Д. 708. Л. 36]. Предполагалось, что общее количество китайского импорта составит объем 66 200 000 пудов ежегодно. При наличии железнодорожного сообщения Транссиба с Кяхтой создавались условия для экспорта из России в Китай текстиля, металла с уральских и сибирских заводов, сахара, спирта, пшеницы, леса [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 34об.]. Общее количество экспорта «при самой осторожной оценке следует принять не менее 500 тыс. пудов в год» [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 35].

В «Общей записке» пристальное внимание уделялось монгольскому рынку. Монголия рассматривалась как альтернатива Маньчжурии, в которой российская экономическая политика в начале XX в. по большому счету потерпела фиаско. Авторы записки отмечают: «Гораздо выгоднее было бы развить монгольский рынок, где географические условия значительно благоприятнее для русских, возможность конкуренции иностранцев труднее, а всякая железная дорога, построенная китайцами или иностранцами, принесет пользу прежде всего русской торговле» [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 16].

На момент составления «Общей записки» главной проблемой русско-монгольской торговли стала конкуренция со стороны порта Тяньцзинь, куда отправлялась большая часть монгольского товара для последующего вывоза морем. Тяньцзинь выступал также каналом, через который иностранные товары попадали на рынок Монголии, успешно конкурируя с российскими [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 13–13об.]. Постепенно вырисовывалась угроза потери монгольского рынка для России, в связи с чем в «Общей записке» перед Кяхтинской железной дорогой ставилась задача перенаправить поток монгольских товаров с юга на север — в Россию. «Кяхта явится магнитом, который притянет к себе монгольский отпуск, удешевит русские товары, идущие в Монголию, и создаст им здесь прочный сбыт» [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 13об.]. Исторически торговля России с Монголией сложилась как обмен скота и продукции скотоводства на промышленные товары, поэтому при обсуждении будущих грузов речь шла о расширении ввоза из Монголии мяса, дичи, лошадей, скота,

шерсти, сала, кишок, кожи и шкур. Вывоз в Монголию был аналогичен товарам, предполагаемым для экспорта в Китай [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 709. Л. 9–14].

Развитие российско-монгольской и российско-китайской торговли создавало условия для оживления экономики Восточной Сибири. Если обобщить все перспективы, которые указывались в «Общей записке» для сибирской экономики, то Кяхтинская железная дорога должна была: 1) способствовать сбыту сибирского хлеба, муки и леса в Монголию и Китай; 2) возродить сибирскую промышленность на основе обработки импортных товаров (шерсти, кож, меха и др.) и производства товаров на экспорт (свеклосахарные и сахарорафинадные заводы); 3) стимулировать добычу полезных ископаемых в Забайкалье с учетом наличия транспортной инфраструктуры; 4) стимулировать развитие байкальского и селенгинского пароходства; 5) привлечь капитал и создать рабочие места в Восточной Сибири; 6) обеспечить грузами Забайкальскую железную дорогу [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 16–19об.].

К региональным задачам железной дороги можно добавить ее военно-стратегическую значимость, хотя этому фактору авторы уделяют мало внимания, отмечая только, что Кяхтинская железная дорога позволит обеспечить коммуникацию со слабо защищенной российско-монгольской границей. Вопрос пассажирских перевозок также был связан со стратегическим аспектом, поскольку подразумевал в основном перевозку воинского состава [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 17об.–18об., 37].

Таким образом, проектируемой дороге придавалось огромное регионально-экономическое значение, но она преследовала и макроэкономические цели.

Во-первых, Кяхтинская железная дорога рассматривалась в неотрывной связи с Трансмонгольской железной дорогой, в будущем сооружении которой авторы были уверены: «Если будет начата постройка русской линии Мысовая – Кяхта, то постройка линии от Урги к Кяхте также станет неизбежной для Китая» [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 18]. К моменту составления проекта 1910 г. Китай еще не закончил строительство железнодорожной линии от Пекина до Калгана, и, в связи с этим в источнике

подчеркивалось, что необходимо соорудить линию Мысовая – Кяхта раньше, чем Китай получит рельсовый путь от Монголии к Желтому морю (порту Тяньцзинь). «Тяготение рынка будет к России», — говорится в документе, поскольку «постройка дороги на Кяхту опередит постройку Трансмонгольской линии, то ко времени открытия движения по последней, русские торговые связи в Монголии будут уже весьма прочными» [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 13об.].

Во-вторых, создание Трансмонгольской линии, соединенной с Кяхтой, свяжет российскую железнодорожную сеть с системой железных дорог Китая. Авторы «Общей записки» ссылались на постановление Министерства путей сообщения Китая от 21 августа 1907 г., согласно которому планировалось создание четырех сквозных магистралей: 1) Пекин – Гуанчжоу (южный Китай, провинция Гуандун); 2) Пекин – Кяхта; 3) Пекин – Айгунь (северная Маньчжурия); 4) Пекин – Ланьчжоу (западный Китай, провинция Ганьсу) [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 46]. Перечисленные транспортные артерии, будучи соединенные с Кяхтой, могликратно увеличить объем российско-китайской торговли. Россия в таком случае получала непрерывное железнодорожное сообщение с основными регионами империи Цин вплоть до самого юга в Гуанчжоу. При этом отмечается, что Россия уже имела к этому времени прямой доступ в Пекин через ЮМЖД, но южно-маньчжурская линия находилась в руках Японии, что делало этот путь стратегически непривлекательным [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 20].

В-третьих, Кяхтинская железная дорога, соединенная с системой железных дорог Китая и Транссибирской магистралью, создаст условия для прямой торговли Европы с Китаем транзитом через Россию. Этому приводится следующее обоснование: «Географическое положение России между Европой и лучшими мировыми рынками: Китаем, Индией, Персией и т. д. даст возможность когда-нибудь обратить русские дороги из тупиковых в транзитные, сквозные мировые пути и направить на сеть русских железных дорог огромные и наиболее ценные грузы и пассажирское движение» [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 20об.]. Таким образом, обрисовывались контуры единой железнодорожной

цепи: Европейская железнодорожная сеть – Транссибирская магистраль – Трансмонгольская магистраль – китайская железнодорожная сеть. Кяхтинская железная дорога должна была стать «звеном в огромной Европеекско-китайской магистрале», а Россия — раскрыть потенциал своего континентального расположения, отбив существенную долю товарных и пассажирских перевозок у мирового морского сообщения [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 20].

Стоит заметить, что идеи использовать пространство России в качестве транзита между Европой и Китаем были весьма распространены в рассматриваемое время. Так, в 1909 г. немецкий подданный А. Лессинг обратился к российскому правительству с проектом железной дороги Москва – Пекин, общая задумка которого была аналогична макроэкономическим задачам Кяхтинской железной дороги [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1156. Л. 6, 52–63]. Однако эта идея не нашла поддержки в российских правительственных кругах, тогда как проект Кяхтинской железной дороги был утвержден после продолжительной дискуссии.

5. Обсуждение проекта Кяхтинской железной дороги в 1910–1915 гг.

В конце 1910 – начале 1911 г. прошел первый этап обсуждения проекта Кяхтинской железной дороги на правительственном уровне. Осенью 1910 г. для рассмотрения возможного сооружения линии Мысовая – Кяхта была создана Комиссия о новых железных дорогах, в состав которой вошли представители Министерства путей сообщения, Министерства финансов, Военного ведомства, Министерства торговли и промышленности [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 14]. Члены комиссии достаточно благосклонно отнеслись к ходатайству кяхтинского купечества, однако ввиду разногласий о стоимости сооружения и предполагаемого грузооборота железной дороги решили отложить вопрос до следующего рассмотрения. В феврале 1911 г. обсуждение проекта Кяхтинской железной дороги было продолжено на Межведомственном совещании по развитию торговых отношений с Монголией, которое решило, что сооружение линии Мысовая – Кяхта следует признать желательным [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 9об.].

Правительственные чиновники в целом разделяли основные позиции кяхтинского купечества относительно роли проектируемой железной дороги в развитии торговых отношений России с Монголией и Китаем. Но в отличие от «Общей записки» 1910 г., где Кяхтинская железная дорога «предназначается прежде всего чисто коммерческим целям» [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 4], в ходе правительственного обсуждения 1910–1911 гг. значительно больше внимания уделялось военно-стратегическим и геополитическим задачам проекта. К примеру, на Межведомственном совещании в феврале 1911 г. было принято во внимание, что развитие железнодорожного сообщения с Монголией может облегчить снабжение мясом войск, расположенных в Восточной Сибири. В связи с этим предлагалось построить в Кяхте холодильники-рефрижераторы и снабдить железную дорогу вагонами-холодильниками [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 5об.]. Предполагалось, что по дороге может пройти не менее 4 млн пудов мяса в год, в том числе на снабжении армии не менее 1,5 млн пудов мяса в год [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 6об.]. Здесь же впервые прозвучала мысль о возможном транзите монгольских грузов из Кяхты во Владивосток для последующего экспорта на внешние рынки.

В ходе обсуждения 1910–1911 гг. сквозной проблемой поднимался вопрос о конкуренции с железной дорогой Пекин – Калган. Подсчеты, сделанные Комиссией о новых железных дорогах осенью 1910 г., показывали, что возможный грузооборот Кяхтинской железной дороги может быть вдвое меньше, чем указывалось в «Общей записке» 1910 г. [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 4об.]. Аргументировалось это тем, что до постройки Трансмонгольской линии, товары из южной Монголии будут отправляться по рельсовому пути от Калгана в Пекин и далее в Тяньцзинь для вывоза морем. Представитель Министерства торговли и промышленности А. А. Петров на этом же совещании заметил, что связывать Кяхтинскую железную дорогу с Трансмонгольской линией вообще нежелательно, так как иностранный товар в этом случае получит прямой доступ в центральную и северную Монголию, повторив ситуацию с КВЖД, ставшей проводником для европейских, американских и японских

товаров в Маньчжурию [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 19об.].

Влияние железнодорожной линии Мысовая – Кяхта на КВЖД стало отдельной проблемой в ходе правительственного обсуждения. В «Общей записке» 1910 г. кяхтинские купцы отмечали, что Кяхтинская железная дорога не станет конкурентом для КВЖД, а напротив — будет способствовать развитию этой линии, но аргументировалось это весьма скупо [РГИА. Ф. 350. Оп. 13. Д. 708. Л. 18об.]. Неудивительно, что наибольшая критика кяхтинскому проекту звучала со стороны представителей Китайско-Восточной железной дороги. Сотрудник КВЖД К. П. Лазарев в 1910 г. оспаривал практически каждый аргумент, приводимый кяхтинскими купцами относительно будущей выгоды линии Мысовая – Кяхта. К примеру, К. П. Лазарев указывал, что расчеты на сбыт хлеба в Монголию не оправдаются из-за собственной аграрной политики Китая на северных цинских территориях, российский спирт не выдержит конкуренции с китайским ханшином (водкой) и так далее по каждой группе товаров и экономических перспектив [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 77–82].

В феврале 1911 г. вице-председатель правления КВЖД А. Н. Вентцель отмечал, что КВЖД не оправдала себя в качестве инструмента экономического завоевания северо-восточного Китая и такая же судьба ждет Кяхтинскую железную дорогу [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 8]. В целом мнение чиновников КВЖД сводилось к тому, что кяхтинский проект не только окажется убыточным, но и подорвет существующий грузооборот КВЖД.

В то же время работа с привлеченными источниками наводит на мысль, что железная дорога на российско-монгольской границе рассматривается в России как альтернатива КВЖД, хотя напрямую об этом нигде не говорится. Можно предположить, что после провала маньчжурской политики новые планы России были связаны с укреплением своих позиций в Монголии. Так, на межведомственном совещании 1911 г. был поднят вопрос о возможном расширении влияния России на монгольской территории в связи с постройкой линии Мысовая – Кяхта. Отмечалось, что «влияние железной дороги может охватить район намного боль-

ший, чем традиционно принято считать тяготеющим к Кяхте. Есть надежда, что даже Кобдийский и Улясутайский округа будут тяготеть к Кяхте, откуда будет легче вывозить по более удобному и скорому пути экспортируемое сырье» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 9]. Учитывая, что железнодорожные концессии рассматривались как инструмент расширения политического и военно-стратегического влияния, а также нарастающую к 1911 г. революционную обстановку в империи Цин, Кяхтинская железная дорога виделась серьезным геополитическим проектом. Косвенно подтверждает это и то, что по итогу совещания в феврале 1911 г. было решено строить железную дорогу за счет казны, т. е. изначально сделать этот проект государственным.

На фоне обсуждения проекта Кяхтинской железной дороги обстановка в китайской империи действительно складывалась непростой. После восстания в г. Учан в октябре 1911 г. революционное движение распространилось на весь Китай. В феврале 1912 г. маньчжурская власть была свергнута, произошла Синьхайская революция, следствием которой стал процесс дезинтеграции национальных окраин. В самом конце 1911 г. Монголия объявила о своей независимости, что сказалось и на обсуждении проекта Кяхтинской железной дороги. 12 января 1912 г. братья Лушниковы составили докладную записку на имя председателя совета министров, где, ссылаясь на события в Китае и Монголии, просили ускорить процесс утверждения строительства железной дороги в Кяхте и рассмотреть идею о возможном продлении железнодорожной линии от Кяхты до Урги, используя «счастлирое стечение обстоятельств» и «благоприятный момент» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 11–13об.].

Что же касается обсуждения проекта на правительственном уровне, то в 1912 г. оно сводилось к вопросу о направлении линии либо от станции Мысовая к Кяхте, либо от станции Верхнеудинск (Улан-Удэ) к кяхтинской слободе [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 85–87об.].

В итоге в июне 1913 г. Государственная дума утвердила строительство дороги по направлению от Верхнеудинска, как более экономной по расходам. В октябре 1913 г. Совет министров принял решение о необхо-

димости изысканий и проектных работ на участке Кяхта – Урга [Третьяков 2014: 119].

Начавшаяся вскоре Первая мировая война стала главной причиной того, что Российская империя так и не приступила к строительству Кяхтинской железной дороги. В феврале 1915 г. кяхтинские купцы составили очередную докладную записку на имя министра финансов, где просили право обратиться за займом в российские банки, чтобы приступить к строительству железной дороги к Кяхте, и изысканиям на постройку железной дороги от Кяхты до Урги [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 141об.]. Очевидно, что государство, по причине военного положения экономики, затягивало реализацию кяхтинского проекта. Тем не менее в среде региональной элиты возможность развития торговых отношений с независимой Монголией оставалась актуальной темой. В мае 1915 г. иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев в официальном письме министру торговли и промышленности поднял вопрос об использовании Северного морского пути для укрепления российско-монгольских торговых связей. Система северо-западных рек Монголии позволяла организовать речное сообщение с сибирскими реками и далее с Северным морским путем. Отсюда Л. М. Князев приходил к выводу, что «с полным и скорым оборудованием Северного морского пути и водных путей по р.р. Енисей и Оби мы тесно и уже неотрывно свяжем соседнюю нам Монголию крепчайшими узами экономических интересов и выгод с русскою торговлею» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1136. Л. 152]. В заключение своего письма генерал-губернатор напишет, что исходя из трудностей государственного бюджета, предпочтительнее выбрать вариант развития Северного морского пути и речного сообщения с Монголией вместо железной дороги Верхнеудинск – Кяхта. Однако на фоне общероссийского кризиса в 1916 г. и последующих революционных событий в 1917 г. Российской империи не суждено было воплотить ни один из этих проектов.

6. Выводы

Проведенный анализ истории появления и развития проекта Кяхтинской железной дороги на протяжении конца XIX – начала XX в. позволяет нам выделить ряд харак-

терных особенностей данной геоэкономической идеи.

1. Проект Кяхтинской железной дороги включал в себя решение широчайшего спектра геоэкономических задач. Перспективы проекта подразумевали развитие торговых отношений с Китаем, утверждение российского влияния на рынке Монголии, развитие региональной экономики в Восточной Сибири, стимулирование грузооборота Транссибирской магистрали, взаимосвязь с российским Дальним Востоком, создание транзитного коридора для торговли Европы с Китаем. Отсюда в Кяхтинской железнодорожной линии можно видеть способ создания евразийского экономического пространства, ключевую роль в которой должна занять Россия.

2. Идея создания железной дороги через слободу Кяхта рассматривалась неотрывно от существующей или проектируемой системы торгово-транспортной инфраструктуры в восточной части Евразии. Рассчитывая на грузооборот и доход от Кяхтинской железной дороги, авторы привлеченных документов так или иначе делали отсылки на КВЖД и ЮМЖД, Забайкальскую железную дорогу и Транссибирскую магистраль, железную дорогу Пекин – Калган и Трансмонгольскую магистраль, систему железных дорог Китая, морское сообщение во Владивостоке и китайских портах и даже

на Северный морской путь. Таким образом, Кяхтинская железная дорога изначально виделась частью системы транспортной коммуникации Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.

3. Кяхтинская железная дорога включала геополитические задачи, и одновременно развитие этого проекта напрямую зависело от геополитической ситуации в Восточной и Центральной Азии, обстановки в России и в мире. Среди основных таковых факторов можно отметить «битву за концессии» в Китае, русско-японскую войну 1904–1905 гг., Синьхайскую революцию, обретение независимости Монголией в конце 1911 г., Первую мировую войну, военный и революционный кризис в России в 1916–1917 гг. Большая часть этих событий способствовала росту интереса к кяхтинскому проекту со стороны правительства. Сама железная дорога с точки зрения государства рассматривалась как способ установления российской сферы влияния в Монголии.

Выделенные особенности показывают, что Кяхтинская железная дорога являлась целостным, многофакторным и системным проектом, не уступающим по своему геоэкономическому и геополитическому значению КВЖД и ЮМЖД. Однако стечение исторических обстоятельств не позволяет нам судить, мог ли этот проект оказаться успешнее своих маньчжурских аналогов.

Источники

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Литература

- Верблюнер 1911 — *Верблюнер А. И.* Проект постройки железной дороги от Мысовска до Троицкосавска и Кяхты в связи с ее продолжением по Монголии через Ургу до Калгана. СПб.: Сенатская типография, 1911. 40 с.
- Жигалов 2008 — *Жигалов Б. С.* КВЖД в дальневосточной политике России (1906–1914) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 1. С. 24–44.
- Кальмина, Курас 2018 — *Кальмина Л. В., Курас Л. В.* Забайкальское купечество в планах железнодорожного строительства во Внутренней Азии: перемена ролей // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 21–24.

Sources

Russian State Historical Archive.

- Кальмина, Плеханова 2017 — *Кальмина Л. В., Плеханова А. М.* Проект развития транспортной инфраструктуры как фактор формирования трансграничного торгового пространства Россия-СССР-Монголия // Власть. 2017. № 5. С. 116–122.
- Курас 2009 — *Курас Л. В.* Дореволюционная отечественная историография Улан-Баторской железной дороги // Власть. 2009. № 6. С. 100–102.
- Лузянин 2003 — *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Огни, 2003. 319 с.
- Лукоянов 2008 — *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав ...»: Россия на дальнем Востоке

- в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
- Международные отношения 1951 — Международные отношения на Дальнем востоке (1870–1945) / под общ. ред. Е. М. Жукова. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. 790 с.
- Непомнин 1980 — *Непомнин О. Е.* Социально-экономическая история Китая, 1894–1914. М.: Наука, 1980. 370 с.
- Русско-китайские отношения 1958 — Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы / сост.: П. Е. Скачков, В. С. Мясников. М.: Вост. лит., 1958. 137 с.
- Салогуб 2016 — *Салогуб Я. Л.* Особенности концессионных соглашений, заключенных Китаем с «Великими державами» в конце XIX века // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 1. № 4. С. 13–19.
- Сладковский 1974 — *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. 363 с.
- Старцев 2015 — *Старцев А. В.* Организация и инфраструктура русской торговли в Монголии во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура) / редкол.: Ю. В. Кузьмин и др. Улан-Батор, Иркутск: БГУЭП, 2015. С. 143–180.
- Третьяков 2014 — *Третьяков В. Г.* Монголия как геополитический центр притяжения железнодорожного строительства в конце XIX – начале XX века // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука / редкол.: А. П. Суходолов и др. Кн. 3. Ч. 1. Иркутск, Улан-Батор: БГУЭП, 2014. С. 110–120.
- Третьяков 2018 — *Третьяков В. Г.* Из истории Мысовского проекта Кяхтинской железной дороги // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 14. № 2. 2018. С. 158–164.
- Чимитдоржиев 1987 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* Россия и Монголия. М.: ГРВЛ, 1987. 233 с.
- Червинский 1913 — *Червинский П. П.* Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1913. 378 с.
- Янченко, Старовойтова 2018 — *Янченко Д. Г., Старовойтова Е. О.* Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. 2018. № 3. 583–597.
- Huenemann 1984 — *Huenemann R. W.* The Dragon and Iron Horse: the Economics of Railroads in China, 1876–1937. Cambridge, MA: Harvard Univ. press, 1984. 347 p.

References

- Chervinsky P. P. Territories of the Kyakhta Railway: An Economic Perspective. St. Petersburg: A. Suvorin, 1913. 378 p. (In Russ.)
- Chimitdorzhiev Sh. B. Russia and Mongolia. Moscow: Nauka — GRVL, 1987. 233 p. (In Russ.)
- Huenemann R. W. The Dragon and Iron Horse: The Economics of Railroads in China, 1876–1937. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 347 p. (In Eng.)
- Kalmina L. V., Kuras L. V. The Transbaikalian merchants within railway construction plans in Inner Asia: Role change. *Tomsk State University Journal of History*. 2018. No. 55. Pp. 21–24. (In Russ.)
- Kalmina L. V., Plekhanova A. M. Transportation infrastructure development projects as a factor of shaping a transboundary trading space of Russia/USSR – Mongolia. *Vlast'*. 2017. No. 5. Pp. 116–122. (In Russ.)
- Kuras L. V. Kyakhta Ulan-Bator railroad: Russian pre-revolutionary historiography [reviewed]. *Vlast'*. 2009. No. 6. Pp. 100–102. (In Russ.)
- Lukoyanov I. V. 'To Keep Pace with World Powers ...': Russia in the Far East, Late 19th to Early 20th Century. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. 668 p. (In Russ.)
- Luzyanin S. G. Rossiya – Mongoliya – China in the Early-to-Mid 20th Century: Political Relations, 1911–1946. Moscow: Ogn, 2003. 319 p. (In Russ.)
- Nepomnin O. E. Socioeconomic History of China: 1894–1914. Moscow: Nauka, 1980. 370 p. (In Russ.)
- Salogub Ya. L. Specificity of concession contracts, concluded by China with the great powers in the late nineteenth century. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2016. Vol. 1. No. 4. Pp. 13–19. (In Russ.)
- Skachkov P. E., Myasnikov V. S. (comps.) Russia-China Relations: 1689–1916. Official documents. Moscow: Oriental Literature Press, 1958. 137 p. (In Russ.)
- Sladkovsky M. I. History of Trade and Economic Relations between Peoples of Russia and China: [From Earliest Times] to 1917. Moscow: Nauka, 1974. 363 p. (In Russ.)
- Startsev A. V. Russia's trade endeavors and infrastructure in Mongolia: Mid-19th to early 20th

- century. In: Kuzmin Yu. V. et al. (eds.) *Russia and Mongolia: A New Look at the History (Diplomacy, Economy, Culture)*. Ulaanbaatar, Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law, 2015. Pp. 143–180. (In Russ.)
- Tretyakov V. G. From the history of the Mysovsky project of the Kyakhta railway. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 158–164. (In Russ.)
- Tretyakov V. G. Mongolia as geopolitical railway construction center in the late 19th and early 20th centuries. In: Sukhodolov A. P. et al. (eds.) *Russia and Mongolia at the Beginning of the XX Century: Diplomacy, Economy, Science*. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law, 2014. Pp. 110–120. (In Russ.)
- Werblüner A. I. From Mysovsk to Troitskosavsk and Kyakhta — and Further across Mongolia through Urga to Kalgan: [Introducing] a Railway Project. St. Petersburg: Senate Press, 1911. 40 p. (In Russ.)
- Yanchenko D. G., Starovoytova E. O. Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after the Russo-Japanese War: The regional dimension and the St. Petersburg policy. *Modern History of Russia*. 2018. No. 3. Pp. 583–597. (In Russ.)
- Zhigalov B. S. The Chinese Eastern Railway in the Far East policy of Russia (1906-1914). *Tomsk State University Journal of History*. 2008. No. 1. Pp. 24–44. (In Russ.)
- Zhukov E. M. (ed.) *International Relations in the Far East: 1870–1945*. Moscow: Politizdat, 1951. 790 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 2, pp. 281–292, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47):(479.25)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-281-292

Ориентализм в геополитических представлениях военных и дипломатических элит Российской империи (на материалах обсуждения «армянского вопроса» в конце XIX – начале XX в.)

Каринэ Размиковна Амбарцумян¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-9397-6197. E-mail: karina-best21@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Амбарцумян К. Р., 2023

Аннотация. *Введение.* Труд Э. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» ввел в научный и политический оборот категорию «ориентализм». Для наглядной демонстрации особенностей «русского ориентализма» в статье выбран армянский вопрос, который в конце XIX – начале XX в. стал особой частью восточного вопроса. Ослабление Порты, трудное положение армянского населения в Турции и политические брожения среди кавказских армян обусловили пристальное внимание российских военных и дипломатов к состоянию дел, что нашло отражение в их донесениях и переписке. *Материалы и методы.* Опубликованные источники представлены сообщениями Н. Г. Иванова, А. И. Нелидова, Д. В. Путяты, П. А. Томилова, И. И. Воронцова-Дашкова, Р. И. Термена, архивные документы — донесениями А. И. Нелидова 1882 и 1896 гг., в обоих случаях адресованные В. Н. Ламздорфу. Теоретической основой статьи стали концепции ориентализма, оксидентализма и критической геополитики, которая выделяет в самостоятельный феномен геополитические представления элит, называя их «высокой геополитикой». *Результаты.* Армянский вопрос стал новой повесткой европейской и российской политики после 1878 г. На изучаемых материалах удалось установить, что «русский ориентализм» в геополитических представлениях элит имел антизападную направленность. Парадокс заключается в том, что цивилизационно российские имперские элиты в восточных контекстах позиционировали себя как европейцы. Однако в отстаивании национальных интересов их рассуждения принимали антизападное звучание. Оксидентализм предполагает унификацию западного мира, что, например, наблюдалось в донесениях Я. Ф. Лундквиста и А. И. Нелидова. Особенности выражаемого мнения определялись практическими должностными задачами. Так, наместник на Кавказе И. И. Воронцов-Дашков был скорее носителем «внутреннего ориентализма», предполагавшего покровительственное отношение к кавказским армянам, что отличает отношения центра и колонизированных окраин империи. *Заключение.* По итогам

исследования сделаны следующие выводы. Во-первых, восприятие элитами сути армянского вопроса и турецкого контекста его развития доказывает правомерность категории «русский ориентализм», который имел направленность вовне и внутрь, на Кавказ, где проживало армянское население. Во-вторых, специфику ориентализма геополитических представлений российских элит определяли практические задачи их службы. В-третьих, «русский ориентализм» отличается большей неоднородностью и имеет больше граней, чем это представлено в исследовании Э. Саида.

Ключевые слова: русский ориентализм, Э. Саид, оксидентализм, геополитические представления, Российская империя, армянский вопрос, восточный вопрос

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Армянский вопрос в международных отношениях (1895–1923 гг.)» (№ 20-59-05002 Арм_а).

Для цитирования: Амбарцумян К. Р. Ориентализм в геополитических представлениях военных и дипломатических элит Российской империи (на материалах обсуждения «армянского вопроса» в конце XIX – начале XX в.). // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 281–292. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-281-292

Orientalism in Geopolitical Representations of Imperial Russia's Military and Diplomatic Elites: Late 19th – Early 20th Century Materials Discussing the 'Armenian Question' Analyzed

Karine R. Ambartsumyan¹

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-9397-6197. E-mail: karina-best21[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Ambartsumyan K. R., 2023

Abstract. *Introduction.* Edward W. Said's *Orientalism: Western Conceptions of the Orient* introduced the category 'Orientalism' into scientific and political discourse. So, the article focuses on the Armenian question that became a remarkable part of the Eastern question at the turn of the 20th century — to illustrate features of 'Russian Orientalism'. The decline of the Ottoman Porte, difficulties faced by ethnic Armenians in Turkey, and the political unrest among Armenians of the Caucasus resulted in that the Russian military and diplomats were paying close attention to those events, which was reflected in related reports. *Materials and methods.* The published sources examined are those authored by N. Ivanov, A. Nelidov, D. Putyata, P. Tomilov, I. Vorontsov-Dashkov, R. Termen. The archival documents involved (State Archive of Russian Federation) are A. Nelidov's reports of 1882 and 1896, both addressed to V. Lamsdorf. The theoretical basis is shaped by concepts of Orientalism, Occidentalism, and critical geopolitics, the latter viewing geopolitical ideas of elites as an independent phenomenon referred to as 'high geopolitics'. *Results.* After the Treaty of Berlin (1878) the Armenian question became a new domain for interaction between the great powers. The analysis conducted herein confirms that 'Russian Orientalism' — in geopolitical ideas of the elites — had an anti-Western shade. Paradoxically, in Eastern contexts Russian imperial elites were positioning themselves as representatives of European civilization. However, when it came to defend national interests, their reasoning would obtain anti-Western tones. Occidentalism presupposes a unification of the Western world, which, for example, can be observed in the reports of Ya. Lundekvist and A. Nelidov. The views and shades of Orientalism were determined by practical job tasks. For instance, Governor-General I. Vorontsov-Dashkov was rather a bearer of 'internal Orientalism' suggesting a patronizing concern for the Caucasian Armenians. Therefore, there were certain differences in attitudes of capital-based executives and those articulated by ones in the colonized periphery of the Empire. *Conclusions.* So, the study concludes as follows. Firstly, how the elites tended to perceive the essence of the Armenian question and its Turkish contexts proves the legitimacy of the category 'Russian Orientalism' — directed both outside and inside — the latter covering the Caucasus with a certain

portion of Armenian population. Secondly, features of Orientalism in geopolitical representations of Russian elites were determined by practical tasks of their service. Thirdly, 'Russian Orientalism' is more heterogeneous and its aspects outnumber those presented in Edward W. Said's study.

Keywords: Russian Orientalism, Edward W. Said, Occidentalism, geopolitical ideas, Russian Empire, Armenian question, Eastern question

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-59-05002 Аpm_a 'The Armenian Question in International Relations: 1895–1923'.

For citation: Ambartsumyan K. R. Orientalism in Geopolitical Representations of Imperial Russia's Military and Diplomatic Elites: Late 19th – Early 20th Century Materials Discussing the 'Armenian Question' Analyzed. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 281–292. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-281-292

1. Введение

Одной из популярных, и даже одиозных, научных работ второй половины XX в. стала книга Э. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» [Саид 2006]. Эдвард Вади Саид был американским интеллектуалом и ученым арабского происхождения, но протестантского вероисповедания. Имея восточное происхождение, он был глубоко интегрирован в западное социокультурное пространство. Такой опыт проживания в двух мирах стал предпосылкой внутреннего конфликта идентичностей, который вылился в рефлексию о том, что же такое Восток в западной интерпретации. В итоге Э. Саид формирует новое знание об ориентализме, как о «западном стиле доминирования, реконструирования и осуществления власти над Востоком» [Саид 2006: 10]. Книга Э. Саида породила как последователей подхода, так и волну критики, в рамках которой автора обвиняли в ограничении образа Востока только Ближним Востоком и избегании примеров непредвзятого европейского взгляда на восточные цивилизации. Кроме того, делая универсальные выводы, Э. Саид писал в основном только о Британии и Франции XIX и XX вв., не анализируя специфику этого вопроса в разных странах, включая Россию, что тоже является поводом для критики труда. Трактовка ориентализма Э. Саида является довольно распространенной и связана с покорением и распространением власти западного мира. Фактически Э. Саид понимал под ориентализмом упрощенное шаблонное отношение западной цивилизации к Востоку.

Некоторая шаблонность, за которую критикуют Э. Саида, стала побудительным

мотивом для изучения российского опыта ориентализма, с целью выявить его отличия от европейского аналога. В рамках данной статьи важна сама идея необходимости имагологической рефлексии относительно сконструированного «Востока», в частности над Российской внешней политикой на разных ее исторических этапах. Целью данного исследования является дополнение сконструированной исторической картины политической практики России в армянском вопросе в конце XIX – начале XX в. посредством воссоздания ее теоретического и геополитического уровня. Выбранная хронология объясняется трансформацией восточного вопроса в европейской и российской политике после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и четким оформлением внутри него армянского вопроса, который весь период развивался в сторону эскалации и обострения.

2. Материалы и методы

В рамках исследования источниковую базу сформировали опубликованные и неопубликованные делопроизводственные документы, которые могут быть определены как дипломатические источники. В значительной части были использованы донесения консулов, военных и послов (Н. Г. Иванов, А. И. Нелидов, Д. В. Путьта, П. А. Томилов, И. И. Воронцов-Дашков, Р. И. Термен), которые в той или иной освещали проблемы армянского населения в Османской империи и которые помещали его в широкий контекст внешней политики Российской империи, предлагая свое видение геополитических реалий на восточном направлении внешней политики, в

том числе в связи с появлением армянского вопроса, который перестал быть внутренним делом Порты после Сан-Стефанского договора и Берлинского трактата. Эти соглашения обязывали султана провести реформы управления армянскими вилайетами под контролем держав. Безусловную ценность представляют неопубликованные донесения А. И. Нелидова, которые он направлял на имя В. Н. Ламздорфа [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159; ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157]. В работе использованы сообщения, сделанные в начале его дипломатической службы в Константинополе и практически в конце (1896 г., а в 1897 г. его сменил И. А. Зиновьев), что позволило посмотреть на его представления в эволюции.

Наряду с общенаучными и традиционными методами исторического исследования, теоретической основой работы стали концепции оксидентализма и ориентализма, которые позволяют реконструировать представления военных и дипломатических элит Российской империи через их восприятие и оценки «Запада» и «Востока». Междисциплинарный принцип позволил привлечь подход критической геополитики Дж. О'Тала и его учение о «высокой» и «низкой» геополитике, подразумевающей систему взглядов элит и обывателей. Критический анализ текстов осуществлялся с помощью подходов интеллектуальной истории, которая позволяла соотносить особенности транслируемых авторами идей с особенностями их биографий и историческим контекстом.

3. Категория «русский ориентализм»: формулировка проблемы

В какой-то момент Э. Саид по касательной затронул русский ориентализм и говорил о его особенностях в сравнении от британским, французским и американского аналогами, но эту мысль так и не развил [Kemper 2018]. В современной исторической науке мы сталкиваемся с понятием «русский ориентализм» в трудах как российских, так и зарубежных исследователей [Kemper 2018; Bustanov 2015; Morrison 2009; Alexeev 2020]. Российский филолог П. В. Алексеев предлагает не сводить «русский ориентализм» только к дискурсу о Востоке как некоем типе цивилизации, противоположном Западу и России. В его

понимании «русский ориентализм» — это не одна идея, а комплекс различных идей и дискурсов гетерогенного происхождения [Alexeev 2020: 202–203].

Канадский историк-славист Д. Схиммельпенник ван дер Ойе в монографии термин «русский ориентализм» вынес в заголовок. Ученый исследовал амбивалентное отношение России к Востоку, как к «другому», и в то же время — как к части своего «Я» [Схиммельпенник 2019: 13]. По его мнению, азиатская идентичность России была скорее ренессансным стереотипом для Европы. Данное клише закрепилось, восточная география страны и репрессивные правители только усиливали «азиатскость» России в европейском сознании [Схиммельпенник 2019: 9].

Россия не мыслила себя частью Азии, более того, представители российской элиты позиционировали себя как часть Европы, особенно оказавшись в неевропейском окружении. Они необязательно испытывали неприязнь ко всему «азиатскому». Российский ориентализм имеет гораздо более сложное содержание, чем может показаться на первый взгляд. Так, военный министр Российской империи Д. А. Милютин, начиная военную карьеру, прибыл на Кавказ и оказался в кумыкском ауле в гостях у местного князя. В мемуарах он описал жилище князя как «домик татарского типа», сам же хозяин принял гостей с «азиатским достоинством» [Воспоминания генерал-фельдмаршала 1919: 179]. При всем многообразии дореволюционных текстов о Кавказе мы обращаемся именно к Д. А. Милютину намеренно. Он был не просто представителем российского имперского государства, но и вошел в историю как геополитик и основатель военной географии, где взгляды и представления о пространстве соединяются с практикой его освоения. Ориентализм Д. А. Милютина предполагал не только освоение империей кавказского пространства военным путем, большое значение он придавал утверждению «морального влияния» России среди местного населения [Попов 2017: 101].

В целом Д. А. Милютин критически относился ко многим мерам имперской власти в регионе. В этой связи мы должны согласиться с утверждением Д. Схиммельпенника ван дер Ойе о том, что формула

Э. Саида не вполне применима к российскому ориентализму. Э. Саид подразумевал общий взгляд Запада на Азию, т. е. на Восток, общие методы обращения с ней, в то время как география Российской империи и ее история детерминировали многообразие представлений об Азии в российском сознании, в том числе и элит [Схиммельпеннинк 2019: 14]. Обращение к историческому материалу и конкретной внешней и внутренней политике Российской империи показывает, что шаблон Э. Саида не совпадает с реалиями. К Востоку российские интеллектуалы и политики подходили вариативно. В этой связи Центральная Азия формировала одни образы и требовала определенных политических практик, Турция и входящие в ее состав армянские вилайеты были связаны с иным видом ориентализма, а полиэтническое кавказское пограничье Российской империи воспринималось в совершенно особом ключе.

Э. Саид анализировал образы Востока, как инструмент властвования. Однако практика покорения, подчинения и установления контроля осуществляется в большинстве случаев не интеллектуалами, писателями и художниками, а военными и дипломатами. Именно фигуры «дипломата» и «солдата» французский мыслитель Раймон Арон использовал для метафорического описания мировой политики. Поэтому целесообразно посмотреть на то, как выглядел «восточный вопрос» в сознании практиков внешней политики. Здесь мы обращаемся к учению американского политолога Дж. О'Тоала о критической геополитике, которая в том числе вводит в научный оборот термин «геополитические представления» [O'Tuathail 1998: 16].

Сторонники критической геополитики полагают, что внешняя политика формируется не под влиянием естественных законов и структур пространства, а под влиянием представлений о нем. Эти образы в свою очередь делятся на «низкую» и «высокую» геополитику. В первом случае речь идет о национальной и политической идентичности населения, которое в той или иной степени является носителем геополитического видения мира. «Высокая» геополитика изучает представления элиты, которая более осведомлена и имеет большее отношение к внешней политике. «Низкая», по версии

Дж. О'Тоала, отражает образы, сформировавшиеся в массовом сознании страны, они связаны с уровнем «высокой» геополитики, но не обязательно будут совпадать [Колосов 2002: 33]. В этой связи, если мы смотрим на геополитические представления военной, политической и дипломатической элиты Российской империи, то мы перемещаемся на уровень именно «высокой геополитики», предполагающей наполнение пространства конкретным культурным содержанием и его антропологизацию.

Ориентализм, будучи способом осмысления и освоения пространства, может трактоваться как часть геополитических представлений. Концепция Дж. О'Тоала стала ответом геополитики на посмодернистский вызов, и в рамках междисциплинарного подхода будет целесообразно адаптировать ее к изучаемому историческому материалу. Автор теории критической геополитики полагает, что предметом данного направления являются как практики, так и теоретический дискурс. Существующие практики порождают определенный дискурс, который, как правило, в той или степени коррелирует с политикой. Вновь мы должны обратиться к содержанию конкретных геополитических представлений участников международной политики.

4. Сочетание оксидентализма и ориентализма в представлениях российских военных и дипломатов

Отношение Российской империи к армянскому вопросу и практические шаги по его разрешению нашли отражение в ряде научных работ [Крючков 2021; Величко 2021; Величко, Амбарцумян 2021]. В рамках данной статьи мы обращаемся скорее к уровню видения этой проблемы в условиях противопоставления Востока и Запада.

Представления о покоряемых и уже присоединенных территориях, собственной территории, о соседях и о себе в системе международных отношений формируют определенный комплекс геополитических представлений. В геополитическом мировоззрении модерна сложилась бинарная география, в рамках которой категории «Запад» и «Восток» подразумевали конкретные пространства, которые атрибутировались определенным образом [O'Tuathail 1998: 29].

В этой связи в системе европейских международных отношений и внешней политики Российской империи отдельно оформился «восточный вопрос». Турция по сей день не смогла безоговорочно войти в круг европейских народов, несмотря на все реформы Ататюрка и членство в НАТО, а уж в период модерна Османская империя тем более определялась как «Восток».

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. восточный вопрос приобрел для России новое звучание, так как с этого момента начинается оформление армянского вопроса, который с точки зрения дихотомии «Запад-Восток» является проявлением необычности российского ориентализма. Безусловно, армяне (и Кавказа, и Турции) виделись имперским представителям через евроцентристскую призму. При этом Армения была как «Кавказская», так и «Азиатская», и это прослеживается даже в официальной переписке военно-дипломатических деятелей разного уровня. Российский консул в Алеппо статский советник Н. Г. Иванов после Берлинского конгресса, на котором он присутствовал, писал о неблагоприятных последствиях для России и российского Кавказа политики «Запада» по поддержке автономии Турецкой Армении [Армянский вопрос 2013: 318]. Вот здесь мы обнаруживаем гетерогенность русского ориентализма, который имел определенное геополитическое воплощение. Если у Э. Саида ориентализм предполагается как часть прозападного дискурса, в российской «высокой геополитике» он становится антизападным, когда речь идет о «восточном вопросе»: «Франция и Англия селятся превратить Армению в оплот противорусского влияния и вторжения в Малую Азию и создать на Кавказе Польшу...» [Армянский вопрос 2013: 318].

Надворный советник Я. Ф. Лундеквист, кстати, имеющий шведские корни, писал о том, что в Турции на каждом шагу чувствуется недоброжелательность Запада [Армянский вопрос 2013: 319]. Безусловный интерес представляет его восприятие армянского населения: «Кроме русских и турецких армян, есть еще персидские, английские, австрийские...» [Армянский вопрос 2013: 319].

Описывая территории и население, которые традиционно воспринимались в России

в европоцентристском ключе, дипломаты и военные демонстрируют пересечение ориентализма и оксидентализма в своих геополитических представлениях. Сам концепт оксидентализма этимологически сформировался из французского слова «occident», означающего «запад» [Metin 2020: 183].

Под оксидентализмом понимается противоположная ориентализму парадигма, в которой Запад выделяется в особый унифицированный культурный и политический мир. Данное направление возникло в конце XX в. во многом как реакция на сайдовский ориентализм. Турецкий исследователь А. Метин полагает, что оксидентализм формирует знание о Западе с целью создать баланс между дискурсами Востока и Запада, а не с целью доминирования [Metin 2020: 183].

Можно встретить мнение, что в широком смысле западная цивилизация рассматривается оксидентализмом как антитеза восточной, как пример успеха и эффективности. Однако может быть и негативная коннотация, когда Запад понимается как антигуманная и тлетворная сила [Маргарян 2016: 174–175].

А. Метин предлагает следующие три определения данной категории: во-первых, это процесс изучения Востока Западом, во-вторых, враждебное отношение к «западному», в-третьих, ответ на вопрос как адаптировать западные ценности [Metin 2020: 183–184].

В проанализированных выше документах переплетались понимание себя как части европейской культуры и практические интересы государства, которое представляли и Н. Г. Иванов, и Я. Ф. Лундеквист, ставшие носителями оксиденталистского подхода и обобщения геополитического соперника под категорией «Запад».

5. Особенности ориенталистских представлений А. И. Нелидова

Будучи управляющим посольством в Константинополе и консулом в Трапезунде, А. И. Нелидов активно писал в 1882 г. сотруднику МИДа, В. Н. Ламздорфу донесения о ситуации в Османской империи с христианским населением. Прежде, чем обратиться к его взглядам на армянский вопрос, следует составить представление о его геополитических взглядах, тем более что в

1883 г. А. И. Нелидов был назначен послом в Константинополь.

Дипломатическая служба в Константинополе была одним из самых значительных этапов в карьере А. И. Нелидова, и главной его целью было утверждение России на берегах Босфора, что должно было окончательно закрепить закавказские владения за Россией [Нелидов 1931: 182]. На бумаге, которой он пользовался в частной переписке, было славянской вязью указано «посол в Царьграде» [Рыбаченок 2021: 18].

Определенный интерес с имагологической точки зрения представляет собой его записка «О занятии проливов» [Нелидов 1931: 179–187]. В ней он выражал тревогу по поводу стремительного ослабления Османской империи и угрозы распада. Россия же представляла как «ближайший и наиболее заинтересованный в судьбах Востока сосед» [Нелидов 1931: 182]: «Тут дело идет не о наступательном действии для разрушения существующего на европейском востоке порядка вещей. Порядок этот рассыпается сам собой. Со времени нашей последней войны Турция стала мало-помалу лишаться своих владений мирным путем. Европейские державы начали одна за другой отымать у нее выгодные для себя провинции» [Нелидов 1931: 182]. Сам Константинополь как восточный город им не мыслился, это был «город всемирной торговли, всевозможных исторических воспоминаний, религиозных верований и самых народностей» [Нелидов 1931: 187].

А. И. Нелидов полагал, что «Царьград» должен быть независим и принадлежать самому себе, но под покровительством России [Нелидов 1931: 187]. Покровительство не означало присоединение, так как в фактическом приращении этих территорий к Российской империи он видел источник ослабления Турции. Однако российский военный контроль Босфора было важно установить с точки зрения противопоставления себя Западу [Нелидов 1931: 187].

Достижение означенной цели требовало не терять бдительности и в армянском вопросе. Здесь А. И. Нелидов тоже противопоставлял Россию Западу, который, по его мнению, хотел искоренить врожденные симпатии армянского населения к российскому государству [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. Л. 2об.–3].

В 1882 г. были свежи еще воспоминания о Берлинском конгрессе, и была актуальна задача максимальной защиты интересов России в Малой Азии. Поэтому армянское население Турции становилось инструментом этой политики. То, что сейчас принято называть «мягкой силой», А. И. Нелидов называл «удобной почвой для культурного развития» [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. Л. 3], которая должна была сделать Россию более привлекательной для армянского населения. Имагологически армяне отделялись от Востока и больше включались в российское социокультурное пространство, так как уже к этому времени в Москве был Лазаревский институт, в Закавказье проживало много богатых армян, немало было армян среди российских чиновников, конечно, огромное значение имело расположение Эчмиадзина — духовной столицы армян всего мира в российских пределах.

Все армянское население А. И. Нелидов делил на «русских и турецких», в основе чего в большей степени лежало подданство, а не культурные критерии. Борьба за симпатии армян принимала форму противостояния не Порте, а именно Западу. А. И. Нелидов писал об активной католической пропаганде и открытии католических школ, которые гораздо богаче финансировались Европой, чем армяно-григорианские. Кстати, А. И. Нелидов осуждал католиков за пренебрежение местными особенностями, когда они учащуюся турчанку на одном из праздников заставили нести крест [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. Л. 8]. Мерой противодействия католической активности он видел поддержку армянских школ как деньгами, так и учителями из России [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. Л. 8об.].

К 1896 г. Османская империя ослабла еще больше, и армянский вопрос усугубился и вылился в «гамидовские погромы». А. И. Нелидов в статусе посла в Константинополе писал будущему министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу о том, что Россия должна воспользоваться ситуацией и отстоять свои интересы. Турция «дряхлела», и возможности спасти ее от распада А. И. Нелидов не видел, поэтому дипломатия прикладывала максимум усилий для того, чтобы отстоять status quo на «Европейском Востоке» — амбивалентное, по сути, его взглядам понятие, в тексте секретного

письма выдает гибкость и адаптивность геополитических представлений [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 4]. Армянский вопрос и его гуманитарная составляющая отходили на второй план, и в значительной степени российский дипломат был озабочен тем, чтобы европейские державы под предлогом защиты армян не заняли Босфор. Более того, А. И. Нелидов предлагал договариваться и консолидироваться с Францией, чтобы согласовать «совместные действия на Востоке» [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 10об.]. Турция в силу слабости становилась пассивным объектом дележа, что может рассматриваться с позиций ориентализма: «Высоко ценя и сознавая величие задачи сохранения Европейского мира, я не могу не высказать глубокого убеждения, что продолжение настоящего положения вещей в Турции представляет гораздо большую опасность, чем своевременное соглашение Держав относительно судеб, находящихся ее ныне под игом Султана земель...» [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 69].

Важно было соблюсти баланс, о котором пишет А. И. Нелидов и который выдает пересечение оксидентализма и ориентализма во взглядах российского дипломата. С одной стороны, он был удовлетворен тем, что великие державы признают интересы России на Босфоре. С другой стороны, кровавые погромы армян вредили репутации государства и могли «вызвать самые грустные и несогласные с историческим признанием и прежними действиями России на Востоке последствия» [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 69об.].

6. Геополитические представления полковника Д. В. Путята

В 1895 г. полковник Генерального штаба Д. В. Путята в своих служебных донесениях приводил свидетельства антропологической экспедиции Русского Географического общества в Малую Азию, которая заключила, что антропологически армяне обладают теми же признаками, что и другие народы Передней Азии, Кавказа и Персии. Сам Д. В. Путята так характеризует повседневность армянского сельского населения: «Если население ходит в рубище и спит вместе со скотом, то это происходит не от недостатка в средствах, но и потому что с библейских времен привычки населения

не изменились» [Армянский вопрос 2013: 366]. Однако, данная хлесткая характеристика не является признаком европейского высокомерия, так как такие же оценки можно встретить в этнографических описаниях русского населения. Следовательно, корреляция между культурным превосходством и ориенталистским подходом не является неременной.

Свои представления о европейском, как о синониме прогрессивного, Д. В. Путята произвольно транслирует даже в тексте сугубо служебного назначения. Описывая быт населения турецких армян, он упомянул распространение висячих керосиновых лампочек как единственный признак проникновения в деревню европейских удобств [Армянский вопрос 2013: 362].

Текст Д. В. Путята сочетает в себе бытописание армянского и курдского населения с характеристиками, типичными для евроцентристского дискурса, с критическими оксиденталистскими оценками политической деятельности Англии и США. Например, он писал о стремлении армян к образованию как о желании получить выгоду, а не расширить кругозор. Эксплуатация себе подобных представлена как врожденная склонность армянского населения [Армянский вопрос 2013: 368], что выдает европоцентристский подход автора. Критический оксидентализм Д. В. Путята проявляется в оценке работы американских миссий в Азиатской Турции, руководящий центр которых находился в Бостоне. В Азиатской Турции к концу XIX в. образовалась сеть таких протестантских учебных заведений. Миссия распространяла протестантизм, и в Азиатской Турции уже в 1819 г. было замечено, что «из разных народностей, населяющих страну, только армяне и редко греки могут представить благоприятную почву для деятельности миссии и что лучший способ воздействия на армянское население, чтобы отказаться от религии предков, заключается в доставлении ему дешевого или даже бесплатного образования» [Армянский вопрос 2013: 369–370]. Попытку переделки традиционной культуры по западным стандартам он расценивает негативно, отмечая также особенности организации учебного процесса. Так, математика, физика, география, история преподавались

на гораздо более низком уровне, чем в европейских средних учебных заведениях, а здесь имелся лишь «намеки» на эти предметы. При этом преподавались такие учебные предметы, как нравственная философия и история цивилизаций, что, по мнению Д. В. Путьяты, призвано было «поколебать в умах учеников понятие о подчиненности властям». Он осуждал американцев за то, что внутренние порядки в учебных заведениях не сочетались с условиями жизни в Азиатской Турции [*Армянский вопрос* 2013: 372–373]. Российского представителя тревожила практика отправки армянской молодежи в Бостон, после чего они не могли примириться с порядками в Османской империи.

7. «Внутренний» Восток в сообщениях П. А. Томилова

Обострение армянского вопроса в Османской империи напрямую коснулось «внутреннего» Востока России — Кавказа. В 1894 г. в Турции начались погромы и убийства армянского населения, от которых оно спасалось именно в кавказских пределах Российской империи. Большое скопление беженцев беспокоило как Петербург, так и кавказские власти, которые опасались радикализации настроений среди российско-подданных армян. При этом сложность заключалась в том, что обе группы армянского населения безусловно воспринимались как народ восточный. Однако российскими военными эти группы могли восприниматься по-разному. Кавказские армяне воспринимались как подданные, и малейший сепаратизм вызывал опасение. Полковник Генерального штаба П. А. Томилов в 1907 г. отмечал, что к России армяне Южного Курдистана относятся даже благожелательнее, чем армяне Кавказа. В ней они видели более прочную гарантию своей безопасности, чем в Западной Европе, но упрекали за то, что Россия допустила «гамидовскую резню» (или Хамидийская резня). В целом армянское население оценивается П. А. Томиловым неоднозначно. Он ссылается на британского вице-консула в Битлисе, который внешне покровительствовал армянскому населению, но в личных беседах высказывался противоречиво: «... если бы сила была на стороне армян,

а не мусульман, то положение последних было бы несравненно тяжелее, чем настоящее положение армян» [*Армянский вопрос* 2013: 431]. Судя по контексту, российский полковник был отчасти согласен с этим мнением.

8. Особенности ориентализма Р. И. Термена

Российский востоковед, генерал-майор Генштаба Р. И. Термен в своем отчете о поездке в Ванский, Битлисский и Диарбекирский вилайеты подробно описал положение не только армянского населения, но и турецкой администрации. Подход интеллектуальной истории требует брать в расчет не только текст, но и личность самого исторического фигуранта. Большую часть жизни Р. И. Термен придерживался кальвинизма, образование получил при Азиатском департаменте МИДа, в результате чего владел арабским и турецким языками. Представляется, что его взгляды были ближе к ориенталистским, нежели суждения предыдущих авторов. Турцию он четко отделял от цивилизованного мира, осуждая политику, проводимую в отношении армянского населения [*Армянский вопрос* 2013: 471].

Внутреннее пространство исследуемых вилайетов воссоздается, исходя из положения населяющих их народов, а не геополитического соперничества держав, на что обращал внимание Д. В. Путьяты, который вину за революционную борьбу армян возлагал на США и Великобританию. Р. И. Термен же полагал, что почву для революции подготовило само турецкое правительство [*Армянский вопрос* 2013: 487].

Ориенталистские представления Р. И. Термена, как их понимал Э. Саид, в большей степени касаются Турции: «Вследствие отсутствия образования среди мусульман большинство чиновников назначаются на службу из-за покровительства и фаворитизма высших должностных лиц... Чиновники Турции все подкупны и продажны... При существующем религиозном антагонизме между христианами и мусульманами и фанатизме этих последних вполне естественно, что плохая администрация ложится тяжелым бременем, главным образом, на христианское население» [*Армянский вопрос* 2013: 481].

9. Утилитарный ориентализм И. И. Воронцова-Дашкова

Служебный долг графа И. И. Воронцова-Дашкова, наместника на Кавказе, обусловил формирование определенных представлений об армянском вопросе и его месте в российской внешней политике. В своем отчете за 1913 г. он дал положительную характеристику кавказским армянам, говоря о них как о «русских армянах». Армянский вопрос в его понимании — это, прежде всего, ситуация на Кавказе, на которую влияла обстановка в Турции. Он предостерегал от революционных последствий организации процесса над партией «Дашнакцутюн» и просил не вешать ярлык революционеров на весь народ. Прошлые вспышки сепаратизма армян он связывал с конфискацией имущества армяно-григорианской церкви и «неосторожным обращением с религиозными и национальными чувствами» [Всепод-
даннейший отчет 1913: 6–7].

Главной его идеей было то, что не только русские армяне не стремятся к отделению от России, но и даже турецкие добиваются ее покровительства. Будучи военным чиновником, погруженным в дела Кавказа, И. И. Воронцов-Дашков транслировал через текст не ориентализм, скорее, речь шла об образе внутреннего «Другого», причем таковым являлся весь Кавказ, отличавшийся от остальных частей России. В данном случае уместнее говорить о внутреннем ориентализме, причем не самого И. И. Воронцова-Дашкова, а имперского центра, к которому наместник апеллировал. Развитие дискурса внутреннего ориентализма предполагает подчинение более слабого региона большим государством, а затем наделение его отрицательными характеристиками, в том числе культурной и моральной отсталостью [Джонсон, Коулман 2012: 112].

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Литература

Армянский вопрос 2013 — Армянский вопрос в Турции: в материалах русского Генерального штаба / сост. М. Басханов. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. 637 с.

10. Заключение

Адаптация категории «ориентализм» к изучению российского опыта обсуждения военной и дипломатической элитой армянского вопроса позволила выявить некоторые особенности. Во-первых, категория «русский ориентализм» имеет право на существование, так как Российская империя включала в себя элементы восточной цивилизации, которые сумела адаптировать и перевести в статус так называемого «внутреннего другого», таковыми, например, являлись кавказские армяне. Внутри империи армянское население рассматривалось через ориенталистский подход, однако, при освещении положения турецких армян они выделялись за счет близости к России и христианского вероисповедания. Во-вторых, геополитические представления элит формировались под влиянием решения практических задач российского государства в Османской империи. Геополитическое соперничество с Европой и даже США в Малой Азии обусловило оксиденталистские элементы в изучаемых текстах. Сложность явления заключается в том, что сами авторы были частью европейской цивилизации, впрочем, также себя позиционировало и Российское государство в восточной политике, но противоречия с великими державами по конкретным ситуациям (например, армянский вопрос) обусловил оксиденталистский тон ряда дипломатических документов. Это означало противопоставление себя Западу не ценностно или цивилизационно, а в разрезе конкретных внешнеполитических интересов. В-третьих, русских ориентализм, как показывают изученные источники, отличался гибкостью и гетерогенностью, что отличает его от трактовки данного явления Э. Саидом.

Sources

State Archive of the Russian Federation.

Величко 2021 — Величко Л. Н. «Армянский вопрос» в контексте восточной политики России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 4. С. 6–15.

- Величко, Амбарцумян 2021 — *Величко Л. Н., Амбарцумян К. Р.* Влияние кавказского фактора на позицию Российской империи в урегулировании армянского вопроса в конце XIX – начале XX вв. // *Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы VIII Междунар. форума историков-кавказоведов в 2 тт. Т. 2* / отв. ред. Г. Г. Матишов. Пятигорск; Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2021. С. 28–34.
- Воспоминания генерал-фельдмаршала 1919 — *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина.* Томск: Издание военной академии, 1919. 456 с.
- Всеподданейший отчет 1913 — *Всеподданейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-Адъютанта Графа Воронцова-Дашкова.* СПб.: Гос. тип., 1913. 36 с.
- Джонсон, Коулман 2012 — *Джонсон К., Коулман А.* Внутренний «другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // *Культурная и гуманитарная география.* 2012. Т. 1. № 2. С. 107–125.
- Колосов 2002 — *Колосов В.* «Низкая» и «высокая» геополитика. Образы зарубежных стран в представлениях российских граждан [электронный ресурс] // *Отечественные записки.* 2002. № 3. С. 33. Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/3/nizkaya-i-vysokaya-geopolitika.html> (дата обращения: 21.01.2023).
- Крючков 2021 — *Крючков И. В.* Британский фактор в развитии национального движения армян Западной Армении в последней трети XIX в. в оценке полковника Д. В. Путяты // *Гуманитарные и юридические исследования.* 2021. № 3. С. 48–54.
- Маргарян 2016 — *Маргарян Е. Г.* Современные номотетические подходы к анализу динамики всемирной истории: «переОРИЕНТАция» или «ориентализация современного исторического сознания»? // *Диалог со временем.* 2016. Вып. 55. С. 173–193.
- Нелидов 1931 — *Нелидов А. И.* О занятии проливов // *Красный архив.* 1931. Т. 3(46). С. 179–187.
- Попов 2017 — *Попов М. Е.* Вклад Д. А. Милютина в развитие российской военной науки // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2017. Т. 9. № 5/2. С. 100–105.
- Рыбаченок 2021 — *Рыбаченок И. С.* Александр Иванович Нелидов: судьба и карьера русского дипломата // *Вопросы истории.* 2021. № 10–1. С. 16–35.
- Саид 2006 — *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. 636 с.
- Схиммельпеннинк 2019 — *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции = Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration / пер. с англ. П. Бавина. М.: Полиграфическая энциклопедия, 2019. 287 с.
- Alekseev 2020 — *Alekseev P. V.* Notes on Russian Orientalism as a Phenomenon of Cultural Transfers // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2020. № 67. С. 189–203. DOI: 10.17223/19986645/67/10
- Bustanov 2015 — *Bustanov A. K.* Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. London: Routledge, 2015. 172 с.
- Kemper 2018 — *Kemper M.* Russian Orientalism [электронный ресурс] // *Oxford Research Encyclopedias. Asian History.* 26 September 2018. URL: <https://oxfordre.com/asianhistory/display/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-297;jsessionid=-84DA4E4A1A2D80644549E885F2CEBB55> (дата обращения: 21.01.2023).
- Metin 2020 — *Metin A.* Occidentalism: An Eastern Reply to Orientalism // *Journal of Social Sciences of the Turkic World.* 2020. No. 93. Pp. 191–202.
- Morrison 2009 — *Morrison A.* ‘Applied Orientalism’ in British India and Tsarist Turkestan // *Comparative Studies in Society & History.* 2009. Vol. 51. No. 3. Pp. 619–647
- O’Tuathail 1998 — *O’Tuathail G.* Postmodern geopolitics? The modern geopolitical imagination and beyond // *Rethinking Geopolitics* / Gearóid Ó Tuathail and Simon Dalby (eds.). London, New York: Routledge, 1998. Pp. 16–38.

References

- Alekseev P. V. Notes on Russian Orientalism as a phenomenon of cultural transfers. *Tomsk State University Journal of Philology.* 2020. No. 67. Pp. 189–203. (In Eng.) DOI: 10.17223/19986645/67/10
- Baskhanov M. (comp.) *The Armenian Question in Turkey: [Analyzing] Materials of Russia’s*
- General Staff. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. 637 p. (In Russ.)
- Bustanov A. K. *Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations.* London: Routledge, 2015. 172 p. (In Russ.)
- Johnson C., Coleman A. *The internal other: Exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of na-*

- tional identity. *Cultural Geography & Geohumanities*. 2012. Vol. 1. No. 2. Pp. 107–125. (In Russ.)
- Kemper M. Russian Orientalism. On: Oxford Research Encyclopedias. Asian History. [Posted on] 26 September 2018. Available at: <https://oxfordre.com/asianhistory/display/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-297;jsessionid=-84DA4E4A1A2D80644549E885F2CEBB55> (accessed: 21 January 2023). (In Eng.)
- Kolosov V. ‘Low’ and ‘high’ geopolitics: Images of foreign countries in representations of Russian citizens. *Otechestvennye Zapiski*. 2002. No. 3. Pp. 33. Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/3/nizkaya-i-vysokaya-geopolitika.html> (accessed: 21 January 2023). (In Russ.)
- Kryuchkov I. V. The British factor in the development of the national movement of Armenians of Western Armenia in the last third of the XIXth century in the assessment of Colonel D. V. Putyata. *Humanities and Law Research*. 2021. No. 3. Pp. 48–54. (In Russ.)
- Margaryan E. G. Modern nomothetic approaches in the analysis of the dynamics of world history: “ReORIENTalization” or “Orientalization” of modern historical consciousness. *Dialogue with Time*. 2016. No. 55. Pp. 173–193. (In Russ.) DOI: <https://roii.ru/r/1/55.10>.
- Metin A. Occidentalism: An eastern reply to Orientalism. *Journal of Social Sciences of the Turkic World*. 2020. No. 93. Pp. 191–202. (In Eng.)
- Milyutin D. A. Memoirs by Field Marshal Dmitry Alekseevich Milyutin. Tomsk: Military Academy, 1919. 456 p. (In Russ.)
- Morrison A. ‘Applied Orientalism’ in British India and Tsarist Turkestan. *Comparative Studies in Society & History*. 2009. Vol. 51. No. 3. Pp. 619–647. (In Eng.)
- Nelidov A. I. To occupy the straits. *Krasnyi arkhiv*. 1931. Vol. 3 (46). Pp. 179–187. (In Russ.)
- Ó Tuathail G. Postmodern geopolitics? The modern geopolitical imagination and beyond. In: Ó Tuathail G., Dalby S. (eds.) *Rethinking Geopolitics*. London, New York: Routledge, 1998. Pp. 16–38. (In Eng.)
- Popov M. E. D. A Milyutin’s contribution in the development of the Russian military science. *Historical and Social Educational Ideas*. 2017. Vol. 9. No. 5/2. Pp. 100–105. (In Russ.)
- Rybachenok I. S. Alexander Ivanovich Nelidov: Fate and career of a Russian diplomat. *Voprosy Istorii*. 2021. No. 10–1. Pp. 16–35. (In Russ.)
- Said E. W. Orientalism: Western Conceptions of the Orient. Moscow: Russkiy Mir, 2006. 636 p. (In Russ.)
- Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. P. Bavin (transl.). Moscow: Poligraficheskaya Entsiklopediya, 2019. 287 p. (In Russ.)
- Velichko L. N. The Armenian question in the context of Russian eastern politics in the XIX–XX centuries. *Bulletin of Kalmyk University*. 2021. No. 4. Pp. 6–15. (In Russ.)
- Velichko L. N., Ambartsumyan K. R. The Caucasian factor and Imperial Russia’s position in the Armenian question: Late 19th and early 20th centuries. In: Matishov G. G. (ed.) *Peoples of the Caucasus in the 18th–21st Centuries: History, Policy, Culture*. Forum proceedings. In 2 parts. Pt. 2. Pyatigorsk, Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2021. Pp. 28–34. (In Russ.)
- Vorontsov-Dashkov I. I. Eight Years as Governor of the Caucasus: Most Humble Report by Adjutant General Count [Illarion Ivanovich] Vorontsov-Dashkov. St. Petersburg: State Publ. House, 1913. 36 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 2, pp. 293–312, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 353(47):5(091)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-293-312

Традиционные институты публичной власти на монгольских землях имперского и республиканского Китая на сломе эпох (первая четверть XX в.): пространственная локализация и визуализация

Павел Николаевич Дудин¹, Андрей Николаевич Бешенцев², Кирилл Юрьевич Базаров³

¹ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (д. 40В, стр. 1, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент, директор Центра
 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel@gmail.com

² Байкальский институт природопользования Сибирского отделения Российской академии наук (д. 8, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор географических наук, профессор, профессор Российской академии наук, заведующий
 0000-0003-3625-3600. E-mail: [abesh\[at\]binm.ru](mailto:abesh[at]binm.ru)

³ Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук (д. 7, ул. Радио, 690041 Владивосток, Российская Федерация)
научный сотрудник Информационно-картографического центра
 0000-0001-7308-7096. E-mail: [kbazarov\[at\]mail.ru](mailto:kbazarov[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Дудин П. Н., Бешенцев А. Н., Базаров К. Ю., 2023

Аннотация. *Введение.* Целью исследования является реконструкция системы основных традиционных институтов публичной власти на монгольских землях Китая в первой четверти XX в. и описание механизма их визуализации и привязки к современному географическому пространству региона. *Задачами* исследования явились изучение институтов княжеской власти и хошунной администрации, религиозных и аймачно-сеймовых структур управления и влияния китайской колонизации на монгольские территории, а также источников, инструментов и методов пространственной локализации и визуализации территориально-властной организации монгольских земель. *Материалы* исследования составили уникальные карты 1914 и 1925 г., на которых изображены хошуны, аймаки и сеймы почти всех монгольских земель. *Методология* исследования строилась на междисциплинарном подходе, где среди исторических методов присутствуют идеографический, или описательно-повествовательный, метод, нарративный подход, принцип историзма, ретроспективный метод; политологические знания предостави-

ли возможность опереться на функциональный и поведенческий подходы, а географические методы выстраивались на схеме анализа, предложенной в исследованиях О. М. Медушевской (1957) и Л. А. Гольденберга (1958), а также на анализе степени генерализации информации. *Результаты* работы позволили сформировать представление о системе функционирования княжеской власти, составе и деятельности хошунной администрации, установить место религиозных институтов в процессе управления монгольскими землями, а изучение хошунной, аймачной и сеймовой организации обширного пространства позволило определить уровни и объем власти на каждом из них, специфику и назначение каждого территориального образования, а также визуализировать исследуемое пространство с помощью современных технологий. В *выводах* авторы указывают на эффективность сохранившейся системы управления, где ключевым звеном был и оставался хошун. Их подробная иллюстрация на картах В. И. Сурина позволяет восстановить древнюю территориальную организацию Монголии с использованием системы ГИС и предоставить к ней свободный доступ для исследователей региона.

Ключевые слова: институты публичной власти, Внешняя Монголия, Внутренняя Монголия, хошун, аймак, сейм, дзасак, китайская колонизация, цифровое покрытие, географические полигоны

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФН в рамках проекта «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.» (№ 22-68-00054).

Для цитирования: Дудин П. Н., Бешенцев А. Н., Базаров К. Ю. Традиционные институты публичной власти на монгольских землях имперского и республиканского Китая на сломе эпох (первая четверть XX в.): пространственная локализация и визуализация // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 293–312. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-293-312

Traditional Institutions of Public Authority in Mongol-Inhabited Lands of Imperial and Republican China, 1900s–1920s: Spatial Localization and Visualization

Pavel N. Dudin¹, Andrey N. Beshentsev², Kirill Yu. Bazarov³

¹ East Siberia State University of Technology and Management (40B/1, Klyuchevskaya St., 1670013 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Director of Center for the Study of State and Law of East Asian Countries

 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel[at]gmail.com

² Baikal Institute of Nature Management, Siberian Branch of the RAS (8, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Geography), Professor (RAS), Head of Laboratory

 0000-0003-3625-3600. E-mail: abesh[at]binm.ru

³ Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch of the RAS (7, Radio St., 690041 Vladivostok, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0001-7308-7096. E-mail: kbazarov[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Dudin P. N., Beshentsev A. N., Bazarov K. Yu., 2023

Abstract. Introduction. The territorial organization of Inner Asian polities underwent significant transformations in the first quarter of the 20th century, which resulted in a need for its visualization. **Goals.** The article attempts to reconstruct the system of key public governance institutions in Mongol-inhabited lands of China in the mentioned period, and to describe tools of their visualization supposed to spot the former across present-day geographical points of the region. So, the study aims to examine

some basic institutions of princely power and *khoshun* administration, religious and *aimag*/league-level authorities, impacts of the Chinese colonization on Mongol-inhabited territories, investigate sources, tools and methods instrumental in spatial localization and visualization of territorial / governance structures across the lands. *Materials and methods.* The work focuses on two groups of sources, namely: unpublished materials from P. Dudin's doctoral thesis (manuscript) (Statehood of Inner Mongolia: Late 19th to Mid-20th Centuries) discussing public governance structures of Mongolian banners (counties); and unique maps of 1914/1925 mentioning *khoshuns*, *aimags* and leagues of almost all Mongol-inhabited domains. The research methodology rests on an interdisciplinary approach, methods of historical science to comprise the ideographic (descriptive-narrative) and retrospective ones, a narrative approach, and principles of historicism; knowledge of political science yields an opportunity to employ functional and behavioral approaches. The geographical methods involved rest on the scheme of analysis proposed in works of O. Medushevskaya (1957) and L. Goldenberg (1958), as well as on some analysis of the data generalization degree. *Results.* The work has reconstructed the early 20th-century system of key Mongolian public governance institutions, outlines how the system of princely power functioned, how *khoshun*-level administrative bodies took shape and worked, identifies the governance role of religious institutions, while insights into different levels of the administrative/territorial organization facilitates further understanding as to actual scopes of power attributed thereto, and makes it possible to visualize the investigated space with the aid of contemporary tools and techniques. *Conclusions.* The paper points to the efficiency of the then management system where it was the *khoshun* that had served — and remained — a key structural element. The latter's detailed illustrations on V. Surin's maps make it possible to restore the ancient territorial organization of Mongolia using the GIS system, free access be provided for researchers of the region.

Keywords: public authorities, Outer Mongolia, Inner Mongolia, *khoshun*, *aimag*, *league*, *jasagh*, Chinese colonization, digital coverage, geographic polygons

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 22-68-00054. Available at: <https://rscf.ru/project/22-68-00054>.

For citation: Dudin P. N., Beshentsev A. N., Bazarov K. Yu. Traditional Institutions of Public Authority in Mongol-Inhabited Lands of Imperial and Republican China, 1900s–1920s: Spatial Localization and Visualization. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 293–312. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-293-312

1. Введение

Уникальность системы управления монгольскими территориями имперского, а затем и республиканского Китая (в этом случае речь идет о Внутренней Монголии и Барге) заключалась в сохранении за представителями родовой аристократии исконных институтов власти во множестве мелких политий — хошунов, княжеств, представлявших собой и своеобразный анахронизм, и в то же время эффективный инструмент поддержания порядка, которым всегда пользовалась центральная власть в Пекине. При этом для многих исследователей одной из проблем при изучении властных институтов в Монголии на низовых уровнях, при описании пространственной локализации княжеской власти и решении подобных ака-

демических задач была слабая атмосферность повседневного процесса управления хошунами, обусловленная невозможностью опереться на какие-либо визуальные образы исследуемого явления, кроме старых фото, карт (которые непрофессиональному географу было проблематично соотнести с современной местностью) и собственного воображения.

В связи с этим перед авторами статьи и их коллегами возникла задача, располагая современными технологиями и коллекцией уникальных карт маньчжуро-монгольского пространства первой четверти XX в., визуализировать его, осуществив привязку к современной политико-географической реальности, предоставив исследователям возможность определять интересующие их

сегменты монгольских земель, располагая при этом точными данными по их географическому положению, площади, инфраструктуре, национальному составу и краткой истории развития [Бешенцев и др. 2022].

Исторический сегмент этой задачи частично решался при написании и защите диссертации П. Н. Дудина на соискание ученой степени доктора исторических наук [Дудин 2020а; Дудин 2020б], в Томе I рукописи которой на стр. 139–145 и 149–152 институтам публичной власти у монголов была посвящена часть параграфа 2.1. о китайской колонизации.

2. Материалы и методы

Использованные при работе над статьей материалы составили карты Монголии и Маньчжурии, на которых, единственных из известных, указано расположение хошунов, аймаков и сеймов вкупе с государственными и провинциальными границами. Картографический материал присутствует и в приложении к настоящей статье.

Методология исследования строилась на междисциплинарном подходе, в связи с чем мы опирались на знания трех наук: истории, политологии и географии. В первом случае был применен идеографический, или описательно-повествовательный, метод, на основе которого мы сумели создать целостную картину княжеской организации монгольских земель на излете империи Цин и в республиканский период; нарративный подход позволил обеспечить «склейку» событий, связанных с колонизацией и трансформацией и самих хошунов, и их статусов; с опорой на принцип историзма мы рассматривали организацию публичной власти на землях Внутренней Монголии как часть общей картины — публично-властной организации монгольских территорий, а ретроспективный метод нам позволил компенсировать достаточный объем источников по региону об организации хошунной, аймачной и сеймовой власти, в итоге представление об управленческой системе не отдельных, а большинства монгольских княжеств будет носить более системный характер. С опорой на политологические знания функциональный подход был направлен на выявление причинно-следственных связей между действиями тех или иных лиц или институтов, облеченных властью, и

теми последствиями, которые наступали по их результатам; в свою очередь поведенческий подход обеспечил связку шагов и мотивов тех властных лиц, которые оказались включены в этот процесс. Наконец, географические методы выстраивались на схеме анализа, предложенной в исследованиях О. М. Медушевской [Медушевская 1957] и Л. А. Гольденберга [Гольденберг 1958], а также на анализе степени генерализации информации.

Таким образом в настоящей статье мы осветим ту политическую ситуацию первой четверти XX в., в которой развивались институты публичной власти на монгольских землях, а затем дадим описание источников и механизма, с помощью которого решаем задачу визуализации пространства маньчжуро-монгольского мира в обозначенный хронологический промежуток времени.

3. Ключевые монгольские публично-властные институты в начале XX в. и их пространственная локализация и визуализация

3.1. Институт княжеской власти

Власть как социальное явление всегда имела и имеет территориальный характер, обусловленный тем пространством, которым ее институты способны эффективно управлять и которое способны контролировать. Поэтому площадь хошуна, его расположение в зоне крупных населенных пунктов, количество населения, близость к главным логистическим путям и другие подобные факторы определяли как статусное, так и материальное положение князя и его окружения, что во многом способствовало его росту в системе местного или имперского управления. Частично эти характеристики оказалось возможным визуализировать. Исходя из этого, мы сначала изучили те институты публичной власти, с помощью которых осуществлялось управление монгольскими землями, где первостепенное значение имел институт княжеской власти.

Во главе хошуна ставился князь (*дзасак*), обладающий обширными полномочиями. Эти полномочия касались как собственно гражданской власти (например, распределял пастбища между кочующими подданными), административных функций (например, распределял границы более мел-

ких территориальных образований (сомоны и баги) и регулировал проход через хошунов посторонних лиц), решения военных вопросов (князь возглавлял ополчение своего хошуна), разрешения споров посредством организации и осуществления правосудия, к чему добавлялись фискальные функции по сбору податей различного уровня (общенациональных и хошунных), так и распределения между своими подданными повинностей на очередной период.

Далее мы обратимся к личности Н. Я. Коншина, поручика Заамурского округа и одного из ярких исследователей региона, писавшего в одной из своих работ: «Княжество управляется своим наследственным князем, в лице коего сосредоточивается вся безграничная власть князя включительно, до права конфискации имущества и распоряжения над жизнью и смертью каждого подданного» [Коншин 1907: 13]. Это утверждение было не вполне верным, поскольку, несмотря на соблюдаемый маньчжурами принцип ближайшего родства в определении приоритетности занятия должности дзасака, она не была наследственной, а кандидат на это высокое место всегда утверждался маньчжурским императором по представлению так называемого Ведомства (Палаты) внешних сношений (Лифаньюань) [Гурьев 1912: 38]. Далее следовало описание самого княжества, за пример организации публичной власти которого был взят Дурбет.

Дурбет не случайно выбран нами в качестве «модельной площадки»: во-первых, через него, равно как и через некоторые соседние княжества, в 1897–1903 гг. российской стороной была проложена Китайско-Восточная железная дорога [Дудин 2020а: 141].

Следует упомянуть, что Н. Я. Коншин давал достаточное точное описание ее станций, что позволяет нам при осуществлении описываемого исследования ориентироваться на местности: «... за ст. Цицикар, именно не доезжая 5 вер[ст] до ст. Янтуньтунь, тянется 135 вер[ст], включая станции: Янтуньтунь, Сяоходзы, Ламадьандзы, Сарту и Анда и еще далее 20 верст, — все время по землям княжества Дурбет Чжеримского сейма Монголии...» [Коншин 1907: 2].

Данные сведения крайне ценны, поскольку несколькими годами позднее, когда китайская колонизация примет необрати-

мые последствия, эти населенные пункты станут связующим звеном в «параллельной» ханьской администрации, а пока же, продолжает Н. Я. Коншин, «с северо-запада, севера и северо-востока это княжество соприкасается с землями Хейлунцзянской провинции, именно с Цицикарским фудутунством, а на юго-востоке, юге и юго-западе оно прилегает к землям своего сейма, именно к княжествам Северному Горлосу и Чжалайту. Границы княжества Дурбет до сих пор не нанесены точно ни на одну из существующих русских или иностранных карт. Между тем они вполне определенно обозначены, отчасти, искусственными знаками» [Коншин 1907: 3].

Не ограничиваясь этим, исследователь дает подробное описание приграничной полосы, на пространстве которой располагались и немногочисленные населенные пункты, завершая свое описание еще одной важной характеристикой хошунов железнодорожной полосы, так называемой Полосы отчуждения: «Княжество это представляется как бы в виде четырехугольника, стороны которого равны: западная — 120 вер[ст], северная — 115 вер., восточная — 122 пер. и южная — 180 вер[ст], т. е. княжество это занимает площадь земли, равную приблизительно 14 тыс. квадр. верст, причем линией ж[елезной] дороги она разделяется на две части: большую к югу от ж[елезной] д[ороги] и меньшую к сев[еру] от линии» [Коншин 1907: 5].

Установление института назначенного князя (дзасака) позволило Цинской империи решить ряд важных задач: во-первых, обеспечить управляемость новыми территориями без сопротивления местных элит и населения; во-вторых, минимизировать, а затем и вовсе свести на нет и власть аймачных ханов, и институт ханской власти, что в свою очередь поставило князей в еще большую зависимость от Пекина. Был придуман и реализован давний план дробления обширных владений наиболее влиятельных представителей родовой аристократии на более мелкие путем передела наследственных вотчин между сыновьями умиравших князей, и к описываемому нами периоду во Внутренней Монголии насчитывалось 24 аймака, в которых было 49 хошунов, во Внешней Монголии в 4 аймаках насчитывалось 86 хошунов [Рязановский 1931: 82].

Не мог обойти Н. Я. Коншин и фигуру собственно князя как личности, поскольку именно с личностью обычно публичная власть ассоциируется лучше всего: «В настоящее время во главе княжества Дурбет стоит князь Шираб-Лоопил, ведущий свое происхождение от брата Чингис-хана Хабу-Хасара. Он живет в своей ставке — д. Пейзефу, расположенной в 115 вер. к югу от ст. Цицикар, в 10 вер. к востоку от р. Нонни. Князь Шираб-Лоопил уже десять лет на княжеском престоле; ему теперь 57 лет от роду; он имеет двух жен, из которых первая его жена Дугима, происходящая из дворовых, — она дочь Отхон-мейрена — не принесла ему наследника, а на второй, Монгон-Сысык, дочери харачин-монгола Тахелту из кн[яжества] Сев. Горлос, он женился только два года тому назад, и она также еще бездетна. Если наследник не родится, то по смерти Шираб-Лоопила княжеская власть перейдет в очень отдаленное колено, т[ак] к[ак] ближайших родственников по мужской линии у князя нет. Сам по себе Шираб-Лоопил мало способный к управлению княжеством человек. Он сильно увлекается спиртными напитками и злоупотребляет опиумом, отчего часто болеет; под влиянием алкоголя иногда впадает в буйные припадки, во время которых от него достается всем приближенным. Все это, вредно влияя на здоровье князя, его способности и ум, — безвременно старит его, делает его апатичным к делам княжества, которыми он почти не интересуется» [Коншин 1907: 13].

Цинские власти придумали еще один прием, позволивший поставить монгольских князей в еще большую зависимость, сыграв на традиционной любви аристократов пышных титулов: было осуществлено разделение дзасаков на 6 степеней. Первая степень предполагала наивысший почет, содержание и на китайский манер именовалась «чин-ван». Следом за ней шла вторая степень, носитель которой носил титул «цзюу-ван». Третья степень, самая распространенная, значилась как «бейл» или «бейле». К четвертой степени относился титул «бейс», к пятой и шестой степени — монголизированные «туше-гун» и «тусалакчи-гун» [Дудин 2020а: 143]. Так, Н. Я. Коншин, описывая Дурбет, писал, что у местного князя была 4-я степень, таким образом обеспечивающая ему статус бейса [Коншин

1907: 14]. Хитрость крылась в том, что под каждым титулом предусматривалось изрядное, но различное по объему содержание, атрибуты и императорские подарки [Дудин 2020а: 143]. Как корреспондирующая часть любого блага, на дзасаков возлагалась обязанность ежегодно на новогодние торжества являться в Пекин и представлять перед императором.

3.2. *Институт хошунной администрации*

Следующим важнейшим институтом была княжеская, или хошунная, администрация. Ее специфика заключалась, во-первых, в том, что, согласно маньчжурским установлениям, состав административных равнозначных князей оставался одинаковым, отступление в сторону некоторого увеличения численности штата допускалось для председателя сейма в связи с наличием у него дополнительных полномочий, требующих дополнительных усилий. Так функции коллективного органа управления, своего рода Совета хошуна, исполняла Тамга, в состав которой входили тусалакчи, захиракчи, цзалан и мейрэн¹, о которых речь пойдет ниже. Во-вторых, через формирование администрации определялись и верховные княжеские полномочия в пределах своего хошуна — именно дзасак назначал всех должностных лиц и смещал их по своему усмотрению. В-третьих, специфика сводилась к тому, что, несмотря на всю полноту власти, которую концентрировали в своих руках дзасаки, с начала XX в. они постепенно отходят от непосредственного управления своими землями, фактически передавая властные полномочия в руки администраций, превращаясь, по мнению Н. Я. Коншина, в «обыкновенный производ одного или двух наиболее оборотливых, деловитых или образованных чиновников» [Коншин 1907: 15].

Как и всякая система управления, хошунная администрация формировалась на принципах иерархичности и подчинения нижестоящих органов вышестоящим. Одними из главных должностей были тусалакчи. Не вдаваясь в подробности ведения хозяйственной деятельности даже на при-

¹ Также: *мэйрен*. У разных авторов встречается различное написание слова.

мере одного хошуна, отметим, что по своей сути это были ближайшие помощники князя по гражданским делам. В зависимости от особенностей хошуна их количество составляло от 1 до 3 человек. Н. Я. Коншин писал про нравы, бытующие в хошунах относительно назначения кого-либо из тайдзиев или неслужилых князей на позицию тусалакчи: «с одной стороны, с него можно всегда получить большую взятку за это назначение, а с другой стороны, тусалакчи часто приходится посылать по делам княжества в Пекин, следовательно, они должны быть в силах нести при этом неизбежные и очень значительные расходы» [Коншин 1907: 14]. Их обязанности были четко регламентированы и включали в себя управление административными делами княжества, совместно с князем участие в отправлении правосудия, отдельные военные вопросы (например, управление одним из княжеских войск, противостояние хунхузам) и т. п. По той же маньчжурской традиции с целью определения своего социального статуса тусалакчи имели на головном уборе красный шарик. В исследуемом нами княжестве Дурбет численный состав этих функционеров составлял 3 человека: «Даморанджаб из деревни Янтуньтунь, Белекту — из деревни Голын-Шибэ и Бинту — из деревни Лаха» [Коншин 1907: 15].

Далее хошунная иерархия предполагала должность цзахиракчи (захиракчи) в качестве помощника по особым поручениям и княжеским распоряжениям. В. А. Рязановский утверждает, что «захиракчи был особым командующим чиновником по военным делам» [Рязановский 1931: 83]. В княжестве Дурбет захиракчи имел 2 помощников: *цзалан* (старшего), *мейрэна* (младшего). Этот факт подтверждает значимость изучаемого нами княжества, поскольку тот же В. А. Рязановский писал, что в княжествах в составе менее 6 сомонов имелся лишь один помощник — мейрэна [Рязановский 1931: 83].

Низовые позиции хошунной администрации занимали:

1) хошу-мейрены (обычно 2 позиции, в Дурбете хошу-мейренами были выходец из местности Янтуньтунь Сокто и выходец из местности Цзун-сумэ Тумун Улзы), которые управляли каждый своей половиной багов, а отличительной особенностью их костюма был светло-синий шарик с хвостом;

2) тамага-мейрен (1 позиция, в Дурбете — Буян Жаргал), который заведовал княжеской печатью и чьей отличительной особенностью костюма был синий шарик на головном уборе;

3) тамага-цзалан (1 позиция, в Дурбете — Чжиргасун) в качестве княжеского секретаря и составителя документов, чьей отличительной особенностью костюма был темно-синий шарик и хвостик на головном уборе [Коншин 1907: 15];

4) на местах порядок поддерживали 5 сомон-цзаланов и 7 улусных да-ноенов.

Не без интереса вникая в дела княжеского управления, Н. Я. Коншин указывал, что разнообразие должностей и административных позиций было лишь видимостью распределения полномочий и власти, тогда как на самом деле главенствующее положение занимал наиболее способный чиновник. В Дурбете таковым с 1906 г. был Тумун Улзы: «небольшого роста типичный монгол, сорока четырех лет от роду, с умными проницательными глазами, человек бывалый, отлично осведомленный во всех делах своего княжества и, по-видимому, добросовестный» [Коншин 1907: 16].

3.3. Религиозные институты

Третьим важным институтом публичной власти на монгольских землях были религиозные учреждения. С давних времен роль многочисленных буддийских монастырей на развитие тех или иных пространств монгольского мира была крайне велика. Монастыри представляли собой не только религиозные учреждения, но и сосредоточие традиций, культуры, знаний и зачастую выступали и крупными торговыми центрами. Любопытные сведения о религиозных учреждениях и их деятелях на примере Чжэринского сейма дает известный русский военный путешественник М. Полумордвинов [Полумордвинов 1912]. Он указывает, что большинство хошунов имели в качестве высшего духовного иерарха *гэгэна*, статус и влияние которого на политические дела как внутри княжества, так и за его пределами могли существенно различаться. В исследуемом нами княжестве Дурбет *гэгэна* не было. Н. Я. Коншин дает ценные сведения как по численности монахов, так и по количеству монастырей:

1) 40 служителей в монастыре Арбан-Нютагын-сумэ;

- 2) 30 служителей в монастыре Баянта-лан-сумэ;
- 3) 30 служителей в монастыре Душин-Нютугын-сумэ;
- 4) 30 служителей монастыре Далан-сумэ;
- 5) 40 служителей в монастыре Нойон-сумэ;
- 6) 25 служителей в монастыре Улобар-сумэ;
- 7) 60 служителей в монастыре Хошу-сумэ [Дудин 2020а: 145] «и еще два монастыря с 40 монахами в каждом» [Коншин 1907: 17].

Вместе с тем он же отмечает, что наиболее авторитетными среди иерархов были проживавшие вблизи ставки дурбетского дзасака в кумирне Хошу-сумэ Ачжа-лама, Аха-лама и Ширетуй-лама [Коншин 1907: 17].

Здесь важным моментом являлась определенная зависимость численности и, соответственно, статуса монастырей от численности общего населения хошуна и, в частности, его мужского населения. Так для сравнения: Э. Л. Теслер в одном из номеров «Вестника Маньчжурии» на примере аймака Уцзумучин, разделенного на два хошуна, показывает, что число служителей культа доходило до 5 тыс. чел., при этом сами ламы принимали активное участие в управлении внутренними делами своих княжеств [Дудин 2020а: 145], поясняя это наличием «...обычая монголов отдавать в монастыри каждого 3-го сына. Весь этот район имеет до 28 сумэ — монастырей, крупнейшие из которых — Ламаин-суме, Нурэн-сумэ и Баин-хошу-сумэ. Население этих монастырей можно считать почти оседлым, так как ламы живут здесь постоянно. Поступая в монастырь с раннего возраста, монгол проводит в нем большую часть своей жизни» [Теслер 1934: 95].

3.4. Институционализация аймачно-сеймовой организации монгольских земель

Важным властным институтом, объединявшим княжества в более крупные формирования, позволявшие повышать эффективность управления, была аймаки и сеймы. Цинские власти изначально постановили, что хошуны объединялись в аймаки — более крупные территориальные образования.

Структуру институтов публичной власти по управлению более крупными территориальными образованиями следует рассмотреть на примере Внутренней Монголии. Так, 49 хошунов были объединены в 24 аймака: например, Байринский аймак делился на хошуны левого и правого крыла, Уратский аймак — на правое, среднее и левое крыло, а хошуны Дурбет и Чжалайт сами по себе были одновременно аймаками.

Внешняя Монголия, напротив, была менее сегментирована в силу определенных историко-политических особенностей, в связи с чем включала в себя 4 аймака — сейма, состоящих из 86 хошунов: Хан-олуский сейм включал Тушэту-Ханский аймак и 20 хошунов, Цэцэрликский сейм — Сайн-найон-Ханский аймак и 22 хошуна, Керулэн-Барас-хотоский сейм — Цэцэн-Ханский аймак и 23 хошуна, и Чжак-голун-эхи-Бидория-Норский сейм, включавший Чжасакту-Ханский сейм с 21 хошуном [Дудин 2020б: 459].

В. А. Рязановский указывает на территориальный состав и других монгольских земель. Так, пустынные пространства Алашани (так называемая Ситаоская Монголия) на северо-западе современного автономного района Внутренняя Монголия состояли из 6 аймаков и 32 хошунов: аймак Дурбетов в Чжунгарии имел 14 хошунов, аймак Хойтов имел 2 хошуна, аймак Торгутов имел 12 хошунов, аймак Хошутов имел 2 хошуна, а хошун Олетов за Ордосом и хошун Торгутов по Эцзинею сами имели статус аймаков [Рязановский 1931: 82].

Приграничные Илийская, Алтайская области и Кукунор (совр. провинция Цинхай) включали 5 аймаков и 29 хошунов: Торгутский аймак состоял из 4 хошунов, Хошутский аймак включал 21 хошун, Чоросский аймак — 2 хошуна, Хойтский аймак сам был хошуном, равно как и аймак Халха. К ним добавлялось одно знамя в Тибете в районе проживания цайдамских монголов. Наконец, Барга (Хулун-Буир) предполагала деление на Старую и Новую Баргу, 6 родов и 18 хошунов [Рязановский 1931: 82].

Важной особенностью центральных районов Чахара и Тумэта во Внутренней Монголии было отсутствие хошунно-аймачной организации, связанной с историческими событиями первых лет установления маньчжурами своей власти в регионе. Эти районы

подчинялись непосредственно Пекину. Так, Чахар включал 4 хошуна левого и 4 — правого крыла, бывшие Далиханские и Шандудабсинорские казенные пастбища, а Тумэт или бывший знаменный Чингисхановский аймак — Хух-Хотский левый и правый хошуны [Дудин 2020б: 460].

В свою очередь аймаки объединялись в 6 сеймов (Их-Чжу, Улан-Цаб, Чжерим, Чжосоту, Чжоуда, Шилин-Гол), являвшихся на начальном этапе маньчжурского господства своеобразными военными округами, а позднее приобретших статус высших органов управления. Сеймы управлялись посредством съездов, проходивших, как правило, раз в три года. Древняя традиция курултаев сохранила и здесь свой след: из среды наиболее статусных и влиятельных аристократов дзасаками выбирался председатель — *чигулгану-дарга*, после чего факт избрания должно было утвердить Ведомство (Палата) внешних сношений (Лифаньюань). В его полномочия входили надзорные функции за порядком на вверенной ему территории, состоянием аймаков, деятельностью князей и т. д. Чигулгану-дарга получал право обжаловать распоряжения маньчжурских властей в Лифаньюань, от лица сейма организовывал общий надзор за правосудием, вел учет населения. Одновременно с председателем избирался и его заместитель — *дэд-чигулгану-дарга*, и формировался высший административный орган со своим штатом и полномочиями — *ямунь*, или сеймовое управление.

В качестве примера функционирования сеймовых институтов Н. Я. Коншин приводит Чжеримский сейм, в ведении которого находились 4 аймака и 10 хошунов: аймаки-хошуны Чжалайт и Дурбет, Хорчинский аймак в состав которого входили хошуны Бинту-вана (левого крыла передний), Бо-вана (левого крыла тыльный), Дархан-вана (левого крыла средний), Чжасокту¹-вана правого крыла передний), Тушету-вана правого крыла средний) и Туше-гуна² (правого крыла тыльный), а также аймак Горлос, включавший Северный Горлос и Южный Горлос [Дудин 2020б: 458], главой которого был Цзаймутэз Му-

билай, председатель сейма, «проживающий в своей ставке, в 35 вер. к югу от г. Бодунэ» [Коншин 1907: 12] и, как указывает Н. Я. Коншин, являвшийся «лишь передатчиком сеймовым князьям распоряжений китайского правительства и судьей в делах общих нескольким хошунам или по жалобам жителей на своего князя. Кроме того, на его обязанности лежит доносить китайскому правительству о всех происшествиях в сейме, как например, появление хунхузов, проход иностранных войск и пр., о чем в свою очередь князья сейма должны доносить ему. За действительным же исполнением в княжествах сейма распоряжений правительства председатель сейма не наблюдает и за них не отвечает. Поэтому фактически председатель сейма никакой власти над княжеством Дурбет не имеет и лично сам вмешиваться в дела княжества, по собственной инициативе не может» [Коншин 1907: 12–13]. Забегая вперед, скажем, что это была уникальная личность, которой в 1930-е гг. предстоит сыграть важную роль в судьбе этой части монгольских земель, когда их займут японцы.

3.5. Китайская колонизация и ее последствия для монгольских земель

Немаловажное влияние на систему управления монгольскими землями и распределение власти имел институт китайской колонизации. Колонизация оказалась настолько существенной, что ее последствия оказалось возможным наблюдать по составленным Экономическим Бюро Китайско-Восточной железной дороги (далее — КВЖД) картам Монголии и Маньчжурии, о которых речь пойдет ниже. Юридически отправной точкой этого неоднозначного процесса, который в течение последующих 30 лет принесет немало бедствий как монгольскому, так и китайскому населению, следует считать декабрь 1901 г., когда «цзяньцзюнь Сабао представил трону доклад о необходимости и важности заселения железнодорожной полосы от Харбина до Хайлара» [Дудин 2020а: 148].

Доклад был утвержден высочайшим соизволением весной 1902 г., и незамедлительно начался другой процесс — отвод земель монгольских хошунов площадью 1 млн шан. В первую очередь под удар попали княжества Дурбет, Северный Горлос,

¹ Альтернативное написание: Чжасайту.

² Приводятся также варианты написания: Шэ-гун, Сэ-гун.

Чжалайт и Чжасайту (Хорчинский правого крыла передний хошун).

Исследуемое нами княжество Дурбет, несмотря на то, что оказалось в авангарде описываемых событий, на первоначальном этапе пострадало в незначительной степени, что подтверждал в своей работе Н. Я. Коншин, определяя его как «...наименее населенное из всех прочих княжеств Чжеримского сейма. В противоположность всем им, где недостаток коренного населения восполнен сильным притоком с юга колонистов китайцев и харачин-монгол, в кн[яжестве] Дурбет, как тех, так и других, еще почти нет. Однако в самом близком будущем с этой окраиной должен совершиться полный экономический переворот. Эти бесконечные поля еще на наших глазах наполнятся цветущими селами и деревнями так скоро, как единственно в целом мире способен один Китай их быстро образовывать. Колонизационная волна в своем естественном и неуклонном движении с густозаселенного юга к пустынному северу пробилась уже дорогу через все южные княжества, заняв там огромные площади земли, и обрушилась теперь на княжество Дурбет. Здесь все земли, лежащие к северу от жел. дороги, т. е. почти половина земель княжества, уже отмежеваны китайским правительством, разбиты на тысячи участков и распроданы китайским колонистам. С весны этого года новоселы должны приступить к распашке полей и постройке фанз. <...> Несомненно, поэтому, что в скором времени, когда эти огромные площади пустопорожних монгольских земель, почти десять лет тщетно как бы взывавшим к нам: приди и возьми, обратятся в обильные земельными злаками нивы и покроются цветущими селами и городами, — коммерческое благосостояние этой части Кит. Вост. жел. дороги значительно подымется, так как явятся районы, которые будут ее питать, а экономическое и политическое положение самого края совершенно изменится» [Коншин 1907: 2–3].

Опять же, забегая вперед, отметим правдивость и достоверность сделанного прогноза. И здесь надо учитывать, что российская сторона рассматривала КВЖД как один из главных инструментов стратегического присутствия в регионе (присутствия в трактовке А. В. Михалева [Михалев 2019: 33]).

Н. Я. Коншин дает важные сведения относительно коренного населения княжества, насчитывавшего до 4 тыс. человек взрослых мужчин в возрасте от 18 до 45 лет без учета детей, стариков и женщин. Кроме того, «присутствовали харачинские монголы-переселенцы в количестве до 50 дворов и китайские колонисты в количестве до 40 дворов» [Коншин 1907: 9].

Коренное население стремительно нищало из-за падежа скота и княжеских трат при императорском дворе, высоких процентов по долгам перед китайскими торговцами и банкирами [Гурьев 1911: 78], хунхузов и неурожайных лет. При сохранении традиционных форм скотоводства и непринятии земледельческой культуры оно существенно проигрывало китайским колонизаторам, переселявшимся на новые земли целыми семьями, обеспечившими себе таким образом контроль над торговлей и соляной добычей. Н. Я. Коншин пишет, что они «заняли удобные места для земледелия, в разных местах княжества, без особого труда превратили поля в пашни, быстро освоились с новыми местами и очень скоро разбогатели. Их поселения все без исключения отличаются зажиточностью, а постройки — фундаментальностью» [Коншин 1907: 9].

В итоге ситуация расколола общество на два лагеря, где во главе одного встал китайский цзяньцзюнь, вынужденный следовать указаниям из центра, а во главе другого лагеря — князя Дурбета и Северного Горлоса, слухи о сепаратистских настроениях которых дошли до столицы. Известный русский исследователь и чиновник торговых дел различных имперских ведомств А. П. Болобан описывает эти драматические события: «Основываясь на прежних указах, решительно запрещавших даже входить с представлениями о заселении китайцами Монголии, князя просили отмены последнего указа и выставляли на вид, что стеснение традиционного скотоводства монголов может повести к волнениям и открытому их сопротивлению» [Болобан 1909: 283–284]. В итоге ситуация грозила выйти из-под контроля: «Среди монголов образовалась даже сильная партия во главе с князем хошуна Чжасакту, стоявшая за переход в русское подданство. Но предложение парии в этом направлении было отклонено русским правительством, и монголам ничего не оста-

валось, как покориться настойчивым приказам из Пекина» [Болобан 1909: 284].

Понимая опасность открытого противостояния с монгольскими элитами, центральное правительство перешло к мерам убеждения, уговоров и прямых подкупов как самих князей, так и их ближайшего окружения. Обширный материал относительно этих событий содержится в русскоязычной литературе, издававшейся в то время в Харбине Экономическим бюро и другими подразделениями КВЖД. Так объемное издание 1922 г. «Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога» приводит любопытные сведения относительно того, как привлекаемые китайские чиновники поставили процесс взаимодействия с руководством хошунов на тот уровень, когда результат был всегда на стороне убеждавших. В качестве наглядного примера фигурировал некий Чжоу-мянь, состоявший в свое время на дипломатической службе у цзяньцзюня, отвечавший за взаимодействие с руководством КВЖД и имевший, очевидно, определенные навыки в переговорном процессе. Его заслуга заключалась в том, что ему удалось убедить монгольских князей в хороших условиях, предложенных им центральным правительством для продажи их земель, которые сводились как к выплате единовременной крупной денежной суммы, так и к установлению ежегодной ренты, что избавляло князя от рутинных забот и пополнении своих скудных сбережений теми или иными непопулярными налогами и податями. В результате князь Чжалайта сам был вынужден обратиться к ответственным должностным лицам в столице империи с просьбой о продаже части своих земель. По которым была проложена ветка на участке КВЖД Чингис-хан – Цицикар. Другие князья последовали его примеру, поскольку, потеряв сильного сторонника, уже не имели возможности противостоять натиску колонизаторов. В итоге по аймакам Дурбета и Горлоса, а также «через почти независимые владения княжества Маннай-гун» [Северная Маньчжурия 1922: 8] была проложена линия железной дороги.

В «Известиях Восточного института» в г. Владивостоке в выпуске 1 тома XXIII за 1907–1908 академический год доцентом права Восточного института, крупным экономистом Н. И. Кохановским была опубли-

кована переведенная им работа выдающегося немецкого исследователя, историка и социолога Отто Франке о земельных правоотношениях в Китае на излете империи Цин. Так, в работе содержится информация о том, что для более эффективного и оперативного управления колонизационными делами и дабы отделить государственный интерес от коммерческого, летом 1902 г. по указу императора учреждается акционерное общество с 50-процентной долей правительства в уставном капитале [Франке 1908: 52]. В ходе этих действий стало ясно, что прежняя лояльная политика маньчжурских властей в отношении монголов и гарантий неприкосновенности их земель закончила свое действие. С одной стороны, данные шаги объяснялись стратегическими соображениями обеспечения безопасности китайской границы, особенно, в российском направлении. С другой стороны, было совершенно очевидно, что это весьма прибыльный бизнес с практически безграничными на тот момент ресурсами [Франке 1908: 53], грамотное распоряжение которыми могло принести участникам подобных предприятий огромные деньги.

Отсутствие централизованного сопротивления и авторитетных лидеров среди монгольских элит, корыстолюбие и пагубные привычки в итоге заставили большинство князей Восточной Внутренней Монголии смириться со своей участью, а всем остальным показать, что сопротивление политике центральных властей не приносит сепаратистски настроенным элементам желаемого результата. В итоге почти сразу же солоны, жители Барги, вышли на руководство КВЖД с предложением купить у них весь бассейн р. Ял от Хингана до впадения р. Дессинхэ (около ст. Турчиха) [Исторический обзор 1923: 412].

Далее в соответствии с достигнутыми договоренностями между Обществом КВЖД и губернатором Хэйлуңцзяна, для более оперативного решения вопросов о выделении земель Обществу КВЖД было позволено даже непосредственное взаимодействие с монгольскими и маньчжурскими князьями, представителями солон и других племен [Исторический обзор 1923: 413–414]. Таким образом, процесс колонизации нашел в лице наших соотечественников еще одного сильного сторонника, располагавшего к тому же и значительными финан-

совыми ресурсами, что снимало определенную часть бремени с китайских властей.

3.6. Пространственная локализация и визуализация территориально-властной организации монгольских земель

Последствия колониационной политики центральной власти на излете существования империи можно увидеть на двух уникальных картах, подготовленных группой картографов под руководством бывшего первого военного министра в правительстве адмирала А. В. Колчака В. И. Сурина и изданных в 1925 г. в Харбине. Эти карты — своеобразный «посмертный снимок» уходящей эпохи монгольских княжеств: Внешняя Монголия на тот период времени уже не только объявила независимость, но и в 1924 г. сменила форму правления с монархической на республиканскую, что повлекло за собой как всю перестройку государственного аппарата, так и слом социальных отношений, упразднение княжеств и ликвидацию дзасаков как класса; во Внутренней Монголии, разделенной в 1914 г. на 3 особых района (Чахар, Суйюань и Жэхэ), в 1928 г. административно-территориальная реформа завершилась их преобразованием в китайские провинции с соответствующей ханьской администрацией, а Барга, хоть и попытавшаяся в 1912–1915 гг. добиться независимости и получившая промежуточный статус округа с особым статусом и под прямым президентским управлением, лишилась его в 1920 г., и ее судьба не предполагала возврата к традиционному хошунному укладу.

Первая карта, «Карта Монголии» [[Карта Монголии 1925](#)], демонстрирует хошунно-аймачно-сеймовое устройство большей части Внешней Монголии (за исключением части Чжасакту-Ханского аймака и части Кобдо на западе), почти всю Внутреннюю Монголию (за исключением небольших участков: на западе торгутских земель, на юге Алашани, на юге Ихчжуского сейма и некоторых восточных аймаков, которые перенесены на «Карту Маньчжурии», например, Южный Горлос (карта 1, карта 2)) и Баргу.

На второй карте, «Карте Маньчжурии» [[Карта Маньчжурии 1925](#)], имеется недостающая информация по восточным монгольским территориям, помимо этого

отчетливо показано административно-территориальное устройство района «Трех восточных провинций» и их уездная структура.

Карты изданы Коммерческой частью и Экономическим Бюро КВЖД, масштаб 40 верст в дюйме, что примерно соответствует масштабу 1:1 700 000. В названии карт указано, что они составлены по новейшим материалам и при участии М. П. Андриевского, Н. Ю. Станковича и А. М. Баранова.

Данные карты можно отнести к обзорным общегеографическим — на них подробно отображены государственные и административные границы, дорожная сеть (включая железные дороги), местоположение населенных пунктов, гидрографическая сеть и водные объекты. Присутствуют названия отображенных государств, административно-территориальных единиц, населенных пунктов, хребтов, гидрографических объектов, островов и заливов. Рельеф представлен в виде отмывки.

В ходе исследования проекцию карт определить не удалось. Визуально имеется схожесть с цилиндрической проекцией Меркатора или Гаусса-Крюгера. Долготы карт имеют начало отсчета от гринвичского меридиана, поэтому было принято решение использовать систему координат (СК) WGS 1984 Web Mercator при проведении пространственной привязки (перевода сканированного изображения карты в ГИС-формат). Дополнительным доводом для использования данной СК является то, что геопространственная база данных, собранная для выполнения исследования (тематические векторные и растровые слои, описывающие современную ситуацию в районе исследования — государственные границы, дорожную сеть, гидрографию, административное деление, населенные пункты, высоты и т. д.), хранится в географической СК WGS-84, имеющей тот же датум.

СК WGS 1984 Web Mercator используется во множестве картографических веб-сервисов (Google Maps, Яндекс Карты и т. д.), что является еще одним доводом для применения ее в качестве базовой — это позволит легко выводить полученные картографические данные для публикации в веб-среде.

Карты Монголии и Маньчжурии В. И. Сурина по своей сути являются единым картографическим произведением, по-

Карта 1. Часть Карты Монголии 1925 г.

[Map 1. Map of Mongolia. 1925. Part]

этому в ходе дальнейшей работы было принято решение об их сшивке (объединении в единое изображение) средствами программного комплекса EasyTrace 8.65. Работы по привязке и дальнейшей векторизации (перевод данных с карты в векторный формат) проводились в программном комплексе ArcGISPro 2.5. Для привязки были использованы узлы координатной сетки. Оригинал бумажной карты имеет тканевую основу, наличие значительных потертостей в местах сгиба привело к деформации изображения (смещении частей карты относительно друг друга) при сканировании, что повлияло на качество привязки. Вкупе с корректностью

самих карт это ограничило точность в пределах от 2 до 5 км.

Для оценки пространственных параметров институтов публичной власти на монгольских землях в исследуемый период и их визуализации в ГИС в качестве основной задачи стояла векторизация (оцифровка) «Карты Монголии». Тематическим содержанием карты являются административные границы монгольских княжеств (хошунов). В результате векторизации границ создано цифровое покрытие «Административное деление Монголии в 1925 г.». База данных покрытия включает 148 полигонов княжеств, содержащих следующие атрибуты: поряд-

Карта 2. Часть Карты Маньчжурии 1925 г.

[Map 2. Map of Manchuria. 1925. Part]

ковый номер полигона; название аймака в 1925 г.; название княжества в 1925 г.; старое название княжества, площадь (км²); протяженность границы (км). В качестве модельного полигона выбрана территория Барги (карта 3).

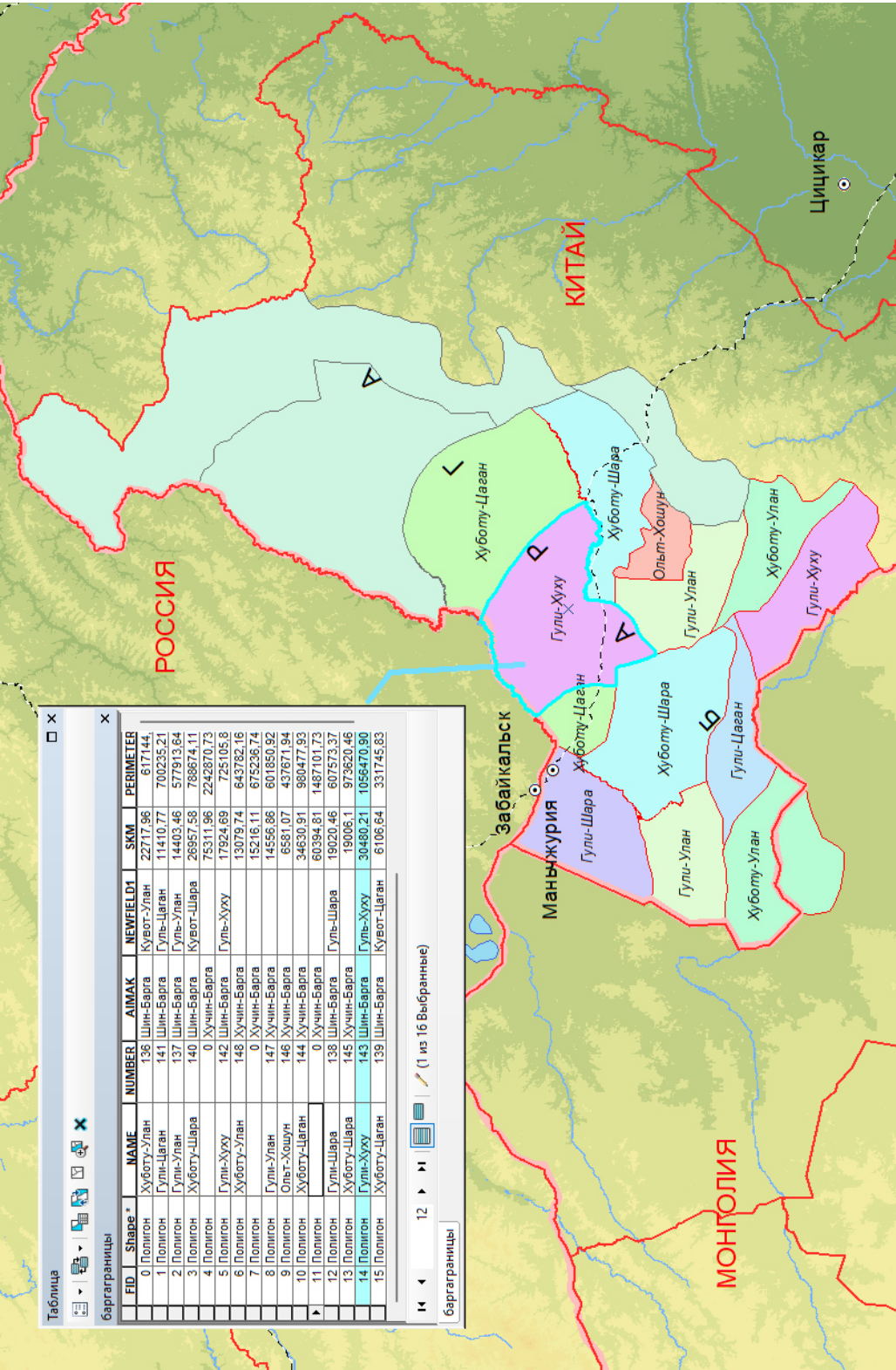
База данных является физическим хранилищем исторических административно-территориальных сведений. Пространственные данные границ полигонов концентрируются в виде геодезических координат. Это в свою очередь предоставляет исследователям возможность определения пространственных связей и топологических отношений между полигонами.

В результате были векторизованы границы хошунов (княжеств) в формате полигонального слоя с внесением атрибутивной (описательной) информации — название, принадлежность к определенному аймаку и/или сейму. Были рассчитаны площади. Во многих случаях границы хошунов приурочены к границам гидрографических объек-

тов или дорогам (в том числе железным дорогам). В таких случаях были использованы современные данные о положении указанных объектов.

4. Выводы

В ходе исследования институтов публичной власти на территории монгольских земель в первой четверти XX в. была изучена княжеская система управления, оказавшаяся достаточно эффективной и в условиях почти 280-летнего маньчжурского господства, и в период республики, чтобы сохранить основу своего функционирования. Немаловажную роль в этом сыграла хошунная администрация, состав и принципы деятельности которой также подверглись нашему исследованию, а также религиозные институты. Особое внимание было уделено территориальной организации обширного пространства Внешней и Внутренней Монголии, что было обусловлено их сложносоставностью. Будучи ключевым звеном

Карта 3. Векторизация пространства Барги
[Map 3. Barga. Space vectorization]

Карта 4. Наложение векторизованного участка Барги на современную карту

[Map 4. Barga. Vectorized area and present-day map]

территориальной организации публичной власти, хошун-княжество оказывался формально как бы на самом низовом уровне административной иерархии так называемого Внешнего Китая, хотя именно его глава, князь (дзасак) обладал в его пределах всей полнотой власти. Однако, как показывают материалы, вышестоящие институты в виде аймаков и сеймов создавались не для ограничения этой власти, а для повышения управляемости обширными пространствами, а их руководящий состав обладал ограниченным набором функций без права вмешательства во внутренние дела хошунов.

Понимание этой древней и сложной организации создало условия для визуализации пространства с использованием современных технологий и знаний представителей наук о Земле. В настоящее время

процесс не завершен, поэтому представленные в статье результаты носят предварительный и промежуточный характер, отражая и значительные сложности в работе. Так, в ходе векторизации обнаружены множественные существенные несоответствия пространственного положения гидрографических объектов, как линейных (реки), так и полигональных (озера), отображенных на карте и современных, загруженных в проект в векторном формате. Это может быть обусловлено, как погрешностями самой карты, так и естественными причинами — изменение русла, высыхание, что еще предстоит выяснять. Также работу осложняет несовпадение многих исторических и современных топонимов, что ставит задачу создания базы данных соответствия названий. Имеющиеся в распоряжении на-

учного коллектива источники позволяют прогнозировать способность решения и этой задачи. В дальнейшем планируется совмещение цифрового покрытия 1925 г. с современным территориально-административным делением и пространственный анализ трансформации административных единиц (карта 4).

Наконец, обнаружено исчезновение многих населенных пунктов, представлен-

ных на картах 1925 г., но отсутствующих на современной, что является темой дальнейших исследований, а также ряда княжеств, что крайне важно для изучения китайской колонизации монгольских земель. Например, не удалось обнаружить Маннай-гуна или Дурбета. При этом княжество Дурбет присутствует на карте И. Я. Коростовца [[Карта Монголии 1914](#)] (масштаб 1 : 3 360 000; размер листа: 64 x 89 см) (кар-

Карта 5. Княжество Дурбет (в правом нижнем углу) на карте И. Я. Коростовца 1914 г.

[Map 5. Durbet County (Dorbod Banner) on the map compiled by I. Korostovets (bottom right corner). 1914]

та 5), содержащейся в книге В. Л. Котвича [Котвич 1914], и ее репродукции — приложении к журналу «Знание для всех» [Монголия 1915] (карта 6).

Это дает повод более подробно подойти к процессу изучения преобразования Внутренней Монголии в 1914–1928 г. в китай-

ские провинции с созданием параллельного «ханьского» управленческого аппарата, что также найдет свое отражение и в ходе реализации проекта, и на страницах публикуемого научным коллективом материала по результатам исследования.

Карта 6. Княжество Дурбет (в правом нижнем углу) на карте журнала «Знание для всех» 1915 г.

[Map 6. Durbet County (Dorbod Banner) on the map published by *Znanie dlya vseh* (bottom right corner). 1915]

Источники

Карта Монголии 1914 — Карта Монголии. Издание Картографического заведения А. Ильина в С.-Петербурге; сост. по данным бывшего уполномоченного в Монголии И. Я. Коростовца, при участии В. Л. Котвича, 1914. 1 л.

Карта Маньчжурии 1925 — Карта Маньчжурии. Издана Коммерческой частью и Экономическим Бюро К.В.Ж.Д. под общим руков. В. И. Сурина; сост. по новейшим ма-

териалам М. П. Андриевский, Н. Ю. Станкович и Л. А. Блашкевич. Харбин: Типо-лито-цинкогр. Л. М. Абрамовича, 1925. 1 л. скл. из 4 л.

Карта Монголии 1925 — Карта Монголии. Издана Коммерческой частью и Экономическим Бюро К.В.Ж.Д. под общим руков. В. И. Сурина; сост. по новейшим материалам М. П. Андриевский, Н. Ю. Станкович и Л. А. Блашкевич. Б.м.: Типо-лито-цинкогр. Л. М. Абрамович, 1925. 1 л. скл. из 4 л.

Sources

Andrievsky M. P., Stankovich N. Yu., Blashkevich L. A. (comps.) Map of Manchuria [Based on Contemporary Data]. V. Surin (ed.). [Harbin:] L. Abramovich, 1925. 1 (4) p. (In Russ.)

Andrievsky M. P., Stankovich N. Yu., Blashkev-

ich L. A. (comps.) Map of Mongolia [Based on Contemporary Data]. V. Surin (ed.). [Harbin:] L. Abramovich, 1925. 1 (4) p. (In Russ.)

Korostovets I. Ya., Kotwicz W. L. (comps.) Map of Mongolia. St. Petersburg: Cartographic House of A. Ilyin, 1914. 1 p. (In Russ.)

Литература

Бешенцев и др. 2022 — Бешенцев А. Н., Дудин П. Н., Батомункуев В. С., Рыгзынов Т. Ш. ГИС маньчжуро-монгольской территориальной социально-экономической системы для историко-географических и геополитических исследований // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2022. № 4(48). С. 79–86.

Болобан 1909 — Болобан А. П. Земледелие и хлебо-промышленность Северной Маньчжурии. Харбин: Русско-Китайско-Монгольская типография газеты «Юань-дун-бао», 1909. 368 с.

Дудин 2020а — Дудин П. Н. Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.: дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. Т. I. 340 с.

Дудин 2020б — Дудин П. Н. Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.: дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. Т. II. 468 с.: + (Прил. ил.).

Дудин 2020в — Дудин П. Н. Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. 43 с.

Гольденберг 1958 — Гольденберг Л. А. Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация (по фондам центральных исторических архивов СССР): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1958. 18 с.

Гурьев 1912 — Гурьев Б. Монголия и Китай и их политические взаимоотношения // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 21–40.

Гурьев 1911 — Гурьев Б. Экономическое положение Монголии // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 74–89.

Монголия 1915 — Монголия // Знание для всех. 1915. № 6. С. 3–40.

Исторический обзор 1923 — Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 г.г. Т. I / сост. Е. Х. Нилус. Харбин: Тип. КВЖД и Т-ва «Озо», 1923. XIX, 690 с.

Коншин 1907 — Коншин. Княжество Дурбет. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, 1907. 27 с.

Котвич 1914 — Котвич В. Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб.: Картогр. заведение А. Ильина, 1914. 44 с., 4 л. ил.

Медушевская 1957 — Медушевская О. М. Картографические источники XVII–XVIII вв.: Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М.: Московский гос. ист.-арх. ин-т, 1957. 28 с.

Михалев 2019 — Михалев А. В. Политическое присутствие — генеалогия концепта // Мировая политика. 2019. № 2. С. 33–42.

Полумордвинов 1912 — Полумордвинов М. Монастыри Чжеримского сейма сев.-восточ. Монголии // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 109–179.

Рязановский 1931 — Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественно обычное): Исторический очерк. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 306, 42, II с.

Северная Маньчжурия 1922 — Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная

- дорога. Харбин: Тип. КВЖД, 1922. XI, 692, XXIII с.
- Теслер 1934 — Теслер Э. Л. Уцзүмүчин // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 95–101.
- Франке 1908 — Франке О. Земельные правоотношения в Китае / пер. с нем. Владивосток: Типо-лит. при Вост. ин-те, 1908. 156 с.
- References**
- Beshentsev A. N., Dudin P. N., Batomunkuev V. S., Rygzynov T. Sh. GIS of the Manchurian-Mongolian territorial socio-economic system for historical, geographical and geopolitical studies. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 4(48). Pp. 79–86. (In Russ.)
- Boloban A. P. Crop Farming and Grain Production in North Manchuria. Harbin: Yuan Tong Bao, 1909. 368 p. (In Russ.)
- Dudin P. N. Statehood of Inner Mongolia: Late 19th to Mid-20th Centuries. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2020. 43 p. (In Russ.)
- Dudin P. N. Statehood of Inner Mongolia: Late 19th to Mid-20th Centuries. Dr. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2020. Vol. 1. 340 p. (In Russ.)
- Dudin P. N. Statehood of Inner Mongolia: Late 19th to Mid-20th Centuries. Dr. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2020. Vol. 2. 468 p. (In Russ.)
- Franke O. Land Relations in China. Vladivostok: Eastern Institute, 1908. 156 p. (In Russ.)
- Goldenberg L. A. Russian Cartographic Materials as Historical Sources and Their Classification: Analyzing Collections of Key Soviet Historical Archives. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Leningrad, 1958. 18 p. (In Russ.)
- Guryev B. Economic conditions in Mongolia. *Vestnik Azii*. 1911. No. 8. Pp. 74–89. (In Russ.)
- Guryev B. Mongolia-China political relations. *Vestnik Azii*. 1912. Nos. 11–12. Pp. 21–40. (In Russ.)
- Konshin. Durbet County. Harbin: Special Frontier Guard Corps (Trans-Amur District), 1907. 27 p. (In Russ.)
- Kotwicz W. L. The Past and Present Political Situation in Mongolia: A Brief Review. St. Petersburg: Cartographic House of A. Ilyin, 1914. 44 p. (In Russ.)
- Medushevskaya O. M. Cartographic Sources: 17th–18th Centuries. Coursebook. Moscow: Moscow State Institute of History and Archives, 1957. 28 p. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. Political presence — genealogy of the concept. *World Politics*. 2019. No. 2. Pp. 33–42. (In Russ.)
- Mongolia. *Znanie dlya vsekh*. 1915. No. 6. Pp. 3–40. (In Russ.)
- Nilus E. Kh. (ed.) Chinese Eastern Railway, 1896–1923: A Historical Review. Vol. 1. Harbin: Ozo, 1923. XIX, 690 p. (In Russ.)
- North Manchuria and the Chinese Eastern Railway. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1922. XI, 692, XXIII p. (In Russ.)
- Polumordvinov M. Monasteries of Jirem League, Northeastern Mongolia. *Vestnik Azii*. 1912. Nos. 11–12. Pp. 109–179. (In Russ.)
- Ryazanovsky V. A. Mongolian Law (Primarily Customary Law): A Historical Essay. Harbin: N. Chinarev, 1931. 306, 42, II p. (In Russ.)
- Tesler E. L. Üjümüchin. *Vestnik Man'chzhurii*. 1934. No. 1. Pp. 95–101. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 2, pp. 313–324, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-313-324

Из истории калмыцкой повседневности. Кочевание в XVIII в.

Максим Манчиевич Батмаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2233-0647. E-mail: [kigiran\[at\]mail.ru](mailto:kigiran[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Батмаев М. М., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье на основе ранее не публиковавшихся архивных материалов рассмотрен процесс кочевания калмыков в XVIII в. *Материалы и методы исследования.* Работа основана на анализе материалов Российского государственного архива древних актов, Архива внешней политики Российской империи, Национального архива Республики Калмыкия. В исследовании применяются описательный, историко-сравнительный и функциональный методы. *Результаты.* Автор показывает, что в рассматриваемое им время кочевание калмыков было урегулировано, систематизировано. Территория кочевий была обширной, доходя на севере до окрестностей Самары и Сызрани, на юге — до берегов реки Кумы. Кочевание основной массы калмыцкого народа велось в меридиональном направлении. Были исключения из установленных правил кочевания. Ряд улусов занимал постоянные места проживания, хотя и здесь практиковались, если так можно выразиться, микрокочевания на небольшие расстояния. В рассматриваемое время случались столкновения, неприязненные отношения, как в среде самих калмыков, так и между ними и соседним населением, на почве притязаний на те или иные пастбищные территории. Самое же главное, и это отмечается в статье, в XVIII в. шло заселение земель Нижнего Поволжья и Предкавказья русским населением, а это неминуемо вело к сокращению территории, занимаемой калмыками. Необходимо сказать, что из калмыцкого владения отторгались самые выгодные в хозяйственном отношении земли. Вместе с тем поиски урегулирования отношений велись как на народном, так и на правительственном уровнях. Разумеется, в исторической перспективе выход был для калмыков в переходе к оседлости, к интенсивным формам хозяйствования. В XVIII в. эта необходимость еще не осознавалась.

Ключевые слова: кочевание, маршруты кочеваний, группы кочевые, пастбища, худуки, территория кочеваний, столкновения, пришлое население

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. Из истории калмыцкой повседневности. Кочевание в XVIII в. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 313–324. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-313-324

Insights into Kalmyk Everyday Life of the Past: 18th-Century Nomadic Routes

Maksim M. Batmaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2233-0647. E-mail: kigiran[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Batmaev M. M., 2023

Abstract. *Goals.* The article examines previously unpublished archival materials for an insight into 18th-century nomadic practices and routes of the Kalmyks. *Results.* The paper shows that the latter were controlled and systematized during the period under consideration. The total nomadic area was extensive and reached outskirts of Samara and Syzran in the north, and the Kuma River in the south. The bulk of Kalmyk communities tended to move longitudinally. However, there were some exceptions. A number of uluses were constantly occupying certain areas, although practicing somewhat micro-migrations over short distances. The era under review witnessed clashes, hostile relations — both among Kalmyks proper and with neighboring Russian groups — that resulted from claims to certain pasture territories. The article stresses the 18th century was characterized by mass Russian population inflows to the Lower Volga and the Pre-Caucasus, which inevitably led to reductions of Kalmyk-inhabited lands. Moreover, it must be noted that the migrants tended to seize most economically advantageous lands. At the same time, both ethnic elites and government executives were seeking to settle the turbulent relationships. From the historical perspective, it was sedentarization and intensification of agriculture that could serve a way out for the Kalmyks, but in the 18th century the need was not yet that obvious.

Keywords: nomadism, nomadic routes, nomadic groups, pastures, khuduk, nomadic territory, clashes, migrant population

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Batmaev M. M. Insights into Kalmyk Everyday Life of the Past: 18th-Century Nomadic Routes. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 313–324. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-313-324

1. Введение

Обеспечение безопасного и рационального кочевания было всегда одним из основных атрибутов жизненного процесса кочевых народов, и дело это было далеко не простым. Природные катаклизмы — засухи, безводие, суровые зимы, эпизоотии — нередко случались на тех или иных территориях, занятых кочевниками. Эти проблемы сочетались с порою не всегда мирными отношениями с соседями, которые могли быть и кочевыми, и оседлыми.

Предлагаемая статья посвящена сезонным перекочевкам наших предков, так как они действительно являлись условием

существования их экстенсивного скотоводческого хозяйства. Значимость и актуальность темы определяется следующими обстоятельствами: 1) в общем плане в кочевниковедении имеются дискуссионные и неоднозначные проблемы, ждущие своего исследования; 2) что касается калмыцкой истории, то без изучения кочевания народа, она не может быть воссоздана в максимально возможной полноте; 3) изучая социально-бытовые отношения по поводу процесса кочевания, мы будем лучше понимать социальные отношения в других жизненных сферах. Между тем, насколько нам известно, в калмыцкой историографии

нет специальных работ по названной теме, кроме отдельных упоминаний и экскурсов в работах по другим проблемам. Среди них можно отметить работу В. В. Батырова «Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX вв» [Батыров 2014]. Что касается XVIII в., ранее автор данной работы обращался к анализируемой теме [Батмаев 2002].

2. Материалы и методы

Работа написана на основе ранее не опубликованных и не введенных в научный оборот материалов Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА), фонд 119 «Калмыцкие дела», опись 1; Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), фонд 119 «Калмыцкие дела», опись 1; Национального архива Республики Калмыкии (далее — НА РК), фонд 35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии»; фонд 36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе», опись 1.

Исходя из принципов цивилизационного подхода, мы представляем историю человеческого общества как многолинейный, многовариантный процесс. Номадизм же был и есть особая цивилизация. Главными методами, примененными в работе, являются описательный, сравнительный и функциональный.

3. Историография проблемы

Как уже сказано выше, выбранная тема не становилась предметом специального рассмотрения. Дореволюционные авторы, надо отдать им должное, немало сделали в плане этнографического изучения и описания хозяйственно-бытовой повседневности калмыков. Вместе с тем конкретно о кочевании, в том числе в XVIII в., они писали мало и вскользь. Историки советского периода в отношении темы калмыцкого кочевания оставались в традиционном русле, говоря о нем попутно и в общих выражениях. В частности А. М. Хазанов выделил в евразийских степях пять основных форм кочевого или полукочевого хозяйства. Хозяйство калмыков он отнес к третьей форме, когда, по его мнению, все население кочует по давно разработанным путям и, кроме того, имеет постоянные зимники. При пол-

ном отсутствии земледелия скот находится на круглогодичном подножном корме. Далее, рассмотрев в сравнительном плане некоторые стороны хозяйства сарматов и калмыков, он пришел к выводу об их близости, и поэтому считал безосновательными противопоставления ранних кочевников поздним [Хазанов 1974: 214–215, 219].

В советской историографии кочевничества преобладающим было мнение, что наиболее распространенными видами круглогодичного сезонного выпаса скота были меридиональное, вертикальное и стационарное кочевания. Вертикальное кочевание применялось в горных местностях, и поэтому нас не интересует применительно к теме нашего исследования. Что касается двух остальных, то наиболее принятый взгляд на них заключается в том, что меридиональное кочевание состоит в перегоне скота осенью на южные пастбища, а весной — на северные. Впрочем, как считает Г. Е. Марков, в зависимости от местных условий направление кочевания может быть и иным [Марков 1989: 62].

Правда, вызывают некоторые вопросы следующие утверждения автора: при характеристике меридионального кочевания он пишет, что кочевники двигаются от одного колодца к другому, задерживаясь на долгое время на одном месте; вместе с тем он выделяет «стационарное» кочевание на том основании, что кочевники кочуют вокруг многих колодцев, расположенных недалеко друг от друга [Марков 1989: 62].

4. Виды кочеваний

Большинство калмыцких улусов относились к группам с меридиональным кочеванием. В 1720 г. хан Аюка говорил правительственному посланцу, который выражал беспокойство по поводу перехода многих улусов на правобережье Волги: «...а что де калмыки и калмыцкие владельцы пошли на нагорную сторону, и из давних де лет калмыки з женами и з детьми и с скотом для скотских кормов в зимнее время переходят на нагорную сторону, а служилые де их калмыцкие люди всегда з знатными владельцы бывают в походе перед улусами от набегов кубанских и от других неприятелей» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 7. Л. 4]. Это же подтвердил знатный зайсанг Билютка и добавил, что такие охранные во-

йска попутно занимаются охотой: «и ныне де Чапдержап для того ж пошел с войским и забавляетца де оное войско битвою всяких зверей» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 7. Л. 3об.–4].

В указе от 18 января 1742 г. отмечалось, что большая часть калмыцких улусов ежегодно и в случаях если хан или наместник не имеют желаний находиться во время полюдья в Рынпесках, в междуречье Волги и Яика, весь народ откочевывает вверх по Волге и доходит до Сызрани и Самары. Кочуют они там до слития на Волге полои воды, а некоторые улусы — и до времени перехода по льду на нагорную сторону [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 268].

3 июля 1746 г. тогда еще наместник Дондук-Даши писал астраханскому губернатору И. А. Брылкину, что, как правило, летом и осенью многие улусы кочевали на луговой стороне, а «по замерзании Волги льдом — в Мочагах и по морским косам. Теперь из-за нападений казахов там кочевать не можем, и поэтому надо их разбить» (т. е. просит помочь войсками), а если этого не сделать, «то нам по Волге и в косах скоту кормами, а калмыком рыбою довольствоваться покою никогда не будет, и когда сего довольства лишимся и всегда кочевать будем на нагорной стороне (не переходя на луговую, т. е. на левобережье. — М. Б.), то никогда поправиться будет не можно» [НА РК. Ф. И-36. Д. 207. Л. 417–418].

Итак, основная масса калмыков кочевала в меридиональном направлении, с севера на юг в зимнее время, и с юга на север — в летнее. На севере калмыцкие хотоны появлялись в окрестностях Сызрани и Самары, но спорадически и в небольшом количестве и только на левобережье Волги. На правобережье калмыцких кочевий не было. На юге калмыки доходили до Кумы и окрестностей, но об этом подробнее ниже.

5. Земли для кочеваний калмыцких улусов

На востоке, в междуречье Волги и Яика, временами и местами переходя за Яик, постоянно кочевал улус Доржи Назарова, а затем — его детей и внуков. Другие улусы были представлены здесь отдельными немногочисленными группами, да и то не всегда. В зимнее время калмыки кочевали в Мочагах (тогдашнее северо-западное по-

бережье Каспийского моря, богатое островами, камышами и травянистыми прибрежьями), по рекам Куме, Томузлову, Буйволе, Калаусу и левобережью Дона.

Вся названная территория для удобства пользования и для предотвращения земельных споров и столкновений делилась на отдельные большие участки, закрепленные за тремя этнополитическими объединениями — торгутов, дербетов и хошут. Земли кочевий этих объединений в свою очередь делились между улусами, входивших в управление того или иного владельца (нойона). Бесспорных данных, говорящих о закреплении пастбищ за аймаками и другими мелкими административными единицами, нет; скорее всего, это не практиковалось. Можно констатировать, что на определенном этапе те или иные территории с пастбищами и водопоями были выделены в постоянное владение (или в управление) тех или иных нойонов с их улусом или улусами.

Когда это происходило или произошло, сказать трудно, так как прямые свидетельства в источниках отсутствуют. Так, Дондук-Омбо в 1731 г., оправдывая действия по «потраве ханшинных кочевых мест», писал в августе 1731 г. руководителю Калмыцких дел В. П. Беклемишеву: «... прежде мы кочевали хто где хочет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 186]. В ответ возмущенный хан Церен-Дондук в письме В. П. Беклемишеву от 16 сентября 1731 г. опровергал ложь соперника: «Зюновщинам (зюну-улусы старшего сына Аюки Чакдорчаба и его детей. — М. Б.) и хошутам обеим велено подле Волги до устья кочевать, цохуровщинам (икицохуры и багацохуры-улусы Дондук-Омбо, Асархо и Маши. — М. Б.) и дербетовщинам около Манатохой урочище на луговой стороне Волги недалеко от Царицына. — М. Б.) велено ж кочевать, и тут им и указали и отправили, и по тому знаку хто где хочет, тут и кочует» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 233]. В последних строках Церен-Дондук хочет сказать, что на выделенных той или иной группировке улусов территориях уже можно было, кому они выделены, кочевать «невозбранно» («кто, где хочет»). Вполне возможно, что и там существовали какие-то правила для кочевания тех, кому они выделены.

Но самое для нас главное, что далее Церен-Дондук называет время раздела тер-

ритории кочевий: «А как указана оное нам место тому назад тридцать лет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 233].

Если верить свидетельству Церен-Дондука, а не верить ему нет оснований, то назначение постоянных мест кочевий произошло в 1701 г. Как известно, именно в этом году в ханстве случилась крупная и длительная междоусобица, когда старшие сыновья Аюки восстали против отца, и тому пришлось отсиживаться в Яицком городке. Вполне возможно, что раздел улусов и пастбищных территорий и произошел для успокоения бурных событий.

Надо отметить, что на всем протяжении XVIII в. были два исключения в налаженной системе кочевания большинства улусов. Улус Доржи Назарова до 1771 г. постоянно располагался в междуречье Волги и Яика. Однако и здесь население в зимние месяцы опускалось к югу, к прикаспийским камышам, а в летние месяцы поднималось на север. Дербетские владельцы также старались не подчиняться ханской власти и решились кочевать самостоятельно. Самым надежным для себя местом кочевания они считали земли по Дону, и при первой же возможности уходили туда. Правда, и там не всегда им было спокойно, так как начинались стычки и трения с казаками. Например, 31 декабря 1760 г. управляющий калмыцкими делами Н. Г. Спицын писал дербетскому старшему нойону Галдан-Церену: «Вы, в противность указа ея императорского величества, не должны кочевать по Дону, а кочевать должны в других пристойных местах, где, по силе того же указа, вам назначит хан, но если от него будут вам указаны места для ваших улусов не довольные, а вы найдете лучше тех мест, кроме Дона, то давайте мне знать, а я за вас буду заступаться» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 326. Л. 457–458].

Итак, территории, в первую очередь пастбищно-водопойные, были распределены между улусами, и оставалось только соблюдать, так сказать, «мирное сосуществование». На практике же получалось часто совсем не так, как ожидалось.

6. Земельные споры

Нередки были земельные споры и столкновения. Кроме сказанного, с каждым годом все больше обострялась еще одна проблема: увеличение русского населения

в Нижнем Поволжье и Предкавказье, которое начало осваивать земли, раньше относившиеся к калмыцким кочевьям. Ниже приведем примеры земельных отношений как между самими калмыками, так и между ними и соседним русским населением. Мы не останавливаемся здесь на многолетней и до сих не решенной проблеме феодальной земельной собственности у кочевников. Скажем только, что автор данной статьи не является сторонником взгляда о существовании у кочевников этой самой собственности. Сама же проблема нуждается в дальнейшем изучении.

Острота отношений владельцев по поводу обладания пастбищами особо накалялась в периоды междоусобий, столкновений амбиций и т. п. 9 сентября 1730 г. В. П. Беклемишев рапортовал управляющему войсками юга России М. М. Голицыну, что Церен-Дондук остался на нагорной стороне и кочует на устье Кумы для того, чтобы «...у Дасанга занять места в Мачагах, понеже оные места изо всех мест привольнее как скотцкими кормами зимою, также и пропитании рыбою, и надеюсь у Дасанга с Черен-Дондуком за выше писанные места будет не без ссоры для того, что оными еще при хане (Аюке. — М. Б.) всегда владел отец Дасангов Чапдержап» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 38. Л. 200].

20 июля 1731 г. служащий при Калмыцких делах дворянин С. Казанцев доносил, что узнал о присылке Дармой-Балой к Дондук-Омбо и Церен-Дондуку посланцев с тем уведомлением, чтобы ниже Черного Яра, где она раньше кочевала в летнее время, никто не «травил корма». Однако Дондук-Омбо, брат его Бокшурга, Петр Тайшин, Дондук-Даши с братьями, Хошот-Дондук и вдовствующая Даши-Бирюнь «ныне те места травят и, отравя, хотят плавиться с луговой на нагорную сторону и идти в косы (отмели. — М. Б.) к морю и там отравя (скормив. — М. Б.) корма, намерились кочевать близ горских черкас» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 149].

Еще раньше, в июне 1731 г. Церен-Дондук при встрече с В. П. Беклемишевым отмечал, что Дондук-Омбо и выше перечисленные его временные союзники не подчиняются его указаниям, не едут к нему для решения спорных вопросов, «и ныне, умысли привести ево улусы в скудость, лутчие

места, захватя, травят, где кочевал в осеннее время он с улусом своим, а ему в осень и кочевать будет негде, отчего в улусех его может скот помереть» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 44. Л. 179].

2 октября 1745 г. наместник Дондук-Даши жаловался губернатору Д. Ф. Еропкину на некоторых владельцев, в первую очередь на дербетских, что они за взятки склоняют представителей российской администрации доносить ложные сведения о его поступках правительству. Эти владельцы, когда он удерживает их от беспорядков, его не слушаются, говоря, что мы сами таковых же владельцев дети, как и ты, «и своих подлых (простолюдинов. — М. Б.) людей мы будем под своим смотрением иметь». Далее он просил «тех противников малых (мелкопоместных. — М. Б.), владельцев или отдать под мою власть или от меня вовсе отрешить» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 194. Л. 27].

В июне 1758 г. Бамбар, внук Доржи Назарова, старший владелец так называемых табун отоковых улусов, подкочевал к урочищу Харабали. Это встревожило Дондук-Даши, так как в этих местах именно он располагался осенью. «И если они, — сообщал он Н. Г. Спицыну, — те места, где мне кочевать подлежит, вытравливать будут, то не весьма пристойно. Прошу их с тех мест сослать. А я, как вам небезизвестно, кочевье свое имею на низ только до крепости Енотавской, а они ниже оных мест к Селитренному городку и до урочища Ордилика свободно кочевать имеют» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 686].

Владелица Церен-Джап, жена Бамбара, извиняющимся тоном писала Н. Г. Спицыну, что из-за недостатка травы повыше Ахтубинского селитренного городка в степи взята ими одна кочевка, однако имея в виду, что то место бывает занято для хана, прикочевали назад и спустились ниже Селитренного городка [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 723].

7 сентября 1760 г. Дондук-Даши вновь оповещал Н. Г. Спицына, что дербеты его не слушаются, и отмечал не без неудовольствия: «если со оными поступать с мягкостью, то оне не слушают, если ж с жестокостью, то мне не поручается», т. е. мешает правительственное вмешательство, которое не дает воли хану [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 323. Л. 1045–1046].

31 декабря 1760 г. Н. Г. Спицын в очередной раз обратился к дербетскому старшему нойону Галдан-Церену, женатому, кстати, на дочери хана Одже: «Вы, в противность указа его императорского величества, не должны кочевать по Дону, а кочевать должны в других пристойных местах, где, по силе того же указа, вам назначит хан. Но если от него будут вам указаны места для ваших улусов не довольные, а вы найдете лучше тех мест, кроме Дона, то давайте мне знать, а я за вас буду заступаться» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 326. Л. 457–458]. Кстати, уже наместник Убаши писал Н. Г. Спицыну, теперь уже генерал-майору, 25 марта 1761 г.: «... улусы наши называемые шобуучинары, которые находились поблизости дербетей, а от наших улусов во отдалении, наши войски их пригнали» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 329. Л. 374]. Значит, дербеты продолжали кочевать отдельно, а к ним порой близко подкочевывали торгутские улусы. Кроме того, последние кочевали порой и без разрешения и даже приходилось возвращать их силой [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 329. Л. 374].

Временами маршруты перекочевки нарушались из-за погодных условий. В 1765 г. улусы, кочевавшие на луговой стороне к северу, все пришли на низ, т. е. на южные пастбища, так как из-за малой поллой воды и засухи «скотских кормов» там не было. К тому же между Волгой и Яиком степь сильно выгорела от пожара (причина его неизвестна) на большой площади расстоянием в 8 кочевков, и все улусы, «кои кочевали в верховых местах, принуждены были оное погорелое место обходить с крайнею нуждою по одной дороге» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 378. Л. 103].

В другой раз разыскивался некий торговец, по этому поводу хан писал 5 января 1761 г., что «ныне за неимением снега и воды имеющая скот люди покочевали врозь, Араслана самого здесь нет, а где он, неизвестно» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 329. Л. 41]. Похожий случай произошел, например, в 1785 г. Согласно письму хошутского Тюменя астраханскому губернатору М. М. Жукову, «по малоснежию в прошедшей зиме снегов в степе по крепким и низким местам, где прежде сего обыкновенно от снегов бывали воды, по которым калмыки в вешние времена ежегодно кочевьем на-

ходились и тою водою довольствовались», ныне воды нет, и его подвластные находятся все у Волги [НА РК. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 169. Л. 75].

Иногда к нарушению установленных границ приводила объективная нужда. Так, приставу С. Везелеву в августе 1731 г. сообщал некто Асанов сын Юсуп: Дарма-Бала посылала своего человека к Дондук-Омбо, спрашивая, почему он травит корма, «по которым она всегда кочевала?» Дондук-Омбо отвечал через своего посланца: «Слышал я, что ханша на меня сердита. Моей вины перед ней нет, только я разве виноват, что ее корма, где она наперед сего кочевывала, потравил, а ныне де я с тех мест пойду, а на них меня заставила кочевать нужда. Улус мой оскудал, а здесь скудным людям кочевать лучше для того, что рыбы довольно, а где я наперед сего кочевывался, там рыбы нет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 41. Л. 178].

Правда, иногда некоторые владельцы, желая достичь своих, порою мелочных, интересов, выражали недовольство своим земельным положением и обращались с жалобами к российскому правительству. В феврале 1758 г. Дондук-Даши писал Н. Г. Спицыну, что Бамбар в прошлом году, когда улусы перешли на нагорную сторону, «с вашего (Н. Г. Спицына. — М. Б.) разрешения остался на луговой стороне. Я вам уже писал, что он находится под вашей командой, а я к нему, чтоб он нынче переходил на нагорную сторону, писать не буду, и вообще им командовать не буду, пока не получу о том ее императорского величества указ» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 307. Л. 217–218].

Особую досаду и даже злобу вызывало у хана поведение дербетских нойонов. Лабан-Дондук еще В. Н. Татищеву прямо заявил: «По внушению Дондук-Даши изволили приказывать, чтоб я переправился за Волгу, а понеже наперед сего по указу великой государыни как прадед, дед и отец мой кочевали, так ныне и я по указу нахожусь ж, а не по торгоуцким повелениям, о чем и сами вы известны» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 152. Л. 168].

Поведение дербетских владельцев было известно в правительстве. 11 марта 1756 г. последнее обратилось к Дондук-Даши с грамотой, где сообщалось, что дербетов указано выслать с Дона к Волге. С этого времени они должны были «кочевать по нагорной и

по луговой стороне реки Волги, где ты, наш верноподданной наместник ханства, как и прочим владельцам по вашему древнему обыкновению назначивать будешь» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 294. Л. 206]. Только держать их в «особливом разсуждении», не разрешая им кочевать на территориях, где кочевали хошутские и торгутские улусы [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 294. Л. 207].

В 1759 г. Дондук-Даши и Н. Г. Спицын выработали совместное постановление по поводу разбора спорных дел и исков между донскими казаками и дербетскими улусами, где предлагалось: «помянутым дербетам впредь отнюдь самовольно в противность указа в близости реки Дона и тамошних станиц, и сенных лугов, и лесных угодьев не кочевать, а находиться кочевьем в тех местах, где от хана назначивано будет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 319. Л. 689].

Некая надуманность поведения дербетских нойонов видна из следующего свидетельства. 21 октября 1766 г. И. А. Кишенской, очередной «состоящий при калмыцких делах», подал рапорт очередному астраханскому губернатору Н. А. Бекетову. Имея в виду поведение дербетских нойонов, И. А. Кишенской отмечал: «Елико ж касается до жалобы дербетей в недостатке для них в займище Мантохое скотских кормов и что они в том крайнюю претерпевают нужду, но сему сами они, дербеты, причиною состоят, потому что от учрежденной Зарги определено не в одном том займище, но и по степным речкам кочевьем им быть, но они как на луговую сторону переправились, с того время и поднесь при самом берегу реки Волги продолжают» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 377. Л. 375–376].

В индивидуальном плане самым злым нарушителем установленных владельцев границ был хошутский нойон Замьян. Ниже приводится одна из претензий к нему, сделанных в одном 1764 г. Состоящий при калмыцких делах А. Д. Бехтев 21 июня сообщает нойону Замьяну: «пишет ... наместник, что вы с вашими улусами прикочевали к осенним его местам Ашил и Албастахою и их stravливаете. Сойдите с них на другие места, чтобы не озлобить Убаши, что с пользою вашею несходственно» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 316]. 24 июля наместник жалуется А. Д. Бехтеву на Замьяна, что последний «потравил»

те места, в которых наместник осенью кочевать должен был. Далее наместник объясняет А. Д. Бехтееву, что нойон Замьян совершает «такие самовольствы..., каковых никогда в калмыцком народе не бывало». А. Д. Бехтеев продолжает: «вам положено кочевать там, где вам назначено. Я послал от себя вместе с наместниковыми посланцами осмотреть те места, и если вы действительно потравили, за то можете понести по вашим калмыцким правам штраф» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 440].

Вновь А. Д. Бехтеев Замьяну сообщает 5 октября: наместник пишет, что «вы, не дождавшись об улусе вашем, где ему осенью кочевать подлежит, назначения от Зарго, самовольно на нагорную сторону переправились, что учинено вами в несходственность ее императорского величества указа и ваших калмыцких прав и обыкновений». В заключение А. Д. Бехтеев потребовал вернуть улус на луговую [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 508].

Сохранилась жалоба Замьяна от сентября того же года на утеснения со стороны наместника и А. Д. Бехтеева, где он, между прочим, писал: «ныне же яко я для наместника хранящие луга потравил, оболгав, за то по приказу бригадирскому (воинский чин, фамилия в документе не указана. — М. Б.) наместником три верблюда и тринадцать лошадей взяли» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 423].

Разумеется, столкновения между владельцами из-за территорий кочевий не могли серьезно расшатать вековые традиции и установления — в конечном счете статус-кво восстанавливался. Пожалуй, самое большее, что предпринималось владельцами, — охрана той или иной территории, которая могла подвергнуться захвату. Например, в 1730 г., в июле, «для приходу (для прикочевки. — М. Б.) ханши (Дармы-Балы. — М. Б.) от Ступина займища до Башмаковского Яру луга де ей, ханше, караулят, чтоб де другие никто тех мест не травил» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 40. Л. 198].

7. Переселение русского населения на территорию Юга России

Главную тревогу вызывало все убывавшее заселение земель Нижнего Поволжья, Предкавказья и других соседних территорий русским населением. Процесс этот был закономерным, его нельзя

было остановить, к нему надо было или приспособливаться, или менять жизненный и хозяйственный уклад. Вот последнее было проблемой для калмыков с их экстенсивным кочевым хозяйственным укладом. В сентябре 1729 г. Досанг писал астраханским властям, что со времени отца кочует в окрестностях Красного Яра, и прежние краснаярские коменданты управляли справедливо, и «мы жили спокойно»: «А ныне с осени краснаярские жители без всякого суда нас избегают, понеже на траве нам кочевать не велят и не дают моим калмыкам ничево сеять, и скотину отымают, и калмык моих хватают, да с них много денег берут» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 36. Л. 435].

Пожалуй, одной из первых заботилась ханша Дарма-Бала. С 4 по 7 июня 1730 г. был в ее улусах царицынский дворянин Я. Татаринов. Во время деловых разговоров с ним она с укором, а больше с озабоченностью сказала, в передаче дворянина: «... по рекам де, где они найдут кормы, и русские де травить кормов не велят, и называют покосами, и чтоб указать, где им кормы травить» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 37. Л. 207]. Я. Татаринов успокоил ханшу, говоря, что лугов к царицынской укрепленной линии немного, разве версты на две, а в прочих местах травить им никто не запретит [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 37. Л. 207].

15 июля 1738 г. царицынский комендант П. Ф. Кольцов просил хана Дондук-Омбо запретить калмыкам кочевать напротив волжских казачьих станиц на островах и на сенных покосах [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 881].

25 июля 1746 г. Н. Г. Спицын писал Дондук-Даши: «Прошу кочующим близ Ахтубинского Селитренаго городка калмыкам приказать запретить, дабы они никогда на имеющихся близ того городка казенных лугах с лошадьми и со всяким своим скотом не кочевали, и заводским лугам вреда не причиняли, а имели б кочевье в других местах» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 208. Л. 66–67].

В указе астраханскому губернатору И. А. Брылкину от 14 января 1751 г. сообщалось, что от канцлера письменно сообщено наместнику, чтобы более около казачьих поселений на волжских островах, и на нагорной стороне, где находились их сенные покосы, калмыцкий скот запрещено пасти. Что касается прошения казачьего Волжского войска, чтобы калмыкам запретить и на лу-

говой стороне рубить лес, то этого сделать нельзя, потому что указом от 9 мая 1723 г. разрешалось им лес рубить, где они кочуют, кроме дубового, а в случае крайней нужды при согласовании с астраханским губернатором разрешалось рубить и дубовый лес. Кроме того, Военной коллегией постановлено в 1734 г., что на левобережье Волги, на калмыцкую сторону, казакам «ни для каких нужд отнюдь ходить не велено» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 251. Л. 28].

11 сентября 1756 г. Н. Г. Спицын оповещал хана: «Ваши люди со скотом подошли близко к крепости Енотаевской, где находится той крепости обывательский скот. Прошу приказать как оных, так и впредь кочующих мимо здешней крепости калмык до того не допускать и учинить им в том запрещение» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 288. Л. 397].

27 октября 1758 г. в Коллегии иностранных дел было получено письмо от хана Дондук-Даши на имя канцлера М. И. Воронцова, где сообщалось, что калмыкам запрещалось кочевать по лежащей к Эльтонскому озеру дороге и по рекам Еруслану и Харааману (Караман). Однако так как из улусов богатые скотом люди по большей части кочевали в летнее время при Волге в верхних местах, куда и откуда они направлялись, то им приходилось пересекать территории вблизи Эльтонского озера и рек Еруслана и Хараамана. В случае, если в верхних местах Волги не кочевать летом, то для калмыков недостаточно земли на нижних местах при Волге. Поэтому из-за отсутствия другого способа «чинить не осталось, кроме того, что им приказать через вышеописанные места кочевьем проходя, траву и воду беречь, и в остальном никакого вреда никому не делать» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 328. Л. 19–22].

Весьма знаменательно письмо Н. Г. Спицына хану от 1 марта 1759 г. К этому времени получивший чин генерал-майора, управляющий калмыцкими делами сообщал хану: «Что надлежит до кочевания вашего с улусами, то в царицынской линии, по приумножимому в оной россиян жительству и находящемуся у них скоту, никоим образом уместиться вам невозможно. И для того надлежит кочевание ваше возыметь до воспоследующаго указа на нагорной стороне Волги в здешних границах в пристой-

ных местах» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 321. Л. 43–44].

Письмо это было связано с тем обстоятельством, что канцлер М. И. Воронцов велел хану в связи с событиями в Крыму кочевать в 1759 г. по нагорной стороне Волги, не переходя на луговую. Характерно, что в укрепленной царицынской линии калмыкам кочевать уже было нельзя. 15 сентября 1765 г. наместник приехал в Астрахань с большой свитой, был пышно встречен, угощен со всеми прибывшими, смотрел на бал и фейерверк, отчего, согласно журналу, «пришел в восторг» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 379. Л. 44–45]. 20 сентября наместник с небольшой свитой вновь приехал в губернаторский дом. После угощения остались только губернатор Н. А. Бекетов, наместник, И. А. Кишенской и зайсанг Даши-Дондук.

Наместник выразил ходатайство из нескольких пунктов о том, чтобы не крестили убегающих из улусов холопов; чтобы территории выше города Саратова на луговой стороне, т. е. по левобережью Волги, и другим тамошним местам заселялись русскими людьми; чтобы новопоселенцы не захватывали в городах, селах и деревнях насильно калмыков и вымогали под пытками выкупы и т. п.

Н. А. Бекетов в ответ стал склонять к оседлой жизни, приводя примеры преимущества такой жизни. Наместник кратко отвечал, что они «по привычке» кочевую жизнь считают лучше оседлой и, кроме Замьяна, вряд ли кто пожелает жить оседло [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 319. Л. 54, 56].

При Екатерине II усилилось давление на так называемые «вольности» калмыцких владельцев (нойонов). Так, были сделаны шаги по реорганизации Зарго. Грамотой императрицы к наместнику, ко всем владельцам, судьям Зарго и всему калмыцкому народу от 26 марта 1765 г. предписывалось владельцам, чтобы они с этого времени все свои спорные дела разбирали в Зарго и не уклонялись от приезда в него, когда требуется. Далее, отныне кому из владельцев и где кочевать в том или ином году, определять в Зарго, и для этого, кроме судей, на заседание от всех улусов присылать поверенных, которые бы могли представлять, удобны или неудобны отводимые им места [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 375. Л. 185].

В ноябре 1766 г. Убаши письменно запрашивал Н. А. Бекетова, представлял ли он его жалобу о появившихся по рекам Волге и Иргизу поселениях и утеснениях в кочевых местах в Коллегию иностранных дел. Губернатор сообщил, что направлял его жалобу, хотя наместник сам направил письмо в Коллегию иностранных дел, которой тогда было подведомственно Калмыцкое ханство.

В ответ коллегия выработала рескрипт, который был доведен до всех заинтересованных лиц, в котором сообщалось, что при новых поселениях при Волге вся площадь степей по обеим сторонам Волги не может быть занята полностью и, следовательно, для пастбы калмыцкого скота можно найти свободные земли.

Однако те степи, а особенно на луговой стороне, были слишком безводными. Поэтому калмыки внутри степей на нагорной стороне кочевали только зимой, а весной и летом — на луговой, держась со скотом по берегам Волги до тех пор, пока с лугов, находившихся между Царицыным и Астраханью, не уйдет вода, что, как правило, продолжалось до августа. Кроме того, в это время калмыки ловили рыбу в заливах Волги, а летом возвращались на юг по берегам Волги и также ловили рыбу для пропитания. Поэтому, имея такие привольные места, доныне «они при Волге в здешней державе и держатся» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 369. Л. 42]. В жалобе наместника говорилось, что калмыки ощущали от умножения по берегам Волги поселений притеснение на территориях своих кочевий и в хозяйственных занятиях, особенно в случаях, когда новые поселенцы без всякого разбора и права не допускали их пользоваться своими местами кочеваний.

Тем не менее авторы рескрипта указали губернатору на необходимость дать распоряжение воеводе и комендантам городов контролировать новопоселенцев, провести межевание новых поселений, о чем сообщить в Коллегию иностранных дел [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 369. Л. 742–745].

Далее приведем отрывок из рескрипта, в котором содержалось предупреждение о недопущении сильных притеснений, что было весьма прозорливо со стороны его авторов в свете состоявшегося в ближайшем будущем, в 1771 г., откочевки калмыков из Российского государства в Центральную Азию:

«Кроме того, необходимо иметь карту всей местности, лежащей между Волгой и Яиком от Самары до Каспийского моря, чтобы знать, могут ли еще быть заводимы селения и что для калмык надобно будет оставить пустым таким образом, чтоб калмыцкий народ совсем не лишился своих привольств, для которых он по большей части и в российском подданстве держится» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 369. Л. 747]. Не прошло и пяти лет, как история калмыцкого народа пережила крутые перемены, которые хорошо известны и освещены.

8. Количество кибиток в 1789 г. (?)

В свете произошедших событий произошло сокращение численности калмыцкого народа, что впоследствии привело к сокращению и территории кочевания. В ведомости даются сведения о количестве кибиток калмыцкого народа в 1789 г. или в 1790 г. (дата составления отсутствует в ведомости). Они представляют большой интерес в связи с содержащимися данными о кочевьях. Приведем сведения в соответствии с источником:

Хошоутовых:	– Тюменя — 892, – Цагалая — 70, – Цебека — 45, – Цаган Кукени — 79.
-------------	--

Эти владельцы в летнее время кочевали от черной гряды до Солянки, по колодцам, ближним к Волге, Хулхуте и против Коровьей Луки, а зимой — по урочищам Ясун Обо, Бодхоли, Шурали, Кёкшкин, Джиджили и Культюкун.

Торгутовы:	– Цебек-Убуши — 797, за старостию и слабостию неспособных — 199, – Мукукени — 815, за старостию и слабостию неспособных — 111, – Нохоин Кобени с братьями — 40, – Бестенея — 21, – Битюки — 1230, за старостию и слабостию неспособных — 202.
------------	---

Первые четверо в летнее время кочевали «по ту стороны Сарпы» в урочище Зосту Шиира и вниз по Ергеням, а зимой от

урочища Кёзёкой по урочищам Джирлачи, Хайби, Шаншир и «по ту сторону» реки Кумы вверх.

Битюка кочевала летом от урочища Донду Башло по урочища Хорин худук, Чондон гелюнгин Улан и в нижнем конце урочища Копчика, лежащего к Мочагам, также и к степи того же урочища. Зимой же — от нижнего конца урочища Джирлачи и по рекам Терку и Анхутуру даже до урочища Чоботли.

Дербетовские:	– Тарзы — 159, – Цебей — 152, – Чучея — 251, – Нимы — 15, – Екрема — 9, – Шамбая — 9.
---------------	--

Казенных дербетовских — 3 920, «за старостию и слабостию неспособных» — 961.

Они летом кочуют по рекам Салу, Мишковой, Уласте, Хусте, Бургусте и выше Черного Яра по низким местам и от Ергеней к Дону. Зимой по сю сторону реки Кумы от урочища Казаков вверх по урочищам Мингату, Септени Улан, Гахай Гатулган, Джиланг Кецу, Абдара Модун, Маныч, Коркорё и Олонхудукам.

Казенных Дундуковских — 2 879, за старостию и слабостию неспособных — 207. Они летом кочуют от Черной Гряды вверх до Черного Яра и по Сарпе в урочище Сазату и по сю сторону Сарпы, а вниз по степи до урочища Харатюп. Да сверх того по указу Кавказского наместничества разрешено в летнее время до половины

улусов перепускать на луговую сторону Волги.

9. Заключение

Как показывает вновь вводимый в научный оборот архивный материал, в XVIII в. основная часть калмыцких улусов кочевала в меридиональном направлении. Расстояние кочевания было длительным, начинаясь от окрестностей Самары и Сызрани и заканчиваясь на берегах Кумы. Из общей массы кочующих выделялись улусы Доржи Назарова и его потомков и дербетские. Первые постоянно кочевали в междуречье Волги и Яика, вторые часто кочевали на левобережье Нижнего Дона, входя в связи с этим в различные отношения с донскими казаками. Улусы Доржи Назарова назывались табун отоковыми и служили для других улусов заслоном от набегов казахов.

Отношения калмыков с соседним российским населением, в первую очередь с русскими, носили в основном двойственный характер. В целом они были мирными, но порой случались столкновения из-за пастбищ, рыболовных участков и т. п. Главное, что необходимо отметить, в XVIII в. шло заселение земель Нижнего Поволжья и Предкавказья русским населением, выходцами из центральных губерний. Этот процесс вызывал временами конфликтные ситуации. Архивные источники не отражают отсутствие желания калмыков перехода к оседлому образу жизни в XVIII в. Исключением являлись несколько представителей владельческого сословия, ярким примером которых являлся нойон Замьян.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

Батмаев 2002 — Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
Батыров 2014 — Батыров В. В. Очерки истории традиционной культуры калмыков послед-

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Archive of Ancient Acts.

ней трети XVIII – первой половины XIX вв. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 250 с.
Марков 1989 — Марков Г. Е. Теоретические проблемы номадизма в советской этнографической литературе 1960–80-х годов // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран: сб. ст. / отв. ред.

Г. Е. Марков. М.: МГУ, 1989. С. 54–75.
Хазанов 1974 — *Хазанов А. М.* Сармато-калмыцкие параллели (к вопросу о закономерностях кочевого хозяйства в однотипной экологи-

ческой обстановке) // Проблемы алтаистики и монголоведения: мат-лы Всесоюз. конф. (г. Элиста, 17–19 мая 1972 г.). Вып. I. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 213–219.

References

Batyrov V. V. Traditional Kalmyk Culture, Late 18th to Mid-19th Century: Historical Essays. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 250 p. (In Russ.)

Khazanov A. M. Sarmatian-Kalmyk parallels: Common patterns of nomadic economy in similar ecological contexts revisited. In: Issues of Altaic and Mongolian Studies. Conference proceedings

(Elista, 17–19 May 1972). Pt. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1974. Pp. 213–219. (In Russ.)

Markov G. E. Theoretical issues of nomadism in Soviet ethnographic literature: 1960s–1980s. In: Markov G. E. (ed.) Ethnographic Studies of Soviet and Foreign Peoples: A Historiography. Moscow: Moscow State University, 1989. Pp. 54–75. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 2, pp. 325–339, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.47).083

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-325-339

Калмыцкая повседневность в годы Первой мировой войны: будни мобилизации населения на тыловые работы в Калмыцкой степи Астраханской губернии в 1916 г.

Александр Нармаевич Команджаев¹, Евгений Александрович Команджаев²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Команджаев А. Н., Команджаев Е. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Предметом исследования является традиционное калмыцкое общество в годы Первой мировой войны. Историография проблемы повседневности в советские годы исчерпывалась единичными статьями в 1960–1980-х гг. Более активное внимание к данной теме было обращено сравнительно недавно, и некоторые ее аспекты нуждаются в дополнениях. Данная проблема актуализируется также в свете современных международных отношений и необходимости укрепления исторического единства народов нашей страны. *Цель работы* достаточно конкретна: представить дополнительные сведения о повседневной жизни кочевников-калмыков в годы войны и, в первую очередь, о мобилизационных мероприятиях в калмыцких улусах в 1916 г. *Материалы и методы исследования.* Статья основана на использовании широкого круга делопроизводственных материалов фондов Национального архива Республики Калмыкия, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Работа базируется на применении комплекса общенаучных и конкретно-исторических методов и подходов, среди которых особое место занимают принципы историзма, объективности и системного анализа. Указанный синтез источниковой базы и методов исследования позволил создать достоверную картину калмыцких реалий в условиях военной тревоги. *Результаты.* В отличие от многих регионов России экономика Калмыцкой степи Астраханской губернии, основанная на кочевом и полукочевом животноводстве, сохранила свою устойчивость. Однако данная устойчивость обеспечивалась крупными и средними скотоводами, которые в условиях возросшего в годы войны спроса на животноводческую продукцию наращива-

ли свое производство. Для бедняков и части середняков война принесла дополнительные тяготы, в числе которых особо обременительной явилась мобилизация на тыловые работы в прифронтовых губерниях.

Ключевые слова: кочевники, калмыки, Астраханская губерния, Калмыцкая степь, улусы, аймаки, война, хозяйство, мобилизация, реквизиции, зайсанги, простолюдины

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (№ 23-18-20019).

Для цитирования: Команджаев А. Н., Команджаев Е. А. Калмыцкая повседневность в годы Первой мировой войны: будни мобилизации населения на тыловые работы в Калмыцкой степи Астраханской губернии в 1916 г. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 325–339. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-325-339

Kalmyk Everyday Life during WWI: Rear Service Mobilization across Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in 1916

Alexandr N. Komandzhaev¹, Evgeniy A. Komandzhaev²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of Department

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev@mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A., 2023

Abstract. Introduction. The paper examines traditional Kalmyk society during WWI. The Soviet-era historiography dealing with the issue in question is limited to few articles published in the 1960s–1980s. More attention has been paid to the topic relatively recently, and some of its aspects need further additions, since this tends to become relevant enough in the light of present-day international relations and the need to strengthen historical unity of peoples constituting our nation. **Goals.** The work specifically aims to provide additional insights into everyday life of Kalmyk nomads during WWI and primarily — the 1916 mobilization activities in Kalmyk uluses. **Materials and methods.** The article analyzes of a wide range of official documents stored at the National Archive of Kalmykia, the bulk of the latter be newly introduced into scientific circulation. The work employs a set of general scientific and special historical research methods, of which the principles of historicism, objectivity and system-oriented analysis are of paramount importance. The synthesis of sources involved and the selected research methods has yielded a reliable picture of Kalmyk realities in the face of war-driven anxiety. **Results.** Unlike many regions of Russia, the economy of Kalmyk Steppe (Astrakhan Governorate) was based on nomadic and semi-nomadic livestock breeding and did maintain its stability. However, this stability was ensured by large and medium-scale livestock breeders who were to increase food (and other) production to meet the increased demand of war time. For the poor and some middle-class peasants the war brought additional hardships, including the particularly burdensome mobilization for rear services in the front-line provinces.

Keywords: nomads, Kalmyks, Astrakhan Governorate, Kalmyk Steppe, uluses, aimaks, war, economy, mobilization, requisitions, zaisangs, commoners

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-20019 ‘Between East and West: Civilizational and Cultural Development of Kalmyk Society in Pre-Revolutionary Russia’.

For citation: Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Kalmyk Everyday Life during WWI: Rear Service Mobilization across Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in 1916. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 325–339. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-325-339

1. Введение

Начало изучения темы участия калмыков в Первой мировой войне относится к 1960-м гг. И. И. Орехов о развитии калмыцкого общества в период Первой мировой войны опубликовал, по существу, первую исследовательскую работу по данной теме [Орехов 1967], основные материалы которой легли в основу параграфа «Калмыкия накануне и в годы первой мировой войны» в обобщающем труде [Очерки истории 1967].

В статье А. Н. Команджаева изучение данной темы пополнилось новыми источниками [Команджаев 1989], явившимися основой параграфа «Влияние первой мировой войны на калмыцкое хозяйство и общество» в трехтомной истории Калмыкии [История Калмыкии 2009]. В статье Р. К. Надбитова, посвященной характеристике калмыцкого хозяйства в рассматриваемый период, содержится анализ дополнительных архивных источников [Надбитов 2012].

В значительной степени на современном этапе изучение исследуемой проблемы пополнилось работами К. Н. Максимова. В 2014 г. была опубликована его статья об участии донских калмыков-казаков в военных действиях на фронтах Первой мировой войны на основе привлечения широкого круга источников, выявленных автором в Российском государственном военно-историческом архиве и Государственном архиве Ростовской области [Максимов 2014a]. В том же году вышла в свет другая его статья, в которой рассмотрены вопросы как продовольственной помощи фронту, так и мобилизации калмыков Астраханской и Ставропольской губерний на тыловые работы, а также тяжелые условия их пребывания в прифронтовых местностях [Максимов 2014б].

В обобщенном виде история калмыков в составе донского казачества подробно рассмотрена К. Н. Максимовым в его монографии [Максимов 2016], явившейся очень

содержательным достойным продолжением и дополнением трудов К. П. Шовунова [Шовунов 1991; Шовунов 1992].

Несмотря на географические рамки исследования (речь идет о калмыцких казачьих станицах области Войска Донского), в монографии К. Н. Максимова уделено место характеристике реквизиционных и мобилизационных мероприятий у населения Калмыцкой степи Астраханской губернии и Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Исследование указанной темы было продолжено в статье К. Н. Максимова, опубликованной в 2021 г., в которой автор представил обобщенный анализ участия калмыков в Первой мировой войне [Максимов 2021].

С учетом степени изученности проблемы нами в настоящей работе поставлена конкретная задача — дополнить имеющиеся в литературе сведения о мобилизации калмыков Астраханской губернии конкретными деталями этих событий. Географические рамки исследования ограничиваются территорией Калмыцкой степи Астраханской губернии, где проживало калмыцкое кочевое общество с традиционным укладом жизни. Другие регионы России с калмыцким населением существенно отличались более активным переходом к оседлости, высокой степенью аккультурации и, за исключением Большедербетовского улуса Ставропольской губернии, казачьей системой управления.

2. Материалы и методы исследования

Исследование базируется на использовании широкого круга делопроизводственных материалов из фондов 9 («Управление калмыцким народом») и 15 («Малодербетовское улусное управление»), большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Количественное и качественное многообразие используемых в работе документов позволило создать достаточно объективную и потому достоверную кар-

тину жизни калмыцкого общества в 1916 г. Главным содержанием этого военного года в регионе являлась мобилизация калмыков на тыловые работы. Статья основывается на применении общенаучных и специально-исторических методов, в числе которых главное место занимают принципы историзма, объективности и системного анализа, позволившие автору представить повседневную жизнь калмыцкого региона в условиях военной тревоги.

3. Состояние Калмыцкой степи в годы Первой мировой войны

Население Калмыцкой степи в 1914 г. составляло: калмыков — 143 746 чел. и 4 224 посторонних лиц. Животноводство в калмыцких улусах Астраханской губернии в 1914 г. характеризовалось следующими показателями: 20 398 верблюдов, 68 696 лошадей, 161 947 голов крупного рогатого скота, 647 590 овец калмыцкой породы, 26 521 тонкорунных овец, 15 501 коз и 149 свиней. В 1915 г. численность скота в Калмыцкой степи значительно возросла: 20 552 верблюдов, 75 980 лошадей, 223 016 голов крупного рогатого скота, 915 782 овец, 17 371 коз и 204 свиней. В 1916–1917 гг. поголовье скота в Калмыцкой степи оставалось на таком же уровне, за исключением сократившейся численности овец до 506,0 тыс., что было связано с ростом поставок мясопродуктов на фронт и дальнейшим переходом калмыков к оседлости [Команджаев 1999: 136, 247, 254].

В связи с поставками на фронт значительно возросла в первый военный год торговля скотом: если в 1912 г. скота продали на сумму в 1,6 млн руб., то в 1914 г. — на сумму в 5,05 млн, т. е. более чем в 3 раза [Команджаев 1999: 257]. За 1916–1917 гг. также возросла площадь посевов зерновых культур: озимой ржи — в 3 раза, яровой ржи — в 11, яровой пшеницы — в 3, озимой пшеницы — в 2,4 раза. Если в довоенный период земледелие концентрировалось в Малодербетовском улусе, то в 1916–1917 гг. на лидирующие позиции в этой отрасли выдвинулся Манычский улус, где посевы зерновых за год возросли с 1,6 тыс. дес. до 9,2 тыс. в 1917 г., в Малодербетовском — с 1,9 тыс. до 8,3 тыс. дес. [Команджаев 1999: 140–141]. В отличие от многих регионов России калмыцкое хозяйство в период Первой мировой войны сохраняло стабильность.

Однако эта устойчивость экономики Калмыцкой степи обеспечивалась крупными и средними хозяевами. Для бедняков и части середняков (а они составляли большинство калмыцкого населения) война принесла дополнительные тяготы. В период войны наблюдался рост цен и инфляция (впервые за многие десятилетия), произошел упадок розничной торговли, возник дефицит многих товаров. Свою лепту в снижение уровня жизни населения внес воинский налог, который на примере некоторых аймаков, по данным К. Н. Максимова, составил около 8 % от всей суммы ежегодных сборов [Максимов 2016: 391–392]. Постоянными в военный период являлись реквизиции лошадей в ремонт кавалерии, верблюдов — для транспортных нужд, овец и крупного рогатого скота — для снабжения продовольствием. Безусловно, эта разверстка скота для сдачи на нужды армии зачастую вызывала протестные настроения в обществе. Вполне рядовым событием в военные годы явилось постановление астраханского губернатора об аресте на 2 месяца С. Н. Натырова, который на заседании аймачного схода, обсуждавшего вопрос о разверстке, «нарушал на сходе тишину и спокойствие, затруднил рассмотрение текущих дел и вынудил старшину снять с обсуждения некоторые вопросы» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 77].

Тяжелой ношей для бедняков являлись «добровольные» пожертвования населения на общую сумму только в 1914 г. свыше 300 тыс. руб. [Команджаев 1999: 145]. На военные годы пришлось существенное сокращение площади калмыцкого землепользования в Астраханской губернии: 600 тыс. дес. 15-верстной полосы, ранее находившихся в совместном пользовании кочевников-калмыков и оседлого населения вдоль Волги, были в 1916 г. переданы крестьянским и казачьим поселениям Черноярского уезда. Также продолжался перевод части калмыцких земель в оброчные статьи для сдачи в аренду и осуществлялась ставшая традиционной практика сдачи общинных земель в аренду крестьянам для выпаса скота или распашки [Команджаев 1999: 149–150].

В крайне тяжелом положении оказались жители крестьянских сел, расположенных по соседству, мужское население кото-

рых было мобилизовано на фронт. В Калмыцкую степь прибывали также беженцы с прифронтовых губерний. Все это повышало тревожность военного времени в калмыцких улусах.

Но в наиболее сложном положении оказались калмыки в период реализации указа Николая II от 25 июня 1916 г. о «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» [Собрание узаконений 1916: 1747 (№ 182)]. Наиболее обобщенные сведения о масштабах мобилизационной кампании в Калмыцкой степи представлены в работах К. Н. Максимова. По его данным, здесь было мобилизовано 12 618 калмыков в возрасте от 19 лет до 31 года. Из них была предоставлена отсрочка до декабря для 1 362 чел. по болезни либо занятых в качестве рабочих в отраслях, важных для нужд фронта. Дополнительно Министерство внутренних дел разрешило оставить 3,5 тыс. «инородцев» в качестве рабочей силы взамен мобилизованных на фронт мужчин соседних крестьянских поселений [Максимов 2021: 50]. От призыва на тыловые работы были освобождены нойоны и зайсанги, штатное буддийское духовенство, должностные лица органов местного самоуправления (аймачные старшины, хотонные старосты, писари аймачных правлений и др.), специалисты (учителя, врачи и фельдшеры), учащиеся, студенты учебных заведений, лица, занятые в качестве рабочих на рыбных и соляных промыслах, а также на заготовках продовольствия для армии (перегонщики скота), рабочие на транспорте и наемные работники по просьбам их работодателей. Мобилизованные на тыловые работы астраханские калмыки, сведенные в пятисотенные команды, трудились на тяжелых и трудоемких участках в западных прифронтовых губерниях (Херсонская, Ревельская, Минская, Волынская и др.): рытье окопов, строительство железных дорог, погрузочно-разгрузочные работы и др. Нередкими для калмыков на тыловых работах являлись болезни и случаи смерти, нехватка продовольствия и теплой одежды. Порой некоторые совершали побеги [Команджаев 1999: 147–148]. 5 мая 1917 г. было принято постановление Временного правительства о

демобилизации призванных на тыловые работы, однако, по мнению К. Н. Максимова, мобилизованные калмыки продолжали работать до октября 1917 г. [Максимов 2021: 50].

4. Отсрочки от мобилизации

Заведующий калмыцким народом Б. Э. Криштафович в телеграмме всем попечителям и заведующим улусами от 13 июля 1916 г. разъяснил, что «зайсанги, потомственные почетные граждане, удостоверяющие свое звание документами, подлежат освобождению от призыва» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 2]. Данное разъяснение Б. Э. Криштафовича было вызвано обилием просьб об освобождении от мобилизации различных групп калмыцкого населения и, в частности, ходатайством аймачных старшин Манычского улуса, которые просили освободить от мобилизации хурульных учеников «как будущих кандидатов на духовные должности», в чем им было отказано губернатором [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 1–3]. Встал также вопрос в период мобилизации об освобождении от призыва тех представителей духовенства, которые были рекомендованы на штатные должности священнослужителей, но еще не были утверждены в этих должностях. Телеграмму об этом отправили губернатору представители Раши-Челинг большого хурула Дунду-Хурулова рода Малодербетовского улуса, из которого должны были призвать 18 хурульных учеников, в том числе вошедших в штатное духовенство хурула, но еще не утвержденных в этом. Управление калмыцким народом (УКН) 15 июля 1916 г. предложило попечителю улуса объявить просителям, что «еще утверждения их в штат нет» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 7–8]. Подобное ходатайство об освобождении от призыва духовенства Ламрин-Челинг малого хурула поступило в УКН от хотонных старост Приволжского аймака Малодербетовского улуса, попечителю этого же улуса — от начальника Раши-Гомонг малого хурула Цаган-Нурского аймака Ц.-Ш. У. Талтаева об освобождении от мобилизации 7 кандидатов на должности штатного духовенства. По решению совещания попечителей калмыцких улусов в подобных просьбах об освобождении нештатного духовенства было отказано, о чем УКН

предложило попечителю улуса объявить об этом старшему бакше малодербетовских хурулов З. Музаеву [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 11–21].

В июле 1916 г. крещеный калмык Иван Горохов, псаломщик Кирилло-Мефодиевской церкви пос. Кегульты Малодербетовского улуса, телеграммой в УКН просил освободить его от призыва. УКН направило его просьбу на рассмотрение губернатора, сопроводив ее ходатайством попечителя улуса и своим собственным заключением. В августе заведующий калмыцким народом С. Р. Залкинд сообщил попечителю Малодербетовского улуса, что И. Горохов «от реквизиции на тыловые работы освобожден» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 25–35].

В ходе работы мобилизационных комиссий встал вопрос о тех зайсангах, которые ошибочно не значились в посемейных списках зайсангов 1910 г., но вовремя это не исправили. Зайсанги Сальского аймака Малодербетовского улуса Е. Мучкаев, О. Бадмаев, Л. Басангов и другие (всего 11 чел.) направили 5 октября 1916 г. телеграмму губернатору о том, что они ошибочно включены в списки простолюдинов. Попечитель улуса по этому поводу пояснил следующее: «Да, они записаны как простолюдины. В то же время большинство из них значится в посемейном списке зайсангов. Несколько раз я приказывал поверить списки на сходах, ... но никто не правил и не заявлял. Никто не позаботился доказать свое достоинство». Мобилизационная комиссия постановила считать их простолюдинами, и 6 октября 1916 г. они все были отправлены в сборный пункт отправки на тыловые работы в г. Черный Яр [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 74, 88].

Просьб от зайсангов разных улусов, записанных в аймачные посемейные списки простолюдинов, было достаточно много. В частности зайсанги Хошеутовского аймака Икицохуровского улуса Б. Шурчаков и Ч. Насанов обратились к заведующему улусом с вопросом, относятся ли они к мобилизуемым лицам [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 12]. 6 сентября 1916 г. УКН разослало в улусные управления циркуляр с разъяснением, что льготами пользуются зайсанги, записанные в аймачных посемейных списках и «имеющие грамоты о за-

йсангстве» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 53об.]. Заведующий калмыцким народом в период отправки мобилизованных на тыловые работы в октябре 1916 г. направлял в улусные управления теперь уже ставшие привычными указания заведующему Икицохуровским улусом: «Ходатайства просителей о внесении их в посемейные списки зайсангов не подлежат удовлетворению, так как исправление посемейных списков ныне уже несвоевременно» или попечителю Багацохуровского улуса: «Льготой по призыву пользуются лишь те нойоны и зайсанги, кои имеют доказательство принадлежности к привилегированному сословию» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 30, 96].

Жители Батутовского аймака Яндыко-Мочажного улуса направили в октябре 1916 г. телеграмму губернатору, в которой они выражали недовольство тем, что сыновья их старшины Б. Дензенова Сангаджи и Дорджи освобождены от призыва, хотя их отец не является зайсангом. Попечитель улуса по этому поводу объяснил, что С. и Д. Дензеновы освобождены от призыва, поскольку их отец, старшина аймака, является потомственным почетным гражданином Российской империи с приложением соответствующей справки: «Государь Император по Всеподданнейшему докладу Министра внутренних дел и согласно Положению Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах Всемиловнейше соизволил пожаловать ко дню 6 декабря 1914 г. старшине Батутовского аймака Яндыко-Мочажного улуса Астраханской губернии звание потомственного почетного гражданина» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 36–37]. По той же причине был освобожден от мобилизации калмык Долбанского аймака Яндыко-Мочажного улуса Н.-М. Баинов, поскольку его отец, находившийся в отставке и имевший чин губернского секретаря, являлся потомственным почетным гражданином [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 34].

24 августа 1916 г. во избежание недоразумений заведующий калмыцким народом выдал удостоверения нойонам Александровского улуса Сереб-Джапу, Джап-Мергену и Темиру Тюменям о том, что «они действительно являются потомками нойона Батыка Тюмень» [НА РК. Ф. И-9. Оп.

1. Д. 410. Л. 41]. Тогда же старшина Цаган-Нурского аймака С. У. Талтаев выдал удостоверение безаймачному зайсангу Л. Коляеву, 21 года, в том, что «он в 1910 г. занесен в особую книгу под № 6 для записи семейств зайсангов» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 49].

5. Коннозаводчики Калмыцкой степи в 1916 г.

Большое число калмыцких коннозаводчиков были также освобождены от мобилизации, поскольку являлись главными поставщиками лошадей на нужды армии. Следует признать, что с конца XIX в. в калмыцких улусах производилась организованная работа по проведению военно-конских переписей 1891, 1901 и 1912 гг. для плановых поставок лошадей в ремонт кавалерии. Калмыцкая порода соответствовала всем требованиям, предъявляемым к кавалерийским верховым лошадям. Приведем описания двух лошадей калмыцкой породы, подведенных императору и императрице в день коронации в 1896 г. коннозаводчиком, гецеюлем 2-го Чонкорлинг большого хурула Икицохуровского улуса Леджином Ходжигоровым: «Жеребец рыже-золотистой масти, 3 лет, задняя нога выше щетки белая, передняя правая нога на полвенчика белая, тавро на правой задней ляжке, рост 2 аршина и 4 вершка (160 см. — А. К., Е. К.). Кобылица светло-бурой масти, 5 лет, тавро на правой задней ляжке, правая задняя нога выше щетки белая, рост 2 аршина и 4 вершка. Обе лошади совершенно здоровы, калмыцкой породы, родились и воспитывались в Калмыцкой степи, в Икицохуровском улусе». За этот подарок коневоду была объявлена императором благодарность [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 802. Л. 3, 14].

С учетом значимости Калмыкии как крупного в европейской России коневодческого региона было принято еще в 1894 г. военным министерством специальное «Положение о комплектовании войск лошадьми при приведении армии в полный состав и во время войны, в применении к калмыкам Астраханской губернии» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1228. Л. 24–28], осуществлялись регулярные приезды в Калмыцкую степь кавалерийской ремонтной комиссии и создана заводская конюшня в 1909 г. [Команджаев 1999: 80].

Сразу после административной реформы 1910 г., укрупнившей калмыцкие аймаки и хотоны, было упорядочено деление улусов на военно-конские участки, призванные обеспечивать поставку лошадей в ремонт кавалерии. Если ранее Калмыцкая степь была поделена на 30 таких участков, включавших в себя различное число хотонов и аймаков, то с 1910 г. их стало 34 в строгом соответствии с количеством созданных аймаков. Заведующими военно-конских участков было решено назначить аймачных старшин с помощниками в лице избранных к ним кандидатов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 106.]. Были составлены списки военно-конских участков с имеющимся в каждом аймаке количеством лошадей.

Обращает на себя внимание малое количество лошадей во всех 7 аймаках Яндыко-Мочажного улуса (4 714 лошадей, по данным на 1 октября 1910 г.) [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 20]. Такое же небольшое число лошадей имелось в Северном (410) и Шарнутовском аймаках (203) Малодербетовского улуса [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 42]. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что в этих районах наблюдалась относительно высокая степень перехода к другим видам хозяйствования и к оседлости, в связи с чем здесь снизилась функциональная роль лошади в хозяйстве. Противоположная картина наблюдалась в скотоводческих регионах Калмыцкой степи: в Эрдниевском (3 043 лошади) и Харахусовском (1 498) аймаках Харахусовского улуса, во всех трех аймаках Эркетеневского улуса (от 2 тыс. до 4 тыс. лошадей в каждом аймаке) [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 11, 27]. Наивысшая численность лошадей имела, по данным за сентябрь 1910 г., в Икицохуровском улусе: Ачинер-Шебенеровский аймак — 6 177 лошадей, Кетченер-Шебенеровский — 5 767, Зюнгаровский — 3 599, Сатхало-Хошеутовский аймак — 2 949 лошадей [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 16].

Ответственность за деятельность военно-конских участков по плановым поставкам лошадей в армию была возложена в улусах на попечителей и заведующих улусами [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 1].

В последующий период возникла необходимость в образовании двух дополнительных военно-конских участков: в связи с выделением с 1 января 1912 г. Бага-Хуруль-

ского аймака из состава Центрального было запланировано создание здесь нового участка, и с созданием Мандженкиновского аймака из части Бурульского 12 марта 1914 г. тогда же был образован здесь еще один военно-конский участок [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 334. Л. 236, 274].

В 1916 г. в Калмыцкой степи была организована официальная регистрация калмыцких коневодов в качестве коннозаводчиков Астраханской губернии, о чем им выдавались именные свидетельства Главного управления государственного коннозаводства (ГУГК). Эти свидетельства с указанием численности лошадей в их хозяйствах получили крупнейшие скотоводы Калмыцкой степи: зайсанг Манычского улуса, владелец заводской конюшни по содержанию верховых лошадей калмыцкой породы и полукровок английской породы Ц. З. Дондуков [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 415. Л. 16], зайсанг Багацохуровского улуса Цебек-Джал Бегали Онкоров, поставлявший ежегодно в ремонт кавалерии и в казачьи войска свыше 300 лошадей [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 1], зайсанги Церен Бадмаев (помимо нескольких сот лошадей он имел 175 верблюдов, 700 голов крупного рогатого скота и 3 500 овец) и Цаган-Убуши Леджинов из Икицохуровского улуса. В хозяйстве последнего насчитывалось 1 800 верховых кавалерийских лошадей, 1 300 голов крупного рогатого скота, 2 500 овец и 200 верблюдов с ежегодными поставками в ремонт кавалерии 200 лошадей. Только в 1916 г. он сдал на нужды фронта 204 и подготовил к сдаче еще 600 голов крупного рогатого скота и 300 лошадей [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 2, 22, 36].

К крупным скотоводам следует отнести получившего свидетельство ГУГК простолюдина Эркетеневского улуса Манджи Даланова, имевшего в 1916 г. 700 лошадей, 2 000 овец, 170 голов крупного рогатого скота и 160 верблюдов, и простолюдина Улюмджи Лиджиева из Икицохуровского улуса (в свидетельстве ГУГК о количестве лошадей у последнего было указано 23 жеребца и 300 маток верховой калмыцкой породы) [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 12, 46].

Свидетельства ГУГК также были выданы в 1916 г. малому Онкоровскому и 1-му большому хурулам Багацохуровского улуса

и Талтанкиновскому Раши-Гаванг малому хурулу Малодербетовского улуса [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 415. Л. 6, 47, 57].

Среди прочих свидетельства ГУГК получили калмыки Малодербетовского улуса: в Приволжском аймаке — врач Эренджен Хара-Даван и в Центральном аймаке — помощник присяжного поверенного в г. Астрахани Санджи Баянов, владевшие достаточным для этого количеством лошадей [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 415. Л. 77, 162]. В Калмыцкой степи 138 коннозаводчиков, имевшие свидетельства ГУГК, были освобождены от мобилизации в 1916 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 32].

Однако это освобождение касалось самих коневодов и, видимо, не относилось к их детям и внукам. Поэтому 78-летний зайсанг Цебек-Джал Онкоров был вынужден 8 июля 1916 г. просить губернатора об отсрочке от мобилизации для своего внука Дорджи Манджиева, 22 лет, который, по словам просителя, «ведает мое коневодство за преклонностью моих лет и сдает лошадей в ремонт казне» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 1]. Также «вследствие ходатайства зайсанга Икицохуровского улуса Церена Бадмаевича Бадмаева губернатор признал возможным освободить от набора в рабочие отряды сына его Нимгира Бадмаева, ввиду того, что последний заведует сдачей лошадей в ремонт и снабжает мясом армию» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 2]. В таких случаях УКН выдавало соответствующее удостоверение освобожденному от призыва как в данном случае: «Удостоверение Управления калмыцким народом выдано Нимгиру Бадмаеву (сыну зайсанга) в том, что он освобожден от набора в рабочие отряды как заведующий сдачей лошадей в ремонт и снабжением мясом армии» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 3]. Подобные прошения губернатору или заведующему калмыцким народом об освобождении от призыва сыновей были поданы коннозаводчиками Пюрве Лиджиевым (Малодербетовский улус), Мануном Бадмаевым (Багацохуровский улус), Цаган-Убуши Леджиновым (Икицохуровский улус) и др. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 7, 14, 22].

Многие коннозаводчики Калмыцкой степи добивались освобождения от призыва для своих работников: Лиджи Бамбаев (Малодербетовский улус) для 4 табунщиков

и управляющего хозяйством, Бембя Базыров (тот же улус) — для табунщика Лиджи Манджиева, зайсанг Дорджи Боваев (Сальский аймак Малодербетовского улуса) — для 12 табунщиков, зайсанг Церен Бадмаев (Икицохуровский улус) — для 8 рабочих [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 21, 29, 36]. Следует сказать, что у зайсанга Сальского аймака Д. Боваева были заняты на полевых работах 32 чел., для которых он также добивался освобождения от мобилизации в другом прошении от 24 сентября 1916 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 410. Л. 69].

Многие коневоды и скотоводы, не имевшие свидетельства ГУГК, также освободились от призыва по ряду других обстоятельств. Был освобожден от мобилизации коневод Манджи Горяев (Гайдукский аймак Эркетеневского улуса) по представлению попечителя улуса, который очень хорошо отозвался о хозяйстве просителя (700 лошадей, 3 000 овец, 17 верблюдов, 160 голов крупного рогатого скота) и присовокупил: «Принимая во внимание, что Горяев состоит попечителем улусной школы, оказывая ей немалую поддержку, считаю возможным освободить его от призыва» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 26–27]. Скотовод Эркетеневского улуса Сангаджи Манджиев, имевший 400 лошадей, был освобожден от призыва как член Кек-Усунской аймачной ссудно-сберегательной кассы, коневод Даган Нимгиров из Гайдукского аймака того же улуса, имевший 300 лошадей, — как содержатель почтовой выставки при ставке улуса [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 406. Л. 47–48].

В ходе подготовки к мобилизации калмыков к губернатору обратился 10 июля 1916 г. губернский начальник управления земледелия, он же — уполномоченный по заготовкам для армии с просьбой об освобождении от призыва на тыловые работы тех калмыков и киргизов (казахов), которые работали «на астраханских бойнях пастухами скота, принимаемого от земств, и проводниками, перегоняющими скот до станций назначения. Прошу освободить их от реквизиции с обязательным оставлением их на работах по вверенным мне заготовкам продовольствия» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 4]. Уже на следующий день губернатор разрешил освободить от реквизиции этих рабочих, занятых заготовкой продовольствия для армии [НА РК. Ф. И-9.

Оп. 2. Д. 224. Л. 5]. Уполномоченным по заготовкам были подготовлены поулузные списки таких работников. В частности в Александровском улусе таковых насчитывалось 105 чел., работавших на должности «пастух воинского скота» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 6].

6. Мобилизация

Достаточно активно и результативно работали врачебные комиссии по освидетельствованию здоровья мобилизуемых калмыков во всех аймаках в составе попечителя улуса, его помощника и врача. Так, в Центральном аймаке Малодербетовского улуса комиссия работала в течение 3 дней (19–21 сентября 1916 г.): из 570 лиц призывного возраста не явилось по разным причинам (в основном, из-за работы по найму в других местностях) на комиссию 130, признаны годными к призыву 387 чел., негодными по здоровью — 35 чел., получили отсрочку по ходатайству скотоводов 18 чел. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 40].

В Приволжском аймаке 23 сентября из 150 чел. явилось на заседание комиссии 105 чел., из которых 7 были признаны негодными, 13 лицам были рекомендованы легкие работы по состоянию здоровья, 5 чел. получили отсрочку по просьбам их работодателей-коневодов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 38].

В Цаган-Нурском аймаке 25 сентября явились на освидетельствование комиссией 149 чел., из которых 130 признаны годными, 18 была дана отсрочка до 1 декабря по ходатайству крупных скотоводов, 13 признаны негодными по состоянию здоровья, в том числе 4 — «по физическому развитию менее 19 лет», 9 лицам было рекомендовано лечение. 3 человека, пожелавшие отправиться на тыловые работы взамен других, были признаны годными [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 25].

В Эрдниевском аймаке Харахусовского улуса 2 человека 46 и 48 лет, У. Васькиев и Д. Кекшенов, пожелали мобилизоваться вместо своих сыновей, 3 калмыка из пос. Калмыцкий Базар и крещеный калмык пос. Чилгир Степан Ткачев — вместо 4 жителей Эрдниевского аймака [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 10]. Следует полагать, что в последних случаях имела место материальная компенсация.

В период мобилизации была перегружена больничная сеть Калмыцкой степи, куда для лечения направляли заболевших из числа призванных лиц. УКН было вынуждено 12 октября 1916 г. направить распоряжение во врачебное отделение, чтобы «в улусные больницы принимали до излечения только больных из реквизируемых с инфекционными или острыми заболеваниями. Других же больных не принимать из-за недостатка мест» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 96].

Процесс мобилизации в Калмыцкой степи завершался отправкой на прифронтовые работы призванных калмыков из сборного пункта в г. Черный Яр. По распоряжению заведующего калмыцким народом Б. Э. Криштафовича в сборный пункт с 15 сентября 1916 г. должны были ежедневно прибывать партии по 100 чел. из Малодербетовского улуса, с 13 октября — из Манычского улуса [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 1].

На самом деле, этот распорядок не всегда соблюдался. Так, 29 сентября в пункт прибыла первая партия в количестве 362 чел. из Харахусовского улуса и третья партия (400 чел.) — из Яндыко-Мочажного улуса, которые были сданы астраханскому уездному воинскому начальнику. 1 октября прибыла вторая партия харахусовцев из 186 чел., «недостающие 4 калмыка бежали» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 15]. В тот же день в пункт была доставлена очередная группа мобилизованных из Яндыко-Мочажного улуса (400 чел.) и в сопровождении полицейского стражника прибыли 3 калмыка из Харахусовского улуса. 1 человек из Яндыко-Мочажного улуса уже на сборном пункте был освобожден от призыва распоряжением губернатора [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 18]. В сборном пункте обязательно подвергалась дезинфекции формалином верхняя одежда и обувь призывников «посредством аппарата Заревича в большой японской камере» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 21]. Так, 1 октября по приказу губернатора были заменены на новые испорченные в процессе дезинфекции 14 тулупов и пара кожаных сапог [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 21].

Остро стоял вопрос о необходимой зимней одежде и обуви для мобилизованных бедняков. 10 октября заведующий калмыцким народом Б. Э. Криштафович

приказал попечителю Багацохуровского улуса срочно обеспечить всем необходимым задержанных в Черном Яру калмыков, мобилизованных из данного улуса, из которых 40 чел. оказались без сапог, 8 — без полушубков, один — без шапки [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 254]. В телеграмме, направленной губернатору 8 ноября, исправник Стройков сообщал: «Из числа багацохуровских калмыков 32 человека обуты в поршни с войлочными чулками, сапог нет. Надо снабдить их сапогами» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 271]. В своей телеграмме 10 ноября Б. Э. Криштафович приказал попечителю Малодербетовского улуса срочно обеспечить одеждой и обувью лиц из числа мобилизованных из этого улуса калмыков, из которых 6 чел. были без сапог, 4 — без полушубков, 3 — без зимнего белья, 2 — без нормальных брюк [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 252].

Одновременно с мобилизационными мероприятиями с июля 1916 г. в калмыцких улусах по инструкции планировалось создание аймачных комитетов попечения для помощи семьям калмыков, призванных на тыловые работы. 17 июля 1916 г. УКН предложило обсудить на заседаниях аймачных сходов этот вопрос. В сентябре того же года возникла необходимость в подготовке особой инструкции, определявшей порядок действий планировавшихся комитетов попечения. В УКН был разработан проект указанной инструкции, направленной 7 сентября астраханскому губернатору на утверждение, с указанием на то, что «для обеспечения устойчивости комитетов попечения в проекте указано, что выборные члены комитета в возрасте свыше 31 года при возможной последующей реквизиции не будут подлежать призыву на тыловые работы» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 72]. Согласно проекту в обязанности этих комитетов входили забота о хозяйстве этих семей, обеспечение продуктами первой необходимости, материальная помощь нуждавшимся. В состав аймачного комитета под председательством старшины должны были входить все хотонные старосты аймака и выборные лица по одному от каждых 25 семей. В случае выделения помощи нуждавшимся необходимо было составлять акт обследования и принимать соответствующее решение на заседании аймачного комитета. В улусах по

проекту планировалось образовать улусные комитеты попечения из аймачных старшин во главе с попечителем, призванные обеспечивать руководство аймачными комитетами. Общий надзор должно было осуществлять УКН [НА РК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 73]. По имеющимся в нашем распоряжении материалам деятельность аймачных комитетов попечения не прослеживается. Вероятней всего, они не были созданы, и, возможно, проект инструкции так и не был утвержден.

Помимо мобилизации калмыков на тыловые работы, очень много хлопот в 1916–1917 гг. выпало на долю должностных лиц органов местного самоуправления и чинов администрации Калмыцкой степи по организации учета и призыва «посторонних» лиц в калмыцких улусах. По данным улусных управлений на 1 января 1916 г., население Калмыцкой степи по улусам было распределено следующим образом (см. табл. 1):

Таблица 1. Национальный состав населения Калмыцкой степи (1916 г.)

[Table 1. Ethnic population structure of Kalmyk Steppe. 1916]

Улусы	калмыки	русские	татары	украинцы	казахи	белорусы	армяне	поляки	Итого
Эркетеневский	11 987	83	14	8			21	1	12 114
Харахусовский	7 238	148	7				3		7 396
Манычский	26 618	1 883	11					1	28 513
Александровский	8 196	321	40		165			3	8 725
Икицохуровский	13 607	838						4	14 449
Яндыко-Мочажный	35 237	295	40				11	1	35 584
Багацохуровский	8 601	62							8 663
Малодербетовский	34 606	786	5	183		55			35 635
пос. Калмыцкий Базар	740	195	421		18				1 374
Всего:	146 830	4611	538	191	183	55	35	10	152 453
в %	96,3	3,024	0,36	0,13	0,12	0,04	0,02	0,006	100

Источник: [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 37–45].

В данную таблицу включено население, непосредственно проживавшее в калмыцких улусах и находившееся в административном ведении УКН. Следует иметь в виду, что соседние русско-украинские крестьянские поселения региона были введены в состав Черноярского уезда Астраханской губернии или же являлись хуторами донских станиц, в связи с чем в приведенную статистику не вошли.

В ноябре 1916 г. в Калмыцкой степи осуществлялся сбор сведений по улусам о лицах славянского населения досрочного призыва 1919 г., родившихся в 1898 г. Так, в Манычском улусе оказалось таковых 10 чел.: 8 — в пос. крещеных калмыков Бислюрта, по одному — в Ульдючиновском, Бага-Чоносовском, Бурульском и Оргакиновском аймаках. Все они являлись выходцами из крестьян Ставропольской, Воронежской (4 чел.), Харьковской, Екатеринославской

и Астраханской (3 чел. из Черноярского уезда) губерний. Позднее заведующий Манычским улусом дополнил эти сведения еще одним человеком: мещанин посада Дубовка Царицынского уезда Саратовской губернии В. Т. Диденко [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 9, 12].

В начале 1917 г. в связи со сбором данных о военнообязанных лицах были составлены полные списки лиц, работавших в органах управления, школьном образовании (в том числе в двух буддийских школах Цанит-Чоре¹), системе здравоохранения и ветеринарной помощи. По этим сведениям в органах калмыцкой администрации в 1917 г. работали 42 чел. В этом списке мы встречаем имя заведующего калмыцким народом, титулярного советника Б. Э. Криштафовича, работавшего в системе УКН с 1909 г. и

¹ Так в источнике. Также встречается написание: Цаннид-Чёёря, Цанид-Чора, Цаннит-Чойра.

награжденного медалью за выполнение мобилизационных мероприятий 1914 г., коллежского асессора Ф. И. Плюнова, чиновника по особым поручениям, работавшего в органах калмыцкого управления с 1891 г., награжденного орденом и 4 медалями. Руководителями улусных управлений являлись: попечитель Малодербетовского улуса, надворный советник А. И. Каллистов, награжденный 3 орденами и 5 медалями, со стажем работы более 30 лет (с 1884 г.); заведующий Манычским улусом, коллежский регистратор В. П. Егоров (награжден орденом св. Станислава 3-й степени); заведующий Александровским улусом, коллежский регистратор М. Д. Ермаков (в ведомстве УКН с 1901 г.); попечитель Багацохуровского улуса, коллежский асессор В. М. Овечкин; попечитель Эркетеневского улуса, коллежский асессор П. А. Муликовский; заведующий Икицохуровским улусом, надворный советник В. Ф. Недоносков; попечитель Яндыко-Мочажного улуса, коллежский асессор П. И. Богданов; попечитель Харахусовского улуса, коллежский регистратор В. М. Билотинов; попечитель пос. Калмыцкий Базар, коллежский регистратор Б. Л. Саввич [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 35–36].

В этом списке значатся имена 5 врачей Калмыцкой степи: врач УКН, коллежский советник С. Р. Залкинд, награжденный 3 орденами (Анны 3-й степени, Станислава 2 и 3-й степени) и медалью; врач УКН, коллежский регистратор В. О. Астахов; врач Икицохуровского улуса, не имевший чина, М. А. Чапковский; врач УКН (чин не указан) С. И. Воскресенский; врач УКН, надворный советник А. П. Цветков [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 35–36].

В данном архивном деле имеется полный список 27 улусных, аймачных и родовых школ в 1917 г. в Калмыцкой степи. В Малодербетовском улусе имелись 2 мужские (учителя О. А. Кутузова и Л. А. Лощинская) и женская (М. С. Мучулаева) улусные школы, аймачные школы в Центральном (Н. В. Надеждина) и Абганеровском (А. Ч. Чапчаев) аймаках, родовые школы — Кетченеровская (В. Н. Коротков), Сальская (В. П. Попова), Шарнут-Чоносовская (П. Буваев) и Червленская (В. Тушканов) [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 53]. В Манычском улусе, кроме двух (мужская —

учитель Т. Д. Юркова, женская — А. К. Ларионова) улусных, было 7 аймачных школ: Бага-Чоносовская (Е. М. Конокотина), Бурульская (П. Г. Коржева), Ики-Чоносовская (О. А. Михельсон), Мандженкиновская (С. Коробкова), Оргакиновская (Н. А. Исакова), Ульдючиновская (Е. И. Мусорина) и Яшкульская (М. Н. Шашлинцева). В списках значились Икицохуровская мужская улусная (А. Д. Морозова), Эркетеневская мужская улусная (Е. В. Бабилова), Харахусовская мужская улусная (Е. Ф. Дубянская), Багацохуровская мужская улусная (Л. Е. Баланина) и Калмыцко-Базаринская (В. А. Лощинская) школы. В Яндыко-Мочажном улусе обозначены мужская (Е. А. Дергунов) и женская (Е. Л. Мещерякова) улусные школы, Багутовская (П. С. Андреева) и Багацохуровская (С. Г. Мещерякова) аймачные школы, в Александровском улусе — мужская улусная (Е. А. Куликова), Тюменевская (Е. П. Глушкова) и Короволукинская (Ш. Болдырев) родовые школы [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 53–54].

В деле представлен список буддийских священнослужителей, служивших в 1916–1917 гг. в двух Цанит-Чоре: в Малодербетовском — руководитель Бадма Боваев, инспектор-экзаменатор Ламин Бодмон, регент Хулхачи Музраев, надзиратель Лешит Беяев, казначей Мухла Бакланов, эконоом Лиджи Эвеев, в Икицохуровском — инспектор Дондор Буюнтуев, надзиратель Лыгдын Дылыков, регент Бага Дорджиев, эконоом Дорджи Тангатов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 54].

Представляют интерес сведения о медицинских и ветеринарных работниках в апреле 1916 г.: в Малодербетовском улусе — врач и фельдшер в ставке улуса, по одному фельдшеру в Цаган-Нурском и Абганеровском аймаках, в Манычском улусе — врач и два фельдшера при ставке, по одному фельдшеру в Бурульском, Бага-Чоносовском, Ульдючиновском аймаках и в пос. Бислюрта, в Яндыко-Мочажном улусе врач и 2 фельдшера в ставке, и фельдшеры в Багутовском и Багацохуровском аймаках, в Эркетеневском улусе — врач и 2 фельдшера в ставке и фельдшер в Можарском фельдшерском пункте, в Икицохуровском улусе — врач и 3 фельдшера, в Харахусовском — врач и 2 фельдшера, Багацохуровском — фельдшер в ставке улуса и

фельдшер в Баруновском аймаке, в Александровском — 2 фельдшера (один в ставке улуса, другой — в Тюменевском аймаке), в пос. Калмыцкий Базар — врач и два фельдшера [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 52–52об.]. В ветеринарной службе в калмыцких улусах работали в 1916 г. 3 ветеринарных врача: старший ветеринарный врач при УКН, надворный советник М. И. Спасский, участковые ветеринарные врачи — надворный советник К. П. Балашов в Малодербетовском улусе и С. Г. Тимошкаев — в Икицохуровском улусе [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 73].

В штате улусных управлений числились 7 переводчиков: О. Четыров, Я. Токов, А. Ф. Бондаренко, С. Бурлыков, С.-Г. Эрденев, К. Никитин, Л. Азыдов. В 1916 г. в Калмыцкой степи насчитывалось 25 больших, 44 малых хурулов и молитвенный дом в пос. Калмыцкий Базар [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 49–51]. Лама калмыцкого народа Чимид Балданов «за отлично-усердную службу» (в духовном звании с 1864 г., в должности Ламы калмыцкого народа — с 1910 г.) был представлен к «Высочайшей награде в порядке постепенности» (серебряная медаль «За усердие» в 1916 г. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 135].

Все указанные данные в 1916–1917 гг. были собраны в рамках сбора сведений о лицах досрочного призыва 1919 г. Также к «посторонним» лицам, проживавшим в калмыцких улусах, относился призыв на военную службу ратников ополчения 1 и 2 разрядов, начавшийся с 15 августа 1916 г. В связи с этим заведующий Манычским улусом 6 августа 1916 г. просил предоставить отсрочку от мобилизации ратнику ополчения 2 разряда, крестьянину слободы Ильинка области Войска Донского, являвшемуся Бислюртинским волостным писарем [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 411. Л. 8].

7. Заключение

Представленные конкретные материалы о буднях мобилизации астраханских калмыков позволили в значительной степени дополнить и обогатить наши представления о калмыцком обществе в период Первой

мировой войны. В отличие от довольно распространенного мнения об экономическом упадке ряда регионов Европейской России в годы Первой мировой войны в калмыцких улусах Астраханской губернии сельское хозяйство сохранило устойчивость. Калмыкии, особенно в условиях военного времени, была отведена роль поставщика лошадей в ремонт кавалерии, верблюдов для транспортных нужд, крупного и мелкого скота для продовольствия. Приведенные нами сведения показывают динамичное развитие коннозаводства в калмыцких улусах прежде всего для военных нужд. Столь безграничный рынок сбыта позволил калмыцким скотоводам развивать и наращивать животноводческое хозяйство. В то же время значительный по сравнению с довоенным временем рост посевных площадей зерновых культур в Малодербетовском и Манычском улусах был связан с нехваткой хлеба на калмыцком рынке в связи с аграрным кризисом и тотальным дефицитом продовольственных товаров в стране.

Анализ конкретного материала показал, что в годы войны еще более возросли масштабы применения наемных рабочих на региональном рынке труда за счет использования их на транспорте, заготовках продовольствия для армии, а также в крупных животноводческих хозяйствах, на рыбных и соляных промыслах, продукция которых шла на нужды фронта. В связи с этим представители данной социальной группы по представлению их работодателей получили отсрочку от мобилизации на тыловые работы. Были освобождены от призыва на тыловые работы представители калмыцкой знати, штатное буддийское духовенство, врачи, учителя, должностные лица. Во всех остальных случаях вопрос об отсрочке от призыва решался индивидуально. Калмыцкое население также выплачивало воинский налог и осуществляло добровольные пожертвования на нужды фронта деньгами и продовольствием. В целом калмыцкое общество с трудом испытывало тяготы Первой мировой войны.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 тт. Т. II. Элиста: Герел, 2009. 840 с.
- Команджаев 1989 — *Команджаев А. Н.* Экономическое развитие Калмыкии и положение ее трудящихся в годы Первой мировой войны // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Элиста: КНИИИФЭ, 1989. С. 128–145.
- Команджаев 1999 — *Команджаев А. Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: Джангар, 1999. 262 с.
- Максимов 2014а — *Максимов К. Н.* Калмыки в Первой мировой войне // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т. 7. № 4. С. 20–26.
- Максимов 2014б — *Максимов К. Н.* Калмыки в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2014. № 12. С. 69–83.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 575 с.
- Максимов 2021 — *Максимов К. Н.* Участие калмыков в Первой мировой войне // Вестник

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

- Дагестанского государственного университета. Серия 2 (Гуманитарные науки). 2021. Т. 36. Вып. 3. С. 45–52.
- Надбитов 2012 — *Надбитов Р. К.* Экономическое положение Калмыкии в годы Первой мировой войны // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. Т. 5. № 4. С. 13–18.
- Орехов 1967 — *Орехов И. И.* Первая мировая война и развитие калмыцкого общества // Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Серия историческая. Ч. 1. Вып. 5. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. С. 77–117.
- Очерки истории 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / Н. В. Устюгов (гл. ред.), И. Я. Златкин, Е. Н. Кущева и др. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Собрание узаконений 1916 — Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате.... СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1916, отдел 2, 1-е полугодие, ч. 1. 1556 с.
- Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества. Элиста: КИОН, 1992. 320 с.

References

- Collected Enactments and Decrees of the Government Published by the Governing Senate. St. Petersburg: Governing Senate, 1916. Vol. 2. Pt. 1: January – June [1916]. 1556 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Economy and Social Relations in Kalmykia, Late 19th – Early 20th Century: Historical Experiences and Present-Day Conditions. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Kalmykia's economic development and conditions of its working class during WWI. In: Socioeconomic and Political Conditions Faced by Kalmykia's Peasantry in the Pre-October Period. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1989. Pp. 128–145. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Don Kalmyk Cossacks: 17th to Mid-20th Centuries. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2016. 575 p. (In Russ.)

- Maksimov K. N. Kalmyks during WWI. *Voprosy Istorii*. 2014. No. 12. Pp. 69–83. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyks in World War I. *Oriental Studies*. 2014. Vol. 7. No. 4. Pp. 20–26. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyks participation in the First World War. *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*. 2021. Vol. 36. No. 3. Pp. 45–52. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 2. 840 p. (In Russ.)
- Nadbitov R. K. Economic situation of Kalmykia in the days of the First World War. *Oriental Studies*. 2012. Vol. 5. No. 4. Pp. 13–18. (In Russ.)
- Orekhov I. I. WWI and Kalmyk social development. In: Scholarly Notes by Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Series 'History'. Pt. 1. Is. 5. Elista: Kalmykia Book Publ., 1967. Pp. 77–117. (In Russ.)

Shovunov K. P. Essays on Kalmyk Military History: 17th–19th Centuries. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 189 p. (In Russ.)

Shovunov K. P. Kalmyks in Cossack Hosts of Russia. Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences,

1992. 320 p. (In Russ.)

Ustyugov N. V. et al. (eds.) Kalmyk ASSR: Historical Essays. The Pre-October Period. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 2, pp. 340–352, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-340-352

Проблемы советского национально-государственного строительства (историко-критический анализ на примере Армении)

Ашот Агасиевич Мелконян¹, Карен Гамлетович Хачатрян², Игорь Владимирович Крючков³

¹ Институт истории Национальной академии наук Армении (д. 24/4, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

академик, доктор исторических наук, профессор, директор

 0000-0002-2579-0286. E-mail: [ashamelk\[at\]yahoo.com](mailto:ashamelk[at]yahoo.com)

² Институт истории Национальной академии наук Армении (д. 24/4, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

доктор исторических наук, профессор, заместитель директора

 0009-0001-2895-4143. E-mail: [karkhach\[at\]yahoo.com](mailto:karkhach[at]yahoo.com)

³ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0002-1224-1341. E-mail: [igory5\[at\]yandex.ru](mailto:igory5[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Мелконян А. А., Хачатрян К. Г., Крючков И. В., 2023

Аннотация. Введение. В процессе образования СССР и в его составе среди других народов прошел свой исторический путь развития и армянский народ, имевший в составе Советского Союза два армянских советских национальных образования — Армянскую ССР как союзную республику и Нагорно-Карабахскую Автономную Область в составе Азербайджанской ССР. В конце мая 1918 г. здесь была провозглашена Первая республика, которую в начале декабря 1920 г. сменила Вторая республика или Советская Армения, сначала, в 1920–1922 гг., как «независимая Социалистическая Советская Республика Армения», затем — в составе Закавказской Советской Федерации (1922–1936) и Советского Союза (1936–1991). После упразднения Закавказской федерации в 1936 г. Армения вошла в состав СССР как самостоятельная национальная союзная республика и называлась Армянской Советской Социалистической Республикой. *Цель исследования* — показать процесс национально-государственного строительства СССР на примере Армении. *Материалы и методы.* Данная статья подготовлена на базе архивных материалов, представленных официально-деловой и актовой документацией по проблеме национально-государственного строительства СССР, а также сборников законов и

партийных постановлений. В качестве основных методов исследования авторами были применены историко-сравнительный и историко-генетический методы. *Результаты.* В составе СССР Советская Армения и другие советские республики, тем более автономии, не были независимыми государствами, но в то же время были наделены многими атрибутами и символами государственности. Тем не менее национальный вопрос в Советском Союзе оставался острым и впоследствии стал одной из главных причин распада СССР. *Выводы.* Армения сохранила и развила армянскую советскую государственность. По мнению большинства армянских историков, не было бы Советской Армении — с 1991 г. не было бы и нынешней, независимой Третьей республики.

Ключевые слова: Советская Армения, Закавказская федерация, СССР, государственность, атрибуты государственности, суверенитет, конституция, союзная республика, автономия

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Армянский вопрос в международных отношениях (1895–1923 гг.)» (№ 20-59-05002 Арм_а).

Для цитирования: Мелконян А. А., Хачатрян К. Г., Крючков И. В. Проблемы советского национально-государственного строительства (историко-критический анализ на примере Армении) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 340–352. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-340-352

Problems of Soviet Nation-State Building: A Critical Historical Analysis of Armenia

Ashot A. Melkonyan¹, Karen H. Khachatryan², Igor V. Kryuchkov³

¹ Institute of History, National Academy of Sciences of Armenia (24/4, Marshall Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (History), Professor, Academician, Director

 0000-0002-2579-0286. E-mail: ashamelk[at]yahoo.com

² Institute of History, National Academy of Sciences of Armenia (24/4, Marshall Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (History), Professor, Deputy Director

 0009-0001-2895-4143. E-mail: karkhach[at]yahoo.com

³ North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0002-1224-1341. E-mail: igory5[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Melkonyan A. A., Khachatryan K. H., Kryuchkov I. V., 2023

Abstract. Introduction. Throughout the shaping of the Soviets, the Armenian nation passed its historical way of development as a union member and grew to be administratively represented by two Soviet Armenian ethnic entities — the Armenian Soviet Socialist Republic (ranked a union republic) and Nagorno-Karabakh Autonomous Oblast (a territory within the Azerbaijan SSR). The First Republic was established in late May 1918 to be replaced by the Second Republic, or Soviet Armenia, in early December 1920. In 1920–1922, the latter was officially referred to as ‘independent Socialist Soviet Republic of Armenia’, and then as a territory within the Transcaucasian Soviet Federation (1922–1936) and the Soviet Union (1936–1991). After Transcaucasian Federation was abolished in 1936, Soviet Armenia was incorporated into the USSR as a self-sufficient union republic under the name Armenian Soviet Socialist Republic. *Goals.* The study seeks to show the process of nation-state building in the USSR through the example of Armenia. *Materials and methods.* The article analyzes archival materials represented by official documents and acts dealing with Soviet nation-state building, as well as collections of laws and party decrees. The main research methods employed are the historical/comparative and historical/genetic ones. *Results.* Soviet Armenia within the USSR,

as well as other Soviet republics and autonomies, was no independent state in the conventional sense, but at the same time it was endowed with many attributes and symbols of statehood. Finally, it was Soviet Armenia that — for first time in the history of Armenian statehood — obtained its own Constitution. *Conclusions.* Soviet Armenia was a nation in the unified Soviet state, and in the conditions of seven decades of unlimited power of the Communist Party preserved and developed the Armenian Soviet statehood to a maximum possible then and there. Most Armenian historians believe the present-day independent Third Republic would never have emerged (since 1991) but for the period of Soviet Armenia.

Keywords: Soviet Armenia, Transcaucasian Federation, USSR, statehood, attributes of statehood, sovereignty, constitution, union republic, autonomy

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-59-05002 Арм_а ‘The Armenian Question in International Relations: 1895–1923’.

For citation: Melkonyan A. A., Khachatryan K. H., Kryuchkov I. V. Problems of Soviet Nation-State Building: A Critical Historical Analysis of Armenia. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 340–352. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-340-352

1. Введение

К проблемным вопросам современной историографии истории советского периода относится тема национально-государственного, экономического и культурного статуса союзных республик и других национально-территориальных образований в составе СССР. В этом вопросе подходы историков крайне противоположны. В ряде постсоветских государств оспаривается наличие какого-либо национально-государственного и иного статуса у союзных республик. К примеру, поскольку в прибалтийских странах и в Грузии советские годы в основном оцениваются как период оккупационного режима, большая часть исследователей считает, что у республик никакого суверенитета не было. В крайнем случае можно говорить об определенной культурной автономии, имея в виду наличие национальных школ, развитие искусства, науки и т. д. Для полного понимания сущности проблемы имеет смысл представить предысторию вопроса на примере Советской Армении.

Цель исследования — показать процесс национально-государственного строительства СССР на примере Армении.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на базе архивных материалов, представленных официально-деловой и актовой документацией по проблеме национально-государственного строительства СССР, а также сборников законов и партийных постановлений. В ка-

честве основных методов исследования авторами были применены историко-сравнительный и историко-генетический методы.

3. Процесс советизации Армении и ее вхождения в состав Закавказской федерации

Весной и летом 1920 г. ввод войсковых частей XI Красной армии в Карабах (Арцах), Зангезур (Сюник) и Нахичевань, а осенью — военное вторжение кемалистской Турции в Карсскую область и в Александрополь (ныне — Гюмри) вынудили власти Республики Армения принять выдвинутые Советской Россией условия советизации республики. Согласно подписанному 2 декабря 1920 г. в Ереване соглашению между полномочным представителем РСФСР и правительством Армении, последняя объявлялась «Социалистической независимой Советской республикой» [*Сборник договоров 1922: 14–15; Ключников, Сабанин 1928: 75–76*]. Армянское общество восприняло советизацию страны как единственный выход из создавшейся тяжелой военно-политической и социально-экономической ситуации. Таким образом, в истории армянской государственности Первая республика (1918–1920) уступила свое место второй — Социалистической Советской Республике Армения (ССРА).

Объявленная Ереванским соглашением «Социалистической независимой Советской республикой» и вплоть до формирования Закавказской Советской Федерации

(ЗСФСР) и СССР в конце 1922 г. Советская Армения имела определенный суверенный статус, большинство атрибутов государственности, международные договорные отношения как с другими советскими республиками, так и с рядом иностранных государств (Иран, Турция, Германия), наконец, собственную Конституцию от 3 февраля 1922 г. [[Советские конституции 2015: 74–80](#)].

В первые месяцы советской власти большевистское руководство в лице Революционного комитета Армении (Армревком) на своих постах формально оставило некоторых дипломатических представителей Первой независимой республики. На посту дипломатического представителя Советской Армении в Иране оставался бывший посол республики Ишхан (Овсеп) Аргутян, а в Грузии посла Тиграна Бекзадяна заменил его советник Микаел Туманян [[Туманян 2012: 34](#)]. Это решение объясняется тем, что, хорошо зная проблему армянских беженцев в Иране и Грузии, последние могли оставаться полезными. Известный военачальник Первой республики Дро (Драстамат Канаян) до конца января 1921 г. занимал пост командующего армянской Красной армии [[Хачатрян 2007: 6](#)]. Такими методами, с целью получения поддержки населения, большевики пытались достичь формирования атмосферы существования независимой, «обновленной и справедливой» социалистической Армении.

Смена власти в Армении некоторым армянским деятелям, особенно за рубежом, показалась даже полезной в плане получения поддержки России для решения «армянского вопроса». Они надеялись, что Советская Россия, будучи союзником кемалистской Турции, сможет добиться возвращения как занятых турками в период турецкого нашествия 1920 г. земель Восточной Армении, так и территорий Западной Армении [[НАА. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 196. Л. 1–2](#)]. К тому же по Ереванскому соглашению от 2 декабря 1920 г. РСФСР уже обязывалась поддержать Армению в территориальных вопросах. Третий пункт соглашения гласил: «Российское Советское правительство признает бесспорно входящими в состав территории ССР Армении: Эриванскую губернию со всеми входящими в ее состав уездами, часть Карсской

области, ... Зангезурский уезд Елизаветпольской губернии» [[Республика Армения 2000: 383](#)]. Таким образом, в составе Советской Армении должен был находиться и Нахичеванский уезд, который входил в состав Эриванской губернии. Позиция Советской России вдохновила группу членов партии Дашнакцутюн из западных армян в сентябре 1921 г. обратиться к председателю Совнаркома Армении Александру Мясникяну с просьбой — при поддержке Советской России достичь решения жизненно важной проблемы армянского народа — объединения Западной и Восточной Армении [[НАА. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 196. Л. 1–6](#)].

Проблема урегулирования межгосударственных взаимоотношений между образовавшимися на территории бывшей Российской империи советскими национальными республиками стала предметом детального обсуждения на X съезде Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)), состоявшемся в Москве в марте 1921 г. В принятой на основе доклада от имени ЦК РКП(б) наркома по делам национальностей РСФСР Иосифа Сталина резолюции «О текущих задачах партии в национальном вопросе» отмечалось, что в условиях антисоветского империалистического окружения изолированное существование советских республик неразумно и нецелесообразно, и что общие интересы обороны, экономического возрождения, национального согласия, тесных военно-политических отношений «настоятельно диктуют государственное объединение отдельных Советских республик» [[Десятый съезд РКП\(б\) 1963: 602–604](#)]. Наиболее приемлемой формой объединения была признана Советская федерация, в основе которой лежало взаимное доверие республик и принцип добровольного вхождения в федерацию [[Десятый съезд РКП\(б\) 1963: 607](#)].

Необходимо отметить, что до X съезда РКП(б) взаимоотношения Советской России и новообразованных национальных Советских республик строились как на основе «военно-политического союза», так и двусторонних договоров и соглашений. Во исполнение принятых еще в марте 1919 г. решений VIII съезда РКП(б) 1 июня того же года Всероссийский ЦИК принимает Манифест «Об объединении Советских республик России, Украины, Латвии, Литвы,

Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». Манифест более известен как «Декрет о военно-политическом союзе Советских национальных республик» [Шесть лет политики 1924: 18–19]. В последующие годы Советская Россия подписывает договоры о союзе и экономических взаимоотношениях с Советским Азербайджаном (30 сентября 1920 г.), Советской Украиной (28 декабря 1920 г.) и Советской Белоруссией (16 января 1921 г.) [Советское содружество 1972: 241–243].

Намеченные X съездом РКП(б) пути развития взаимоотношений между советскими республиками Кавказа и Закавказья, установления между ними политического и экономического союза впервые были подробно представлены в директивном письме председателя Совнаркома РСФСР В. И. Ленина «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики» от 14 апреля 1921 г. [Ленин 43, 1970: 198–200]. Письмо из Москвы в регион доставил новоназначенный лидер Советской Армении Александр Мясникян [Мясникян 1957: 469–470].

Путем объединения разных областей экономики, транспорта, почты, телеграфа советских республик, заключения административных и военно-политических соглашений и т. д. руководство РСФСР шаг за шагом добивалось лишения советских республик национального суверенитета. Например, согласно подписанному 30 сентября 1921 г. в Москве армяно-российскому финансовому соглашению: все вопросы финансовой политики ССРА, начиная с утверждения бюджета и заканчивая кадровой политикой, должны были согласовываться с наркоматом финансов РСФСР и утверждаться последним [Советское содружество 1972: 241–243]. Таким образом, Советская Армения не могла вести самостоятельную финансовую политику.

Отметим также, что руководящая компартия Армении по сути являлась составной частью РКП(б) и руководствовалась директивами из единого центра — ЦК РКП(б), посредством созданного 21 марта 1921 г. Кавказского бюро (Кавбюро) ЦК РКП(б) [Хачатрян 2007: 149].

С начала весны 1921 г. выдвинулись различные мнения и подходы о формах объединения закавказских республик с Советской

Россией. По мнению полпреда Советского Азербайджана в Москве Б. А. Шахтахтинского, в условиях территориальных споров в Закавказье и множества иных разногласий оптимальным вариантом решения всех сложных проблем могло стать объединение всех закавказских республик, включая Дагестан [Нагорный Карабах 1992: 617–620]. Одним из первых за создание Кавказской федерации высказался и А. Ф. Мясникян. О необходимости и неизбежности создания Закавказской федерации докладывал И. В. Сталин на общем собрании Тифлисской парторганизации 6 июля 1921 г. [Сталин, 5 1948: 98–111].

Уже 3 ноября 1921 г. Кавбюро принимает резолюцию «О федерации Закавказских республик» [НАА. Ф. 4033. Оп. 2. Д. 1185. Л. 52–57], а 17 ноября Политбюро ЦК РКП(б) дает поручение Реввоенсовету РСФСР «Оформить взаимоотношения РСФСР с Республиками Армении, Грузии и Азербайджана посредством Военной конвенции» [НАА. Коллекция микропленок № 1. Д. 3. Л. 129].

8 декабря 1921 г. в Тифлисе руководителями трех закавказских республик — А. Ф. Мясникяном, П. Г. Мдивани и Н. Н. Наримановым, — а также полномочным представителем правительства Советской России в закавказских республиках Борисом Леграном было подписано «Соглашение между правительствами Закавказских советских республик и правительством РСФСР по военно-морским вопросам» [НАА. Коллекция микропленок № 1. Д. 3. Л. 163–164].

Соглашение, которое на самом деле можно назвать военно-политическим договором, фиксировало, что общие стратегические интересы по защите от внешней угрозы республик Закавказья и Советской России настоятельно требуют объединения военных сил и средств четырех республик под единым командованием Реввоенсовета Отдельной Кавказской армии. Для Советской Армении, Совнарком которой ратифицировал соглашение 19 января 1922 г. [НАА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 5. Л. 1], особое значение имела 3-я статья, согласно которой: «Для укрепления обороны закавказских Советских республик на их территории дислоцировались военные части Красной армии РСФСР» [НАА. Коллекция микропленок

№ 1. Д. 3. Л. 163–164]. Это был важный военно-стратегический шаг с точки зрения обеспечения безопасности Армении от внешних угроз, от вполне возможных посягательств Турции.

Процесс создания Закавказской федерации не был легким, в вопросе другого мнения придерживались грузинские коммунисты во главе с председателем ревкома П. Г. Мдивани. Они считали, что создание Закавказской федерации преждевременно, настаивали на необходимости сохранения подлинной независимости закавказских республик [Хачатрян 2007: 160]. Данная позиция была расценена как «националистический уклон». Кавбюро во главе с членом ЦК Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталин, а также А. Ф. Мясникян начали непримиримую борьбу против «грузинских уклонистов» [Хачатрян 2007: 160]. Вскоре это принесло результат. Состоявшийся 25–26 ноября 1921 г. пленум ЦК компартии Грузии в целом одобрил решение Кавбюро от 3 ноября «О федерации Закавказских республик» [НАА. Ф. 4033. Оп. 2. Д. 1185. Л. 52–57] и призвал к «немедленному осуществлению» [Компартия Грузии 1976: 22–23].

Политику Кавбюро по скорейшему созданию Закавказской федерации поддерживало и руководство Советского Азербайджана, однако и здесь были сторонники «другого мнения», в частности члены ЦК КП Азербайджана М. Д.-Б. Гусейнов и Р. А. Ахундов [НАА. Коллекция микропленок № 1. Д. 3. Л. 135–146].

Что касается позиции руководства Советской Армении, то в вопросе создания Закавказской федерации оно поддерживало политику Кавказского бюро, было убеждено, что идея федерации отвечает интересам республики и армянского народа. И неслучайно, что раньше всех из закавказских республик, 14 ноября 1921 г., ЦК компартии Армении единогласным решением одобрил решение Кавбюро о создании Закавказской федерации [НАА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 39].

Уже 12 марта 1922 г. созванная в Тифлисе полномочная конференция представителей ЦИК трех закавказских советских республик (Азербайджана, Армении и Грузии) утвердила Союзный договор о создании Федеративного Союза Закавказских Социалистических Советских Республик (ФСЗСР). Хотя конференция подтверждала «полную

независимость и самостоятельность республик» [Советское содружество 1972: 264–267], в действительности Союзный договор предполагал, например, упразднение ряда основных наркоматов — иностранных и военных дел, внешней торговли, финансов и др. [Советское содружество 1972: 264–267].

4. На пути образования ЗСФСР и СССР

После образования Закавказской федерации, которая с государственно-правовой точки зрения стала первым советским союзным объединением, еще более актуальным стал вопрос окончательного урегулирования межгосударственных взаимоотношений РСФСР и национальных советских республик. Центростремительное крыло большевистской партии во главе с И. В. Сталиным требовало скорейшим образом покончить также с «неразберихой» во взаимоотношениях советских республик и РСФСР, особенно — с замечаемыми в некоторых республиках сепаратистскими настроениями [Хачатрян 2007: 178].

Отметим, что высшие государственные и партийные органы Советской России следили, чтобы советские республики не нарушали принятую еще 8 декабря 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) резолюцию о том, что союзные советские республики не имеют права подписывать какие-либо международные договоры «без предварительного согласования с наркоматом иностранных дел РСФСР» [НАА. Ф. 114. Оп. 1. Д. 98. Л. 23–24].

Из фактов нарушения данной резолюции приведем следующий. 7 августа 1922 г. в Ереване было подписано соглашение между правительством ССРА и представителем иностранной благотворительной организации — Американского комитета помощи армянам и сирийцам (Амерком) [НАА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10. Л. 113]. Факт подписания данного соглашения вызвал большое недовольство центральных партийных органов. Вопрос был вынесен на обсуждение в президиум Закавказского краевого комитета ЦК РКП(б). 24 августа 1922 г. было принято решение об аннулировании соглашения, а ЦК КП Армении было уведомлено, что без санкции Закавказского краевого комитета подписание договоров с иностранцами недопустимо. 30 августа Совет Союзов За-

кавказской федерации, приняв за основу решение Закавказского краевого комитета от 24 августа, также признал недействительным подписанное властями Армении соглашение [НАА. Ф. 113. Оп. 38. Д. 27. Л. 16]. Взамен 1 ноября 1922 г. было подписано соглашение между Америкомом и правительством РСФСР [НАА. Ф. 113. Оп. 38. Д. 27. Л. 187–193]. Таким образом, советские и партийные органы контролировали разные вопросы, руководствуясь идеей централизации власти в молодом государстве. Английский историк В. Свобода считает, что подобные факты можно расценивать как вмешательство Советской России во внутренние дела советских республик [Свобода 1992: 3–13]. Российский исследователь Л. Нежинский правильно замечает, что политика ряда советских республик, стремящихся стать полноправными субъектами международных отношений, «побуждала центральное большевистское руководство в 1921–1922 гг. форсировать создание и оформление жестко централизованного по всем линиям, унитарного государства» [Нежинский 1994: 89].

Уже с начала августа 1922 г. предпринимались решительные шаги по пути окончательного урегулирования межгосударственных взаимоотношений РСФСР и образовавшихся на территории бывшей Российской империи национальных советских республик. Отметим, что для них были характерны единообразная (советская) государственность, единая внутренняя и внешняя политика, военные силы (национальные Красные армии), карательные органы (ЧК, Особый отдел и др.), единообразные конституции (основные положения конституций республик фактически повторяли Конституцию РСФСР) и, самое главное, вставшие у руля власти в Советских республиках коммунистические (большевистские) партии, которые беспрекословно руководствовались принципами и решениями ЦК РКП(б) и его Краевых комитетов, диктовали пути объединения.

10 августа 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) принимает решение поручить оргбюро ЦК создать специальную комиссию для подготовки вопроса взаимоотношений советских республик и РСФСР и представить его на рассмотрение пленума ЦК. В состав комиссии вошли представители существующих

к тому времени всех советских республик (Россия, Украина, Белоруссия, Армения, Азербайджан, Грузия, Дальневосточная республика (ДВР), Хорезм и Бухара) [Образование СССР 1972: 293–295].

В конце августа на обсуждение комиссии (ССРА представлял А. Ф. Мясникян) были представлены разработанные членом и фактическим руководителем комиссии И. В. Сталиным тезисы «Проекта резолюции о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик». Согласно так называемой «сталинской программе автономизации», национальные советские республики теряли свою суверенность и должны были войти в состав РСФСР на правах автономных (самостоятельных) республик [НАА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 197. Л. 62].

Критикуя «националистов», которые требовали настоящей независимости республик, И. В. Сталин в письме В. И. Ленину от 22 сентября 1922 г. отмечал: «Одно из двух: либо действительная независимость (советских национальных республик. — М. А., К. Х., И. К.) и тогда — невмешательство центра... либо действительное объединение Советских республик... Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру, т. е. если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство Советских республик» [Образование СССР 1972: 198–200].

Однако противникам автономизации все же удалось, правда, не без весомой поддержки вождя советского государства, отклонить «сталинскую программу автономизации». Ознакомившись с материалами комиссии и посоветовавшись в вопросе с некоторыми членами комиссии, в том числе с И. В. Сталиным, В. И. Ленин решительно отвергает представленную последним «программу автономизации». В письме к членам Политбюро ЦК РКП(б) от 26 сентября 1922 г. В. И. Ленин предлагает провести объединение советских республик на принципиально другой основе: вместо их вхождения на правах автономии в состав РСФСР объединить национальные респу-

блики и Россию в новом государственном объединении — в «Союзе Советских Республик Европы и Азии», строжайшим образом сохраняя их равноправие и независимость, право добровольного выхода из Союза [Ленин 45, 1970: 211–213].

На наш взгляд, большевики, вынужденно создавая федеративное государство и предоставив статус союзной республики, в частности, имеющим до советизации собственную государственность народам, сумели избежать недовольства и на основе новой, так называемой социалистической идеологии, добились формирования общего государства.

Официально процесс образования СССР был завершён 29–30 декабря 1922 г., а до этого на состоявшемся в Баку 10–13 декабря 1922 г. Первом съезде Советов Закавказья Федеративный Союз Закавказских Советских республик был преобразован в Закавказскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику (ЗСФСР) [Конституция ЗСФСР 2015: 91–95]. Это означало, что федеративный союз закавказских республик трансформировался в единую республику. На съезде также была принята Конституция республики. Примечательно, что ни в одной из 47 статей Конституции Закавказской федерации от 13 декабря 1922 г. не упоминаются ни названия трех республик, ни их территории и границы [Конституция ЗСФСР 2015: 91–95]. Съезд также решил объединиться с РСФСР, Советской Украиной и Советской Белоруссией в составе СССР. Аналогичное решение было принято и постановлением X Всероссийского Съезда Советов от 27 декабря 1922 г. [Советское содружество 1972: 301–302].

Процесс образования единого федеративного Советского государства был завершён 30 декабря в г. Москве на конференции полномочных делегаций четырех советских республик (РСФСР, Украина, Белоруссия и ЗСФСР), где были утверждены и подписаны проекты Декларации и Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик [Советское содружество 1972: 302–303, 307–314].

Таким образом, Грузия, Армения и Азербайджан, которые в период советизации де-юре являлись независимыми социалистическими государствами, в конце 1922 г.

были включены в состав единого государства — СССР, не с прямым подчинением от центра, а через федеративное государственное объединение — Закавказскую федерацию. За республиками оставались права собственных конституций, административных границ, местных органов власти и др. [Конституция СССР 1924]. Несомненно, что в таких условиях суверенитет фактически превращался в фикцию. Не случайно, что в составе Закавказской федерации (1922–1936) Советская Армения не смогла сохранить территориальную целостность республики, в результате чего некоторые ее территории перешли в состав Советского Азербайджана (подробно см.: [Хачатрян, Сукиасян, Бадалян 2022: 122–159]).

5. Проблема образования национально-государственных образований внутри союзных советских республик

В период национального размежевания и формирования союзных республик некоторые регионы с этнически компактно проживающим населением оказались вне границ национальных республик. Во избежание межнациональных конфликтов советское руководство в составе многих союзных республик стало создавать иные национально-государственные образования — автономные республики, автономные области и автономные округа. За все время СССР в его состав входили 15 союзных национальных республик, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов, на территории которых проживало более 100 наций и народностей.

В составе СССР, кроме Армянской ССР, как союзной национальной республики находилось и другое армянское советское национальное образование — Нагорно-Карабахская Автономная область (НКАО) в составе Азербайджанской ССР. После советизации в мае 1920 г. и до середины 1921 г. Нагорный Карабах, по сути, оставался самостоятельной единицей и не входил в состав Азербайджана [Хачатрян, Сукиасян, Бадалян 2022: 161–162]. По решению пленума Кавказского бюро ЦК РКП(б) от 4 июля 1921 г. Нагорный Карабах отходил в состав Советской Армении [Нагорный Карабах 1992: 649–650]. Однако под жестким давлением азербайджано-турецкого альянса, без поименного голосования членов Кавказско-

го бюро, 5 июля вопрос был решен в пользу Азербайджана. В результате заселенный более чем на 90 % армянским населением весь край в качестве автономной области отошел к Советскому Азербайджану [[Нагорный Карабах 1992: 649–650](#)]. Однако власти последнего не спешили с выделением Нагорного Карабаха в областную автономию. Их далеко идущей целью было на время передать забвению проблему, а в дальнейшем добиться того, чтобы территории Нагорного Карабаха «растворились» в новообразованных соседних административных районах Азербайджана. Об этом свидетельствует следующий примечательный факт: оргбюро и политбюро ЦК АзКП(б) на заседании 26 сентября 1921 г. под председательством секретаря ЦК С. М. Кирова большинством голосов постановляют: «Просить Кавбюро пересмотреть свое решение о выделении Нагорного Карабаха; впредь до этого автономии не объявлять» [[К истории образования 1989: 96–97](#)].

И лишь под жестким политическим давлением руководства Советской Армении и Советской Закавказской федерации (в частности Александра Мясникяна) Азербайджан 7 июля 1923 г. наконец-то декларировал «Об образовании Автономной Области Нагорного Карабаха (АОНК)» [[К истории образования 1989: 151–153](#)]. По новой Советской Конституции 1936 г. АОНК была переименована в Нагорно-Карабахскую Автономную Область (НКАО).

Таким образом, власти Советского Азербайджана были вынуждены отступить и официально предоставить Нагорному Карабаху статус автономной области. Именно благодаря этому в советские годы армяне Карабаха смогли сохранить свою идентичность благодаря наличию автономии.

В составе СССР область имела признанные и утвержденные Советским Азербайджаном свои административные границы. В Конституции (Положении) АОНК 1924 г. обозначены входящие в ее территорию уезды, города и селения [[Конституция 1924: 29–36](#)]. Отметим, однако, что в нарушение вышеуказанного решения Кавказского бюро, автономная область была выделена только из некоторой части Нагорного Карабаха, на остальной же ее территории были искусственно образованы новые уезды и районы советского Азербайджана: Курдистанский,

Гянджинский (арм. Гандзак), Кельбаджарский (арм. Карвачар), Джебраильский (арм. Джракан), Лачинский (арм. Бердзор) и др. В последующие годы азербайджанскими властями от автономной области периодически были отторгнуты в пользу соседних районов около 600 км² территорий с преобладающим армянским населением (подробно см.: [[Хачатрян, Сукиасян, Бадалян 2022: 190–198](#)]).

В результате в конце 1930-х гг. признанная территория НКАО составила всего 4 400 км² и была искусственно отрезана от Армянской ССР, с которой имела хоть и маленькую (около 6–8 км), но общую границу [[БСЭ 1, 1926: 640–641 \(карта\)](#); [БСЭ 3, 1926: 416–417 \(карта\)](#)].

Отметим, что автономный статус Нагорного Карабаха дал возможность армянам края 2 сентября 1991 г. реализовать свое право на самоопределение по всем нормам международного права и в соответствии с действующими законами СССР. В частности Закон СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» давал возможность советским автономным образованиям путем референдума выйти из состава СССР [[Ведомости съезда 1990: 252](#)].

Что касается вопроса Нахичевани, оккупированной турецкими войсками осенью 1920 г., то по Ереванскому соглашению от 2 декабря край входил в состав Советской Армении. Однако по Московскому договору от 16 марта 1921 г. турецкая сторона отказалась от него в пользу Советского Азербайджана с условием, что это право последний не уступит третьей стороне. В результате было решено предоставить Нахичевани автономию в составе Азербайджана. В 1924 г. была создана Нахичеванская Автономная Социалистическая Советская Республика (Нахичеванская АССР), которая, на наш взгляд, фактически не стала автономией для местного армянского населения. О том, что автономия относится к армянскому народу, можно было судить по наличию надписей на армянском языке на гербе и флаге республики [[Поцелуев 1987: 138](#); [Конституция НАССР 1937](#)]. Однако в результате изменений в Конституции Нахичеванской АССР надписи на армянском языке к 1939 г. были удалены.

Проблема территориальной принадлежности Ахалкалакского уезда, района Цалки и северной части Борчалинского уезда была урегулирована решениями Кавказского бюро от 7 июля 1921 г. и ЦК компартии Грузии от 16 июля 1921 г. Последний принял постановление о включении этих территорий в состав Грузинской ССР [Мелконян 2003: 338, 465–466]. Преобладающее местное армянское население в дальнейшем попыталось на указанных территориях создать национальную автономию, однако грузинское руководство, расценивая этот шаг как националистический, пресекло все попытки [Бердзенешвили 1998: 69–70].

6. Заключение

Статус союзной советской республики, который был самым высоким в союзном государстве, создавал ряд возможностей для социально-экономического и культурного развития данной республики, которые имели ряд атрибутов государственности: конституция, государственные символы — флаг, гимн, административные границы, органы власти, национальные школы и т. д. В некоторых республиках, в частности Грузинской ССР, во всех конституциях советского периода (1922, 1938, 1978) государственным языком объявлялся грузинский. Во второй главе конституции 1922 г. (статья 5) также подчеркивалась важность суверенитета республики: «Социалистическая Советская Республика Грузии есть суверенное государство, не допускающее чьего бы то ни было чужого равноправного владения на своей территории, но и не простирающего своих прав за ее пределы» [Конституция ЗСФСР 2015: 82]. В конституциях многих республик вышеуказанные важные формулировки отсутствовали. В ряде республик тождественные формулировки нашли отражение позднее — в конституциях, принятых в 1978 г. Только в третьей по счету конституции Советской Армении 1978 г., согласно статье 72, армянский язык объявлялся государственным [Конституция АрССР 1978].

После принятия последней Конституции СССР в 1977 г. начался процесс об-

суждения проектов конституций союзных республик. Каждая республика старалась включить в текст новой конституции статьи, укрепляющие их суверенитет. Острые дебаты в некоторых республиках и манифестации, как в Грузии и Армении, вынудили центральные власти пойти на уступки и дать свое согласие на включение в конституции статьи о праве выхода из состава СССР, о недопустимости изменения территории республики без согласия местных верховных властей, о статусе государственного языка и т. д. Например, по статье 69 Конституции Армянской ССР, принятой 14 апреля 1978 г., Армянская ССР имела право выйти из состава Советского Союза. По статье 74 республика могла вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договора и обмениваться дипломатическими представительствами и т. д. На гербе Армянской ССР (авторы — Мартирос Сарьян и Акоп Коджоян) была изображена гора Арарат (Масис), Арам Хачатурян стал автором гимна республики.

Не секрет, что союзные Советские республики, тем более находящиеся в их составах автономии, были лишены основных атрибутов государственности и находились под постоянным контролем центральных властей. Однако сам статус союзной республики, являющийся результатом наличия независимости до советизации, можно рассматривать как своеобразное проявление государственности, во всяком случае на примере Армении. Неслучайно, что в 1991 г. все союзные республики вышли из состава СССР по решениям своих законодательных органов — Верховных советов, в границах бывших республик. Учитывая вышесказанное, армянские историки выдвинули следующую концепцию истории армянской государственности в новейшее время: началом этого периода считается 28 мая 1918 г. — провозглашение независимости Первой республики, правопреемницей которой является Советская Армения (1920–1991), на ее основе в 1991 г. была создана нынешняя — Третья республика.

Источники

НАА — Национальный архив Армении.

Sources

National Archives of Armenia.

Литература

- Бердзенишвили 1998 — *Бердзенишвили Д.* Ахалкалаки Джавахетский // *არტანუჯი, ახალგაზრდა ისტორიკოსთა სამეცნიერო პოპულარული ჟურნალი*, თბილისი 1998, № 7. გვ. 51–74. (= Ахалкалаки Джавахетский // Молодежный исторический популярный журнал Артануджи. 1998. № 7. С. 51–74) (на груз. яз.).
- БСЭ, 1 1926 — Большая советская энциклопедия: в 66 т. 1926–1947 / гл. ред. О. Ю. Шмидт (до 1941 г.). Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1926. 832 с.
- БСЭ, 3 1926 — Большая советская энциклопедия: в 66 т. 1926–1947 / гл. ред. О. Ю. Шмидт (до 1941 г.). Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1926. 800 с.
- Ведомости съезда 1990 — Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. № 15. М.: Изд. Верховного Совета, 1990. 316 с.
- Десятый съезд РКП(б) 1963 — Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1963. 937 с.
- К истории образования 1989 — К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. 1918–1925: Документы и материалы / под ред. Д. П. Гулиева. Баку: Азербайджанское гос. изд-во, 1989. 334 с.
- Ключников, Сабанин 1928 — *Ключников Ю., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. М.: Литиздат НКВД, 1928. 430 с.
- Конституция 1924 — Конституция (Положение) Автономной области Нагорный Карабах // *Коммунист*. № 145 (924). 1924. 6 июля. С. 29–36.
- Компартия Грузии 1976 — Коммунистическая партия Грузии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: 1920–1976. Т. 1: 1920–1931 / сост.: Г. К. Жвания, О. Каджая, Д. Г. Стурua. Тбилиси: Изд-во КП Грузии, 1976. 541 с.
- Конституция ЗСФСР 2015 — Конституция Закавказской Социалистической Федеративной Советской республики, 13 декабря 1922 г. // *Советские конституции*. Хрестоматия: в 4 ч. Ч. 1 / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский пединститут, 2015. 156 с.
- Конституция АрССР 1978 — Конституция (основной закон) Армянской Советской Социалистической Республики (14 апреля 1978 г.). Ереван: Айастан, 1984. 58 с.
- Конституция НАССР 1937 — Конституция (основной закон) Нахичеванской Автономной Советской Социалистической Республики. Нахичевань: Азернешр, 1937. 28 с.
- Конституция НАССР 1941 — Конституция (основной закон) Нахичеванской Автономной Советской Социалистической Республики с изменениями и дополнениями. Баку: Азернешр, 1941. 28 с.
- Ленин, 43 1970 — *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 43. М.: Полит. лит., 1970. 562 с.
- Ленин, 45 1970 — *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит., 1970. 730 с.
- Мелконян 2003 — *Մելքոնյան Ա. Զավախը XIX դարում և XX դարի առաջին քառորդին, «Զանգակ» հրատարակչություն, Երևան, 2003, 544 էջ.* (= *Мелконян А.* Джавахк в XIX и первой трети XX в. Ереван: Зангак, 2003. 544 с.) (на армян. яз.).
- Мясникян 1957 — *Մյասնիկյան Ա. Ֆ. Ընտիր երկեր, Երևան, Հայպետհրատ, 1957, 815 էջ:* (=Мясникян А. Ф. Избранные сочинения, Ереван: Арм. госуд. изд-во, 1957. 815 с.) (на армян. яз.).
- Нагорный Карабах 1992 — Нагорный Карабах в 1918–1923 гг.: сб. док. и мат-лов / отв. ред. В. А. Микаелян. Ереван: Академия наук Армении, 1992. 756 с.
- Нежинский 1994 — *Нежинский Л. Н.* У истоков большевистско-унитарной внешней политики (1921–1923 гг.) // *Отечественная история*. 1994. № 1. С. 89–105.
- Образование СССР 1972 — Образование Союза советских социалистических республик: сборник документов / редкол: Ю. И. Кораблев (отв. ред.) и др.; сост. С. В. Хармандарян. М.: Наука, 1972. 529 с.
- Поцелуев 1987 — *Поцелуев В. А.* Гербы Союза ССР. Из истории разработки. М.: Политиздат, 1987. 166 с.
- Республика Армения 2000 — Республика Армения в 1918–1920 гг. (политическая история): сб. док. и мат-лов / ред. Г. Галоян, В. Казахян. Ереван: Гитутюн, 2000. 456 с.
- Сборник договоров 1922 — Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Вып. 3. М.: НКВД, 1922, № 79. 252 с.
- Свобода 1992 — *Свобода В.* Союз добровольный республик свободных? (Из истории создания СССР) // *Этнографическое обозрение*. 1992. № 2. С. 3–13.

- Советские конституции 2015 — Советские конституции. Хрестоматия: в 4 ч. Ч. 1 / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский пединститут, 2015. 156 с.
- Советское содружество 1972 — Советское содружество народов (объединительное движение и образование СССР) / Сб. док. и мат-лов. 1917–1922 гг. / сост.: И. Н. Владимирцев. М.: Полит. лит., 1972. 335 с.
- Сталин, 5 1948 — Ստալինի Ի.Վ. Երկեր, հ. 5, Երևան, Հայպետհրատ, 1948, 491 էջ: (= Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. Ереван: Армгосиздат, 1948, 491 с.) (на армян. яз.).
- Туманян 2012 — Туманян М. Г. Дипломатическая история Республики Армения, 1918–1920 гг. Ереван: Нац. архив Армении, 2012. 471 с.
- Шесть лет политики 1924 — Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац, 1917–1923 гг.: (вместо отчета). М.: Изд-во Отдела печати и информации, 1924. 228 с.
- Хачатрян 2007 — Хачатрян К. Г. Армяно-русские отношения в 1920–1922 гг. Ереван: Институт истории НАН РА, 2007. 262 с.
- Хачатрян, Сукиасян, Бадалян 2022 — Хачатрян К. Г., Сукиасян А. К., Бадалян Г. М. Аннексия армянских территорий Турцией и Советским Азербайджаном в 1920–1930-х годах. Ереван: Институт истории НАН РА, 2022. 222 с.

References

- Berdzenishvili D. Akhalkalaki of Javakheti. *Art'ani* (youth journal of popular history). 1998. No. 7. Pp. 51–74. (In Geo.)
- Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Soviet Union and the Supreme Soviet*. 1990. No. 15. 316 p. (In Russ.)
- Collected Current Treaties, Agreements and Conventions between the RSFSR and Foreign Governments. Is. 3. Moscow: People's Commissariat for Foreign Affairs, 1922. No. 79. 252 p. (In Russ.)
- Constitution (fundamental law) of the Armenian Soviet Socialist Republic (14 April 1978). Yerevan: Hayastan, 1984. 58 p. (In Russ.)
- Constitution (fundamental law) of the Nakhichevan Autonomous Soviet Socialist Republic. Nakhichevan, 1937. 28 p. (In Russ.)
- Constitution (fundamental law) of the Nakhichevan Autonomous Soviet Socialist Republic (Revised and Expanded). Baku: Azernesher, 1941. 28 p. (In Russ.)
- Constitution (Statute) of Nagorno-Karabakh Autonomous Oblast. *Communist*. 1924, July 6. No. 145 (924). Pp. 29–36. (In Russ.)
- Constitution of the Transcaucasian Socialist Federative Soviet Republic (13 December 1922). In: Kuznetsov D. V. (comp.) Soviet Constitutions: A Chrestomathy. In 4 pts. Pt. 1. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk [State] Pedagogical Institute, 2015. 156 p. (In Russ.)
- Galoyan G., Kazakhetsyan V. (eds.) Republic of Armenia in 1918–1920: Political History. Collected documents and materials. Yerevan: Gitutyun, 2000. 456 p. (In Russ.)
- Guliev D. P. (ed.) Nagorno-Karabakh Autonomous Oblast (Azerbaijan SSR), 1918–1925: History of Its Formation Revisited. Documents and materials. Baku: Azerbaijan State Publ. House, 1989. 334 p. (In Russ.)
- Khachatryan K. H., Sukiasyan A. K., Badalyan G. M. Annexations of Armenian Territories by Turkey and Soviet Azerbaijan in the 1920s–1930s. Yerevan: National Academy of Sciences of Armenia (Institute of History), 2022. 222 p. (In Russ.)
- Kharmandaryan S. V. (comp.) Establishing the Union of Soviet Socialist Republics. Collected documents. Yu. Korablev et al. (eds.). Moscow: Nauka, 1972. 529 p. (In Russ.)
- Klyuchnikov Yu., Sabanin A. Contemporary International Politics: Agreements, Memorandums, Declarations. Pt. 3. Moscow: People's Commissariat for Foreign Affairs, 1928. 430 p. (In Russ.)
- Kuznetsov D. V. (comp.) Soviet Constitutions: A Chrestomathy. In 4 vols. Vol. 1. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk Teachers' Training Institute, 2015. 156 p. (In Russ.)
- Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. Vol. 43. Moscow: Politizdat, 1970. 562 p. (In Russ.)
- Lenin V. I. Complete Works. 5th ed. Vol. 45. Moscow: Politizdat, 1970. 730 p. (In Russ.)
- Melkonyan A. Javakhs in the 19th and Early 20th Centuries. Yerevan: Zangak, 2003. 544 p. (In Arm.)
- Myasnikyan A. F. Selected Writings. Yerevan: Armenian State Publ. House, 1957. 815 p. (In Arm.)
- Mikaelyan V. A. (ed.) Nagorno-Karabakh in 1918–1923. Collected documents and materials. Yerevan: Academy of Sciences of Armenia, 1992. 756 p. (In Russ.)
- Nezhinsky L. N. Sources of the Bolsheviks' unitarist foreign policy (1921–1923). *Otechestvennaya istoriya*. 1994. No. 1. Pp. 89–105. (In Russ.)

- Potseluev V. A. Developing State Emblems of the Soviet Union: Glimpses of History. Moscow: Politizdat, 1987. 166 p. (In Russ.)
- Schmidt O. Yu. (ed.) Great Soviet Encyclopedia. In v 66 vols. (1926–1947). Vol. 1. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1926. 832 p. (In Russ.)
- Schmidt O. Yu. (ed.) Great Soviet Encyclopedia. In v 66 vols. (1926–1947). Vol. 3. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1926. 800 p. (In Russ.)
- Stalin J. V. Writings. Vol. 5. Yerevan: Armenian State Publ. House, 1948, 491 p. (In Arm.)
- Svoboda V. A voluntary union of free republics? (The creation of the USSR revisited). *Etnograficheskoe obozrenie*. 1992. No. 2. Pp. 3–13. (In Russ.)
- Tenth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks): March 1921. Verbatim report. Moscow: Politizdat, 1963. 937 p. (In Russ.)
- The Six Years of Nationalities Policy [Conducted] by the Soviet Government and People's Commissariat of Nationalities, 1917–1923: Instead of a [Progress] Report. Moscow: People's Commissariat for Foreign Affairs (Press and Information Dept.), 1924. 228 p. (In Russ.)
- Tumanyan M.G. Republic of Armenia, 1918–1920: A Diplomatic History. Yerevan: National Archives of Armenia, 2012. 471 p. (In Russ.)
- Vladimirtsev I. N. (comp.) The Soviet Comradeship of Nations: Unity Movement and the Shaping of the USSR. Collected documents (1917–1922). Moscow: Politizdat, 1972. 335 p. (In Russ.)
- Zhvaniya G. K. et al. Communist Party of Georgia: Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. Vol. 1: 1920–1931. Tbilisi: Communist Party of Georgia, 1976. 541 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 2, pp. 353–363, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47+57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-353-363

Советские врачи и борьба с эпидемиями в Синьцзяне (конец 1920-х – 1940-е гг.)

Всеволод Юрьевич Башкуев¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-4300-9403. E-mail: [vbashkuev\[at\]gmail.com](mailto:vbashkuev[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Башкуев В. Ю., 2023

Аннотация. *Введение.* Долго остававшаяся вне поля зрения историков тема советско-синьцзянского медицинского сотрудничества помогает понять, почему Синьцзян был столь важен для СССР в межвоенный период. Парадоксально, но «мягкая сила» советской медицины смогла полностью раскрыться не в идеологически дружественных Монгольской Народной Республике и Тувинской Народной Республике, а в постоянно бурлящем Синьцзяне на фоне чудовищных социальных катаклизмов 1930–1940-х гг. *Цель исследования* — изучение советской медико-санитарной помощи региону через призму борьбы с эпидемиями, составлявшей важный аспект взаимодействия. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования послужили документы из фондов А-482 (Министерство здравоохранения РСФСР) и Р-8009 (Министерство здравоохранения СССР) в Государственном архиве Российской Федерации. В основе исследования лежат геополитический, ретроспективный и сравнительный подходы. *Результаты.* В условиях постоянной этнической турбулентности, при строгом ограничении возможностей пропаганды советские врачи использовали «мягкую силу» в здравоохранении через профессионализм и самоотверженное служение гуманистическим идеалам. Борьба с эпидемиями составила один из «столпов» взаимодействия, так как работа врачей не только спасала тысячи жизней в Синьцзяне, но и внушала уважение к мощи советского здравоохранения, а также оберегала рубежи СССР от проникновения опасных патогенов. *Выводы.* СССР вкладывал в помощь Синьцзяну значительные кадровые и материальные ресурсы, рискуя жизнями советских врачей не из альтруизма, а из рациональных соображений безопасности и расширения влияния. Борьба с эпидемиями в архаичном традиционном синьцзянском обществе, где страх перед чумой и оспой был велик, повышала авторитет не только врачей, но и СССР как научной и медицинской державы. **Ключевые слова:** эпидемии, Синьцзян, «мягкая сила», легочная чума, оспа, скарлатина, советские амбулатории, Наркомздрав СССР

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «„Мягкая сила“ советской медицины: трансфер знаний, технологий и идеологий в международных связях Наркомздрава РСФСР/СССР (1921–1947)» (№ 19-18-00031).

Для цитирования: Башкуев В. Ю. Советские врачи и борьба с эпидемиями в Синьцзяне (конец 1920-х – 1940-е гг.) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 353–363. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-353-363

Soviet Physicians and Struggle against Epidemics in Xinjiang: Late 1920s – 1940s

Vsevolod Yu. Bashkuev¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-4300-9403. E-mail: vbashkuev[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Bashkuev V. Yu., 2023

Abstract. *Introduction.* The long-overlooked topic of Soviet–Xinjiang medical cooperation can facilitate a better understanding of why Xinjiang was that important to the USSR in the interwar period. Paradoxically, the ‘soft power’ of Soviet medicine was able to come into fruition not in the ideologically friendly Mongolian and Tuvan People’s Republics — but in the turbulent Xinjiang against the background of disastrous social cataclysms of the 1930s and 1940s. *Goals.* The article aims to examine Soviet medical and sanitary assistance to the region through the prism of epidemic control efforts that constituted an important aspect of interaction. *Materials and methods.* The study analyzes documents from collections A-482 (‘Ministry of Health of the RSFSR’) and P-8009 (‘Ministry of Health of the USSR’) of the State Archive of the Russian Federation. The geopolitical, retrospective, and comparative approaches shape a basis of the research agenda. *Results.* Soviet physicians were implementing the ‘soft power’ of healthcare through professionalism and selfless service to humanistic ideals under constant ethnic disturbances and strictly limited propaganda opportunities. The struggle against epidemics constituted one of the ‘pillars’ of interaction, since the medical advisers not only saved thousands of lives in Xinjiang but also instilled respect for the power of Soviet healthcare and protected the Soviet frontiers from dangerous pathogens. *Conclusions.* The Soviet Union invested significant human and material resources to support Xinjiang at the peril of Soviet physicians’ lives not out of mere altruism but rather following rational security concerns with a view to expand influence. The struggle against epidemics in the traditional, archaic Xinjiang society with utmost fear of plague and smallpox strengthened the authority of not only health professionals but also that of the USSR as a scientific and medical power.

Keywords: epidemics, Xinjiang, ‘soft power’, pneumonic plague, smallpox, scarlet fever, Soviet outpatient clinics, USSR People’s Commissariat for Health

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 19-18-00031 ‘Soft Power of Soviet Medicine: Transfer of Knowledge, Technologies, and Ideologies in International Relations of the RSFSR/USSR People’s Commissariat for Health (1921–1947)’.

For citation: Bashkuev V. Yu. Soviet Physicians and Struggle against Epidemics in Xinjiang: Late 1920s – 1940s. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 353–363. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-353-363

1. Введение

В научных трудах о советском медицинском интернационализме синьцзянский сюжет стал появляться лишь недавно [Баш-

куев 2016а; Башкуев 2016б; Башкуев 2019а; Башкуев 2019б; Нагорных 2019; Башкуев 2021]. Материалы о работе врачей в Синьцзяне долго находились под грифом «се-

кретно», не вызывая интереса историков, сконцентрировавшихся на идеологизированных нарративах о строительстве здравоохранения в Монголии и Туве [Певзнер 1942; Бойцов 1944; Шабаетов 1975; Цагаанхуу 1976; Ибрагимов, Дэмбэрэл 1977; Немой 1978] или медицинском содействии народам Афганистана, Ирана, Йемена [Талызин 1957; Галкин 1963; Галкин 1964; Суворова 1964; Мырзиков 1974].

Между тем в 1920–1940-х гг. эта окраинная провинция Китая была одним из ключевых направлений медико-санитарной помощи. В чем же заключалась важность Синьцзяна для СССР? Почему именно медики сыграли столь заметную роль в советско-синьцзянском взаимодействии в межвоенный период?

2. Материалы и методы исследования

Настроить исследовательскую оптику так, чтобы увидеть глубинную политическую подоплеку интересующих нас процессов, поможет геополитический подход. Справедливо названная О. Латтимором «осью Азии» [Lattimore 1950: 3–4], провинция Синьцзян выполняла важнейшую геополитическую функцию в советско-китайском стратегическом сотрудничестве 1920–1940-х гг. Через нее осуществлялись основные поставки вооружения и стратегических материалов гоминьдановской армии, сдерживавшей агрессию Японии на востоке [Соколов 2011: 164, 170; Мировицкая 2010: 244]. Кроме того, Синьцзян «демпфировал» уязвимое мусульманское «подбрюшье» советской державы, гася в толще своих этноконфессиональных проблем разрушительный потенциал панисламистской идеологии. Превратив к 1930-м гг. провинцию в экономический придаток СССР, большевики использовали китайско-мусульманские противоречия как геополитический рычаг в отношениях с Чан Кайши [Башкуев 2021: 224–225; Гасанлы 2016: 177–208].

Но существовал еще один аспект, парадоксальным образом сумевший раскрыться в тягостной обстановке перманентного этнического конфликта. Это — гуманитарная роль советского медицинского присутствия в Синьцзяне, отчетливее всего проявившаяся под пулями и снарядами мусульманского восстания 1931–1934 гг., в условиях, когда выживание многих зависело от вовремя и

качественно оказанной медицинской помощи. Наиболее удобной методологической рамкой для исследования этого аспекта является концепция «мягкой силы» Дж. Ная, выделяющая непрямые аспекты воздействия (культура, наука, образование, мода, стиль жизни) в самостоятельный геополитический фактор, действующий иначе, чем «жесткая сила» военного, экономического или дипломатического принуждения [Nye 1990: 166–167]. Наглядно демонстрировавшая преимущества европейской медицины над альтернативными лечебными практиками, советская медицинская помощь народам Синьцзяна была направлена на формирование у них привлекательного образа СССР, советского здравоохранения и общественного строя в целом. Будучи по сути дополнительным геополитическим рычагом, «мягкая сила» медицины в западном Китае зачастую оказывалась ключевым элементом советского культурного влияния в критических для этой провинции ситуациях. Именно таким сюжетам посвящена данная статья. Внимание будет сосредоточено на одном из осевых компонентов медицинского взаимодействия — борьбе с эпидемиями, в которой врачи не только спасали жителей Синьцзяна, но и обеспечивали эпидемиологическую безопасность советских граждан и границ СССР.

Эмпирически данное исследование базируется на архивных документах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Материалы фондов Министерства здравоохранения РСФСР (А-482) и Министерства здравоохранения СССР (Р-8009) этого архива дают возможность изучить как общие направления советского медицинского содействия Синьцзяну, так индивидуальные сюжеты, складывающиеся в динамичную картину социокультурного взаимодействия носителей идей социалистической медицины и многонационального населения провинции.

3. Особенности реализации «мягкой силы» советской медицины в Синьцзяне (1920–1940-е гг.)

Рано убедившись в пользе экспорта системы Н. А. Семашко в ближнее пространство зарубежной Азии (1926 г. — Монгольская Народная Республика (МНР), 1927 г. — Тувинская Народная Республи-

ка (ТНР)) [Башкуев 2021: 52–78, 133–171], большевики использовали опробованную на политических сателлитах схему в западном Китае, ставшем к середине 1930-х гг. де-факто советским протекторатом [Гасанлы 2016: 61–130]. Этот опыт дал неоднозначные, но в целом положительные для СССР результаты, а Синьцзяну принес улучшения в плане оздоровления населения и развития национального здравоохранения. Однако имелось условие, напрямую влиявшее на модус советской культурной экспансии в Синьцзяне и мусульманских странах Центральной Азии. Если в МНР и ТНР, идеологически копировавших СССР, система Н. А. Семашко внедрялась вместе с большевистским политическим наполнением, в западном Китае, Афганистане и Иране советская медицинская помощь была лишена агрессивного пропагандистского компонента. Местные правительства попросту не допускали ведения врачами какой-либо политической пропаганды, ограничивая или жестко регламентируя контакты с местным населением. Поэтому, если в МНР и ТНР влияние советской медицины могло быть как «мягким» (культурным, научным, образовательным), так и вполне «жестким» (пропагандистским, регламентирующим, репрессивным), в мусульманских странах и регионах оно было исключительно культурным, а значит, «мягким». В Синьцзяне, в силу латентного конфликта между китайцами и мусульманскими фракциями, влияние советской медицины воспринималось как желанное и «мягкое». Оно не только помогало излечить физические раны народа, но и улучшало социальные отношения в этнически и конфессионально раздробленном обществе.

Первая советская амбулатория открылась в Кульдже (около 90 000 жителей), административном центре Илийского края, в 1924 г. Этот крупный по синьцзянским меркам город обслуживался всего двумя медицинскими учреждениями (советская консульская амбулатория и амбулатория католической миссии); кроме того, там работало 10 русских фельдшеров и акушеров из белоэмигрантов. Второй медпункт открылся в 1927 г. в г. Кашгаре (около 100 000 жителей). Кроме последнего, в городе работала амбулатория шведской миссии и частная амбулатория фельдшера-эмигранта

Яловенко [Башкуев 2021: 230–231]. В г. Чугучаке при советском дипломатическом представительстве тоже имелся медпункт, но в конце 1920-х гг. из-за проблем с финансированием он не работал. В 1930 г. усилиями советского врача А. Э. Германа амбулатория возобновила работу. В том же году открылись амбулатории при советском консульстве в г. Шара-Сумэ (Алтайский округ) и при Генеральном консульстве СССР в г. Урумчи, административном центре провинции. В 1933 г. за улучшение медицинского обслуживания г. Урумчи взялся врач В. И. Сапожников, оборудовавший хирургическую палату и современную операционную [Башкуев 2021: 265–266].

Основным контингентом медучреждений были граждане СССР — работники дипломатических, торговых и хозяйственных организаций. Параллельно врачи вели прием местного населения. Принцип оказания медицинской помощи в Синьцзяне, как и вообще в мусульманских странах, отличался от МНР и ТНР. Имущие местные жители формально должны были оплачивать лечение и медикаменты, а самые бедные обслуживались бесплатно. При этом расценки в советских амбулаториях были ниже, чем у конкурентов. Особенно это относилось к вливаниям неосальварсана, пользовавшимся высоким спросом из-за распространенности сифилиса [Башкуев 2016: 369]. Этим своеобразным «демпингом» советские медики обеспечивали стабильный приток венерических больных¹.

Выполняя лечебную работу, советские врачи заслужили уважение и благодарность местного населения. В 1931–1934 гг. ряду медицинских пунктов довелось пережить боевое крещение в эпицентре кровавого мусульманского восстания. В 1932 г. советская амбулатория в г. Кашгаре осталась единственным работающим медицинским учреждением, так как шведы эвакуировали почти весь свой медицинский персонал. Заведующий медицинским пунктом Б. К. Осипов писал: «Мы были все время на театре

¹ В середине 1940-х гг. в правительственной амбулатории г. Бая за одно вливание новарсенола (советский дженерик неосальварсана) взымали 6 руб. в местном эквиваленте. За то же вливание в амбулатории г. Аксу советские врачи брали лишь 20 коп. [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 34. Д. 6. Л. 59].

военных действий. Тормозом к нормальной работе была война., она же давала нам и план работы: военно-полевая хирургия в той форме, в которой она проявлялась во времена Пирогова в Севастопольскую кампанию...» [Башкуев 2021: 243].

Зимой 1933–1934 гг. армия восставших дунган под командованием генерала Ма Чжуньина в третий раз осадила г. Урумчи. Успевший к тому времени оборудовать операционную врач В. И. Сапожников дено и ночью проводил операции, спасая тяжелораненых. «И вот вам обстановка работы, — писал он в Наркомздрав РСФСР, — оспа, сыпняк, голод и непрерывный поток раненых. Работали дни и ночи: я, жена моя и весь мой персонал сильно измотались... Мне приходилось оперировать как Амбруазу Парэ в 16-м веке, без наркоза, под крик оперируемого — это тяжело» [Башкуев 2021: 268].

Благодаря современным операционным, советские медицинские пункты в г. Кашгаре и г. Урумчи стали центрами притяжения как для военных чинов, так и для гражданского населения. После снятия осады с г. Урумчи город превратился в тыловой опорный пункт китайской правительственной армии, а в советском генеральном консульстве работала единственная на 700 км вокруг операционная. Эхо войны долго сохранялось в северном Синьцзяне, и в медпункты часто доставляли людей, искалеченных взрывами неразорвавшихся боеприпасов. По мнению В. И. Сапожникова, именно хирургия создала советским медицинским учреждениям настоящую популярность [Башкуев 2021: 268–269].

Синьцзян — не только географическая и геополитическая ось Азии. Там сочетаются разные типы рельефа, гидрографии и климата: равнины, покрытые маловодными степями и выжженными пустынями, соседствуют с высочайшими горными системами Евразии; бурные горные потоки теряются в бескрайних песках равнин или разбираются на арыки жителями оазисов, чей мягкий климат контрастирует с резко континентальным климатом предгорий [Dillon 2004: 3–5]. Этот миграционный перекресток на древнем Шелковом пути тысячелетиями являлся природным очагом опасных инфекций. В голодные 1920-е и смутные 1930-е гг. провинцию наводнили беженцы и чужие

войска, а эпидемии неизбежно сопровождали очередной социальный катаклизм. Врачам приходилось оперативно реагировать на эпидемические вызовы. Судя по сохранившимся документам, медики консульских медицинских пунктов играли роль первой линии обороны, срочно выдвигаясь в пораженные районы для оценки ситуации и уровня опасности. Если эпидемическая обстановка вызывала опасения, врачи обращались за подмогой в Урумчи, а оттуда запросы поступали уже в Наркомздрав СССР и советское правительство.

Таким образом, в Синьцзяне сама внутриполитическая обстановка диктовала ряд особенностей реализации «мягкой силы» советской медицины. Отсутствие возможности вести открытую идеологическую пропаганду компенсировалось профессионализмом и самоотверженностью хирургов, не прекращавших оперировать даже под артиллерийскими обстрелами. Другим синьцзянским «горнилом» являлись эпидемии, наглядно демонстрировавшие две значимые функции советских врачей — быстрое реагирование на вспышки особо опасных инфекций, а также изучение и мониторинг местных эпидемических заболеваний для эпидемиологической безопасности границ СССР. Наконец, каждодневная работа по лечению местного населения, которую, ввиду многочисленности кейсов мы в настоящей статье не рассматриваем, укрепляла уверенность синьцзянцев в профессионализме, благородстве и справедливости медиков из СССР. «В своей работе Вы не различали нации, как то: китайцев, узбеков, казахов, калмыков, — писали в благодарственном письме доктору И. В. Сажину жители г. Шара-Сумэ в 1933 г., — а всех принимали в амбулатории одинаково, и хорошо всех лечили, и многие от Вашей помощи выздоровели, чем Вы оказали народу великую помощь» [ГА РФ. Ф. А.-482. Оп. 35. Д. 536. Л. 43]. Для этнически и конфессионально сегрегированного синьцзянского общества подобная благодарность — высшая степень признательности.

4. Советские врачи на ликвидации эпидемий чумы и оспы в 1938 г.

Один из наглядных примеров работы советских медиков во время эпидемий в Синьцзяне отразился в документах из

фонда Р-8009 (Министерство здравоохранения СССР) Государственного архива Российской Федерации. Летом 1938 г. в южных отрогах Манасских гор среди казахов разразилась вспышка неизвестного смертельного заболевания. 14 августа туда на автомобиле из г. Урумчи выехала группа в составе врача А. В. Ковалю, медсестры-переводчицы К. Карповой и шофера. Преодолев все тяготы пути (авария автомобиля, ранение медицинской сестры, потеря ящика с медикаментами), советская группа выяснила, что вспышка началась 15 июля 1938 г. в семье муллы-купца Кожутая, чей брат Каджибек, 27-летний торговец сурковыми шкурками, неожиданно умер. На похоронах присутствовало много людей, и инфекция быстро распространилась по родственникам. Через три дня умерли Кожутый и жена Каджибека, затем жена Кожутая, а заболевание появилось еще в четырех юртах. Казахи в панике начали разбегаться — часть ушла далеко в снега, другая часть стала спускаться в долину по течению горной реки Чен-до-хосе, теряя по дороге людей. Советские врачи выяснили, что в районе Манаса и Эрдомачана вспышка такой болезни повторилась уже четвертый раз за 30 лет. По описанию симптомов (сильный жар, коликообразные боли в груди, озноб, головные боли, небольшое носовое и горловое кровотечение) А. В. Коваль заподозрил легочную чуму, хотя работавшие на лесосплаве русские эмигранты видели у казахов кровавый понос и считали, что те больны холерой [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 82. Л. 29об.].

Первыми противоэпидемическими мероприятиями стали организованные местным начальством сторожевые посты для предотвращения заноса инфекции в населенные пункты. Были запрещены торговля сурковыми шкурками, мехами, шкурами крупного рогатого скота, въезд и выезд из г. Манас, уборка хлеба, даже лесосплав по реке Чен-до-хосе [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 82. Л. 30].

Вечером 17 августа по возвращении группы из рекогносцировочной поездки в советском генеральном консульстве состоялось совещание врачей, ветеринаров, дипломатического руководства и представителей торговых организаций. Обсужда-

лись профилактические меры, разработанные врачом А. В. Ковалем и бактериологом Потковым¹ для защиты населенных пунктов Синьцзяна и границ СССР от заноса чумы. Часть советских врачей и торговых работников решительно выступила против закрытия государственной границы, запрета на автомобильное сообщение и приостановки международной торговли. Однако генеральный консул СССР категорически настоял на введении карантина. Затем он обратился в НКВД и Наркомздрав СССР с просьбой прислать противочумную экспедицию. 18 августа А. В. Коваль известил о предполагаемой вспышке легочной чумы председателя синьцзянского правительства Ли Джу Си и департамент внутренних дел. 19 августа врачи в сопровождении трех охранников снова выехали на реку Чен-до-хосе [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 82. Л. 30].

На этот раз пришлось исследовать трупы, извлекая их из неглубоких могил. Были взяты образцы пораженных тканей, а А. В. Коваль убедился, что имеет дело с легочной чумой. Смертность среди казахов продолжалась. Вымикали целые семьи, а погребением тел за большую плату занимались русские эмигранты. Узнав, что те тайно выезжают за продуктами и китайской водкой «джун» в Манас, А. В. Коваль еще раз обратился к местным властям с призывом пресечь миграцию с гор в населенные пункты. Тогда же произошел инцидент: бежавшая больная казашка обрызгала кровью преследовавшего ее солдата, и через сутки тот умер при симптомах легочной чумы.

Работая под проливным дождем, переходящим в град, советские медики подвергались огромному риску. Ночью, приехав в Манас, они почувствовали жар и слабость, а у А. В. Ковалю начался бред. Начальник полиции, видевший симптомы легочной чумы в Харбине, изолировал всю группу. На счастье у советских врачей оказался всего лишь грипп [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 82. Л. 31]. Но злоключения на этом не закончились. Урумчинские власти не дали группе въехать в столицу, подвергнув карантину, а предусмотрительно закопанную за городом банку с чумными образцами украл какой-то

¹ Здесь и далее в случае отсутствия сведений в материалах архива указывается только фамилия (без инициалов).

любопытный китайский огородник. К счастью, увидев в сосуде «гнилое мясо», он выбросил его, не вскрывая, а полиция обнаружила контейнер в 20 метрах от раскопа [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 82. Л. 32]. В период между пропажей и обнаружением банки с образцами г. Урумчи находился в страшной опасности — легочная чума распространяется воздушно-капельным путем, а ее летальность близка к 100 процентам.

25 августа 1938 г. из Алма-Аты прибыла первая противочумная экспедиция под руководством доктора Смирнова. В тот же день она выдвинулась в Манас, в 20 км от которого был оборудован лагерь. Бактериологические посевы и лабораторные эксперименты показали легочную форму чумы. Для обследования и ликвидации первого (Эрдомачан) и второго (р. Чен-до-хозе) эпидочагов экспедиция разделилась на три группы. Бактериолог Потков занялся исследованиями в лагере и карантинном в Эрдомачане; А. В. Коваль взялся за обследование снежных вершин Эрдомачана и Сандомачана, а также прилегающей реки Тасыркай; Смирнов обследовал горную часть реки Чен-до-хозе, Тудомачан и центральную часть Эрдомачана. Медики обнаруживали захороненные трупы, занимались дезинфекцией могил и перезахоронением погибших казахов, начали противочумную вакцинацию [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 82. Л. 32об., 33]. Проводившие опасную работу в обледеневших горах, советские медики встретили недоверие со стороны прятавшихся в снегах богатых казахов, распускавших слухи, что это не врачи, а советские пограничники, пришедшие пересчитать и реквизировать скот [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 82. Л. 34].

Спустившись с высокогорья к лагерю, врачи обнаружили, что из Москвы прибыла еще одна противочумная экспедиция под руководством доктора Быкова. Новоприбывшие специалисты сначала поставили под сомнение выводы А. В. Коваля, Поткова и Смирнова об эпидемии легочной чумы, а когда все лабораторные доказательства были представлены, Быков предложил урумчинским медикам покинуть эпидочаг и заняться своей непосредственной работой. Поведение этой группы, а также жалобы казахских старшин, что ее члены ходят вооруженные и пугают людей [ГА РФ. Ф. Р-8009.

Оп. 10. Д. 82. Л. 35], вызывают предположение, что вторая экспедиция включала в себя военных бактериологов или сотрудников НКВД. Об этом косвенно свидетельствуют работы, проведенные группой Быкова впоследствии. Изготовив необходимое количество вакцины АМП, врачи сначала привили военных и лишь потом гражданское население [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 82. Л. 35об.].

Усилиями советских медиков к 20 сентября 1938 г. эпидемия была ликвидирована. По спецзаданию Наркомздрава СССР часть экспедиции Быкова осталась в Манасском районе завершать вакцинацию населения. А. В. Коваль, Потков и Смирнов со своими людьми вернулись в г. Урумчи. В отчете А. В. Коваль особо отмечал профессионализм алма-атинской противочумной экспедиции, а также самоотверженную работу врачей Бокаревой, Поткова, Шмута, Кагановой и медсестры-переводчицы К. Карповой [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 82. Л. 36].

На основе собранных данных А. В. Коваль заключил, что Манасский район является эндемичным по чуме. В 1936 г. похожая вспышка произошла в Текесском районе близ Кульджи, а в 1935 г. — в Кашгаре, где от чумы умерло 70 чел. Таким образом, как минимум три крупнейших города Синьцзяна имели поблизости природные очаги чумы, что ставило в опасность сотни тысяч жителей. А. В. Коваль предложил урумчинскому правительству организовать в столице противочумную станцию, выписать из СССР двух чумологов и эпидемиолога, а до создания противочумной службы дважды в год командировать врачей в очаги для обследования на эпизоотии среди грызунов [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 82. Л. 36об.].

Проведя в г. Урумчи всего неделю, А. В. Коваль отправился по вызову на ликвидацию эпидемии оспы, разразившейся в южном Синьцзяне вдоль тракта Урумчи — Хами — Аксу. Три формы оспы — натуральная, черная и вариолез (пурпурная) — свирепствовали в районах Пичана, Токсуна, Карашара, Курле, Кучара и Лунтая, унося тысячи жизней. Командировка противоспенного эпидемиологического отряда длилась три месяца, в ходе которых были привиты от оспы 131 000 чел., принято 12 400 амбулаторных больных, посещено на дому 1 003 тяжелобольных. Несмотря на

весь ужас перед легочной чумой, действительно крупные жертвы среди населения приносили эпидемии оспы. Так, из зарегистрированных 12 502 больных от черной оспы умерло 12 001 чел., от натуральной оспы 209 чел., а от вариолеза — 78 чел. Простой подсчет говорит о том, что выздоровевших были единицы [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 82. Л. 36]. Спасаясь от оспы, люди пытались самостоятельно прививаться пустулезными корками от выздоравливающих больных, что вело к еще большей смертности. А. В. Коваль отмечал, что эпидемии оспы в Синьцзяне прекратятся только в результате 100-процентной вакцинации населения [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 82. Л. 36об.].

5. Советские врачи и синьцзянское общество в условиях эпидемий

В отчете врача в г. Аксу М. Ж. Тарановой на примере вспышки скарлатины в соседнем г. Токсу рассказывается, как местные жители встречали советских медиков. В сентябре 1940 г. ей сообщили о многочисленных смертях детей и взрослых от какого-то заболевания. Срочно выехав в Токсу, М. Ж. Таранова обнаружила, что там свирепствует скарлатина. Распорядившись закрыть школы, установить карантин и объяснив полицейским особенности распространения болезни, врач запросила помощь из Урумчи, а сама вернулась в Аксу за фельдшерами и медикаментами. Из г. Урумчи в эпидемический очаг был командирован доктор Иванов, привезший стрептоцид, с помощью которого скарлатину удалось обуздать. По окончании работы градоначальник г. Токсу организовал в честь врачей банкет и концерт в местном клубе. «Когда мы сидели в клубе, сзади нас стоял с винтовкой жандарм, — писала в отчете М. Ж. Таранова. — Не знаю, или это был почетный караул, или это была охрана, чтобы кто-нибудь не обидел нас» [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 34. Д. 1. Л. 86].

Из г. Токсу отряд проследовал в соседний городок Сашем-базар. Медиков, посаженных в пассажирские арбы, провожали одетые в новые мундиры полицейские, присутствовавшие в большом количестве муллы благодарили их, прижимая руку к груди, а вокруг гарцевали нарядные всадники. На паром, соединяющий два берега реки, вра-

чей чуть ли не внесли на руках. На въезде в Сашем-базар их снова встречал местный старшина (шаньё). Город был украшен флагами, а школу, где поселили медиков, увешали коврами. Лично знавший М. Ж. Таранову генерал Сун Силин приставил к ней для обслуживания китайского офицера Яна. Для пира были выделены бараны, куры, горы фруктов, а во дворе школы обустроена кухня [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 34. Д. 1. Л. 87].

После обследования Сашем-базара медиков на автомобиле отвезли в Кучар. Население взяло грузовик в плотное кольцо, а когда шофер дал газ и выехал по направлению к Кучару, толпа еще долго бежала за ним. «И советские люди-доктора, и автомашина были в этом городе первыми, любопытных посмотреть было много, — описывала происходящее Таранова. — Интересовали их и люди, и „шайтан-арба“, как они называют автомобиль». На заимках грузовик останавливали дехкане и угощали медиков фруктами. Врач из г. Урумчи Иванов со смехом называл это «как бы путешествие императрицы Екатерины» [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 34. Д. 1. Л. 87].

Таким образом, население Синьцзяна ценило советскую медицинскую помощь и относилось к медикам с дружелюбием. Даже эпизод с жандармом, поставленным то ли для солидности, то ли для охраны врачей во время концерта, контрастирует с описаниями врачебных приемов в Афганистане в те же 1930–1940-е гг. В госпитале г. Мазари-Шариф доктор Г. Р. Исаакян наблюдал врачебный прием: вокруг стола, где принимал врач, толпились больные, а весь обвешанный патронташами сипай (пеший солдат) винтовкой отталкивал особо настырных назад в толпу [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 55. Д. 31. Л. 430].

В других афганских городах сипаи палками отгоняли больных афганцев от ворот советского медпункта, чтобы не допустить контакта бедноты с врачами [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 290. Л. 16об.]. Похожие эпизоды бывали и в Синьцзяне. Но они участились лишь к середине 1940-х гг., когда военный губернатор Шэн Шицай перестал верить в победу СССР над Германией [Башкуев 2021: 282–283].

Тем не менее именно в Синьцзяне советская медицина понесла реальные потери. «Синьцзян и Урумчи не рай, — писал в на-

чале 1930-х гг. хирург В. И. Сапожников, — а дикая и варварская китайская провинция, причем самая отсталая» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 592. Л. 8]. Здесь нужно было бы добавить «самая опасная», так как врач, которому были адресованы эти слова, венеролог Ф. А. Краснощеков в апреле 1935 г. покончил с собой в Марал-Баши, затравленный китайскими и белогвардейскими офицерами [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 638. Л. 13, 47, 47об.]. За борьбу с эпидемиями также пришлось заплатить высокую цену. 29 апреля 1932 г. от сыпного тифа умер заведующий Кульджинской амбулаторией П. Ф. Бойко. Назначенный на его место В. В. Покровский умер от болезни в 1933 г. [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 590. Л. 31–35]. Нес потери и средний медицинский персонал, а об умерших на своем посту медработниках-синьцзянцах в советских отчетах вообще не говорится.

6. Заключение

В 1930–1940-х гг. Синьцзян являлся для СССР основной геополитической осью Азии, потому что через него шел единственный путь военной помощи гоминьдановскому Китаю. К тому же провинция была поставщиком ценного сырья и надежным рынком для советской промышленности. Уникальность этого кейса в том, что геополитическая важность Синьцзяна регулярно проверялась этнической турбулентностью и эпидемиями. В таких условиях медико-санитарная помощь стала краеугольным камнем взаимодействия.

После хирургии и вливаний неосальварсана борьба с эпидемиями оказалась третьим «столпом» советского медицинского содействия. СССР рисковал жизнями своих врачей не из медицинского альтруизма, а руководствуясь собственными интересами, в частности необходимостью мониторинга и изучения опасных эпидемических болез-

ней *in situ*. Кроме того, в архаических кочевых сообществах, составлявших значительную часть синьцзянского населения, эпидемии были угрозой, спастись от которой можно было лишь немедленной массовой откочевкой. Умение предотвращать смертельные вспышки чумы, оспы, сибирской язвы расценивалось кочевниками как чудо, а обладающий такой способностью высоко почитался — его именем назывались спасенные дети, на него буквально молились. Поэтому страдавшее от эпидемий население Синьцзяна уважало и ценило советских врачей. Доктор В. И. Потягов, работавший в 1940-е гг. в Урумчи и Аксу, писал, что благодарные дехкане говорили: «Если бы не помощь Советского Союза, мы бы сгнили от сифилиса» [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 34. Д. 6. Л. 59]. Признательность жителей Синьцзяна выражалась в благодарственных письмах в местные газеты, в советские консульства и в Наркомздрав СССР.

Синьцзянский кейс является наиболее противоречивым, наполненным скрытыми смыслами и подтекстами опытом применения советской медицины во Внутренней Азии. Благодаря богатой архивной базе, он показателен во многих аспектах, в том числе и в истории борьбы с эпидемиями. Похоже, что долгое отсутствие интереса к нему сыграло положительную роль. Синьцзянская эпопея советских врачей избежала многослойной мифологизации и потому может глубже и точнее анализироваться историками без необходимой в других случаях деконструкции идеологического нарратива. Настоящая статья лишь приоткрывает начальные страницы увлекательного и драматичного сюжета. Именно этот пример реализации «мягкой силы» компенсирует полную манипуляций и скрытых политических подтекстов историю взаимодействия большевиков с «мятежным сердцем» Азии.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Литература

Башкуев 2016а — Башкуев В. Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX — первая

Sources

State Archive of the Russian Federation.

половина XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2016. 436 с.

Башкуев 2016б — Башкуев В. Ю. Медицина и политика «мягкой силы» в Центральной

- Азии (1930–1940-е гг.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 1(23). С. 78–88.
- Башкуев 2019а — Башкуев В. Ю. Роль Синьцзяна во внешней политике России и СССР в Центрально-Азиатском регионе (вторая половина XIX – первая половина XX в.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 1(33). С. 61–71.
- Башкуев 2019б — Башкуев В. Ю. Врачуя «мятежное сердце Азии»: советские медики в Синьцзяне в период мусульманского восстания 1931–1934 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 3(35). С. 55–65.
- Башкуев 2021 — Башкуев В. Ю. «Мягкая сила» советской медицины на зарубежном Востоке. 1920–1940-е гг. Хабаровск: Дальневост. гос. мед. ун-т, 2021. 502 с.
- Бойцов 1944 — Бойцов Е. В. Двадцать лет здравоохранения в М.Н.Р. и пути дальнейшего его развития: дисс. ... канд. мед. наук. М., 1944. 202 с.
- Галкин 1963 — Галкин В. А. В Йемене. Записки советского врача. М.: Вост. лит., 1963. 105 с.
- Галкин 1964 — Галкин В. А. Советские врачи в Йемене. М.: Медицина, 1964. 37 с.
- Гасанлы 2016 — Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949). М.: Флинта, 2016. 360 с.
- Ибрагимов, Дэмбэрэл 1977 — Ибрагимов М. А., Дэмбэрэл Б. Очерки по истории развития здравоохранения Монгольской Народной Республики. М.: Медицина, 1977. 264 с.
- Мировицкая 2010 — Мировицкая Р. А. Китайская провинция Синьцзян в советско-китайских отношениях (1930–1940-е гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2010. Т. 15. № 15. С. 237–247.
- Мымриков 1974 — Мымриков П. И. 2 года в Йемене. Дневник врача. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1974. 160 с.
- Нагорных 2019 — Нагорных О. С. Деятельность советских медицинских пунктов в Северо-Западном Китае в 1930–1940-х гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 1(49). С. 51–59.
- Немой 1978 — Немой А. С. Советские медики в Монгольской Народной Республике. М.: Медицина, 1978. 120 с.
- Певзнер 1942 — Певзнер Я. И. Здравоохранение в Монгольской Народной Республике (к двадцатилетию существования республики) // Советское здравоохранение. 1942. № 1–2. С. 41–48.
- Соколов 2011 — Соколов В. В. Секретная миссия В. Г. Деканозова в Урумчи (Синьцзян) в 1942 году // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 162–180.
- Суворова 1964 — Суворова К. Н. Два года в Йемене. Записки советского врача. М.: Наука, 1964. 316 с.
- Талызин 1957 — Талызин Ф. Ф. По Ирану и Ираку. Записки врача эпидемиолога. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. литературы, 1957. 162 с.
- Цагаанхуу 1976 — 55 лет здравоохранения Монгольской Народной Республики. Д. Цагаанхуу (ред.). М.: Медицина, 1976. 289 с.
- Шаббаев 1975 — Шаббаев М. Г. Очерки истории здравоохранения Тувы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1975. 195 с.
- Dillon 2004 — Dillon M. Xinjiang — China's Muslim Far Northwest. London and New York: Routledge Curzon, 2004. 201 p.
- Lattimore 1950 — Lattimore O. Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asian Frontiers of China and Russia. Boston: Little, Brown and Company, 1950. 288 p.
- Nye 1990 — Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 166–167.

References

- Bashkuev V. Yu. 'Soft Power' of Soviet Medicine in the Foreign East: 1920s–1940s. Khabarovsk: Far Eastern State Medical University, 2021. 502 p. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. Healing the “rebellious heart of Asia”: Soviet medics in Xinjiang during the Muslim uprising of 1931–1934. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2019. No. 3(35). Pp. 55–65. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. Medicine and “soft power” politics in the Central Asia (1930s – 1940s). *Issues of Social – Economic Development of Siberia*. 2016. No. 1(23). Pp. 78–88. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. Russian Medicine and the Mongolian World, Late 19th – Early-to-Mid 20th Century: Historical Experience of Interaction. Irkutsk: Ottisk, 2016. 436 p. (In Russ.)
- Bashkuev V. Yu. The role of Xinjiang in the foreign policy of Russia and USSR in the Central Asian region (Second half of the 19th – first half of the

- 20th centuries). *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2019. No. 1(33). Pp. 61–71. (In Russ.)
- Boytsov E. V. The Twenty Years of Healthcare in the MPR, and Paths of Its Further Development. Cand. Sc. (medicine) thesis. Moscow, 1944. 202 p. (In Russ.)
- Dillon M. Xinjiang — China's Muslim Far Northwest. London and New York: Routledge Curzon, 2004. 201 p. (In Eng.)
- Galkin V. A. In Yemen: Notes by a Soviet Physician. Moscow: Oriental Literature Press, 1963. 105 p. (In Russ.)
- Galkin V. A. Soviet Medical Advisers in Yemen. Moscow: Meditsina, 1964. 37 p. (In Russ.)
- Hasanli J. P. Xinjiang in the Orbit of Soviet Politics: Stalin and Muslim Movement in East Turkestan, 1931–1949. Moscow: Flinta, 2016. 360 p. (In Russ.)
- Ibragimov M. A., Demberel B. Developing Healthcare in the Mongolian People's Republic: Historical Essays. Moscow: Meditsina, 1977. 264 p. (In Russ.)
- Lattimore O. Pivot of Asia: Sinkiang and the Inner Asian Frontiers of China and Russia. Boston: Little, Brown and Company, 1950. 288 p. (In Eng.)
- Mirovitskaya R. A. China's Xinjiang in Soviet-Chinese relations: 1930s–1940s. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 2010. Vol. 15. Pp. 237–247. (In Russ.)
- Mymrikov P. I. Two Years in Yemen: A Physician's Diary. Volgograd: Lower Volga Book Publ., 1974. 160 p. (In Russ.)
- Nagornykh O. S. The activity of the Soviet medical aid stations in Northwest China in the 1930s – 1940s. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 2019. No. 1(49). Pp. 51–59. (In Russ.)
- Nemoy A. S. Soviet Medical Professionals in the Mongolian People's Republic. Moscow: Meditsina, 1978. 120 p. (In Russ.)
- Pevzner Ya. I. Healthcare in the Mongolian People's Republic: Celebrating the 20th anniversary of the Republic. *Sovetskoe zdavookhranenie*. 1942. No. 1–2. Pp. 41–48. (In Russ.)
- Shabaev M. G. Healthcare in Tuva: Historical Essays. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1975. 195 p. (In Russ.)
- Sokolov V. V. The V. G. Dekanozov's confidential mission in Urumqi (Xinjiang) in 1942. *Modern and Contemporary History*. 2011. No. 3. Pp. 162–180. (In Russ.)
- Suvorova K. N. Two Years in Yemen: Notes by a Soviet Physician. Moscow: Nauka, 1964. 316 p. (In Russ.)
- Talyzin F. F. Through Iran and Iraq: Notes by an Epidemiologist. Moscow: Culture and Education Press, 1957. 162 p. (In Russ.)
- Tsagaankhuu D. (ed.) [Celebrating the] 55th Anniversary of the MPR's Healthcare System. Moscow: Meditsina, 1976. 289 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 2, pp. 364–374, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (47) 07

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-364-374

Миграции населения в г. Элисту в первые годы строительства. 1927–1932 гг.

Сергей Степанович Белоусов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина. 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-7614-3516. E-mail: [sbelousovelista\[at\]mail.ru](mailto:sbelousovelista[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Белоусов С. С., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье исследована история миграций населения в первые годы строительства г. Элисты — столицы Республики Калмыкия. Изучение данной темы позволяет глубже познать общие и характерные черты в формировании народонаселения населенных пунктов России. *Цель* исследования — проанализировать миграции населения в период строительства столицы автономии и влияние государственной власти на процесс становления и развития населения города Элисты в 1927–1932 гг. Исследование осуществлялось с опорой на историко-сравнительный и историко-генетический *методы*, статья написана на *материалах* Национального архива Республики Калмыкии, республиканской прессы и с опорой на опубликованные работы по истории г. Элисты. Ряд архивных документов впервые введен в научный оборот. *Результаты.* Были выявлены причины создания столицы Калмыкии, проанализирована политика советских властей в области народонаселения, описан социальный, профессиональный, национальный состав переселенцев и география мест их выхода. Главную роль в создании города и утверждения основных направлений его развития сыграло советское правительство, организовавшее переезд административного центра и строительство Элисты и оказавшее в этом мероприятии основную материальную помощь. В соответствии с целями национальной и административной политики и выбранными государственной властью направлениями развития города осуществлялась миграционная политика. Организованные государством переселения носили административный характер. Существенную роль в формировании народонаселения также сыграли неорганизованные миграции, вызванные переходом калмыков на оседлый образ жизни, стремлением части жителей соседних с Калмыкией областей и краев найти более обеспеченные источники проживания, а в отдельных случаях — укрыться от политических репрессий. *Выводы.* Появление нового поселения было вызвано политикой государства, направленной на образование советского национального центра калмыцкого народа и управления автономией непосредственно на территории Калмыцкой автономной области. В силу этого миграции властей носили плановый характер и были подчинены достижению поставленных государством задач. В городе не планировалось создание крупных

промышленных объектов, поэтому государственные миграции не требовали привлечения на жительство больших трудовых ресурсов. В неорганизованном порядке в Элисту переселялись в основном категории населения, владевшие специальностями, востребованными в условиях города, пожелавшие перейти на оседлый образ жизни кочевники, а также люди, стремившиеся получить более доходные источники существования или пытавшиеся в силу разных причин укрыться от бдительного ока силовых органов.

Ключевые слова: Калмыкия, Элиста, переселения, миграционная политика, советская власть
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Белоусов С. С. Миграции населения в г. Элисту в первые годы строительства. 1927–1932 гг. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 364–374. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-364-374

Migration to Elista in Earliest Years of Its Construction: 1927–1932

Sergey S. Belousov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Belousov S. S., 2023

Abstract. Introduction. The article examines the history of population migrations in the earliest period of Elista city's construction between 1927 and 1932. An insight into the topic shall further reveal common and specific features in the shaping of settlement populations across Russia. *Goals.* The paper aims to analyze actual migration trends during the construction of the city to have gained the status of an autonomy's capital — and show the Government's impacts on the formation and development of Elista's population in 1927–1932. *Materials and methods.* The study employs the historical-comparative and historical-genetic research methods, analyzes documents from the National Archive of Kalmykia, republican periodicals and published monographs dealing with the history of Elista, a number of archival documents be newly introduced into scientific circulation. *Results.* The work reveals causes and factors of the creation of Kalmykia's capital, analyzes population policies of Soviet authorities, reviews social, professional, ethnic, and territorial backgrounds of immigrants. The analysis of documents attests to that it was the Soviet Government that played a key role in the city's creation and approved major directions of its development, organized the relocation of administrative agencies and funded the bulk of its construction. The migration agenda was being implemented in accordance with the goals of nationalities and administrative policies, as well as with directions of the city's development chosen by official authorities. The government-organized relocations were administrative by nature. However, the population structure was essentially shaped by unorganized migrations that resulted from the sedentarization of Kalmyks, aspirations of some citizens from neighboring regions and territories to obtain better sources of livelihood — or even to escape political persecution. *Conclusions.* The emergence of the new settlement was driven by that the Government was seeking to establish a Soviet ethnic center of the Kalmyk people and administer the territory from inside Kalmyk Autonomous Oblast. These presupposed migrations were to be planned and facilitate achieving the objectives set by authorities. There had been no plans to create large industrial facilities in the city, so the government-organized migration did not require involvement of large labor resources. The 'unorganized' resettlers were largely those who had some professional skills demanded in the city, nomads seeking a sedentary life, and individuals in pursuit of profitable livelihoods or shelter from the watchful eye of law enforcement agencies.

Keywords: Kalmykia, Elista, resettlement, migration policy, Soviet authorities

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project

no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Belousov S. S. Migration to Elista in Earliest Years of Its Construction: 1927–1932. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 364–374. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-364-374

1. Введение

Период 1927 – начала 1930-х гг. является важнейшим в истории Элисты, поскольку в это время заложены основы нового города, столицы Республики Калмыкия. Было утверждено место под размещение города, определены направления его развития, был принят первый пятилетний план, и началось строительство столицы автономии и формирование ее населения. Город был образован в местности, где природные и демографические ресурсы не представляли удобств для его размещения, тем не менее он был создан. Руководители страны, республики пошли на этот шаг, исходя из административной целесообразности, а именно: создать центр управления Калмыцкой автономией непосредственно на ее территории и образовать национальный центр калмыцкого народа. Это было политическим решением, основанным на принципах национальной политики советского правительства. Одним из важнейших направлений развития нового города было формирование его населения, процесс которого планировался и находился под контролем государства. Исследование данной темы обогащает теорию градостроительства и национальной политики советского государства. Изучение опыта формирования народонаселения в том или ином регионе необходимо еще потому, что проект был реализован в условиях, неблагоприятных для проживания человека, что представляет интерес для руководства страны и органов государственной власти, отвечающих за разработку и реализацию государственных программ.

Научная, обобщающего характера, история г. Элисты еще не написана, но отдельные ее периоды и аспекты освещались в работах историков. Первым историю города начал изучать И. С. Немичев, который опубликовал книгу [Немичев 1975],

путеводитель [Немичев 1989] и ряд статей по отдельным вопросам прошлого Элисты [Немичев 1981; Немичев 1994]. Проблема формирования населения города хотя и упоминалась им, но специально не исследовалась. Свои усилия он сосредоточил в основном на изучении раннего этапа и послевоенного периода строительства города, а также истории элистинской партийной организации коммунистов, роли Элисты в жизни калмыцкого народа и республики. Отдельные вопросы истории города затрагивались и в трудах историка И. В. Борисенко [Борисенко 1994; Борисенко 1999], однако миграционная тематика также не являлась объектом специального изучения. Непосредственно история возникновения Элисты освещалась в статьях автора настоящей работы [Белоусов 2005; Белоусов 2011; Белоусов 2018], становлению архитектурного облика города посвящена статья А. М. Лиджиевой [Лиджиева 2020]. Из недавних публикаций необходимо отметить выход в свет в 2015 г. в связи с празднованием юбилея города двух книг, в которых коллективы авторов рассматривают прошлое Элисты [Первопоселенцы 2015; Элиста 2015].

Цель данной статьи — показать процесс формирования населения города в период с 1927 по 1932 гг., в связи с этим будут рассмотрены вопросы динамики миграций в город, социального, профессионального, национального состава переселенцев, государственная миграционная политика.

2. Материалы и методы исследования

Историко-генетический метод исследования позволяет проследить преемственность в правительственной политике по формированию направления развития города и его населения, а также понять логику планов и действий правительства в создании города. Сравнительно-исторический

метод способствует выявлению общих и специфических черт в политике формирования структуры населения Элисты.

Власти Калмыцкой автономной области проявляли большую активность в создании ее столицы, поэтому по данному вопросу отложилось большое количество документов. Основная масса документов содержится в фондах Центрального исполнительного комитета Калмыцкой АССР (Ф. Р-3) и Калмыцкого областного комитета КПСС (Ф. П-1). Перечисленные фонды образованы органами власти, которые в рассматриваемый период времени были основными управленческими структурами в Калмыцкой автономной области. В них содержатся переписка властей области, как с вышестоящими структурами власти, так и внутри области, заявления и жалобы переселенцев, ценный статистический материал по планированию населения нового города и миграциям, сведения о социальном и национальном составе его жителей.

3. Подготовка переселения в г. Элисту

6 мая 1927 г. Совет народных комиссаров принял постановление о перенесении административного центра Автономной области калмыцкого трудового народа из г. Астрахани в балку Элисту [Немичев 1989: 19]. На новом месте решено было построить новый город, который должен был стать средоточием административной и культурной жизни области. Таким образом была разрешена нелогичная ситуация, когда самостоятельный административно-территориальный субъект непосредственно управлялся из-за пределов области: органы власти располагались в г. Астрахани. Создать сразу же центр после провозглашения автономии калмыцкого народа в 1920 г. власти не смогли как по причине отсутствия у калмыцкого народа на территории Калмыцкой степи населенных пунктов, отвечавших требованиям устройства столицы, так и вследствие тяжелого финансового положения государства, разоренного предшествующей Гражданской войной. В 1927 г. власти окончательно определились с выбором места под город и с временем перевода центра Калмыцкой автономной области из Астрахани в г. Элисту [Немичев 1989: 19].

Руководству области предстояло организовать переезд учреждений и их сотруд-

ников и одновременно строительство нового города. Положение осложнялось тем, что на выбранном под строительство месте и поблизости от него не имелось поселений с развитой социальной и промышленной инфраструктурой, многочисленным населением. На месте будущего города находилась ставка Манычского улуса, где проживали не более 300 чел., в основном служащие улуса. В 1,1 км от ставки располагалось крестьянское село Элиста, насчитывавшее менее 3 тыс. жителей, но его не предполагалось включать в городскую черту [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 80. Л. 108]. Помещений, пригодных для размещения учреждений и проживания переезжавших служащих с семьями и обслуживающего персонала, таким образом, было крайне недостаточно. Вместе с тем не представлялось возможным в короткие сроки наладить массовое строительство жилья, так как Элиста находилась на большом расстоянии от близлежащих городов, не имела железнодорожных и водных коммуникаций, автомобильных дорог, своей строительной индустрии и вообще какой-либо промышленности.

В местности, выбранной под город, не было ни природных, ни иных условий для развития промышленности, поэтому власти сделали акцент на административно-культурном направлении развития города. Для этого не требовалось массового привлечения трудовых ресурсов из других регионов и соответственно больших расходов на реализацию данных целей.

Власти области разработали план, смету переезда и строительства и летом 1927 г. приступили к реализации проекта. В этом же году были учреждены специальная комиссия по руководству процессом переезда областного центра и должность особого уполномоченного Элистинского строительства, которую занял У. Д. Душан, после его отъезда в г. Астрахань на ней краткосрочно работали Очиров¹, Москалев, а 9 июня 1927 г. Президиум облисполкома назначил на указанную должность Гувва. Для популяризации и сбора средств на строительство города Калмыцкий облисполком учредил специальный фонд [НА РК. Ф. -90. Оп. 1. Д. 80. Л. 145об.]. Власти развернули про-

¹ Здесь и далее инициалы не упоминаются в случаях, когда они не обнаружены в архивном документе.

пагандистскую кампанию по привлечению средств организаций, сельских сообществ и частных лиц на Элистинское строительство. Все это проходило под лозунгом добровольных пожертвований, однако, как это часто имело место в советский период, на местные государственные и общественные органы и население оказывалось давление со стороны областных властей. Бюджетных и собираемых в качестве пожертвований средств все равно было недостаточно, поэтому большинство затрат покрывались средствами, выделяемыми руководством РСФСР.

Переселению в Элисту подлежали 628 сотрудников государственных, кооперативных и хозяйственных учреждений, общественных и профсоюзных организаций. Из данного количества 70 % были семейными и 30 % — холостыми людьми. Общая численность сотрудников вместе с членами семьи составляла 1 360 чел. Работники статистики определили будущий ежегодный миграционный прирост населения Элисты, который должен был колебаться в пределах 1,5–1,7 %, а с учетом демографического прироста население города должно было увеличиваться в год на 4 % в первые пять лет, а в последующие годы — не более чем на 3 % [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1163. Л. 21]. На основании данных расчетов предполагалось, что к 1937 г. число жителей в городе достигнет 4 275 чел., а к 1957 г. — 9 412 чел. [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1163. Л. 24].

4. Миграции населения в Элисту

В 1927 г. в Элисту начали прибывать на строительство рабочие. Набрать работников из местных крестьян и калмыков-кочевников, занимавшихся исключительно сельским хозяйством и не владевших рабочими специальностями, было невозможно в достаточном количестве, поэтому власти вынуждены были сделать упор на приглашение рабочих из городов Москвы, Астрахани, Ставрополя [Немичев 1989: 23].

Накануне переезда управленческий персонал был сокращен в численности, а часть работников не желала менять комфортные условия проживания в г. Астрахани на степную, удаленную от городов местность, где не было ни жилья, ни благоприятных условий для работы. В отношении служащих калмыцкой национальности облисполком принял постановление размещать их на пер-

вое время в кибитках — как людей, привыкших к кочевому образу жизни. Возражений с их стороны не последовало, однако представители других национальностей требовали обеспечить им привычные «нормальные условия жизни и работы» [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 80. Л. 74об.].

Прибытие большого количества для степной местности людей не могло не обострить жилищную проблему. Под жилье и административные здания отводились все пригодные для этих целей помещения в селах Элисте, Вознесенке, Троицком и в ставке Манычского улуса, были возведены специальные бараки. Сотрудников областных учреждений размещали на квартирах у местных крестьян, а прибывавших рабочих селили в бараках [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 258. Л. 25].

Первые месяцы начала стройки и переезда областного центра проходили в очень тяжелых условиях. Возведенные наспех бараки оказались не приспособленными к нормальному проживанию людей, на этой почве, а также из-за отсутствия сносных условий для осуществления трудовой деятельности и расчетов за проделанную работу возникли конфликты между рабочими и их руководством [НА РК. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 273. Л. 38].

Несмотря на трудности объективного и субъективного характеров, Элиста постепенно застраивалась и увеличивалась в численности. В 1928 г. в ней насчитывалось примерно 1 700 жителей, в том числе 300 чел., поселившихся до начала кампании по переезду областного центра, и 1 400 чел., переселившихся согласно плану [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1240. Л. 25].

В 1928 г., после того, как Совет народных комиссаров РСФСР утвердил пятилетний план постройки областного центра, элистинское строительство приобрело систематический, плановый характер. План определил затраты на строительство в размере 2 095 000 руб. [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 250. Л. 70].

Составители проекта главное внимание обращали на простоту и дешевизну конструкции и учитывали возможность использования местного материала, а также ориентировались на сохранение соответствия вида города общему уровню бытовых условий населения.

В 1928 г. было построено 10 административных зданий (расходы составили 371 162 руб.), 8 жилых домов (102 526 руб.), 2 здания коммунального назначения (83 353 руб.) и 52 частных здания (55 800 руб.) [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 250. Л. 71].

Строительство проходило с большими трудностями, вызванными удаленностью Элисты от соседних городов, отсутствием водных и железнодорожных путей сообщения и собственных промышленных предприятий, в первую очередь строительных, дефицитом квалифицированной рабочей силы и недостаточным финансированием строительных расходов со стороны властей.

С нарушением плана и правил осуществлялась застройка частного жилого сектора. Люди строили дома, не спрашивая разрешения Управления строительного контроля, не соблюдали план, а ответственные за контроль служащие, несмотря на неоднократные замечания проверить дома, разбивку улиц и план города, этого вовремя не делали [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 159. Л. 26].

В 1928–1930 гг. строительные программы ежегодно не выполнялись, что было обусловлено недостатком финансовых средств и сокращением отпускаемых области строительных материалов [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 250. Л. 73]. Всего за три года (1928–1930 гг.) возвели зданий: 30 административных, 20 жилищных, 30 коммунальных, 150 частных домов [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 250. Л. 71, 73].

Власти так и не смогли решить жилищный вопрос. Прирост жилой площади сильно отставал от увеличения численности населения. В 1930 г. прирост площади по сравнению с 1929 г. снизился на 16 % [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 250. Л. 78]. Минимальный размер жилой площади на одного человека составлял 4,5 м², но этот параметр, как признавались руководители администрации и стройки, не соответствовал действительности, и не мог быть достигнут даже к 1933 г. И в строящемся городе, и в соседних селах наблюдался «острый жилищный кризис». Аренда жилья стоила очень дорого, поэтому сотрудникам и рабочим было невыгодно снимать квартиры у частных лиц [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1240. Л. 25].

Несмотря на большие трудности, город строился, в него прибыли на жительство новые люди. Работавший в конце 1920-х гг.

сотрудником областной газеты «Красная степь» К. Е. Ерымовский восклицал с оптимизмом: «Происходило „кочевье“, невиданное даже в истории кочевой Калмыкии: в столицу переезжали сотни людей, учреждения, склады... Правда, города Элисты еще не было на карте, и вообще его не было, но стройка началась, люди ехали и верили: город будет...!» [Ерымовский 1967: 37].

Рост числа жителей города происходил в основном за счет приезжавших на жительство сотрудников и членов семей аппарата управления и других учреждений, но этого притока было недостаточно для быстрого роста города. Между тем будущий город нуждался в быстром увеличении численности жителей, ибо только таким путем можно получить статус города и стать настоящим областным центром. По советскому законодательству право стать городом имели населенные пункты с населением не менее 5 тыс. чел., а число жителей в них, занимающихся сельским хозяйством, не должно было превышать 25 % от общей численности населения [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1240. Л. 25]. Такого количества жителей в Элисте не было.

В постановлениях ВЦИК и СНК РСФСР Элиста указывалась как городской населенный пункт, но юридического узаконения на этот счет не существовало [Немичев 1989: 20].

Чтобы добиться требуемого результата, необходимо было увеличить численность горожан, а сделать это в то время быстро и без значительных материальных затрат можно было, только объединив село Элиста с городом в один населенный пункт.

По закону объединение населенных пунктов должно было производиться согласно волеизъявлению их населения. Руководство области организовало собрание в селе Элисте с целью получить согласие его жителей на слияние села со строившимся городом. Однако добиться его у сельчан сразу не получилось [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1225. Л. 119].

На общем собрании граждан села Элисты 21 ноября 1928 г. присутствующие высказались против вхождения их поселения в черту города. Свое решение они мотивировали тем, что в нем не имелось промышленных и ремесленных предприятий, а единственным занятием и источником суще-

ствования являлось скотоводство. Они считали, что не существует никаких оснований для причисления села к городу, в котором и уклад жизни, и хозяйственная деятельность были им чужды. Крестьяне не хотели переходить в городское состояние и к его укладу жизни, поскольку опасались лишиться главного источника существования [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1225. Л. 119].

В результате власти добились своего. В марте 1929 г. прошло собрание бедноты и Элистинского сельского Совета, постановившего войти селу Элисте в черту будущего города. Власти успокоили элистинцев, разъяснив, что занимающиеся сельским хозяйством жители в случае придания поселению городского статуса не понесут дополнительной налоговой нагрузки и будут по-прежнему облагаться единым сельскохозяйственным налогом, сохраняют земельные участки для ведения хозяйства [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1480. Л. 206].

После принятия совместным собранием сельского Совета и комитета бедноты положительного постановления Калмыцкий облисполком обратился в г. Москву с ходатайством присвоить Элисте статус города. В нем говорилось, что численность населения почти достигла цифры, необходимой для перевода населенного пункта в разряд городского поселения, что в результате завершения строительства и ввода в строй ряда промышленных предприятий возрастет число рабочих и служащих, и что Элиста является административным и культурным центром области [Немичев 1994: 2].

10 марта 1930 г. Президиум ВЦИК постановил преобразовать село Элисту в город и объединить его со строящимся городом [Немичев 1994: 2].

Объединение села и строящегося города в один городской населенный пункт ускорил рост его численности. В 1931 г. городское население по сравнению с 1930 г. выросло на 29 %, увеличившись в абсолютных цифрах с 5 736 до 7 402 чел. [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 250. Л. 74].

В 1930-е гг. число прибывших в Элисту на постоянное место жительства превышало число выбывших: в 1931 г. в городе поселились 1 639 чел., а уехали 1 054 чел. [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 218. Л. 2], в 1932 г. соответственно — 2 365 и 745 чел.

[НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 211. Л. 30–30об.], в 1933 г. — 1 070 и 575 чел. [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 211. Л. 2–2об.], в 1939 г. — 5 162 и 3 923 чел. [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 353. Л. 11]. В указанные годы миграционный прирост составил соответственно 585, 1 620, 495 и 1 239 чел.

5. Социальный, профессиональный, национальный состав переселенцев, география мест выхода

В 1928–1931 гг. на элистинской стройке ежегодно трудились по 400–500 рабочих: в 1929 г. их было 416 чел., в 1930 г. — 500 чел., в 1931 г. — 519 чел. [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 250. Л. 74]. Подавляющее большинство рабочих приехало из других регионов. Строители, за редкими исключениями, отработав оговоренное время, возвращались к себе на родину. Природные условия местности будущего города не позволяли развивать здесь промышленность, поэтому этот источник формирования населения не играл сколь-нибудь существенной роли.

В ускоренном порядке калмыцкому руководству пришлось решать проблему обеспечения нового города специалистами народного хозяйства. Поскольку их в области было очень мало, то в Элисту направлялись и приглашались инженеры и вообще специалисты по строительству и эксплуатации промышленных и иного профиля предприятий и организаций. В годы строительства города в него прибыли специалисты из г. Астрахани — супруги Козорез, из Ростовской области — братья Харченко, из Украинской ССР — А. Кибало и братья Логвиненко, из Воронежской области — И. Складчиков [Лиджиева 2020: 769]. Часть приехавших в Элисту специалистов остались в ней на постоянное жительство.

С началом переезда областных учреждений руководство Калмыцкой автономной области пыталось привлечь в будущий город на строительство и жительство калмыков, ясно осознавая необходимость их участия в создании национальной столицы и формирования населения. Руководителей строительства обязывали принимать на работы калмыков и заботиться о повышении их представительства среди строителей [Сергеев 1929: 3].

Однако руководители строительных структур с неохотой брали калмыков на работы, так как среди них не было квалифицированных специалистов в строительном деле, а труд малоопытных строителей — недавних скотоводов-кочевников — был малопродуктивным. Наниматься работать на стройку большинство из них заставляла материальная нужда и разорение хозяйств. В одном из дел Национального архива Республики Калмыкия сохранилось прошение от имени 70 чел. (представлявших 20 дворов) из Икицохуровского улуса в Калмыцкий областной исполнительный комитет. Они писали о том, что остались без средств к существованию, поэтому желают заработать деньги на элистинской стройке и перейти к оседлому образу жизни в будущем городе [НА РК. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 905. Л. 27]. Такие случаи происходили не часто, ибо калмыков, желающих порвать с привычным образом жизни и занятиями, переселиться в Элисту, было немного.

Постепенно численность калмыков увеличивалась. В первые годы строительства города она возрастала в основном за счет переселявшихся из г. Астрахани сотрудников областного аппарата управления, общественных организаций и кочевников, переходивших к оседлому образу жизни. С 1930 г. по 1932 г. в городе осело 100–120 хозяйств бывших кочевников. В 1932 г. они составляли 32,2 % в от общего числа жителей [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1923. Л. 8].

В 1932 г. население Элисты насчитывало 8 900 чел., из них по национальности 5 915 чел. были русскими и украинцами, 2 869 чел. — калмыками и 116 чел. представляли другие национальности. В городе имелось 836 домов, 11 из которых были многоэтажными. Семь домов были построены из кирпича, тринадцать — из дерева, остальные из глинобитных и камышовых материалов. Таким образом, уже в 1932 г. показатель, определенный проектировщикам на 1957 г., был выше запланированного [НА РК. Ф. Р-3 Оп. 2. Д. 1163. Л. 25].

В формировании населения города Элисты можно выделить по географическому признаку несколько групп: уроженцев современных территорий Республики Калмыкии, Астраханской, Ростовской областей и Ставропольского края. В рассматриваемые

годы они в общем переселенческом потоке преобладали. Большинство из них были выходцами из сельской местности Калмыкии — крестьяне с. Элисты; перешедшие на оседлый образ жизни калмыки; сотрудники государственных органов власти и общественных организаций. Представители рабочих, интеллигенции и других классов и социальных групп заметно уступали им в численности.

Из Ростовской области переселялись, как правило, жители, ближайших к Элисте населенных пунктов Ремонтненского и Заветнинского районов. Город привлекал их более широкими перспективами найти работу, и к тому же он находился недалеко от родных мест. Много жителей переселилось из расположенного в 30 км от г. Элисты села Богородского Ремонтненского района. Из него прибыли представители родов Богославских, Божко, Гладковых, Горобченко, Мощенко, Губаревых, Ковалевых, Попенко, Полоусовых, Рвачевых, Харченко и других.

В городе устраивались на жительство и работу также ремесленники, работники сферы обслуживания.

В 1932 г. в одной из корреспонденций областной газеты «Ленинский путь» говорилось о том, что в 1931 г. в Элисте образовалась артель «Красный швейник», которую возглавил Лунев. Газета подвергла его критике за прием на работу пришлых людей с Северного Кавказа — «неизвестных по социальному происхождению», — а также его родственников и друзей [Постороний 1932: 3].

В конце 1920–1930-х гг. в городе пытались укрыться бежавшие от раскулачивания крестьяне, надеясь таким способом избежать высылки в кулацкие спецпоселения. В первой половине 1930-х гг. Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР (ОГПУ) выявило в Элисте ряд сбежавших от высылки кулаков и членов их семей: К. В. Блохина, Т. А. Липаева, Г. И. Гуганова и др. [НА РК. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 24. Л. 10, 12]. Любопытна в этом плане судьба Я. И. Попенко, укрывшегося от раскулачивания в с. Богородском. Когда началась коллективизация, он, зная о предстоящем раскулачивании, быстро распродал свое хозяйство и переселился в г. Элисту, где вступил в колхоз им. Сталина.

За выдающиеся успехи в животноводческой деятельности колхоза советское правительство в 1949 г. удостоило его звания Героя Социалистического труда и наградило орденом Ленина и золотой медалью «Серп и Молот» [Пужаев 2022: 31].

В 1920–1930-е гг. государство проводило политику репрессий и правовых ограничений в отношении отдельных профессиональных слоев, классов, сословий, групп и вообще лиц, не отнесенных властями к числу трудящихся, которые государство считало врагами советского строя. Среди переселенцев в город встречалось немало так называемых «социально чуждых элементов», которые вынуждены были скрывать свои бывшие профессии, социальную принадлежность, службу в дореволюционных органах власти или свое участие на стороне белогвардейцев в годы Гражданской войны (см., например: [Слуцкий, Макаров и др. 1929: 2]). К ним относились бывшие торговцы, стражники, чиновники, белогвардейцы, кулаки, зайсанги и их дети. Большинство из них, будучи людьми образованными, владеющими или знакомыми с определенными профессиями, необходимыми для формирования управленческого аппарата и вообще населения города и области, оказались востребованными на службе в государственных и общественных организациях. В отношении государственных служащих периодически устраивались проверки, в ходе которых выявлялись их социальное происхождение и негативные для советской власти факты из их прошлой жизни, нравственный облик и отношение к служебной деятельности. Так, в 1929 г. в ходе одной из таких проверок было установлено, что в областной профсоюзной организации состав работников «был подобран исключительно из чуждых по социальному положению и по своей прошлой контрреволюционной деятельности», а половина оперативных сотрудников государственных организаций торговли и производства мясной продукции являлись бывшими торговцами. Из 345 чел., уволенных по итогам проверки, 210 чел. оказались «чуждыми социальными элементами» [Францев 1929: 2].

6. Заключение

Период 1927–1932 гг. стал важнейшей вехой в истории Элисты, так как в это вре-

мя она получила статус центра Калмыцкой автономной области и стала городом. Во вновь образованном центре автономии началось усиленное строительство и формирование населения. Город был создан в местности, где природные, социально-экономические и демографические факторы не способствовали его образованию, поэтому он полностью является детищем советской национальной политики, результатом политического решения партии — ВКП(б). Он создавался с целью образования советского национального центра калмыцкого народа и управления автономией непосредственно на территории Калмыкии.

Строительство города и переезд в него из г. Астрахани учреждений и сотрудников аппарата управления носили государственный и плановый характер. Элиста была задумана как административный и культурный центр, соответственно этим целям была подчинена миграционная политика государства. Организованные им миграции носили административный характер, переселений другого рода государство не организовывало, так как в городе не планировалось создание крупных промышленных объектов, которые требовали привлечения на строительство и жительство больших людских ресурсов. В неорганизованном порядке в Элисту переселялись в основном категории населения, которые надеялись получить в ней работу, возможности которой были шире, чем в сельской местности.

Областную столицу образовали из строящегося города, ставки Манычского улуса и села Элисты, а костяк населения составили крестьяне Калмыцкой автономной области и соседних субъектов, работники советских и партийных органов власти и бывшие коचेвики-калмыки.

Кроме них, в город переселялись ремесленники, представители рабочих профессий и работники сферы обслуживания. В нем также селились отдельные крестьяне — раскулаченные или намеченные к раскулачиванию и отчасти люди, подвергавшиеся преследованиям со стороны властей. Часть из пришлых людей надеялась укрыться от бдительного ока силовых органов, рассчитывая переждать трудные времена или обосноваться на новом месте навсегда.

Большинство из переселенцев являлись выходцами из сельской местности. В пер-

вые годы строительства Элисты было положено начало формированию типа элистинца-горожанина, осваивавшего занятия и профессии, не свойственные для сельской местности, человека, который постепенно усваивал культуру и менталитет городского жителя.

Невзирая на трудности, город строился, население его росло. Главную роль в его создании сыграло советское правительство, которое утвердило переезд административного центра области и строитель-

ство города и оказало в этом мероприятии материальную помощь. Надо отметить, что в этом деле большую настойчивость и активность проявило партийно-советское руководство Калмыцкой автономной области, сумевшее убедить центральную власть в необходимости переезда калмыцкого административно-культурного центра из г. Астрахани непосредственно на территорию области.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Белоусов 2018 — Белоусов С. С. К вопросу о времени основании г. Элисты // Кирилло-Мефодиевские чтения – 2018: лингвокультурный, исторический и межконфессиональный диалог. Мат-лы межрегион. науч. конф. с междунар. участием (г. Элиста, 23 мая 2018 г.). Элиста: Калм. гос. ун-т, 2018. С. 39–41.
- Белоусов 2011 — Белоусов С. С. Проблема выбора административного центра Калмыцкой автономной области и ее решение в 1920-е годы // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы. Мат-лы Всеросс. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–15 сентября 2011 г.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2011. С. 112–117.
- Белоусов 2005 — Белоусов С. С. Эволюция административного статуса города Элиста // Калмыкия — субъект Российской Федерации: история и современность. Сб. ст., посвящ. 80-летию образования Калмыцкой АССР. Элиста: КалмГУ, 2005. С. 249–257.
- Борисенко 1994 — Борисенко И. В. Как росла Элиста // Известия Калмыкии. 1994. 30 ноября. С. 2.
- Борисенко 1999 — Борисенко И. В. Картинки Элисты периода фашистской оккупации // Известия Калмыкии. 1999. 19 января. С. 3.
- Борисенко, Убушиева 2000 — Борисенко И. В., Убушиева С. И. Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 – начало 90-х гг. XX в. Элиста: Джангар, 2000. 168 с.
- Ерымовский 1967 — Ерымовский К. И. Путешествие в Калмыкию. Элиста: Калмиздат, 1967. 180 с.
- Лиджиева 2020 — Лиджиева А. М. «Люди ехали и верили: город будет!». К истории станов-

- ления Элисты как города в 1928–1930-х гг. // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 764–777. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-764-777
- Немичев 1975 — Немичев И. С. Элистинская городская: Страницы истории партийной организации. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. 127 с.
- Немичев 1981 — Немичев И. С. Роль города Элисты в консолидации калмыцкой социалистической нации // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 121–126.
- Немичев 1989 — Немичев И. С. Путеводитель. 2 изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 136 с.
- Немичев 1994 — Немичев И. С. Элиста получает статус города // Элистинские новости. 1994. 5–11 марта. С. 4.
- Первопоселенцы Элисты — Первопоселенцы Элисты / сост.: А. И. Брюханов, О. В. Лапшина, Л. М. Полоусова, М. В. Шоваева; под ред. Н. Л. Курепиной. Элиста: Калм. ун-т, 2015. 152 с.
- Посторонний 1932 — Посторонний. Беспощадный удар по проявлениям великодержавного шовинизма // Ленинский путь 1932. 27 июня. С. 3.
- Пужаев 2022 — Пужаев Г. К. Из глубин памяти. Таганрог: [б. и.], 2022. 99 с.
- Сергеев 1929 — Сергеев И. Рабочие Элистинского строительства требуют внимания // Красная степь. 1929. 9 декабря. С. 3.
- Слуцкий, Макаров и др. 1929 — Слуцкий, Макаров, Афанасьев, Белов, Будилин. Привлечь к ответственности // Красная степь. 1929. 24 декабря. С. 2.
- Францев 1929 — Францев В. Сами трудящиеся массы чистили советский и кооператив-

ный аппарат области // Красная степь. 1929. 13 мая. С. 2.

Элиста 2015 — Элиста: 150 лет. В 2 кн. Кн. 1. Степное чудо. Элиста: Герел, 2015. 95 с.

References

- Belousov S. S. Elista city and the evolution of its administrative status. In: Kalmykia as a Federal Subject of Russia. Past and Present [Celebrating the 80th Anniversary of the Kalmyk ASSR]. Collected papers. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2005. Pp. 249–257. (In Russ.)
- Belousov S. S. Selecting an administrative center for Kalmyk Autonomous Oblast (1920s): The solution discussed. In: Peoples of the Caucasus in Russian Civilizational Environments. Historical Experiences and Present-Day Challenges. Conference proceedings (Rostov-on-Don, 3–15 September 2011). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2011. Pp. 112–117. (In Russ.)
- Belousov S. S. When was Elista [actually] founded: Revisiting the question. In: 2018 Cyril and Methodius Readings at Gorodovikov Kalmyk State University. The Linguocultural, Historical and Interfaith Dialogue. Conference proceedings (Elista, 23 May 2018). Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2018. Pp. 39–41. (In Russ.)
- Borisenko I. V. How Elista grew. *Izvestiya Kalmykii*. 1994, November 30. P. 2. (In Russ.)
- Borisenko I. V. Pictures of Elista under Fascist occupation. *Izvestiya Kalmykii*. 1999, January 19. P. 3. (In Russ.)
- Borisenko I. V., Ubushieva S. I. Essays on Kalmykia's Historical Geography: 1917 – Early 1990s. Elista: Dzhangar, 2000. 168 p. (In Russ.)
- Bryukhanov A. I., Lapshina O. V., Polousova L. M., Shovaeva M. V. (comps.) The Earliest Dwellers of Elista. N. Kurepina (ed.). Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2015. 152 p. (In Russ.)
- Elista: 150 Years. In 2 vols. Vol. 1: The Steppe Miracle. Elista: Gerel, 2015. 95 p. (In Russ.)
- Frantsev V. Working people to have cleansed executive offices of Soviets and cooperatives. *Krasnaya step'*. 1929, May 13. P. 2. (In Russ.)
- Lidzhieva A. M. 'People would set out completely convinced: There will be a city!': History of transforming Elista into a city (1928–1930) revisited. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 764–777. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-764-777
- Nemichev I. S. Elista City [Communist] Party Organization: Pages of History. Elista: Kalmykia Book Publ., 1975. 127 p. (In Russ.)
- Nemichev I. S. How Elista gained city status. *Elitsinskie novosti*. 1994, March 5–11. P. 4. (In Russ.)
- Nemichev I. S. Kalmyk socialist nation consolidated: [Analyzing] the role of Elista city. In: Studies in Historical Geography of Soviet Kalmykia. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 121–126. (In Russ.)
- Nemichev I. S. Traveler's Guide. 2nd ed., rev. & suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 1989. 136 p. (In Russ.)
- Postoronniy. Relentless attack on vestiges of imperialist chauvinism. *Leninskiy put'*. 1932, June 27. P. 3. (In Russ.)
- Puzhaev G. K. From the Depths of Memory. Taganrog, 2022. 99 p. (In Russ.)
- Sergeev I. Workers constructing Elista demand attention. *Krasnaya step'*. 1929, December 9. P. 3. (In Russ.)
- Slutsky, Makarov, Afanasiev, Belov, Budilin. Be brought to justice. *Krasnaya step'*. 1929, December 24. P. 2. (In Russ.)
- Yerymovsky K. I. The Travel to Kalmykia. Elista: Kalmykia Book Publ., 1967. 180 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 2, pp. 375–387, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-375-387

Перевод рыбной промышленности Калмыкии во второй половине 1930-х гг. в положение военного времени

Константин Николаевич Максимов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-9475-6137. E-mail: [tsagadam\[at\]mail.ru](mailto:tsagadam[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Максимов К. Н., 2023

Аннотация. *Введение.* В 1920–1930-х гг. в процессе реформирования Красной армии и укрепления обороноспособности страны огромную роль сыграла мобилизация людских и материальных ресурсов. В этот период были проведены в комплексе мероприятия по подготовке сил и средств для развития Вооруженных сил СССР и защиты страны. В систему подготовки мероприятий входила и экономическая (продовольственная) мобилизация не только для текущего довольствия армии, но и для закладки необходимых материальных резервов на случай военного времени, бесперебойного снабжения армии в период войны. *Цель* исследования — проанализировать процесс перевода рыбной промышленности Калмыкии во второй половине 1930-х гг. в положение военного времени. *Результаты.* Наряду со сдачами и закупками государству сельскохозяйственной, животноводческой продукции поставки рыбопродуктов рассматриваются в статье не только как предназначенные для обеспечения населения продуктами питания, продовольственной безопасности, на внешний рынок, но и на нужды армии, обороны страны. С развитием рыбной промышленности Калмыкии со второй половины 1930-х гг. в Волго-Каспийском бассейне вносит заметный вклад по поставкам рыбной продукции спецпотребителям (военным) по нарядам Наркомата рыбной промышленности СССР.

Ключевые слова: Калмыцкая АССР, рыбная промышленность, наркомат рыбной промышленности СССР, военные поставки, выпуск готовой продукции, Калмгосрыбпромтрест

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Максимов К. Н. Перевод рыбной промышленности Калмыкии во второй половине 1930-х гг. в положение военного времени // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 375–387. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-375-387

Wartime Conversion of Kalmykia's Fishing Industry in the Late-to-Mid 1930s

Konstantin N. Maksimov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Maksimov K. N., 2023

Abstract. Introduction. In the 1920s–1930s, the mobilization of human and material resources played a huge role in the process of reforming the Red Army and strengthening the country's defense capability. The period witnessed measures aimed to prepare forces and means for the development of the Soviet armed services and protection of the country. The preparation system also included economic (food) mobilization not only for the current army allowance but also for investing the necessary material reserves in case of wartime, to secure uninterrupted supply of the army during a war. **Goals.** The article attempts an analysis of how Kalmykia's fishing industry was converted to the wartime agenda in the mid-to-late 1930s. **Results.** Along with the delivery and procurement of agricultural and livestock products to the government, the supply of fish products is considered in the article not only as an aspect of mass catering, food security, exports — but also as a means to meet the needs of the army and secure the country's defense. The development of Kalmykia's fishing industry in the mid-to-late 1930s across the Volga-Caspian basin resulted in a significant contribution to the supply of fish products for special consumers (military) according to orders of the People's Commissariat for Fishing Industry of the USSR.

Keywords: Kalmyk ASSR, fishing industry, People's Commissariat for Fishing Industry of the USSR, military supplies, finished-product output, Kalmyk State Trust of Fishing Industry (Kalmgosrybpromtrest)

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Maksimov K. N. Wartime Conversion of Kalmykia's Fishing Industry in the Late-to-Mid 1930s. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 375–387. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-375-387

1. Введение

В 1920–1930-х гг. в процессе реформирования Красной армии и укрепления обороноспособности страны огромную роль сыграла мобилизация людских и материальных ресурсов. В этот период были проведены комплексные мероприятия по подготовке сил и средств для развития Вооруженных сил СССР и защиты страны. В комплекс мероприятий входила и экономическая (продовольственная) мобилизация не только для текущего довольствия армии, но и для закладки необходимых материальных резервов на случай военного времени, бесперебойного снабжения армии в период войны.

Цель исследования — проанализировать процесс перевода рыбной промышленности Калмыкии во второй половине 1930-х гг. в положение военного времени.

2. Материалы исследования

Исследование проведено на основе выявленных в архивах документальных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. При изучении указанной темы широко использованы справки, доклады, статистические сведения, содержащиеся в документах фондов Статистического управления, Калмыцкого обкома ВКП(б), правительства Калмыцкой

АССР, Калмгосрыбпромтреста. В них имеются годовые отчеты о производственной деятельности промышленных предприятий, в том числе и рыбной отрасли, годовые балансовые отчеты их бухгалтерий, содержащие сводные данные о количестве, ассортименте произведенной продукции, поставках государству, о выполнении рыбопромышленными предприятиями Калмыкии специальных заданий Наркомата рыбной промышленности СССР.

Историография изучаемой темы в том аспекте, в каком рассматривается в статье, фактически отсутствует. История рыбной промышленности Калмыкии исследуется в основном обзорно, как развитие одной из отраслей экономики [Фалеев 1926; Фалеев 1927; Беликов 1968; Очерки 1970; Иванов 1973; Санжиева 1977; Бадмаев 1979; История 2009; Бадмаева 2016; и др.], не касаясь вопросов изготовления и реализации рыбной продукции, поставки ее потребителям, в том числе военным.

Принцип историзма позволяет зарождение и развитие рыбной промышленности в Калмыкии рассматривать как закономерный процесс в соответствии с национальной политикой советской власти. Поэтому в статье воссоздается объективная картина развития одной из крупных отраслей промышленности Калмыкии — рыбной — в период индустриализации страны, продукция которой, как особой категории, была востребована и на нужды армии.

3. Рыбная промышленность Калмыкии 1930-х гг. — стратегическая отрасль

Одной из доминирующих отраслей промышленности Калмыцкой АССР в 1930–1940-х гг. являлась рыбодобывающая и рыбоперерабатывающая, предприятия которой входили в систему союзного ведомства — Калмыцкого государственного рыбопромышленного треста (Калмгосрыбпромтрест), подведомственного Наркомату рыбной промышленности СССР. В структуре народного хозяйства Калмыцкой автономной области рыбная промышленность занимала значительную долю. Удельный вес этой отрасли по выпуску валовой продукции к концу 1930-х гг. составлял 46,7 % во всей крупной промышленности Калмыцкой АССР [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 444. Л. 2]. Основными

рыболовецкими районами являлись приволжские и приморские улусы, расположенные по правобережью дельтовой части реки Волги и северо-западной береговой полосе Каспийского моря.

3.1. Зарождение рыбной промышленности Калмыкии в 1920-е гг.

Рыбная отрасль хозяйства как промышленное производство в Калмыкии зарождается лишь в начале 1920-х гг. В 1922 г. Центральный исполнительный комитет Калмыцкой автономной области (ЦИК КАО), учитывая опыт работы приволжских и приморских калмыков на крупных рыболовецких промыслах, а также необходимость получения дополнительного продовольствия, ставит задачу освоить новую отрасль хозяйства — рыбную. Для этой цели создается в области хозяйственная организация «Калмрыба» с арендованными промыслами у Волго-Каспийского управления госрыбтреста. Буквально через год ЦИК на базе «Калмрыба» образовал новую форму организации производства — товарищество «Калмыцкий рыбак» («Калмрыбак»). Одновременно на базе областного союза кооперативных обществ создается рыболовная кооперация — Калмкредсельрыбпромсоюз [Фалеев 1927: 43].

В связи с приобретением и укреплением промыслового фонда, увеличением хозяйств, занимающихся рыболовным промыслом, Калмоблисполком, в соответствии с постановлением СНК СССР от 17 июля 1923 г. «О местных трестах», принял 1 сентября 1925 г. решение реорганизовать товарищество «Калмрыбак» в областную хозяйственную организацию — Калмыцкий рыбтрест.

С образованием треста и промсоюза, с возрастанием с помощью государства их производственной мощи появились в области не только дополнительная продовольственная продукция, но и новые рабочие места. Зарождение рыбной промышленности и увеличение улова рыбы помогли не только в какой-то степени обеспечивать внутренний потребительский рынок, но и поставлять обработанную рыбу на перерабатывающие предприятия Астрахани для изготовления рыбной продукции на экспорт.

Со второй половины 1920 г. Калмрыбтрест превращается в организацию, не только занимающуюся рыбодобычей, но и

вырабатывающую некоторые виды рыбной продукции.

3.2. *Расширение производственной базы рыбной промышленности Калмыкии в 1930–1937 гг.*

Правительство РСФСР по ходатайству Калмоблисполкома в 1930 г. выделило значительные ассигнования на реконструкцию и укрепление материально-технической базы предприятий Калмрыбтреста. Как крупная промышленная организация трест в том же году переводится в систему Всесоюзного государственного объединения рыбной промышленности и хозяйства «Союзрыба». Калмгосрыбпромтрест, заключив генеральный договор о поставке рыбы-сырца с кооперативной организацией Калмрыбаксоюзом, переключается на изготовление рыботоров не только на внутренний рынок, но и на внешний в значительных объемах и ассортименте.

Рыбная промышленность Калмыкии к началу 1930-х гг. получила заметное развитие, и постепенно увеличивался ее вклад в обеспечение потребностей населения в рыбной продукции, поставке на рынок и экспорт. Ее производство с 1929 г. по 1931 г. возросло более чем втрое, повысилось качество вырабатываемой продукции. За это время прием добытой рыбы-сырца трест увеличил со 160 100 до 411 300 ц, или в 2,5 раза, и удельный вес по этому показателю области в Волго-Каспийском районе возрос с 5,8 % (1928 г.) до 10 % в 1931 г. Выработка готовой рыбной продукции увеличилась в Калмыкии со 116 673 до 316 229 ц, или в 2,7 раза, и по показателю по заготовкам рыбной продукции трест поднялся с 3,2 до 6,8 % [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 215. Л. 16; НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 250. Л. 55].

В 1932 г. Советский Союз, завершая первую пятилетку развития народного хозяйства и вступая во вторую пятилетку, ставил основную задачу — усиление курса на индустриализацию страны, развитие промышленности национальных районов. Правительство СССР, придавая важное значение развитию рыбной промышленности Калмыцкой автономной области, уже в 1932 г. выделило ей на эти цели почти столько средств (2 268,1 тр. руб.), сколько было выделено (2 277,8 тр. руб.) в предыдущие 4 года (1928–1931 гг.). Значительные капитальные вложения были увеличены на

развитие производственных фондов Калмгосрыбпромтреста — 1 385,9 тр. руб. и его промыслового транспорта — 584,6 тр. руб. [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 215. Л. 19].

В результате существенных государственных финансовых вложений в годы второй пятилетки рыбная промышленность Калмыкии подвергалась капитальной технической реконструкции: началось строительство крупных предприятий переработки рыбы-сырца, совершенствование материально-технической базы, улучшение путей движения транспортного флота по каналу, соединяющему поселок Лагань с Каспийским морем. Основная цель перестройки рыбной промышленности области заключалась в необходимости повышения ее производственной мощи, увеличения объема выпускаемой рыбной продукции в ассортименте. Предусматривалось проектом значительное повышение плановых показателей деятельности по добыче и переработке рыбы-сырца обеими крупными организациями рыбной промышленности Калмыкии.

В начале второй пятилетки производственная база рыбной промышленности Калмыкии стала расширяться за счет новых предприятий по переработке, выпуску готовой рыбной продукции. В 1933 г. вступил в эксплуатацию Икорно-балычный комбинат в селе Кануково, в следующем году Калмгосрыбпромтрест получил новый Плавучий консервный завод.

В связи с вступлением в 1936 г. в эксплуатацию первой очереди Лаганского рыбоконсервного комбината с мощностью 14 млн условных банок консервов в год значительно расширялась производственная база рыбной промышленности республики. На 1936 г. план производственной деятельности (добычи и обработки рыбы-сырца) Калмгосрыбпромтресту был утвержден 4 апреля 1936 г. «Главрыбой» Главного управления рыбной и морской зверобойной промышленности [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 897. Л. 1–1об.].

В 1936 г. в системе Калмгосрыбпромтреста вошел в эксплуатацию Мангутинский перерабатывающий рыбозавод с рабочим коллективом 233 человека. «Главрыба» приказом от 27 мая 1936 г. передала Лаганский рыбозавод с 1 июля Лаганскому рыбокомбинату, имевшему холодильник проектной

мощности 250 ц мороженой рыбы в сутки, и утильзавод мощностью 8 т отходов в смену. В ближайшее время ожидалось вступление в строй при Лаганском рыбокомбинате консервного завода мощностью 25 тысяч условных банок (расфасовки 400 гр.) в смену [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 910. Л. 131].

Производственная деятельность Лаганского рыбокомбината в 1936 г. (с учетом полученного Лаганского рыбозавода) составляла: по заготовке рыбы-сырца — 42,9 тыс. ц; по выходу готовой продукции — 37,7 тыс. ц; по реализации — 43,2 тыс. ц [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 922. Л. 3–4, 14].

Таким образом, к концу второй пятилетки (1933–1937 гг.) рыбная промышленность Калмыкии получила заметное развитие, улучшилась ее материально-техническая база, объем и ассортимент, качество выпускаемой продукции, расширилась сеть потребителей. Производимая продукция находила сбыт, сумма от реализации готовой продукции в течение 1934–1936 гг. в неизменных ценах увеличилась в 2,8 раза [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1119. Л. 6].

3.3. Решение задач рыбной промышленности в 1938–1939 гг.

В 1938 г. полностью был введен в эксплуатацию Лаганский рыбоконсервный комбинат с производственной мощностью в 10 млн банок консервов и выпуском 50 тыс. центнеров мороженой рыбы в год. В промысловый флот Калмгосрыбпромтреста входили 4 стационарных и 3 плавучих рыбообрабатывающих заводов, 2 рыбоконсервных завода. Самоходный флот треста насчитывал 64 единицы, в том числе 4 буксирных парохода, 3 паровых баркаса, 18 моторных баркасов, 35 моторных рыбниц, 2 моторные лодки, а также 319 несамоходных. Добыча рыбы-сырца в системе треста была возложена на Плавучий рыбозавод № 1 [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1119. Л. 180].

Калмгосрыбпромтрест на планируемый 1939 г. в своем ведении имел 17 предприятий, состоявших на полном хозяйственном расчете, в том числе рыбозаводы: Лаганский, Улан-Хальмг, Забурунный, Могутинский, плавучие № 1, № 2, № 3 и Плавучий консервный завод, Лаганский рыбокомбинат с консервным заводом, холодильник, Калмыбаснаб, вспомогательные и подсобные предприятия. В системе треста с 1 января 1939 г. была организована Лыдосолевая

база как самостоятельная хозрасчетная единица. Основная ее задача заключалась в заготовке и снабжении рыбозаводов треста льдом, а также в приеме из доставляемых барж соли и обеспечении ею рыбозаводов. На всех предприятиях треста в 1939 г. трудились 3 313 человек. Кроме этого, после завершения коллективизации в состав треста вошли 23 рыболовецких колхоза [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 144. Л. 2].

Состоявшийся в марте 1939 г. XVIII съезд ВКП(б), определив в третьем пятилетнем плане (1938–1942 гг.) развития народного хозяйства СССР количественные показатели производства продукции по важнейшим отраслям промышленности, в том числе и рыбной, поставил задачу «решительно преодолеть отставание рыбной промышленности» [КПСС 1971: 342], увеличить улов и переработку рыбы, выпуск рыбных консервов. К тому же к этому времени Генштабом Красной армии был разработан и принят мобилизационный план на 1938–1939 гг., но фактически он действовал до второй половины 1940 г. По нему оперативные планы подкреплялись не только людскими и техническими ресурсами, но и материальными, в том числе и продовольственными [Горьков 1995: 38, 39].

С учетом новых задач и требований основные показатели промышленно-финансовых планов Калмгосрыбпромтреста на 1939 г. были утверждены 16 марта 1939 г. заместителем наркома рыбной промышленности СССР А. Ишковым. В плане заготовки рыбы-сырца, установленным «Главрыбой», были определены не только количественные данные, но и породы рыб. Всего заготовить рыбы-сырца — 418 тыс. ц, в том числе красной рыбы — 7 650 ц, икры красной рыбы — 350 ц; изготовить рыбной продукции — 287 240 ц.

Кроме указанного плана, намечалось изготовить икры частиковой рыбы 1 739 ц, икры красной рыбы — 308 ц (в том числе баночной — 85, бочковой — 122, паюсной — 87, ястычной — 14), голов рыбных — 47 ц, вязиги — 8 ц, а также непищевой продукции: клея — 11 ц, чешуи — 937 ц, жира технического — 625 ц, рыбной муки — 2 418 ц. По плану предусматривалось выделить 9 043 ц крупной частиковой рыбы на изготовление 3 500 тыс. условных банок консервов в томате [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1119. Л. 1–2].

Всего планировалось в 1939 г. получить готовой рыбной продукции 310 339 ц и 3 500 тыс. условных банок (3 062,5 тыс. физических банок) рыбных консервов в расфасовке 400 граммов, высокого качества (высшего сорта — 50 % и первого — 50 %) [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1127. Л. 27].

На предприятиях треста имелись остатки 47,5 тыс. ц незавершенного производства на начало 1939 г. и планировалась вероятность незавершенного производства к концу года в таком же количестве [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1127. Л. 27–28].

По решению Политбюро ЦК ВКП(б) в апреле 1939 г. в солдатский паек внесли соленую рыбу, в основном крупную и среднюю тарань (воблу) копченую, вяленую. И. В. Сталин, готовя это предложение к заседанию Политбюро, по воспоминаниям первого секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) А. С. Чуянова, рассуждал так: «ЦК партии намеревается внести в солдатский паек снабжение таранью. Вы потребовались нам для того, чтобы посоветоваться и подготовить этот вопрос для обсуждения в Политбюро. Солдатам в походе тарань окажется важным продуктом. Сунет за голенище и на привале посолонцует... Средняя и крупная тарань должна пойти для пехоты. Давать ее надо только в походах, на учениях, на привалах» [Чуянов 1976: 53].

В 1939 г. рыбная продукция стала в стране реализовываться предприятиями как продукт особого назначения спецпотребителям (военным). Поэтому по распоряжению Наркомата рыбной промышленности СССР поставки предприятиями рыбопродуктов контролировались по пятидневкам, месяцам, кварталам. Так, Калмгосрыбпромтрест в первом квартале 1939 г. поставил Севкаспзагторгрыбе рыбной продукции (в ц): мороженой — 2 651,76, соленой — 31 096,2, сельди соленой — 4 874,86, кушеной¹ — 666,09. Всего было сдано Севкаспзагторгрыбе в первом квартале 39 288,91 ц, а в течение 1939 г. — 134 884 ц на сумму 58 996,22 тыс. руб. В первом квартале было отпущено другим трестам 1 487 ц рыбной продукции. В первом полугодии 1939 г. трест реализовал рыбопродуктов 116 398 ц (план — 113 890 ц) [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1127. Л. 48].

¹ Курёная, курёнка — соленая рыба, прокопченная дымом опилок [Копылова 2002: 78].

Калмгосрыбпромтрестом в 1939 г. было реализовано рыбной продукции 261 176 ц (89 % годового плана), в том числе 7 262 ц рыбных консервов крупных частиковых пород рыб в томате [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1124. Л. 88]. Трест от реализации рыбопродуктов получил прибыль 4 076,2 тыс. руб. (план — 2 000 тыс. руб.) [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1185. Л. 188, 219].

3.4. Мобилизационные задачи рыбной промышленности Калмыкии в 1939–1941 гг.

В сложной международной обстановке, буквально накануне войны мирового масштаба Комитет обороны при СНК СССР 21 июля 1939 г. принял постановление № 210 “сс” о развертывании мобилизационных заданий, в том числе и рыбной промышленности. Кроме этого, принимались меры по поднятию значения рыбной промышленности, укреплению исполнительской дисциплины ее руководящего состава. Приказом № 1307 наркомата рыбной промышленности СССР с 1 августа 1939 г. вводилось на местах для руководящего состава организаций рыбной промышленности ношение форменной одежды со знаками различия, согласно перечню номенклатурных должностей Наркомата рыбной промышленности СССР. Предусматривалось форменную одежду заказывать в централизованном порядке через свой наркомат [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1032. Л. 93–94]. Форменная одежда со знаками различия для номенклатурных сотрудников центрального аппарата НКРП СССР была введена еще в 1935 г.

В соответствии с указанным постановлением Комитета обороны Мобилизационный отдел Наркомата рыбной промышленности СССР (НКРП СССР) 14 ноября 1939 г. разослал подведомственным организациям мобилизационные задания, в том числе и Калмгосрыбпромтресту мобилизационные задания (литер «В» № 69) на производство и поставку в военное время рыбы-сырца для мобилизуемых предприятий. Предлагалось тресту учесть указанное задание при проработке мобилизационного плана треста [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 47. Л. 1–4].

В год войны подлежало поставить Астраханскому рыбокомбинату им. Микояна 370 т рыбы-сырца (в первом квартале — 7, втором — 260, третьем — 60, чет-

вертом — 43). Ассортимент и технические требования к продукции — красная рыба для заморозки (по расчетам: белуги — 51 т, осетра — 215 т, севрюги — 104 т) [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 47. Л. 77]. Предлагалось руководствоваться Техническими условиями № 11 НКРП СССР. Указывалось, что план поставки продукции по мобзаданиям в год войны для военных потребителей должен был соответствовать мобилизационному плану на 1939 г. [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 47. Л. 122].

Калмгосрыбпромтрест по мобзаданию № 20 (литер «А») в первые месяцы войны обязан был поставить рыбы крупной частиковой породы: мороженой — 500 т, соленой — 4 000 т. По мобилизационному заданию № 32 Консервному заводу Лаганского рыбокомбината подлежало поставке в год войны Севкаспрыбасбыту 5 000 тыс. условных банок рыбных консервов (в первом квартале 800, во втором — 1 400, третьем — 1 400, четвертом — 1 400) [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 48. Л. 142].

Лаганский консервный завод уже в декабре 1939 г. отгрузил 4 вагона рыбных консервов (высшего и первого сорта 7 920 тыс. условных банок) Ленинградской базе Управления государственных резервов при СНК СССР в мобилизационный фонд для длительного хранения. В январе 1940 г. по тому же адресу отгрузил еще 5 вагонов рыбных консервов (9 900 тыс. условных банок), в феврале — 2 вагона (3 960 туб), марте — 2 вагона (3 960 туб), апреле — 1 вагон (1 980 туб) [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 47. Л. 31, 32, 35, 40].

Судя по поставкам специальной тары, можно представить объемы выработки го-

товой рыбной продукции на предприятиях Калмыцкого треста. Так, мобилизационные задания на изготовление Калмгосрыбпромтресту тары (ящиков, бочек, банок и др.) для сырца и рыбной продукции поручалось выполнить в 1940 г. специализированным предприятиям за пределами республики. НКРП СССР направил 2 марта 1940 г. выписки из мобилизационных заданий на изготовление Астраханским бондарным заводом им. И. В. Сталина для предприятий Калмгосрыбпромтреста: 29,3 тыс. штук сухотарных бочек емкостью по 150 кг под соленую рыбу (мобилизационное задание № 78); 6,4 тыс. штук ящичных комплектов (ассортимент 80 кг) под мороженую рыбу (мобилизационное задание № 79); 66,7 тыс. штук ящичных комплектов под консервы (мобилизационное задание № 80). Кроме этого, наркомат поручал Главрыбтаре изготовить и отгрузить Лаганскому рыбокомбинату 135 куб. метров ящичных комплектов для закладки в мобзапас [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 47. Л. 40, 41]. По мобилизационному заданию № 74 планировалось производство для треста 5 200 тысяч банок консервных (№ 2) [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 51. Л. 6].

Тем временем Наркомат рыбпрома СССР принял 27 декабря 1939 г. приказ № 766 «Об утверждении плана добычи рыбы и морзверя по породам и кварталам на 1940 г. по системе Рыбакколхозцентра СССР». Калмыцкому «Рыбакколхозсоюзу» на 1940 г. устанавливался поквартальный план добычи рыбы-сырца (в тыс. центнерах) и по породам рыб [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1110. Л. 20, 22].

Таблица 1. План добычи рыбы «Рыбакколхозсоюза» на 1940 г.

[Table 1. Rybakkolkhozsoyuz (Union of Fishing Kolkhozes). Fish production schedule for the year 1940]

Квартал	Сельдь	Вобла	Крупн. част.	Мелк. част.	Осетр	Белорыбица	Всего
1-й	—	13,2	9,0	1,8	0,1	0,9	25,0
2-й	115,0	38,3	32,0	5,2	1,5	—	192,0
3-й	—	28,3	36,0	10,0	0,7	—	75,0
4-й	—	30,6	38,0	8,0	0,7	0,7	78,0
За год	115,0	110,4	115,0	25,0	3,0	1,6	370,0

Затем 17 января 1940 г. последовал следующий приказ Наркомата рыбпрома СССР за № 24 «О мероприятиях по обеспечению выполнения плана 1940 г. рыбохозяйствен-

ными организациями Каспийского бассейна». В целях обеспечения выполнения плана 1940 г. НКРП СССР обязывал руководителей рыбохозяйственных организаций Ка-

спийского бассейна организовать своевременный и полный выход на лов рыбаков и флота, добиться расширения ассортимента и повышения качества выпускаемой продукции [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1110. Л. 4, 8, 9, 10, 12, 14, 18].

Приказывалось рыбохозяйственным организациям в 1940 г. добиться повышения производительности труда, по сравнению с 1939 г., не менее чем на 10 %, а рыбообрабатывающим предприятиям — не менее чем на 12 %, а также ликвидировать брак и перерасход сырья. [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1110. Л. 4, 8].

Наркомат устанавливал выработать в весеннюю путину 1940 г. каждому тресту бассейна конкретные задания, в том числе и Калмгосрыбпромтресту (сельди средне-соленой — 25 тыс. ц; сельди мороженой — 2 тыс. ц; сельди бочкового посола — 5 тыс. ц; а также малосольные полуфабрикаты (воблы и леща) для копчения) [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1110. Л. 9, 10, 12, 14, 18].

Поручалось оборудовать к весенней путине комплексной механизацией по типовой схеме Гипрорыбы ряд рыбозаводов, в том числе и рыбозавод «Молодежный» Калмгосрыбпромтреста. Приказом был установлен план выхода судов и орудий лова по трестам Каспийского бассейна на 1940 г. По Калмгосрыбпромтресту должны были выйти на лов в море в течение второго, третьего и четвертого кварталов 2 кавасаки, 32 моторных рыбниц, 113 приемных парусных рыбниц, 4 плавзавода, 4 приемных пункта, 1 рефрижератор. Калмыцкому Рыбакколхозсоюзу поручалось направить на зимний подледный лов 1 275 рыбаков и 435 лошадей. Всего к лову рыбы должны были привлечены 2 333 рыбаков, в том числе 180 женщин [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 1. Л. 4, 6, 11, 134, 142].

В первую очередь были установлены государственные задания по бесперебойному обеспечению армии рыбной продукцией. Приказом Наркомата рыбной промышленности СССР № 0429/147 от 19 января 1940 г. были установлены планы госрыботрестам, в том числе и Калмыцкому, по производству сушеной, вяленой, копченой рыбы для нужд РККА в счет фондов Наркомата обороны СССР. Рыбозаводам Калмгосрыбпромтреста был определен план выработать: воблы сушеной, вяленой — 400 т и копченой —

350 т, сушеного судака — 250 т, сельди — 300 т. [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 51. Л. 23].

Вскоре, 10 марта 1940 г., последовал приказ № 80 Главкаспрыбпрома Каспийского бассейна, принятый в соответствии с мобилизационным заданием Наркомата рыбпрома СССР, который Калмгосрыбпромтресту устанавливал задание заготовить и поставить Наркомату обороны СССР 0,5 т паюсной икры белужьей, в апреле-мае мороженой красной рыбы — 100 ц белуги, 90 ц осетра, 200 ц севрюги [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 51. Л. 58].

По приказу Наркомата рыбпрома СССР № 0429/817 от 17 апреля 1940 г. Калмгосрыбпромтрест обязан был в первом квартале для нужд текущего военного снабжения и создания мобилизационных фондов заложить в резерв рыбной продукции 1 300 т; во втором квартале поставить 500 т соленой крупной частиковой рыбы и 500 тыс. условных банок рыбных консервов; в третьем квартале — 250 т соленой крупной частиковой рыбы и 200 т воблы соленой; на четвертый квартал — 1 950 т соленой крупной частиковой рыбы, 200 т соленой воблы, 500 т соленой сельди [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 51. Л. 78].

Следующим приказом № 33/6/165 от 21 апреля 1940 г. Главкаспрыбпром с формулировкой «для обеспечения нужд текущего военного снабжения продукцией соленой рыбы» установил уточненный план выпуска рыботоров на второй квартал по рыбозаводам Калмгосрыбпромтреста: «Улан-Хальмг» — 160 т соленого крупного частика и 72 т вяленой воблы; «Молодежный» — 150 т соленого крупного частика и 73 т вяленой воблы; «Могутинский» — 250 т соленого крупного частика и 100 т вяленой воблы; Лаганский — 100 т соленого крупного частика и 180 т вяленой воблы; плаврыбозаводы № 2 и № 3 — по 50 т соленого крупного частика. Фактически указанными рыбозаводами во втором квартале военным ведомствам было поставлено 807 т соленого крупного частика и 425 т вяленой воблы. Однако по приказу Наркомата рыбпрома СССР № 0449/1130 от 26 мая 1940 г. Калмгосрыбпромтресту пришлось дополнительно заготовить и поставить 200 т вяленой воблы и 60 т вяленого судака. Кроме того, поручалось для бесперебойного снабжения армии в межпутинный период создать на

рыбозаводах резерв рыбной продукции в количестве 250 т [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 51. Л. 78].

В условиях разгоравшейся войны мирового масштаба и в обстановке нарастания угрозы германского нападения на Советский Союз к концу 1940 г. в стране активно начали принимать мобилизационные меры, в том числе и продовольственные, а также отдавать приоритет отраслям оборонного значения. Согласно постановлению правительства СССР, Наркомат рыбной промышленности издал 13 декабря 1940 г. распоряжение за № 01514/24 о первоочередном выполнении в полном комплекте и строго в установленные сроки заказов авиационной промышленности, имеющей исключительное значение для обороны страны.

Наркомат рыбной промышленности СССР в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР 19 декабря 1940 г. дал указание подведомственным организациям все вырабатываемые рыбные консервы (стерильные) сдавать исключительно в мобилизационный фонд и государственный резерв на длительное хранение со специальной маркировкой. Затем Главкаспрыбпром НКРП СССР приказом от 26 декабря 1940 г. Калмгосрыбпромтресту утвердил задание на производство рыботоров для снабжения военных потребителей на первый квартал 1941 г. и на весь год с обязательной отчетностью перед НКРП 1-го и 15-го числа каждого месяца. Однако этот квартальный план 17 января 1941 г. был скорректирован.

Таблица 2. План Калмгосрыбтреста по производству рыботоров для снабжения военных потребителей на 1940 г. (в т)

[Table 2. Kalmgosrybtrest. Output plan of fish products to be consumed by the military as of 1940 (t)]

	Первый квартал 1941 г.				На 1941 г.
	Всего	Янв.	Февр.	Март	
Мороженая круп. част.	200	100	100	—	200
Соленая крупная част.	1 100	570	330	200	4 000
Соленая сельдь	300	150	150	—	1 200
Вобла и лещ копченые	100	40	40	20	600
Вобла вяленая	—	—	—	—	300
Вобла соленая	—	—	—	—	7 500
Всего	1 700	860	620	220	14 400

Наркомат рыбной промышленности СССР приказом № 497 от 23 января 1941 г. окончательно утвердил план производства Калмгосрыбпромтреста на 1941 г. Особенность плана этого заключалась в том, что по указанию НКРП СССР тресты, в том числе и Калмыцкий, обязывались поставлять рыбную продукцию военным потребителям по ежемесячному графику по пятидневкам. Планом намечалось заготовить рыбы-сырца 310 тыс. ц, из них по слову

— 6,0, скупку — 304,0, в том числе Калмыкколхозсоюз — 284,0, Астраханский рыбколхозсоюз — 20,0. Устанавливался план вылова рыбы по породам: сельди — 75,5 тыс. ц, воблы — 85,7, крупной частиковой рыбы — 117,0, мелкой частиковой рыбы — 29,9, белорыбицы — 2,4 тыс. ц. В отличие от предыдущих лет Калмыкколхозсоюзу на 1941 г. был установлен план добычи рыбы-сырца.

Таблица 3. План Калмыбакколхозсоюза на 1941 г. по добыче рыбы (в ц)
 [Table 3. Kalmybakkolkhozsoyuz. Fish production schedule for the year 1941 (centners)]

Поквартально	1-й квартал	2-й	3-й	4-й	За год
Белорыбицы	1 300	—	—	800	2 100
Сельди	1 000	7 600	—	—	7 700
Круп. частик.	1 900	34 000	31 000	36 100	103 000
Мелк. частик.	700	4 000	10 000	6 200	20 900
Воблы	1 600	28 000	19 500	32 900	82 000
Итого:	6 500	142 000	60 500	76 000	285 000

Установлен был план выпуска валовой рыбной продукции (см. табл. 4). Помимо указанных в таблице показателей, государство ставило задачу по поставке икры частиковой рыбы — 0,8 ц, жира технического — 0,5, рыбной муки — 2,5, прочих непищевых продуктов — 0,8. Итого планировалось выпустить 233,4 тыс. ц готовой ва-

ловой рыбной продукции, а также рыбных консервов: из крупной частиковой рыбы в томате — 2 200 тыс. условных банок, котлеты — 50 туб, сельдь в горчичном соусе — 250 туб. В денежном выражении планировалось изготовить рыботоров и консервов на сумму 6 272,1 тыс. руб. [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 242. Л. 17, 119–120].

Таблица 4. Плановые показатели по добыче рыбы на 1941 г. (в тыс. ц)
 [Table 4. Planed figures of fish production (by species and products) as of 1941 (thousand centners)]

	Парные	Копченые	Сушеные	Соленые	Мороженые
Вобла	2,03	7,0	5,0	42,6	4,75
Круп. част.	7,81	1,0	—	66,2	8,0
Мелк. част.	—	—	—	18,7	5,25
Сельдь	—	—	—	55,2	3,0
Белорыбца	2,26	—	—	—	—
Итого:	12,1	8,0	5,0	182,7	21,0

В связи с возрастанием значения рыбной продукции и увеличением поставки военным потребителям, необходимостью закладки продукции в мобилизационные резервы на случай военного времени республиканские партийные и государственные органы власти в начале 1940 г. принимают меры по повышению организации управления рыбной промышленностью. В 1940 г. Калмыцкий обком ВКП(б) переводит в свой аппарат Б. М. Лиджи-Гаряева, почти с 10-летним опытом организатора и руководителя рыбного хозяйства области, на должность заведующего сектором кадров. Через некоторое время, по согласованию с ЦК ВКП(б), его назначают заведующим промышленным и транспортным отделом обкома партии, поскольку доля рыбной промышленности составляла почти 50 % в общей промышленности области. Затем он был назначен решением Политбюро ЦК ВКП(б) на новую учрежденную долж-

ность — секретарем Калмыцкого обкома ВКП(б) по рыбной промышленности [Общественно-политические 2018: 106; РГАС-ПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 117. Л. 71].

Калмгосрыбпромтрест в первом полугодии 1941 г. направил на обработку рыбы-сырца 182 872 ц, в том числе в первом квартале — 47 115, во втором — 135 757, и получил готовой рыбной продукции 138 458 ц (в первом квартале — 37 167, во втором — 101 291) [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1312. Л. 15–17, 82, 86]. Предприятия треста выпустили 910 500 тыс. условных банок консервов (но всего лишь 56,9 % полугодического плана) [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1312. Л. 112].

НКРП СССР по итогам работы организациям рыбной промышленности установил трестам на второй квартал 1941 г. ежемесячный график поставки рыбной продукции военным потребителям, в том числе и Калмгосрыбпромтресту. Калмыцкий трест

должен был поставить по мобилизационному заданию № 20 только в течение первого месяца войны 200 т соленой и мороженой рыбы (на 4-й день войны — 36 т, 13-й день — 64 т, 24-й день — 100 т) и 200 тыс. условных банок консервов (19-й день — 150, 24-й день — 50). Потребность в вагонах была определена: для рыботоров 18 и консервов — 8. На второй и третий месяцы войны предстояло поставить по 400 т соленой и мороженой рыбы (вагонов — 36 и 37), а также по 400 тыс. условных банок рыбных консервов (вагонов — 17 и 15) [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1349. Л. 17, 21, 195].

Однако поставки рыбной продукции по спецназначению велись уже в первом квартале 1941 г. С 1 января по 1 апреля 1941 г. рыбозаводы «Улан-Хальмг» и «Молодежный» сдали сбытовым организациям рыботоров спецназначения 13 021 ц. В соответствии с секретным письмом Главкаспрыбпрома НКРП СССР от 5 мая 1941 г. рыбозаводам («Улан-Хальмг» — 230 ц, «Молодежный» — 250 ц, «Первомайский» — 220 ц, Лаганский — 50 ц) Калмгосрыбпромтреста устанавливался с 6 по 25 мая 1941 г. ежедневный график выработки 750 центнеров рыбной продукции специального назначения [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 63. Л. 18, 20]. Указанные рыбозаводы установленные плановые задания значительно перевыполнили и поставили по спецназначению 5 228 ц рыботоров, а в течение второго квартала — 12 120 ц [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 65. Л. 1, 2].

Кроме того, в мае 1941 г. рыбозавод «Улан-Хальмг» забронировал 4 080 ц сельди, 1 090 ц крупной частиковой рыбы, рыбозавод «Молодежный» также забронировал 5 300 ц соленой сельди, 1 380 ц круп-

ной частиковой рыбы, 400 ц леща, 150 ц сазана, 100 ц судака, 200 ц малосоленого судака. Кроме этого, по указанию Главкаспрыбпрома рыбозаводы треста во втором квартале дополнительно поставили 400 т соленой воблы для копчения на заводах Главрыбсбыта. Могутинская группа рыбозаводов досрочно выполнила полугодовое задание по заготовке рыбы-сырца, уже на 20 мая 1941 г. было заготовлено 55 600 ц (132 %). На складах заводов имелось 500 ц охлажденной рыбы-сырца, 2 500 ц полуфабриката, 3 000 ц продукции теплого посола, 155 ц вяленой рыбы [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 1215. Л. 1].

Рыболовецкие колхозы (им. Чапчаева, «Правда», им. Ворошилова, «Моряк», «Улан-Загсч»), которые обслуживались Улан-Хольской моторно-рыболовной станцией (МРС), организованной с 1 января 1941 г. в соответствии распоряжением СНК СССР от 18 декабря 1940 г. за № 230-1107, в весеннюю путину выступили с программой — выловить 39 200 ц рыбы [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 65. Л. 20]. Общее число рыбаков в данных колхозах составляло 1 355 человек, в том числе 120 женщин, а фактически на весеннюю путину вышла на лов рыбы 441 женщина. Свое обязательство им удалось выполнить, и в первом полугодии они добыли рыбы-сырца сверх плана на 127 % [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 70. Л. 9, 11].

Калмгосрыбпромтрест поставил в первом квартале 1941 г. рыбопродукции специального назначения 2 366 т рыбы и оставил в резерве на хранение 12 063 т (см. табл. 5), во втором квартале 1 805,1 т рыбной продукции, в резерв на хранение передал 1 674 т (см. табл. 6).

Таблица 5. Поставки рыбной продукции Калмгосрыбпромтрестом в 1 квартале 1941 г. (в т)

[Table 5. Kalmgosrybpromtrest. Fish products supply in January-March 1941 (t)]

	Задание на 1 квартал	Сдано	На хранении
Морожен. круп. частиковая	200	78	—
Соленая круп. частиковая	11 000	1 724	9 276
Соленая сельдь	3 000	218	2 787
Вобла и лещ копченые	3 000	218	2 787
Вобла и лещ копченые	1 000	346	—
Всего:	15 200	2 366	12 063

Таблица 6. Поставки рыбной продукции Калмгосрыбпромтрестом во 2 квартале 1941 г.

[Table 6. Kalmgosrybpromtrest. Fish products supply in April-June 1941 (t)]

	Задание на 2 квартал	Сдано	Заложено в резерв
Соленая круп. частиковая	1 930 т	831,6	674 (план 1125)
Соленая сельдь	1 400	230	1 000 (100 %)
Вобла и лещ копченые	150	160,5	—
вяленые	200	270	—
соленые	640	313	—
Всего:	4 320	1 805,1	1 674

В третьем квартале 1941 г. (благодаря имевшимся запасам) Калмгосрыбпромтрест по заданию Наркомата рыбной промышленности поставил военным потребителям 5 300 т рыбы, в том числе 3 225 т крупной частиковой, 1 050 т соленой сельди, 1 900 тыс. условных банок консервов [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 56. Л. 15, 24]. Кроме этого, к концу третьего квартала 1941 г. на предприятиях Калмгосрыбпромтреста еще имелась в остатке готовая рыбная продукция к поставке военным потребителям: сельди — 35 716 ц, крупной частиковой породы рыбы — 13 954 ц, воблы — 1 752 ц, мелкой частиковой рыбы — 2 034 ц, разной породы рыбы — 310 ц, а всего — 70 556 ц [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 56. Л. 52, 67].

В связи с начавшейся Великой Отечественной войны Главкаспрыбпром НКРП СССР 26 июня 1941 г. разослал письмо всем государственным рыбтрестам Каспийского бассейна, в том числе и Калмыцкому. В нем говорилось, что «вступление Советского Союза в Отечественную войну ставит перед рыбной промышленностью Каспийского бассейна, как внутреннего водоема, чрезвычайно ответственную задачу — максимально увеличить добычу рыбы. <...> В этих целях необходимо идти не только по пути безусловного выполнения приказов Главкаспрыбпрома о мероприятиях по обе-

спечению выполнения плана добычи рыбы во втором полугодии текущего года по всем его пунктам, но и по пути всемерного изыскания дополнительных источников, без особого ущерба общим сырьевым запасам Каспия. Такими источниками могли бы явиться отдельные породы рыб, слабо вылавливаемые в последнее время (например, сазан, сом), усиленный вылов которых менее всего мог бы сказаться на общих запасах бассейна. Вам необходимо учесть, что в Москве прорабатывается вопрос о значительном увеличении по Главкаспрыбпрому плана добычи рыбы на четвертый квартал 1941 г.» [НА РК. Ф. Р-136. Оп. 4. Д. 65. Л. 27].

4. Заключение

Накануне войны рыбная промышленность Калмыкии полностью перестроилась на военный лад и в предвоенный год в значительных размерах поставляла рыбную продукцию по спецзаданиям в фонды обороны страны, на снабжение армии. Вместе с тем государственные организации рыбной промышленности, оценивая объемы заготовки рыбы и предстоящее увеличение в военный период добычи биоресурсов в Каспийском бассейне, проявляли озабоченность о сохранении биозапасов Каспийского моря.

Источники

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Archive of Sociopolitical History.

Литература

Бадмаев 1979 — Бадмаев С. Б. Развитие экономики Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1979. 172 с.

Бадмаева 2016 — Бадмаева Е. Н. Продовольственный вопрос в аграрной политике Советского государства: опыт решения в 1933—

- 1943 гг. (на примере Калмыкии. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 296 с.
- Беликов 1968 — *Беликов Т. И.* Калмыцкая область в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Ученые записки. Вып. 6. Серия историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 94–130.
- Горьков 1995 — *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь: РИФ ЛДТ, 1995. 384 с.
- Иванов 1973 — *Иванов М. П.* Осуществление ленинской национальной политики в Калмыкии (1917–1937 гг.). Элиста: Калмиздат, 1973. 208 с.
- История 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. 840 с.
- Копылова 2002 — *Копылова Э. В.* Словарь рыбаков Волго-Каспия. 2-е изд. Томск; М.: Водолей Publishers, 2020. 192 с.
- КПСС 1971 — КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1971. Изд. 8-е, доп. и испр. / под общ. ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. Т. 5: 1931–1941. М.: Политиздат, 1971. 479 с.
- Общественно-политические 2018 — Общественно-политические и государственные деятели Калмыкии XX века // сост.: К. Н. Максимов, Р. Б. Боликова, Э. А. Илюмжинова. Псков: Псковское возрождение, 2018. 248 с.
- Очерки 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма / редкол.: Д. А. Чугаев (отв. ред.), И. К. Илишкин и др. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Санжиева 1977 — *Санжиева В. Ш.* Промышленность Калмыцкой АССР в период строительства социализма // Промышленность и рабочий класс Советской Калмыкии. Элиста, 1977. С. 3–26.
- Фалеев 1926 — *Фалеев В. Н.* Рыбная промышленность Калмыцкой области // Калмыцкая степь. № 2–3 (5–6). 1926. С. 153–191.
- Фалеев 1927 — *Фалеев В. Н.* Контрольные цифры хозяйства Калмоласти // Калмыцкая степь. № 2 (ноябрь). Астрахань: Калмиздат, 1927. С. 40–47.
- Чуянов 1976 — *Чуянов А. С.* На стремнине века: Записки секретаря обкома. М.: Политиздат, 1976. 288 с.

References

- Badmaev S. B. Developing Kalmykia's Economy. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 172 p. (In Russ.)
- Badmaeva E. N. The Food Question in Soviet Agricultural Policies: Its Solution in Kalmykia, 1933–1943. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 296 p. (In Russ.)
- Belikov T. I. Kalmyk [Autonomous] Oblast under reconstruction: 1921–1925. In: Scholarly Notes. Vol. 6. Series 'History'. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1968. Pp. 94–130. (In Russ.)
- Chugaev D. A., Ilishkin I. K. et al. (eds.) Historical Essays on the Kalmyk ASSR: The Era of Socialism. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)
- Chuyanov A. S. In the Rapids of the Turbulent Century: Notes by an Oblast Committee Secretary. Moscow: Politizdat, 1976. 288 p. (In Russ.)
- Faleev V. N. Economy of Kalmyk Autonomous Oblast: Control figures. *Kalmytskaya step'*. 1927. No. 2 (November). Pp. 40–47. (In Russ.)
- Faleev V. N. Fishing industry of Kalmyk Autonomous Oblast. *Kalmytskaya step'*. 1926. No. 2–3 (5–6). Pp. 153–191. (In Russ.)
- Fedosееv P. N., Chernenko K. U. (eds.) CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee: 1898–1971. 8th ed., rev. & suppl. Moscow: Politizdat, 1971. Vol. 5: 1931–1941. 479 p. (In Russ.)
- Gorkov Yu. A. Kremlin. Headquarters. General Staff. Tver: RIF LDT, 1995. 384 p. (In Russ.)
- Ivanov M. P. Implementing Lenin's Nationalities Policy in Kalmykia: 1917–1937. Elista: Kalmykia Book Publ., 1973. 208 p. (In Russ.)
- Kopylova E. V. Vocabulary of Volga-Caspian Fishermen. 2nd ed. Tomsk, Moscow: Vodoley Publishers, 2020. 192 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Bolikova R. B., Ilyumzhinova E. A. (comps.) Public and Government Leaders of 20th-Century Kalmykia. Pskov: Pskovskoe Vozrozhdenie, 2018. 248 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 2. 840 p. (In Russ.)
- Sanzhieva V. Sh. Kalmyk ASSR and its industrial sector during the construction of socialism. In: Industries and the Working Class in Soviet Kalmykia. Elista, 1977. Pp. 3–26. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 2, pp. 388–403, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 061.6:39(=512.3)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-388-403

Этнография монгольских народов в Сибирском отделе Русского географического общества

Марсель Муристович Маннапов¹, Айбулат Валиевич Псянчин²

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
 РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0003-2220-9289. E-mail: marsel.m.mannapov[at]gmail.com

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
 РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 доктор географических наук, профессор, заведующий отделом этнологии
 0000-0002-1428-4337. E-mail: psyanchin[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Маннапов М. М., Псянчин А. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье освещается работа Сибирского отдела (основанного в 1851 г., с 1877 г. именовавшегося Восточно-Сибирский отдел) Императорского Русского географического общества в области этнографического изучения монгольских народов. Несмотря на большое количество публикаций, до сих пор данная тема освещена и оценена недостаточно. С момента открытия отдела члены Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества осуществили большой прорыв в деле изучения сибирского региона нашей страны, населявших ее народов, их этнической истории, образа жизни и культуры. В нашей работе также невозможно показать всю полноту всестороннего этнографического изучения монгольских народов сотрудниками Сибирского отдела Русского географического общества, но сделать обзор данных исследований предоставляется вполне реальным. *Цель* исследования — осветить научную деятельность Сибирского (с 1877 г. — Восточно-Сибирского) отдела Императорского Русского географического общества по изучению этнографии монгольских народов. Сибирский отдел внес позитивный вклад в дело по этнографическому изучению народов сопредельных с Россией территорий, в том числе исследованию регионов с компактным проживанием монгольского этноса. В статье в соответствии с обозначенной целью определены направления исследовательской работы, степень значимости работ сотрудников Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по этнографическому изучению монгольских народов, отражены важные периоды деятельности отдела, указаны ключевые фигуры, которые определяли направления этнографических исследований Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. *Методологическую* основу исследования составила си-

стема принципов, подходов и методов исторической науки; использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, описание, сравнение и др.), так и специальные исторические методы (описательный, сравнительно-исторический и др.). *Выводы.* Деятельность членов Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, несмотря на различные трудности в вопросах изучения быта и культуры народов, имела существенную значимость для научного познания в целом, способствовала активному историко-этнографическому изучению монгольских народов. Собранные оригинальные экспонаты по этнографии составили основу музейных коллекций. Исследования членов Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества являются уникальными и остаются востребованными и для современных научных изысканий.

Ключевые слова: Русское географическое общество, Сибирский отдел, культура, монгольские народы, исследования, экспедиции, этнография, этнос, Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, М. Н. Хангалов

Благодарность. Исследование подготовлено в рамках государственного задания «Социокультурные процессы на Евразийском пространстве с древнейших времен до современности».

Для цитирования: Маннапов М. М., Псянчин А. В. Этнография монгольских народов в Сибирском отделе Русского географического общества // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 388–403. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-388-403

Siberia Department of the Russian Geographical Society: Ethnographic Research of the Mongolic Peoples

Marsel M. Mannapov¹, Aybulat V. Psyanchin²

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054, Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-2220-9289. E-mail: marsel.m.mannapov[at]gmail.com

² Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054, Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Geography), Professor, Head of Department

 0000-0002-1428-4337. E-mail: psyanchin[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Mannapov M. M., Psyanchin A. V., 2023

Abstract. Introduction. The publication highlights efforts undertaken by Siberia Department of the Imperial Russian Geographical Society (since 1851 — Siberia Department, since 1877 — Eastern Siberia Department) to explore the ethnography of the Mongolic peoples. Despite the available related publications are numerous enough, the topic remains somewhat understudied. Since the creation of Siberia Department, its members had made a great breakthrough in the exploration of Siberia, the latter's natives, their ethnic histories, ethnogeneses, lifestyles, and cultures. It would be impossible to cover the complete scope of works performed by associates of Siberia Department for comprehensive insights into the ethnography of Mongols. *Goals.* So, the paper attempts a review of scientific endeavors by Siberia Department of the Imperial Russian Geographical Society aimed at ethnographic descriptions of the Mongolic peoples. The Department also contributed a lot to the ethnographic study of the peoples inhabiting regions neighboring with Russia, including the ones populated by Mongolic ethnic groups. The article identifies key directions of research work, significances of writings by the Department's members for ethnographic research of Mongols, mentions important periods in the history of the Department, and shows who played critical roles in establishing trends within the exploration agenda. *Methods.* The study rests on the system of principles, approaches and methods inherent to historical science, including both general (analysis, synthesis, description, etc.) and special (descriptive, comparative-historical, etc.) ones. *Conclusions.* Despite the difficulties faced by

researchers affiliated to Eastern Siberia Department when it came to investigate household life and ethnic culture, their activities yielded essential scientific findings, facilitated further historical and ethnographic analyses of the Mongolic peoples. The original artifacts collected by the Department's members would lay bases for museum collections, their studies still remaining as unique and required by present-day scholars.

Keywords: Russian Geographical Society, Siberia Department, culture, Mongolic peoples, studies, expeditions, ethnography, ethnos, Eastern Siberia Department of the Russian Geographical Society, M. Khangalov

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project 'Sociocultural Processes in Eurasian Environments: From Earliest Times to Present Days'.

For citation: Mannapov M. M., Psyanchin A. V. Siberia Department of the Russian Geographical Society: Ethnographic Research of the Mongolic Peoples. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 388–403. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-388-403

1. Введение

С середины XIX в. в развитии многих научных направлений в России, в том числе этнографии, сформировался новый период. В этом процессе заметную роль сыграло учреждение Русского географического общества (1845 г.), в частности отделения этнографии, а также открытие региональных отделов и активность отдельных членов общества.

Так, 6 июня 1851 г. в г. Иркутске по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева был учрежден Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (далее — ИРГО). Создание Отдела в этом регионе страны свидетельствовало о внимательном отношении местных властей к проблемам взаимоотношений с соседними восточными государствами [Псянчин 2014: 40–48; Псянчин, Алламуратова 2015: 43; Харченко 2015: 186].

Согласно «Положению о Сибирском отделе Императорского Русского географического общества», определяющему порядок образования, структуру, функции и обязанности созданной организации [Положение 1900], были намечены следующие задачи для достижения цели исследовательских проектов Сибирского отдела ИРГО: выявление и обнародование собранной информации о регионе из различных источников (архивных материалов, музейных коллекций и др.); организация полевых выездов с целью изучения этнотерриториальных особенностей, экологической обстановки

водных источников, возникновения геоморфологических процессов и создания необходимых условий для дорожно-транспортной инфраструктуры на территории Восточной Сибири, а также проведение сбора материалов этнографического и статистического характера среди населения Сибири; оказание поддержки исследователям при изучении региона, привлечение финансовых средств частных лиц и организаций для проведения научных изысканий; поиск помещений и мест для хранения собранных материалов [Положение 1900; Сизых, Сонголов 2015: 90].

2. Развитие исследовательских направлений

Первоочередная задача деятельности Сибирского отдела ИРГО была направлена на проведение картографических мероприятий, на описание деятельности округов, изучение транспортных путей и статистики. В 60-х гг. XIX в. члены Сибирского отдела динамично осуществляли мероприятия по изучению геологических процессов в сибирском крае.

В дальнейшем получают развитие исследования по биологии и этнографии этого обширного пространства. К концу столетия (1880–1890-е гг.) ведущим направлением становится изучение этнографии народов Сибири и Дальнего Востока [Зуляр 2007: 211–212; Зуляр, Корытный 2011: 13–14; Курьшова 2006: 60; Левченко 2005: 27; Сизых, Сонголов 2015: 90; Современная Россия 2020: 34].

В ареал исследований членов Сибирского отдела входило изучение традиций и обычаев народов сибирского, дальневосточного регионов страны и сопредельных территорий. В связи с появлением омского подразделения ИРГО, названного Западно-Сибирским отделом (1877 г.), Сибирский отдел получил другое наименование — Восточно-Сибирский, а с ним и новый импульс для исследований. Члены Восточно-Сибирского отдела ИРГО (ВСО РГО) стали ведущими исследователями-монголоведами. Активность изучения истории и этнографии монгольских народов прежде всего была обусловлена близостью территории их расселения [Единархова 2000: 144; Маннапов 2020: 93; Пименова 2007: 3–4, 9].

Известный этнограф М. К. Азадовский выделил четыре этапа в развитии этнографических исследований в ВСО РГО. Так, первый период деятельности организации был связан с научными изысканиями выдающегося натуралиста и географа Р. К. Маака. Второй период — с именем историка А. П. Щапова. В это время этнографическое изучение местного населения стало преобладающим в деятельности организации. Третий этап связан с расширением и осмыслением этнографических задач, а активность исследований была связана с деятельностью Г. Н. Потанина (1887–1890) и Д. А. Клеменца (1891–1894). Четвертый период представлен временными рамками с 1917 г. до конца 1920-х гг. [Азадовский 1926: 33; Романов 1993: 470; Лиштованный 2001: 42–43; Арсеньева 2015а: 4–5; Арсеньева 2013: 151].

3. Известные исследователи

Этнографические исследования ВСО РГО были связаны с именами таких ученых-монголоведов, как Н. Н. Агапитов, Н. И. Бакшевич, П. П. Баторов, Я. П. Дуброва, Д. А. Клеменц, Н. Н. Козьмин, М. А. Кроль, П. Е. Кулаков, Г. Н. Потанин, Я. П. Прейн, К. К. Стуков, М. Н. Хангалов, А. П. Щапов, Н. М. Ядринцев и др., которые получили признание как специалисты-монголоведы [Виноградов 1926: 6, 8; Хобта, Гордиенко 2022: 21].

Под руководством известного географа Г. Н. Потанина были разработаны методические пособия для сбора полевых материалов, активно осуществлялась экспедиционная и издательская деятельность. Например,

им издан ряд работ в рамках проектов по этнографии в качестве дополнения к «Известиям ВСО ИРГО». Благодаря его стараниям изучение этнографии и фольклора народов Сибири вышло на первый план, активизировался сбор музейных коллекций, проводились дискуссионные и экспозиционные мероприятия, были организованы филиалы региональных подразделений ИРГО в г. Красноярске и г. Троицкосавске. В трудах Г. Н. Потанина исследование природы сочеталось с изучением этнографии. На основе богатого полевого опыта и комплексного подхода он очень тщательно подошел к проблеме типологии скотоводческих культур народов Саяно-Алтая [Потанин 1881; Шерстова 2011: 15–16].

Д. А. Клеменц как руководитель ВСО РГО продолжил организационную работу своего предшественника в области этнографии и экспедиционной деятельности. При нем были собраны богатые этнографические материалы по монголоведению [Азадовский 1926: 33; Арсеньева 2013: 151; Лиштованный 2001: 42–44].

Д. А. Клеменцем (1890 г.) и М. А. Кролем (1892 г.) были осуществлены экспедиционные выезды в горные районы, прилегающие к озеру Байкал, для изучения этнической истории и традиционного уклада бурят. В работах известного исследователя по статистике Сибирского края М. А. Кроля подробно рассмотрены вопросы этнического развития агинских, баргузинских и селенгинских бурят, освещены традиционные обряды, сопровождающие заключение брака, а также народные представления об охотничьей культуре [Кроль 1894: 54–87; Кроль 1895; Кроль 1896: 171–182; Даревская 1994: 217; Манассеин 1926: 78–79; Пименова 2007: 19].

Первый правитель дел Сибирского отделения РГО Ю. И. Штубендорф предложил систематизировать документы для описания административно-территориальных единиц и методики составления полевых записей. Другой руководитель канцелярии ИРГО, историк И. С. Сельский, принимал активное участие в проведении экспедиций в регионе, внес значительный вклад в этнографическое изучение Нижнеудинского уезда Иркутской губернии [Арсеньева 2015в: 217; Лиштованный 2001: 44; Полянская, Арсеньева 2015: 114–115; Шинковой 2011: 5].

Выход учебно-теоретических изданий под эгидой ИРГО по организации сбора информации о религиозной практике среди монгольских народов стал основанием для новых исследований. Например, в 1883–1884 гг. были изданы работы членов ВСО РГО Н. Н. Агапитова и Н. М. Хангалова по изучению шаманства в Сибири [Агапитов, Хангалов 1883; Агапитов 1884].

Научные издания стали важной вехой в изучении этнографии монгольских народов. Изданные методические рекомендации в своих исследованиях использовал житель Улейского ведомства Балаганского округа Н. И. Лукьянович при сборе этнографического материала по быту, обычаям и верованиям бурятского населения [Полянская, Арсеньева 2015: 114].

Чиновник особых поручений администрации Иркутского генерал-губернаторства Д. П. Першин, помимо дел, связанных с Монголией, принимал участие в деятельности ВСО РГО. В 1884 г., по результатам поездок в Монголию, он подготовил сведения о внутренней структуре просветительских центров (дацанов), о повседневности служителей буддийского культа, об активном развитии традиционных конных мероприятий и др., собрал богатый этнографический материал по бурятам Прибайкалья и Забайкалья. Сведения об этнографии бурятского населения были опубликованы в периодическом издании «Сибирь» в период с 1909 по 1911 гг. С его анализом современного политического и экономического состояния Монголии того времени и с ясным видением развития торговых и культурных отношений Российского государства с восточноазиатской страной были согласны известные исследователи сибирского региона — Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменц, В. А. Обручев и др. [Даревская 1994: 99, 212, 218; Жуков, Кульганек 2015: 272; Кузьмин, Свинин 2014: 87–88].

4. Этнографическое изучение бурятского этноса

В 80-х гг. XIX в. благодаря этнографической деятельности ВСО РГО был собран ценный материал о повседневном (привычном) укладе жизни бурят Байкальского региона, о спектре влияния их религиозности на быт, хозяйственную деятельность и сохранении их культурно-исторических

ценностей. В работе секции участвовали ставшие позднее признанными исследователи — М. Н. Хангалов, П. П. Баторов, И. М. Этагоров и др. Так, М. Н. Хангалов подготовил весьма содержательный материал о сохранении памяти о своих исторических корнях среди представителей предбайкальских, кудинских и балаганских бурят. Благодаря знанию языка, традиций и обычаев народа ему удалось представить их этническую историю. Все результаты исследователя были апробированы на страницах периодического издания ВСО РГО. Следует отметить отдельно обстоятельную статью М. Н. Хангалова об этнической специфике облавной охоты бурят [Хангалов 1888].

П. П. Баторов собрал этнографический материал по родоплеменной этнонимии, а также по совместимости государственных и традиционных институтов органов управления бурятского населения Аларского хошуна Иркутской губернии [Арсеньева 2015б: 117–118].

Материалы о нравах аларских бурят, религиозных воззрениях бурят-шаманов, гендерной стереотипизации в традиционной культуре бурятского народа представлены в исследованиях И. М. Этагорова. Публикация М. Н. Хангалова вызвала отклик у авторитетного представителя родовой бурятской аристократии И. Вамбоцыренова, который подробно осветил в печати механизмы облавного охотничьего промысла у хоринских бурят [Бурятские сказки 1889: 1–159; Вамбоцыренов 1890: 29–34; Дамбуева 2015: 356; Маласханова 2012: 149; Хангалов 1888: 1–26; Хангалов 1890: 1–144; Этагоров 1900].

В 1853 г. под руководством сотрудника Сибирского отдела Н. И. Бакшевича были организованы экспедиции в Саяно-Хубсугульский регион, в результате которых были выявлены новые материалы о традиционно-бытовой культуре, древних религиозных практиках, а также сведения по народному творчеству местного населения [Бакшевич 1856].

В 1865 г. в периодическом издании Сибирского отдела были опубликованы статьи представителя миссионерской организации К. К. Стукова, посвященные характеристике буддизма и описанию повседневного уклада жизни представителей этнотерриториальной группы хоринских бурят [Стуков 1865].

Член Сибирского отдела ИРГО А. П. Шапов впервые описал систему общественных отношений в бурятском обществе, опубликовал ряд работ о формах и системе земельных отношений среди забайкальских бурят [Шапов 1872].

Этнограф П. Е. Кулаков изложил интересные факты традиционного природопользования бурятского народа в Иркутской губернии [Кулаков 1896]. Уважаемый член ВСО РГО и будущий руководитель Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества Н. Н. Сабуров в 1892 г. в результате командировочных выездов по территории северной окраины байкальской акватории собрал этнографический материал по истории расселения и хозяйственной практике бурятского населения [Арсеньева 2015б: 86].

В исследованиях известного ботаника Я. П. Прейна содержатся любопытные сведения по народной медицине бурят Балаганского уезда [Прейн 1898].

Отдельным вопросам по этнографии бурят и монголов посвящены публикации А. М. Станиловского, А. Д. Руднева, Э.-Д. Ринчино и др. [Руднев 1913–1914; и др.]. Общественный деятель и специалист-консерватор Иркутского областного краеведческого музея А. М. Станиловский в 1902 г. впервые поставил задачу детального археологического обследования байкальского побережья. В своих публикациях он отметил, что озеро Байкал для бурятского населения является местом поклонения и источником энергии [Медведев и др. 2015: 3; Записки Станиловского 1912: 37, 102; Крючкова 2015: 114; Матвеева 2013: 84].

В 1903 г. известный монголовед А. Д. Руднев по поручению Российского географического общества посетил территорию расселения хоринских бурят, а в 1911 г. опубликовал свой академический труд, ставший основой для дальнейшего изучения диалектов монгольского языка [Руднев 1913–1914; Касьяненко 1997: 115; Бадлаева 2018: 13].

Вопросами этнографии занимался и будущий общественный деятель Э.-Д. Ринчино. Изучением этнографии монгольских народов он начал заниматься в 1915–1916 гг., после участия в научной экспедиции по комплексному исследованию Монголии,

организованной под руководством монголоведа С. А. Козина. В ходе полевых исследований Э.-Д. Ринчино осуществлял сбор полевого материала по социально-экономическому состоянию региона, собрал богатый материал по древним верованиям, им же подготовлена работа «Шаманство в Монголии» [Чернявская 2011: 319; Жабаева 2015: 265; Тулисов 2019: 24].

5. Вклад известных ученых

С самого своего основания ВСО РГО развернул обширную экспедиционную, издательскую и просветительскую деятельность. Руководство и сотрудники регионального подразделения ИРГО старались оказывать содействие практически всем исследователям, приезжавшим в Иркутск. Следует отметить, что в течение многих лет (1854–1880 гг.) более 300 исследователей побывали в столице Восточной Сибири, среди них было много тех, которые занимались исследованиями территорий Маньчжурии, Монголии и Джунгарии. Восточно-Сибирский отдел РГО был инициатором и организатором известных экспедиций: Восточно-Сибирской (исследования Л. Э. Шварца); Вилуйской (1854 г.), Амурская (1855 г.), Уссурийской (1850 г. — исследования Р. К. Маака), Сунгарийской, Олекминско-Вилуйской, Тункинской (1864–1867 гг. — исследования П. А. Кропоткина, И. С. Полякова), Витимской (1865 г.), Туруханской (1866 г. — исследования А. П. Шапова, И. А. Лопатина), Уссурийской (1867 г. — исследования Н. М. Пржевальского), экспедиции в Чукотский край и др. [Илюшина 2012: 421; Канн 2015: 137–138; Лиштованный 2001: 42–43; Романов 1993: 470; Суходолов, Кузьмин 2016: 54].

Известный ученый В. А. Обручев внес большой вклад в изучение Сибири, Китая и Центральной Азии. В его исследованиях содержатся сведения о традиционном укладе народов Китая, религиозном сознании и хозяйственной деятельности бурятского народа. В ходе проведения геологических исследований в 1889 г. на острове Ольхон им собран богатый полевой материал о сакральных пространствах бурят. Исследователь выявил сакральный характер пещер в практике верований ольхонских бурят, зафиксировал запрет на посещение подобных пещер. Интересные сведения по эт-

нографии, археологии и истории Сибири, которые были собраны в период экспедиционных поездок, содержатся в академических изданиях, подготовленных под его руководством [Обручев 1896; Хороших 1963: 53].

Известный ученый и инициатор проектов по изучению Восточной Сибири Н. Н. Козьмин принимал активное участие в популяризации итогов исследовательских проектов Общества. Он также собрал комплексный полевой материал по археологии, истории и этнографии народов Южно-Сибирского региона [Дулов, Зуляр 2020: 57–58; Кузьмин 2008: 177; Решетов 2012: 86; Кузьмин, Свинин 2014: 121; Сизых, Сонголов 2015: 92].

Будущий революционный деятель П. А. Кропоткин также был активным участником научных экспедиций ИРГО, организованных на территории Восточной Сибири и Маньчжурии. В 1866 г. он возглавил экспедицию в район междуречья р. Витим и р. Олекма. В 1869 г. П. А. Кропоткин в своем выступлении на одном из заседаний Общества о значимости научной деятельности коллеги И. С. Полякова на территории Восточных Саян отметил интересные сведения, обнаруженные им о взаимодействии бурятского и русского населения в крае. В исследованиях П. А. Кропоткина в первую очередь было обращено внимание на значительные трансформации в скотоводческой культуре тункинских бурят в связи с дефицитом территорий для пастбищ. Этнографические наблюдения ученого показывают, что уже в тот период процесс ассимиляции нерусских народов шел полным ходом, и данная тема не теряет своей актуальности до сих пор. Его анализ собранного им этнографического материала представлен в издании «Взаимопомощь, как фактор эволюции» [Кропоткин 2007: 115–117; Миронов 2014: 91; Пустарнаков 1997: 112].

В полевых научных исследованиях ВСО РГО представлены работы исследователя Сибири и Н. М. Ядринцева. Например, под его началом были организованы комплексные исследования с территориальным охватом от бассейна р. Ангары и оз. Байкала до верховьев р. Орхон (1886 г.), проведена экспедиция в Монголию для изучения Каракорума (1889 г.). В своих публикациях

он подробно осветил ведущую роль монгольского субстрата в этнической истории народов Сибири [Матыцин 2020: 37–38; Ядринцев 1884].

Активное участие в этнографической деятельности ВСО РГО принимали педагог Иркутской духовной семинарии И. А. Подгорбунский, представители миссионерских организаций Я. П. Дубров, Я. А. Чистохин и др. Работы И. А. Подгорбунского как знатока буддийской религии были известны широкому кругу читателей, все его публикации посвящены этнографии монгольских народов, их традиционной религии [Подгорбунский 1900; Свинин, Сазонова 1997: 161].

Я. А. Чистохин получил известность благодаря своей активной публикации в периодических изданиях о традиционной культуре тункинских бурят [Ванина, Кузьмин 1994: 82; Чистохин 1894: 134–141; Чичкова 2017: 131].

6. Буддийские традиции в исследованиях известных ученых

Большой вклад в изучение Западной Монголии внес известный ученый А. М. Позднеев. В сферу его интересов входили изучение этнонимии и религии, письменных источников и фольклора монгольских народов. Неоценимый вклад ученого заключается в кропотливом сборе и обработке новых сведений, выявлении и включении в научный оборот эпитафийных источников, издании итогов археологических поисков, изучении фольклорных мотивов и буддистской религиозной практики, обработке этнографических материалов [Задваев 2006: 25; Позднеев 1887; Позднеев 1896; Позднеев 1898].

Исследовательская работа в северо-восточной части Центральной Азии была продолжена в трудах более молодых ученых, таких как Б. Б. Барадийн, Г. Ц. Цыбиков, Ц. Ж. Жамцарано и др. Ими активно были изучены и отработаны пути следования в Тибет верующих из числа представителей коренного этноса, исповедовавших буддийскую религию. В опубликованных трудах Г. Ц. Цыбикова приводятся интересные факты по истории, этнографии и культуре монголоязычных народов. Он представил подробное описание трудностей изучения языкового материала, показал традиционный уклад населения, осветил социальные и

общественные отношения народов Тибета, систематизировал собранный этнографический и фотодокументальный материал [Цыбиков 1981: 5].

Другой известный исследователь Б. Б. Барадийн подготовил ценные сведения по истории, литературе, этнографии и религии этого горного региона. В его работах представлен подробный разбор особенностей проникновения религиозного учения Будды в Монголию, показана развернутая периодизация данного процесса, дана характеристика особенностей монгольских буддийских монастырей, размещена информация о количестве лам в монастырях, объяснена структура современной монгольской семьи [Данилова 2007: 14–15].

Востоковед Ц. Ж. Жамцарано благодаря экспедиционной деятельности собрал бесценные фольклорные коллекции на языках населения Монголии и Тибета, а также историко-этнографические материалы по традиционной культуре монгольских на-

родов [Данилова 2007: 16; Ермакова 2013: 17–19; Шаракшинова 2012: 85].

7. Заключение

Деятельность Сибирского отдела и позднее Восточно-Сибирского отдела РГО сыграла большую роль в вопросе реализации изучения быта и культуры народов, проживавших на территории Сибири, Приангарья и Монголии. Исследовательские проекты, осуществленные ее членами, представляли большую значимость для научного познания, способствовали активному осуществлению намеченных планов в деле скрупулезного историко-этнографического изучения монгольских народов. Организованные командировки и экспедиции под эгидой данного научного учреждения позволили собрать уникальные коллекции по народам Сибири. Труды исследователей Сибирского отдела и позднее Восточно-Сибирского отдела РГО остаются востребованными и сегодня.

Литература

- Агапитов 1884 — *Агапитов Н. Н.* Опыт программы для изучения верований инородцев Сибири. Иркутск: Тип. Н. Н. Сеницына, 1884. 16 с.
- Агапитов, Хангалов 1883 — *Агапитов Н. Н., Хангалов М. Н.* Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1883. Т. XIV. № 1–2. С. 1–60.
- Азадовский 1926 — *Азадовский М. К.* Пути этнографических изучений Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества // Сибирская живая старина. 1926. № 2. С. 33–35.
- Арсеньева 2013 — *Арсеньева Л. Г.* Изучение этнографии бурят в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества (ВСОРГО) в 1850–1920-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 150–153.
- Арсеньева 2015а — *Арсеньева Л. Г.* Деятельность Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества по изучению истории монгольских народов (сер. XIX – первая четв. XX в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. 26 с.
- Арсеньева 2015б — *Арсеньева Л. Г.* Деятельность Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества по изучению истории монгольских народов (сер. XIX – первая четв. XX в.): дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. 207 с.
- Арсеньева 2015в — *Арсеньева Л. Г.* Изучение российскими географами (ВСОРГО) Внутренней Азии (вторая половина XIX в.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 216–220.
- Бадлаева 2018 — *Бадлаева Т. В.* Обзор изданий по монгольскому языкознанию (Библиотека Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН) // Найдаковские чтения – 4. Тюрко-монгольский мир. Гуманитарные исследования: сб. ст. / отв. ред. Л. С. Дампилова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. С. 12–15.
- Бакшевич 1856 — *Бакшевич Н. И.* Описание р. Иркут от Тунки до впадения в р. Ангару // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. I / под ред. Е. И. Ламанского. СПб.: Тип. Эд. Праца, 1856. С. 1–50.
- Бурятские сказки 1889 — Бурятские сказки и поверья, собранные Н. М. Хангаловым, О. Н. Затопляевым др. // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Рус-

- ского географического общества по отделению этнографии. 1889. Т. 1. Вып. 1. С. 1–159.
- Вамбоцыренов 1890 — *Вамбоцыренов И.* Абхайдак, облава у хоринских бурят // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1890. Т. XXI. № 2. С. 29–34.
- Ванина, Кузьмин 1994 — *Ванина И. Ю., Кузьмин Ю. В.* Изучение монгольской культуры религиозными деятелями Иркутска // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность: мат-лы конф. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1994. С. 81–85.
- Виноградов 1926 — *Виноградов Г. С.* Этнографические изучения Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества 1851–1926. Кратк. обзор // Известия Восточно-Сибирского Отдела Русского географического общества. 1926. Вып. LXXV. Т. L. С. 3–37.
- Дамбуева 2015 — *Дамбуева И. А.* Фольклор монгольских народов в исследованиях М. Н. Хангалова // Россия и Монголия в перв. пол. XX в.: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): сб. науч. тр. / редкол.: Ю. В. Кузьмин и др. Улан-Батор; Иркутск: БГУ, 2015. С. 356–358.
- Данилова 2007 — *Данилова И. С.* Становление и развитие монголоведческих исследований в Бурятии с XIX в. по 1911 г.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007. 20 с.
- Даревская 1994 — *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск: Иркут. ун-т, 1994. 396 с.
- Дулов, Зуляр 2020 — *Дулов А. В., Зуляр Ю. А.* Козьмин Николай Николаевич // Восточно-Сибирский Отдел Русского географического общества в лицах: биобиблиографический словарь. Репрессированные члены ВСОРГО: Спец. вып. / под ред. Ю. А. Зуляра, Л. М. Корытного. Иркутск: Ин-т географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2020. С. 57–62.
- Единархова 2000 — *Единархова Н. Е.* Монголия и монголы в изданиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (1860–1880-е гг.) // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 138–155.
- Ермакова 2013 — *Ермакова Т. В.* Роль Русского географического общества в изучении буддийских этносов Центральной Азии в 1870–1910 гг. // Монголика–XI: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. С. 17–19.
- Жабаева 2015 — *Жабаева Л. Б.* Формирование политических взглядов Э.-Д. Ринчино о Монголии // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. науч. тр. Кн. 4 / редкол.: Ю. В. Кузьмин и др. Улан-Батор; Иркутск: БГУЭП, 2015. С. 263–266.
- Жуков, Кульганек 2015 — *Жуков В. Ю., Кульганек И. В.* «Сам я всю жизнь занимался искусством и наукой»: монголовед С. А. Кондратьев и его дневники (К истории русско-монгольского взаимодействия) // Востоковедение в России и странах СНГ на рубеже веков: мат-лы симпозиума, посвященного 200-летию создания кафедры восточной словесности в Казанском университете. Казань: Фолиант, 2015. С. 270–306.
- Задваев 2006 — *Задваев Б. С.* Западная Монголия в трудах российских исследователей и путешественников XVIII – нач. XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 35 с.
- Записки Станиловского 1912 — Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. № 7: Записки А. М. Станиловского. С биографическим его очерком (посмертное издание) / под ред. А. В. Азлецкого. Иркутск: Тип. Т-ва печат. дела, 1912. 191 с.
- Зуляр 2007 — *Зуляр Ю. А.* Основные вехи истории Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества // География и природные ресурсы. 2007. № 3. С. 211–212.
- Зуляр, Корытный 2011 — *Зуляр Ю. А., Корытный Л. М.* 160-летний путь ВСОРГО // Историческая география Азиатской России: мат-лы конф. (Иркутск, 28–30 ноября 2011 г.). Иркутск: Ин-т географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2011. С. 12–17.
- Илюшина 2012 — *Илюшина Т. В.* Научная деятельность Сибирского отдела Императорского русского географического общества по географии Восточной Сибири в 1866–1870 гг. // Материалы научной конференции к 80-летию Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Т. 1. М.: Янус-К, 2012. С. 421–424.
- Канн 2015 — *Канн С. К.* Участие научно-технических обществ в подготовке к сооружению Транссибирской железнодорожной магистрали // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: БГУЭП, 2015. С. 133–142.
- Касьяненко 1997 — *Касьяненко З. К.* А. Д. Руднев (1878–1958) // Российские монголоеды (XVIII – начало XX в.) / сост. и отв. ред.

- Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. С. 111–116.
- Кроль 1894 — *Кроль М. А.* Брачные обычаи и обряды забайкальских бурят // Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества. 1894. Т. XXV. № 1. С. 54–87.
- Кроль 1895 — *Кроль М. А.* Охотничье право и звериный промысел у забайкальских бурят. Иркутск: Типо-лит. П. И. Макушина, 1895. 31 с.
- Кроль 1896 — *Кроль М. А.* Предварительный отчет о работах по исследованию забайкальских бурят за 1892–1895 гг. // Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества. 1896. Т. XXVI. № 4–5. С. 171–182.
- Кропоткин 2007 — *Кропоткин П. А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. 240 с.
- Крючкова 2015 — *Крючкова Л. Л.* «Записки» А. М. Станиловского как источник диалектной лексикографии // Русская речь. 2015. № 1. С. 113–118.
- Кузьмин 2008 — *Кузьмин Ю. В.* Профессор Н. Н. Козьмин: историк, экономист и общественный деятель (1872–1938): основные направления научной деятельности // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 года: материалы. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2008. С. 169–184.
- Кузьмин, Свинин 2014 — *Кузьмин Ю. В., Свинин В. В.* Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.). Иркутск: БГУЭП, 2014. 438 с.
- Кулаков 1896 — *Кулаков П. Е.* Буряты Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества. 1896. Т. XXVI. № 4–5. С. 118–166.
- Курышова 2006 — *Курышова И. В.* Научные общества и вопросы охраны природы в Байкальском регионе в конце XIX – нач. XX вв. // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7. № 1. С. 60–72.
- Левченко 2005 — *Левченко А. О.* Краеведческая и выставочная деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (1851–1931): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 35 с.
- Лиштованный 2001 — *Лиштованный Е. И.* Монголия в истории Восточной Сибири (XVII–XX вв.): учеб. пос. Иркутск: ИГУ, 2001. 144 с.
- Маласханова 2012 — *Маласханова И. А.* Научное сотрудничество М. Н. Хангалова с деятелями Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества // Гуманитарный вектор. 2012. № 2. С. 148–154.
- Манассеин 1926 — *Манассеин В. С.* Очерк исторической деятельности ВСОРГО за 75 лет его существования // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1926. Вып. LXXV. Т. L. С. 61–94.
- Маннапов 2020 — *Маннапов М. М.* Проблемы изучения истории и этнографии монгольских народов на примере деятельности Императорского русского географического общества // Из истории организации и деятельности Общества по изучению Башкирии: Сб. ст. / отв. ред. А. В. Псянчин. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2020. С. 93–127.
- Матвеева 2013 — *Матвеева Р. П.* Фольклорная культура старообрядцев Забайкалья в трудах исследователей XIX – первой четверти XX вв. // Sibirya Araştırmaları Dergisi. 2013. № 1. С. 72–89.
- Матыцин 2020 — *Матыцин К. С.* Русское сектантство Сибири в исследованиях Императорского русского географического общества // Религиоведение. 2020. № 1. С. 36–42.
- Медведев и др. 2015 — *Медведев Г. И., Бердникова Н. Е., Горюнова О. И., Липнина Е. А., Новиков А. Г., Бердников И. М.* Геоархеологическое байкаловедение: становление, современное состояние, специфика // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2015. Т. 11. С. 3–38.
- Миронов 2014 — *Миронов Р. Б.* Деятельность Кропоткина в ВСОРГО // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 9. С. 88–94.
- Обручев 1896 — *Обручев В. А.* Природа и жители Центральной Азии и ее юго-восточной окраины [Три публ. лекции, прочит. в Петербурге весной 1895 г. и в Иркутске весной 1896 г.] // Землеведение. 1896. Кн. 2. С. 1–72.
- Пименова 2007 — *Пименова И. А.* Организация и деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (1851–1918 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007. 25 с.
- Подгорбунский 1900 — *Подгорбунский И. А.* Буддизм, его история и основные положения его учения // Труды Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического общества. 1900. Вып. 1. № 3. С. 1–248.
- Позднеев 1887 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в связи с отношением сего по-

- следнего к народу. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1887. XVI, 492 с.
- Позднеев 1896 — Позднеев А. М. Монголия и монголы: результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. А. М. Позднеевым: в 2-х тт. Т. 1: Дневник и маршрут 1892 года. СПб.: Изд. ИРГО, 1896. 698 с.
- Позднеев 1898 — Позднеев А. М. Монголия и монголы: результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. А. М. Позднеевым: в 2-х тт. Т. 2: Дневник и маршрут 1893 года. СПб.: Изд. ИРГО, 1898. 517 с.
- Положение 1900 — Положение о Сибирском отделе Императорского русского географического общества // Устав Императорского русского географического общества и его Восточно-Сибирского отделения. Иркутск: Паровая типолит. П. И. Макушина и В. М. Посохина, 1900. 31 с.
- Полянская, Арсеньева 2015 — Полянская О. Н., Арсеньева Л. Г. Внештатные сотрудники Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Их вклад в изучение монгольских народов // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управлений. 2015. № 4. С. 113–117.
- Потанин 1881 — Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. I. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1881. 425 с.
- Прейн 1898 — Прейн Я. П. Материалы для флоры народно-медицинских растений Восточной Сибири // Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества. Т. XXIX. № 1. Иркутск: Типо-лит. Н. И. Макушина, 1898. С. 1–8.
- Псянчин 2014 — Псянчин А. В. Этнографические исследования башкир в Императорском русском географическом обществе (1845–1917 гг.) // Проблемы востоковедения. 2014. № 3 (65). С. 40–48.
- Псянчин, Алламуратова 2015 — Псянчин А. В., Алламуратова Л. Х. Изучение инородцев в Русском географическом обществе // От племени к этносу (этнография в Русском географическом обществе): сб. ст. / под ред. А. В. Псянчина. Вып. 2. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 37–63.
- Пустарнаков 1997 — Пустарнаков В. Ф. Проблемы этнографии и этнологии в геосоциологической концепции П. А. Кропоткина // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. Вып. 2: Идеи П. А. Кропоткина в социально-экономических науках. М.: [б. и.], 1997. С. 110–126.
- Решетов 2012 — Решетов А. М. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности // Российское монголоведение: хрестоматия / сост. Е. К. Шаракшинова. Иркутск: ИГУ, 2012. 322 с.
- Романов 1993 — Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 542 с.
- Руднев 1913–1914 — Руднев А. Д. Хори-бурятский говор: (опыт исследования, тексты, перевод и примечания): вып. 1–3: [дис.] СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913–1914. Вып. 1. 26 с. Вып. 2. 128 с. Вып. 3. 135 с.
- Свинин, Сазонова — Свинин В. В., Сазонова С. А. В. И. Подгорбунский как этнограф и музейный работник // Дуловские чтения 1997 года: (секция археологии и этнографии): мат-лы конф. Иркутск: Иркут. гос. пед. ун-т, 1997. С. 161–164.
- Сизых, Сонголов 2015 — Сизых Т. П., Сонголов В. И. 155-летие ВСОИРГО и его значение в изучении минеральных источников Сибири // Сибирский медицинский журнал. 2005. Т. 55. № 6. С. 89–93.
- Современная Россия 2020 — Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Сибирь / отв. ред.: В. М. Котляков, Л. М. Корытный. М.: Паулсен, 2020. 512 с.
- Стуков 1865 — Стуков К. К. Очерки монгол-бурят, кочующих в Восточной Сибири // Записки Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества. Кн. VIII / под ред. Н. И. Кашина. Иркутск: Тип. Окруж. штаба, 1865. С. 121–173.
- Суходолов, Кузьмин 2016 — Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии / науч. ред. М. П. Рачкова. Иркутск: Байкал. ун-т, 2016. 312 с.
- Тулисов 2019 — Тулисов Е. Монголовед В. Л. Котвич и буряты: сотрудничество на поприще востоковедения (по материалам архивов Кракова и Варшавы) // Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития: мат-лы конф. / науч. ред. О. Н. Полянская. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2019. С. 21–25.
- Хангалов 1888 — Хангалов М. Н. Зэгтэ-аба, облава на зверей у древних бурят // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1888. Т. XIX. № 3. С. 1–26.

- Хангалов 1890 — *Хангалов М. Н.* Новые материалы о шаманстве бурят // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. 1890. Т. II. Вып. 2. С. 1–144.
- Харченко 2015 — *Харченко Л. Н.* Вклад православного духовенства в работу сибирских отделений Императорского русского географического общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (Манускрипт). № 7 (57). Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2015. С. 186–191.
- Хобта, Гордиенко 2022 — *Хобта А. В., Гордиенко Т. Н.* Вклад инженеров путей сообщения в изучение природы Сибири (К 170-летию Иркутского отделения Русского географического общества) // Культура. Наука. Образование. 2022. № 1. С. 17–27.
- Хороших 1963 — *Хороших П. П.* Археологические и этнографические наблюдения В. А. Обручева в путешествиях по Сибири, Китаю и Центральной Азии // Известия Восточно-Сибирского отдела Географического общества СССР. 1963. Т. 61. С. 51–60.
- Чернявская 2011 — *Чернявская О. А.* История комплектования этнографической коллекции Иркутского областного краеведческого музея // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 8. С. 316–320.
- Чистохин 1894 — *Чистохин Я. А.* Материалы по народному творчеству монголов // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1894. Т. XXV. № 2–3. С. 134–141.
- Чичкова 2017 — *Чичкова Н. В.* Миссионер Яков Чистохин как переводчик, этнограф, член ВСОИРГО: по документам Государственного архива Иркутской области // Святитель Иннокентий (Вениаминов) и научно-просветительская деятельность православного духовенства в Сибири и на Дальнем Востоке XIX – начала XX века: мат-лы IV межрег. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 8–10 сентября 2017 г.) / сост., науч. ред. С. В. Мельникова. Иркутск: ИОГУНБ, 2017. С. 119–132.
- Цыбиков 1981 — *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды. Т. 2. О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. Новосибирск: Наука, 1981. 258 с.
- Шаракшинова 2012 — *Шаракшинова Е. К.* Профессор Цыбен Жамцарано в Иркутске // Интеллигент провинции: прошлое, настоящее, будущее: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения проф. ИГУ Л. Л. Ермолинского. (г. Иркутск, 11 мая 2012 г.) / ред.: А. П. Шинкарева, А. В. Гимельштейн. Иркутск: ИГУ, 2012. С. 84–88.
- Шерстова 2011 — *Шерстова Л. И.* Этнографическая проблематика в труде Г. Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии». Непреходящая актуальность и современное восприятие // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2. С. 15–18.
- Шинковой 2011 — *Шинковой А. И.* Из истории изучения и собирания коллекций сибирского шаманизма, его прошлое и настоящее // Краеведческие записки. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2011. Вып. 18. С. 20–36.
- Щапов 1872 — *Щапов А. П.* Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Известия Сибирского отдела Императорского Русского географического общества / под ред. А. Ф. Усольцева. Т. III. № 5. Иркутск: Тип. Н. Н. Синицына, 1872. С. 243–274.
- Этагоров 1900 — *Этагоров И. М.* Свадебный обряд у аларских бурят // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1900. Т. XXXI. № 1–2. С. 150–162.
- Ядринцев 1884 — *Ядринцев Н. М.* Человеческие жертвы у сибирских инородцев // Восточное обозрение. 1884. № 36. С. 12–14.

References

- Agapitov N. N. Beliefs of Native Siberians: A Research Program. Irkutsk: N. Sinitsyn, 1884. 16 p. (In Russ.)
- Agapitov N. N., Khangalov M. N. Materials for the study of shamanism in Siberia: Shamanism among Buryats of Irkutsk Governorate. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1883. Vol. XIV. No. 1–2. Pp. 1–60. (In Russ.)
- Arseneva L. G. Eastern Siberia Department of the Imperial Russian Geographical Society, 1850s–1920s: Exploring the History of Mongols. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2015. 26 p. (In Russ.)
- Arseneva L. G. Eastern Siberia Department of the Imperial Russian Geographical Society, 1850s–1920s: Exploring the History of Mongols. Cand. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2015. 207 p. (In Russ.)
- Arseneva L. G. Research of the Buryat ethnography at the East Siberian Department of Russian Geo-

- graphical Society (ESDRGS) in 1850–1920s. *Buryat State University Bulletin*. 2013. No. 7. Pp. 150–153. (In Russ.)
- Arseneva L. G. The study of Inner Asia by the Russian geographers (ESORGU) (The second half of the XIXth cent.). *Buryat State University Bulletin*. 2015. No. 7. Pp. 216–220. (In Russ.)
- Azadovsky M. K. Eastern Siberia Department of the Russian Geographical Society: Paths of ethnographic research. *Sibirskaya zhivaya starina*. 1926. No. 2. Pp. 33–35. (In Russ.)
- Badlaeva T. V. The review of editions on Mongolian linguistics (Library of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS). In: Dampilova L. S. (ed.) Fourth Naidakov Readings. The World of Turko-Mongols. Humanities Research. Collected papers. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2018. Pp. 12–15. (In Russ.)
- Bakshevich N. I. A description of the Irkut River: From the Tunka [Valley] to the Angara River. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1856. Vol. I. Pp. 1–50. (In Russ.)
- Chernyavskaya O. A. Acquisition history of the ethnographic collection of Irkutsk Regional Museum of Local Lore. *iPolytech Journal*. 2011. No. 8. Pp. 316–320. (In Russ.)
- Chichkova N. V. Missionary Yakov Chistokhin: Translator, ethnographer, member of East-Siberian Department of Imperial Russian Geographical Society: As viewed from the documents of the State Archives of the Irkutsk Region. In: Melnikova S. V. (comp., ed.) Saint Innocent [of Alaska] (Veniaminov) and Scientific/Educational Activities of Orthodox Christian Clerics in Siberia and the Far East: 19th – Early 20th Centuries. Conference proceedings. Irkutsk: Irkutsk Oblast Universal Scientific Library, 2017. Pp. 119–132. (In Russ.)
- Chistokhin Ya. A. Materials on folklore of Mongols. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1894. Vol. XXV. No. 2–3. Pp. 134–141. (In Russ.)
- Dambueva I. A. Folklore of Mongolic peoples in M. Khangalov's scholarly endeavors. In: Kuzmin Yu. V. et al. (eds.) Russia and Mongolia in the Early-to-Mid 20th Century: Conceptual Issues of Russia-Mongolia Relations (Diplomacy, Economy, Science). Collected papers. Ulaanbaatar, Irkutsk: Baikal State University, 2015. Pp. 356–358. (In Russ.)
- Danilova I. S. The Shaping and Development of Mongolian Studies in Buryatia: From the 19th Century to the Year 1911. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2007. 20 p. (In Russ.)
- Darevskaya E. M. Siberia and Mongolia, Late 19th – Early 20th Century: Essays on Russo-Mongolian Relations. Irkutsk: Irkutsk State University, 1994. 396 p. (In Russ.)
- Dulov A. V., Zulyar Yu. A. Kozmin, Nikolay Nikolaevich. In: Zulyar Yu. A., Korytny L. M. (eds.) Eastern Siberia Department of the Russian Geographical Society and Its Representatives: A Biobibliographic Dictionary. Special edition: The Repressed VSORGO Members. Irkutsk: Sochava Institute of Geography (SB RAS), 2020. Pp. 57–62. (In Russ.)
- Edinarkhova N. E. Mongolia and Mongols in publications of the Eastern Siberia Department of the Russian Geographical Society: 1860s–1880s. *Acta Eurasica*. 2000. No. 3. Pp. 138–155. (In Russ.)
- Ermakova T. B. The role of the Russian Geographic Society in investigation of Buddhist ethnic culture of Central Asia. *Mongolica*. 2013. Vol. XI. Pp. 17–19. (In Russ.)
- Etagorov I. M. Weddings rites of Alar Buryats. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1900. Vol. XXXI. No. 1–2. Pp. 150–162. (In Russ.)
- Ilyushina T. V. Eastern Siberia Department of the Imperial Russian Geographical Society, 1866–1870: Geographic investigations of Eastern Siberia [reviewed]. In: Celebrating the 80th Anniversary of the Vavilov Institute for the History of Science and Technology. Conference proceedings. Moscow: Yanus-K, 2012. Vol. 1. Pp. 421–424. (In Russ.)
- Kann S. K. Participation of scientific and technical societies when preparing the construction of the Trans-Siberian Railway. In: Irkutsk Yearbook of History and Economics. Irkutsk: Baikal State University of Economy and Law, 2015. Pp. 133–142. (In Russ.)
- Kasyanenko Z. K. A. D. Rudnev (1878–1958). In: Chimitdorzhiev Sh. B. (comp., ed.) Mongolists of Russia: 18th – Early 20th Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1997. Pp. 111–116. (In Russ.)
- Khangalov M. N. Newly obtained materials on shamanism among Buryats. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otd-niyu etnografii*. 1890. Vol. II. No. 2. Pp. 1–144. (In Russ.)
- Khangalov M. N. Zegete-aba: Drive hunting of ancient Buryats. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geografich-*

- eskogo obshchestva*. 1888. Vol. XIX. No. 3. Pp. 1–26. (In Russ.)
- Khangalov N. M., Zatoplyayev O. N. et al. (comps.) Buryat folktales and beliefs. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdueniyu etnografii*. 1889. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–159. (In Russ.)
- Kharchenko L. N. Contribution of the Orthodox clergy to work of the Siberian Branches of the Imperial Russian Geographical Society. *Manuscript*. 2015. No. 7 (57). Pt. 1. Pp. 186–191. (In Russ.)
- Khobta A. V., Gordienko T. N. Contribution of railway engineers in the study of the nature of Siberia (To the 170th anniversary of the Irkutsk department Russian geographical society). *Kul'tura. Nauka. Obrazovanie*. 2022. No. 1. Pp. 17–27. (In Russ.)
- Khoroshikh P. P. Archaeological and ethnographic observations of V. A. Obruchev in his travels across Siberia, China and Central Asia. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR*. 1963. Vol. 61. Pp. 51–60. (In Russ.)
- Kotlyakov V. M., Korytny L. M. (eds.) Contemporary Russia: Geographic Descriptions of Our Motherland. Siberia. Moscow: Paulsen, 2020. 512 p. (In Russ.)
- Krol M. A. Explorations of Transbaikalian Buryats, 1892–1895: A preliminary activity report. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1896. Vol. XXVI. No. 4–5. Pp. 171–182. (In Russ.)
- Krol M. A. Transbaikalian Buryats: Hunting Law and Fur Trade. Irkutsk: P. Makushin, 1895. 31 p. (In Russ.)
- Krol M. A. Wedding customs and rites of Transbaikalian Buryats. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1894. Vol. XXV. No. 1. Pp. 54–87. (In Russ.)
- Kropotkin P. A. Mutual Aid: A Factor of Evolution. Moscow: Samobrazovanie, 2007. 240 p. (In Russ.)
- Kryuchkova L. L. The Notes by A. M. Stanilovsky as a source on dialectal lexicography. *Russian Speech*. 2015. No. 1. Pp. 113–118. (In Russ.)
- Kulakov P. E. Buryats of Irkutsk Governorate. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1896. Vol. XXVI. No. 4–5. Pp. 118–166. (In Russ.)
- Kuryshova I. V. Scientific societies and environment protection issues: Late 19th – early 20th century. *Journal of Economic History & History of Economics*. 2006. Vol. 7. No. 1. Pp. 60–72. (In Russ.)
- Kuzmin Yu. V. Professor N. N. Kozmin — historian, economist and public figure (1872–1938): Key areas of scientific activity [analyzed]. In: Second University Readings in the Humanities and Social Science — 2008. Proceedings. Irkutsk: Irkutsk State University, 2008. Pp. 169–184. (In Russ.)
- Kuzmin Yu. V., Svinin V. V. The Irkutsk School of Mongolian Studies: 18th–20th Centuries. Irkutsk: Baikal State University of Economy and Law, 2014. 438 p. (In Russ.)
- Levchenko A. O. Eastern Siberia Department of the Russian Geographical Society, 1851–1931: Local History Research and Exhibition Activities. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Irkutsk, 2005. 35 p. (In Russ.)
- Lishtovanny E. I. Mongolia in the History of Eastern Siberia: 17th–20th Centuries. Coursebook. Irkutsk: Irkutsk State University, 2001. 144 p. (In Russ.)
- Malaskhanova I. A. M. N. Hangalov's cooperation with scholars of the East Siberian Branch of the Russian Geographic Society. *Humanitarian Vector*. 2012. No. 2. Pp. 148–154. (In Russ.)
- Manassein V. S. The 75 years of the VSORGO: A historical essay. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1926. Vol. L. No. LXXV. Pp. 61–94. (In Russ.)
- Mannapov M. M. Problems in the research of Mongolic histories and ethnographies: Endeavors of the Imperial Russian Geographical Society [analyzed]. In: Psyanchin A. V. (ed.) Society for the Study of Bashkiria: Some Histories of Its Shaping and Activities. Collected papers. Ufa: Institute of History, Language and Literature (UFRS RAS), 2020. Pp. 93–127. (In Russ.)
- Matveeva R. P. Folk culture of Old Believers of Transbaikalia in the writings of researchers of the XIX – first quarter of the twentieth century. *Sibirya Araştırmaları Dergisi*. 2013. No. 1. Pp. 72–89. (In Russ.)
- Matytsin K. S. Russian sects of Siberia in the studies of the Imperial Russian Geographical Society. *Religiovedenie*. 2020. No. 1. Pp. 36–42. (In Russ.)
- Medvedev G. I., Berdnikova N. E., Goryunova O. I., Lipnina E. A., Novikov A. G., Berdnikov I. M. Geoarchaeological Baikal study: Formation, current status, specificity. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2015. Vol. 11. Pp. 3–38. (In Russ.)

- Mironov R. B. Kropotkin's activity in the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. *Bulletin of Irkutsk State University. Series 'History'*. 2014. Vol. 9. Pp. 88–94. (In Russ.)
- Obruchev V. A. Central Asia and its southeastern periphery: Nature and natives [Lectures delivered in St. Petersburg (spring of 1895) and Irkutsk (spring of 1896)]. *Zemlevedenie*. 1896. Book 2. Pp. 1–72. (In Russ.)
- Pimenova I. A. Eastern Siberia Department of the Russian Geographical Society, 1851–1918: Its Shaping and Activities. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2007. 25 p. (In Russ.)
- Podgorbunsky I. A. Buddhism, its history and key dogmatic teachings. *Trudy Vostochno-Sibirskogo Otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. 1900. Vol. 1. No. 3. Pp. 1–248. (In Russ.)
- Polanskaya O. N., Arseneva L. G. Non-staff employees of the East-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society and their contribution to the study of the Mongolian people. *ESSTUM Bulletin*. 2015. No. 4. Pp. 113–117. (In Russ.)
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. St. Petersburg: V. Bezobrazov & Co., 1881. Vol. I. 425 p. (In Russ.)
- Pozdnev A. M. Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia, and Relations of the Latter to the People. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1887. XVI, 492 p. (In Russ.)
- Pozdnev A. M. Mongolia and Mongols: [Summarizing] Results of the 1892–1893 Journey to Mongolia. In 2 vols. Vol. 1: Diary and Route of 1892. St. Petersburg: Imperial Russian Geographical Society, 1896. 698 p. (In Russ.)
- Pozdnev A. M. Mongolia and Mongols: [Summarizing] Results of the 1892–1893 Journey to Mongolia. In 2 vols. Vol. 2: Diary and Route of 1893. St. Petersburg: Imperial Russian Geographical Society, 1898. 517 p. (In Russ.)
- Prein J. P. Materials for a guide to folk medicinal plants of Eastern Siberia. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1898. Vol. XXIX. No. 1. Pp. 1–8. (In Russ.)
- Psyanchin A. V. Ethnographic research on the Bashkirs by the Imperial Russian Geographical Society (1845–1917). *The Problems of Oriental Studies*. 2014. No. 3 (65). Pp. 40–48. (In Russ.)
- Psyanchin A. V., Allamuratova L. Kh. Russian Geographical Society and its explorations of non-Russian communities. In: Psyanchin A. V. (ed.) *From Tribe to Ethnos: Ethnography [Research] in the Russian Geographical Society. Collected papers*. St. Petersburg: Svoe Izdatelstvo, 2015. Vol. 2. Pp. 37–63. (In Russ.)
- Pustarnakov V. F. The geo-sociological concept of P. A. Kropotkin: Issues of ethnography and ethnology. Celebrating the 150th Birthday of P. A. Kropotkin. Conference proceedings. Moscow, 1997. Vol. 2: P. A. Kropotkin and His Socioeconomic Ideas. Pp. 110–126. (In Russ.)
- Reshetov A. M. Nikolay Nikolaevich Kozmin: Key areas of scientific activity [analyzed]. In: Sharakhshinova E. K. (comp.) *Mongolian Studies in Russia: Anthology*. Irkutsk: Irkutsk State University, 2012. 322 p. (In Russ.)
- Romanov N. S. *Chronicles of Irkutsk: 1881–1901*. Irkutsk: Eastern Siberia Book Publ., 1993. 542 p. (In Russ.)
- Rudnev A. D. *The Khori Buryat Dialect: A Study, Texts, Translation and Comments*. Vols. 1–3. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1913–1914. Vol. 1, 26 p.; vol. 2, 128 p.; vol. 3, 135 p. (In Russ. and Bur.)
- Sharakhshinova E. K. Professor Tsyben Jamsaranov in Irkutsk. In: Gimelshteyn A. V., Shinkareva A. P. (eds.) *The Provincial Intelligentsia: Past, Present, Future. Jubilee conference proceedings (Irkutsk, 11 May 2012)*. Irkutsk: Irkutsk State University, 2012. Pp. 84–88. (In Russ.)
- Shchapov A. P. Population of Siberia: Historical, geographic and ethnological notes. *Izvestiya Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1872. Vol. III. No. 5. Pp. 243–274. (In Russ.)
- Sherstova L. I. Ethnographic aspects in “Essays on North-Western Mongolia”. Actual and contemporary presentation. *Tomsk State University Journal of History*. 2011. No. 2. Pp. 15–18. (In Russ.)
- Shinkovoy A. I. Collections of Siberian shamanism: History of research and compilation, its past and present. In: *Notes on Local History and Lore*. Irkutsk: Sochava Institute of Geography (SB RAS), 2011. Vol. 18. Pp. 20–36.
- Sizikh T. P., Songolov V. I. The 155 anniversary of East Siberian Imperial Russian Geographical Society and its value in studying mineral sources of Siberia. *Siberian Scientific Medical Journal*. 2005. Vol. 55. No. 6. Pp. 89–93. (In Russ.)
- Stanilovsky A. M. *Transactions of the Eastern Siberia Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. 7: Notes by A. M. Stanilovsky. Supplemented with a Biographic Essay (posthumous edition). A. Azletsky (ed.). Irkutsk: Printing Partnership, 1912. 191 p. (In Russ.)

- Statute of the Siberia Department of the Imperial Russian Geographical Society. In: Statutes of the Imperial Russian Geographical Society and Its Eastern Siberia Department. Irkutsk: P. Makushin & V. Posokhin, 1900. 31 p. (In Russ.)
- Stukov K. K. Essays on Buryat Mongolian nomads of Eastern Siberia. *Zapiski Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1865. Vol. VIII. Pp. 121–173. (In Russ.)
- Sukhodolov A. P., Kuzmin Yu. V. Mongolia and Russo-Mongolian Relations in the Early-to-Mid 20th Century: Issues of History and Historiography. M. Rachkova (ed.). Irkutsk: Baikal State University, 2016. 312 p. (In Russ.)
- Svinin V. V., Sazonova S. A. Vasily I. Podgorbunsky as ethnographer and museum worker. In: 1997 Durov Readings. Archaeology and Ethnography. Conference proceedings. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University, 1997. Pp. 161–164. (In Russ.)
- Tsybikov G. Ts. Selected Works. Vol. 2: About Central Tibet, Mongolia and Buryatia. Novosibirsk: Nauka, 1981. 258 p. (In Russ.)
- Tulisov J. Mongolist W. L. Kotwicz and the Buryats: Cooperation in the field of Oriental studies (Based on the materials of Kraków and Warsaw Archives). In: Polyanskaya O. N. (ed.) Mongolian Studies in the Modern World: Research Experience, Development Prospects. Conference proceedings. Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2019. Pp. 21–25. (In Russ.)
- Vambotsyrenov I. *Aba khaidak*: Drive hunting of Khorii Buryats. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1890. Vol. XXI. No. 2. Pp. 29–34. (In Russ.)
- Vanina I. Yu., Kuzmin Yu. V. Religious figures of Irkutsk and their contribution to the study of Mongolian culture. In: Ethnic Intelligentsia and Clergy in Past and Present. Conference proceedings. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1994. Pp. 81–85. (In Russ.)
- Vinogradov G. S. Eastern Siberia Department of the Russian Geographical Society, 1851–1926: A brief review of ethnographic studies. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1926. Vol. LXXV. Pp. 3–37. (In Russ.)
- Yadrintsev N. M. Human sacrifice among indigenous Siberians. *Vostochnoe obozrenie*. 1884. No. 36. Pp. 12–14. (In Russ.)
- Zadavaev B. S. Western Mongolia in Works of Russian Explorers and Travelers: 18th – Early 20th Centuries. Cand. Sc. (history) thesis abstract. St. Petersburg, 2006. 35 p. (In Russ.)
- Zhabaeva L. B. The shaping of E.-D. Rinchino's political views concerning Mongolia. In: Kuzmin Yu. V. et al. (eds.) Russia and Mongolia: A New Look at the History (Diplomacy, Economy, Culture). Collected papers. Book 4. Ulaanbaatar, Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law, 2015. Pp. 263–266. (In Russ.)
- Zhukov V. Yu., Kulganek I. V. 'I have spent my entire life exploring art and science': Mongolist S. Kondratiev and his diaries (History of Russia-Mongolia interactions revisited). In: Oriental Studies in Russia and CIS Member States at the Turn of the 21st Century. Jubilee symposium proceedings. Kazan: Foliant, 2015. Pp. 270–306. (In Russ.)
- Zulyar Yu. A. The main milestones of the East-Siberian Division of the Russian Geographical Society. *Geography and Natural Resources*. 2007. No. 3. Pp. 211–212. (In Russ.)
- Zulyar Yu. A., Korytny L. M. East-Siberian Division of the Russian Geographical Society: The 160-year long path [reviewed]. In: Historical Geography of Asian Russia. Conference proceedings (Irkutsk, 28–30 November 2011). Irkutsk: Sochava Institute of Geography (SB RAS), 2011. Pp. 12–17. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 2, pp. 404–416, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 396

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-404-416

Женская история в трудах китайских ученых второй половины XX в.

Наталья Львовна Пушкарева¹, Илэй Ли²

¹ Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (д. 32а, Ленинский проспект, 119334 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром

 0000-0001-6295-3331. E-mail: [pushkarev\[at\]mail.ru](mailto:pushkarev[at]mail.ru)

² Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (д. 32а, Ленинский проспект, 119334 Москва, Российская Федерация)

аспирант

 0000-0003-1410-5826. E-mail: [liyilei1212\[at\]gmail.com](mailto:liyilei1212[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Пушкарева Н. Л., Ли И., 2023

Аннотация. *Введение.* В обстановке современного постмодернистского переворота значимость и необходимость определения каждого направления в науках о прошлом приобретает особую значимость. В статье предпринята попытка аналитического обзора достижений в исследовании «женской темы» в современных исторических науках материкового Китая за полвека (1949–1999). *Целями* работы являются: во-первых, изучение накопления знаний, касающихся «второго пола» (долгое время считавшегося неглавным); во-вторых, история введения в оборот ранее неизвестных источников или ранее упускаемых аспектов и сюжетов, связанных с правовым, семейным, общественным положением китайок; в-третьих, выявление предпосылок и причин возникновения нового направления в науках о прошлом (женской истории Китая и антропологии гендера); в-четвертых, изучение основных этапов развития научного направления с целью определения его значимости для современной китайской и мировой науки. *Результаты.* Авторами доказано, что значимая Четвертая Всемирная конференция по положению женщин 1995 г., прошедшая в Пекине, стала разделительной чертой в истории складывания нового научного направления. Именно после 1995 г. появились исследовательские работы в разных городах и университетах, сформировались научные школы, выделились их лидеры. *Выводы.* Возникновение нового направления в китайской науке было неизбежно, поскольку это было предопределено сменой познавательных ориентиров. Направление женской истории объединило тех, кто на основе марксистской методологии (с ее упором на особо пристальное изучение социально-экономических проблем) обратился к гендерной концепции (которая позволила высветить темы, ранее китайскими историками не изучавшиеся).

Ключевые слова: женщины, женская история, Китай, женская повседневность, стереотипы, гендерная антропология

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы научно-исследовательской работы Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (проект «Гендерные исследования: социально-исторические и культурно-антропологические перспективы»).

Для цитирования: Пушкарева Н. Л., Ли Илэй. Женская история в трудах китайских ученых второй половины XX в. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 404–416. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-404-416

Women's History in Works of Chinese Scholars: Mid-to-Late 20th Century

Natalia L. Pushkareva¹, Yilei Li²

¹ Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32A, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Center for Gender Studies

 0000-0001-6295-3331. E-mail: pushkarev[at]mail.ru

² Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32A, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0000-0003-1410-5826. E-mail: liyilei1212[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Pushkareva N. L., Li Y., 2023

Abstract. Introduction. In the context of the current postmodern upheaval, the need to define each trend and field in sciences dealing with the past gains special significance. The article attempts an analytical review of achievements in the study of the ‘women’s theme’ in contemporary historical sciences of Mainland China between 1949 and 1999. **Goals.** The work aims to examine the accumulation of knowledge concerning the ‘second sex’ (long considered non-principal); review the history of how previously unknown sources or overlooked aspects and plots relating to legal, family, social statuses of Chinese women have been introduced into scientific discourse; identify prerequisites and causes for the emergence of new fields in disciplines dealing with the past (women’s history of China and anthropology of gender); explore main stages in the development of the research trend to determine its significance for contemporary Chinese and world science. **Results.** The paper proves that the Fourth World Conference on Women (Beijing, 1995) served a dividing line in the shaping of the new history research agenda. It was after 1995 that corresponding academic endeavors were launched in various cities and universities, scientific schools formed, and their leaders came forth. **Conclusions.** The emergence of the new field in China’s science was inevitable since it had been predetermined by a change in cognitive orientations. Women’s history brought together those who were ready to combine Marxist methodology (with its deliberate attention to socioeconomic problems) with the concept of gender (which allowed an introduction of topics never studied by Chinese historians).

Keywords: women, female history, China, women’s everyday life, stereotypes, gender anthropology

Acknowledgements. The reported study was prepared according to R&D Program of the Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Center for Gender Studies), project ‘Gender Studies: Social, Historical, Cultural and Anthropological Perspectives’.

For citation: Pushkareva N. L., Li Y. Women’s History in Works of Chinese Scholars: Mid-to-Late 20th Century. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 404–416. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-404-416

1. Введение

Современную историю невозможно представить без исследований, анализирующих динамику изменений прав женщин, их личного и коллективного вклада в историю и культуру этносов, а также биографии выдающихся представительниц различных народов и культур, социальное положение различных женских социальных групп в разные времена и эпохи.

Неотъемлемой частью женской истории стран Востока была и остается история женщин в Китае. Эта область стремительно развивается, особенно в последние полвека, с началом реформ и большей открытости страны зарубежной научно-теоретической мысли. Ставя задачу представить в этой небольшой статье результаты изучения китайскими учеными процессов, так или иначе связанных с участием в них женщин, нам хотелось бы рассмотреть, какой вклад вносят эти исследования в развитие исторической науки, насколько они важны для развития этого направления в Китае и насколько возможно сравнение китайских и европейских реалий.

Как рождалось направление женской истории и гендерной антропологии в Китае? Каковы достижения китайских ученых и насколько можно рассуждать об интегрированности трудов китайских историков-женщин в мировой, прежде всего американо-европейской науке, ведь направление женской и гендерной истории родилось именно в Западной Европе и США в 1960-е гг.? Систематический обзор китайской историографии по исследуемой теме, осмысление ее развития может прояснить этапы развития дисциплины, давая фактический материал тем, кто ныне пытается выстроить социальную политику и администрирование, опираясь на данные науки. До сих пор еще не было проведено ни одного исследования. Поэтому мы сочли необходимым отобрать и проанализировать около сотни исследований по женской истории в Китае, опубликованных с начала 1950-х гг. по настоящее время, пытаясь системно рассмотреть «женскую тему» в современной

китайской исторической науке за последние полвека и понять, какое место в ней занимает проблема антропологии женской повседневности — самое, пожалуй, актуальное направление.

Понятно, что к женским персонажам китайской истории ученые обращались в своих публикациях и 100 лет назад [Chen 1925; Zhao 1928; Lü 1929; Wang 1934], а, скажем, «История жизни китайских женщин» Чэнь Дунъюаня — вообще была первой, еще довоенного времени, публикацией, посвященной только этой теме. В этой книге Чэнь Дунъюань анализирует и критикует традиционное общество Китая в отношении женщин. Главная идея книги отражает новые воззрения, выдвигаемые движением Новой культуры, которое направлено на протест против традиций и призыв к равноправию женщин. Рассмотрев различные аспекты жизни китайских женщин, такие как брак, религиозные традиции, образование, моральные нормы, проституция, отношение к целомудрию, а также важнейшие для этнографов и феминисток темы — традицию бинтования ног и движение за права женщин Нового времени, автор резко критикует проявления несправедливости и угнетения женщин в традиционном Китае как в культурном, так и в институциональном аспектах, стремится привлечь внимание к этим явлениям и призывает создать условия для достижения равноправия в обществе [Chen 1937].

В то предвоенное десятилетие большая часть работ о женщинах Китая была написана мужчинами, явно критиковавшими любую традиционность и видевшими в переосмыслении роли женщин способ выразить свое «представление о современности»¹ [Hershatter, Wang 2008: 148]. Это была критика, востребованная политической мобилизацией «новых» женщин во имя масштабных изменений, побуждением соотечественниц к участию в профессиональной деятельности, «чтобы укрепить страну» [Den 2014: 96].

¹ Здесь и далее перевод с китайского языка одного из авторов настоящей статьи — Илэй Ли.

2. Послевоенное «молчание» о женщинах в истории и открытие «женской темы» (1949 – начало 1990-х гг.)

После образования Китайской Народной Республики основной категорией исторических исследований стал *класс*, а сама история оказалась сильно политизирована.

Согласно официальному историческому нарративу, Коммунистическая партия Китая (далее — КПК) «решила этнические и классовые противоречия революционным путем, освободила женщин, решила проблему проституции, уничтожив рабство и установив автономию брака и равенство между мужчинами и женщинами» [Du 2009: 13]. В условиях, когда проблемы женщин были решены законодательно, казалось неуместным продолжать твердить о женском угнетении.

Однако о женском быте в традиционной семье никто говорить не запрещал. И в 1950-е гг. было опубликовано несколько работ, заложивших основы изучения женской темы в контексте древних брачно-семейных китайских традиций брака, истории женской литературы в том числе [Dong 1950; Ma 1956; Hu 1957].

И все же с середины 1960-х гг. изучение тем, связанных с женской историей в Китае, практически прекратилось. В обстановке *культурной революции* востребованы были только публикации по истории классовой борьбы, но даже в них практически не исследовалась тема женского участия. Вопрос о существовании женского социального самосознания затухал, а «конечной целью» женщин было объявлено «служение народу, а не борьба за гендерное равенство» [Zhou, Guo 2013: 10]. Таким образом, в течение тридцати лет, с момента основания Нового Китая до первых лет реформы, исследования по истории женщин исчислялись единицами.

Однако после Третьего пленума ЦК КПК 1978 г., ставшего поворотным моментом в истории китайского гуманитарного знания и началом периода быстрой трансформации и оживления интеллектуальной деятельности (в том числе теоретических исследований), началось переосмысление проблем социальной истории, «ранее сосредоточенных на классовой борьбе, крестьянских восстаниях и революциях» [Hershatter, Wang 2008: 149]. Как раз тогда Всекитай-

ской федерации женщин, созданной в 1949 г., было поручено собрать, систематизировать и опубликовать источники по истории женщин [ACWF 1979; ACWF 1989], выявить и проанализировать теоретические труды по *женскому вопросу* [WMHRO 1981; CWMCI 1988].

Собственно обыденную жизнь женщин в тех, востребованных тогда КПК работах, никто не анализировал. В публикациях источников и статьях рассматривалось китайское женское движение в контексте международных социальных изменений, исследовалась интерсекциональность в отношениях между женщинами и нацией, партией, международным женским движением, раскрывалась роль женщин в революциях и войнах, описывалось женское участие в политике, изучались вопросы экономического воспроизводства, занятости, но вовсе не повседневные женские заботы и хлопоты. В то же время эти работы внесли немалый вклад в изучение усилий, предпринятых китайками в борьбе за собственную эмансипацию.

1980-е гг. стали для китайской историографии временем, позволившим продолжить традицию исследования социальной истории Китая и — под влиянием французской историографии и «Новых Анналов» — попытаться создать новую социальную историю, сосредоточенную на повседневной жизни низших классов и маргинальных групп.

История женщин стала рассматриваться в 1980-е гг. как неперемнная отрасль социальной истории, дополняющей созданную ранее картину прошлого. В конце 1980-х гг. вместо широко употребляемого ранее термина *женский вопрос* в историографии все чаще стал появляться термин, калькированный с английского: *women's studies* — *женские исследования*.

В те годы огромная роль в продвижении «женских исследований» принадлежала Ли Сяоцзян, профессору Чжэнчжоуского университета. Именно по ее инициативе была организована в 1985 г. первая всекитайская конференция по женским исследованиям, с которой началось издание серии научных монографий, освещающих в том числе и повседневную жизнь китайок. Так, Чжэн Хуэйшэн, изучая семейно-брачные отношения в древнем Китае, показала, как менялся статус женщин в различных системах бра-

ка в эпохи Ся, Шан и Чжоу [Zheng 1988]. Автор подробно обосновала тезис о том, что в эпоху Шан аристократки не только владели землей, богатством и рабами, но и сражались в боях, проявляя полководческие таланты. И все же, начиная с эпохи Чжоу, вследствие укрепления патриархата и развития частной собственности на землю, статус женщин ухудшался, что характерно и для мировой женской истории [Zheng 1988: 251].

В изучении смены культурных конструкций на протяжении нескольких тысячелетий китайской истории, включая эволюцию взглядов на женственность в разных философских школах (конфуцианство, легизм, даосизм), значительную роль стоит признать за Ду Фанцинь. Она обнаружила, что конфуцианская мысль акцентирует внимание на морали, а также на роли и обязанностях женщин в семье, но при этом, по сути, отрицает социальную ценность женщин и выступает против участия женщин во внесемейной, особенно административной, активности. Легизм, исходя из политических интересов монарха, рассматривает женщин как объект торга, удовольствий и производства наследников для высшего слоя привилегированных лиц общества и отказывает женщинам в субъектности.

В философии даосизма, которую представляют Лао-цзы и Чжуан-цзы, женщина оценивается не только по внешней красоте, но и по ее духовным качествам. В этой традиции высшим стандартом женской красоты являются «всесторонняя духовность и целостность формы», где «всесторонняя духовность» связана с наличием духовной гармонии, скромности и сдержанности, а «целостность формы» — с сохранением естественной формы без ее разрушения при использовании украшений. Таким образом, основными качествами, которые, по их мнению, делают женщину прекрасной, являются естественная красота, духовная скромность и чистота [Du 1988: 391].

Наконец, стоит упомянуть еще одно исследование китайских медиевистов, это анализ Гао Шиюй роли женщин в эпоху Тан [Gao 1988] — первое в китайской исторической науке обращение к темам, ранее казавшимся малоинтересными для анализа: повседневные практики, обыденные уста-

новления. В ее книге на основе обширных материалов подтверждено, что образ жизни женщин в эпоху Тан в Китае характеризовался отсутствием сильных ограничений со стороны религии и общества, благодаря чему они имели возможность проявлять свою природную энергичность и творческий потенциал. Однако начиная с эпохи Сун конфуцианская мысль, ставшая главным направлением мысли в Китае, придавала большую значимость патриархальной семейной структуре и утверждала подчиненное положение женщин перед мужчинами. Развитие этих идей способствовало установлению серьезных ограничений для женщин, подавляя их личность и препятствуя духовному развитию.

Однако до середины 1990-х гг. теоретической основой исследования в традиционной китайской историографии оставался позитивизм в совокупности с обоснованным периодом господства марксизма историческим материализмом. Последний предполагал, напомним, большее внимание экономическим реалиям, изучению крупных политических сдвигов, а не деталей повседневных забот и радостей индивидов. Ученым, воспитанным в первой половине XX в., было трудно обрести критическую дистанцию в отношении прежних историографических подходов и концепций, укорененных в их сознании. Назовем среди них линейный (и прогрессивистский) взгляд на исторический процесс, теорию формаций, признание познаваемости научной истины, признание существования непреложных законов общественного развития, достижимость объективности и политической неангажированности. Поэтому на том этапе женские исследования в Китае не смогли преодолеть условности прежних подходов и теоретических рамок рассмотрения женщин в парадигме «угнетение – освобождение – вклад». К новому этапу китайская историография подошла с этими установочными концептами, теория «освобождения женщин» в рамках осуществления революционных преобразований ничуть не претерпела эрозии, и исторический материализм оставался тем же мощным основным теоретическим фундаментом, без которого было не выстроить ни одного исторического труда.

3. От истории женщин к гендерным исследованиям китайского прошлого: рождение особого направления в 1995–1999 гг.

С начала 1990-х гг. китайские исследователи истории женщин были в активном поиске новых теоретических инструментов, которые бы позволили им вырваться за рамки традиционных объяснительных концептов. Огромную помощь в этом оказало решение международного женского сообщества провести Четвертую Всемирную конференцию по положению женщин именно в Пекине, 4–15 сентября 1995 г. Представительницы китайских академических кругов впервые в жизни вступили в прямой контакт с учеными-феминистками и зарубежными активистками женского движения, которые даже в обыденном общении ставили такие вопросы, которые ранее исследователями не обсуждались, прежде всего вопрос о возможностях реализации тех прав женщин, которые были давно записаны в нормативных документах.

Впервые в китайской истории международные научные фонды, подобные Фонду Форда, начали финансировать участие китайок в международных конференциях, совместных проектах, посвященных проблемам женщин и гендерным вопросам. Расширение круга научных контактов, возможность получения грантов и работы в зарубежных университетах заставили китайских исследовательниц женской истории осознать, что «женщины — это не просто уязвимая группа», но сложная констелляция множества социальных групп и индивидов, которая никогда не была ни монолитным целым, ни совокупной пассивной жертвой угнетения, что роль их в истории невозможно оценивать только в терминах воспроизводства себе подобных, только в контексте брака и семьи. Как новый метод анализа исторических источников и как особый инструмент анализа, подходы сторонниц гендерной экспертизы социальных явлений заставили заострить внимание на изучении ранее «затушеванных», «полузабытых», «игнорируемых» особенностей отношений между полами как отношений власти и подчинения.

Именно в середине 1990-х гг. в китайскую историографию проникло понятие социально-культурных проявлений половой

принадлежности (концепт *гендера*) и вместе с ним потребность «пересмотреть сложные отношения между половой принадлежностью и трудовыми, семейными и иными социальными отношениями, «сосредоточившись на критике гендерной системы, ориентированной на мужчин» [Hershatter, Wang 2008: 150], тем самым обогащая и углубляя гендерную теорию. Особенно же важно было не допустить превращения китайской историографии в эпигона историографии западноевропейской. А для этого, как было справедливо замечено американской китаисткой Г. Хершаттер, как раз и нужно было «критически осмыслить элементы западной феминистской теории, которые не соответствуют контексту китайской действительности, использовать местные ресурсы для исследований, уделяя внимание изучению тех аспектов, которые характерны именно для истории женщин Китая» [Engendering China 1994: 470].

Приемы аналитической работы сторонниц гендерного подхода в исторических науках, заставляющие искать причины и истоки существования социально-полового неравенства, а именно — не дополнительность, а отношения власти между индивидами разного пола, — смогли обеспечить более полную и глубокую интерпретацию китайской истории и бросить вызов традиционной описательности и старым историографическим концепциям. Со временем и с развитием направления стало особенно ясно, что гендерный порядок сложен и изменчив, и социально-половые отношения надо изучать в перекрестном взаимодействии с политическими переменами, реформами в экономике, особенностями этнической, классовой, конфессиональной принадлежности. Даже традиционное разделение на мужской и женский труд, как выяснилось при скрупулезном исследовании истоков гендерного неравенства в экономике, существовало не всегда [Li 1996: 99–107; Li 1997: 10–22].

Подходы западноевропейских феминисток в сочетании с подходами исторического материализма (который остается руководящей идеологией и теоретической основой современного Китая) на протяжении последней четверти века в равной степени влияли на академическую практику изучения истории женщин в Китае. На рубеже ве-

ков, а особенно после 2000 г., в литературе все чаще стал употребляться термин *женские и гендерные исследования*, и история с антропологией, использующие гендерный подход и соответственные ему приемы работы, стали, соответственно, *гендерной историей и антропологией гендера*.

Интерес же к истории женской социально-политической самостоятельности, типичный для Запада, вызвал к жизни публикации по истории женских движений и ассоциаций, публичное осуждение традиционной для Китая практики бинтования ног, множество книг и статей по истории женского образования и вхождения женщин в академическое сообщество, обсуждение вопросов сочетания профессиональной самореализованности и выполнения женщинами домашних обязанностей. Свое место нашлось и дискуссиям вокруг пресловутого Закона о браке 1950 г., который привнес в общество споры о возможностях планирования семьи, тогда же развернулись первые проекты по изучению проблем истории торговли женским телом в Китае.

Однако интерес к женской теме, сформированный историческим материализмом, заставлял готовить прежде всего публикации об экономической роли женского труда, историко-юридические штудии, касавшиеся женской собственности в браке, женского участия в революционных событиях китайской истории.

Важно было в те годы аккуратного отступления от государственного атеизма подчеркнуть и позитивную роль церковных школ — первых женских образовательных учреждений, которые стали образцами для развития женского образования в стране [He, Shi 1996].

В те же годы к теме пересечений гендерных асимметрий и культурных особенностей обратились этнографы, изучавшие системы брачности и семейных отношений, в том числе со следами «матриархата» [Ding 1999], а также искусствоведы, заметившие влияние трансформаций в отношении прав полов даже на театральное искусство (падения популярности ходулей в китайском театре) [Huang 1998], на «потерянность» женских имен в истории китайской живописи [Tao, Li 1999].

Нарождавшееся новое научное направление заставило ученых КНР внимательнее

отнестись к находкам в архивах, к поиску материалов, повествующих именно о жизни женщин дома и вне его [Deng 1999]. Работа социологов в этом направлении поддерживалась финансово и привлекала больше внимания со стороны правительств и международных фондов, в то время как в рамках исследований на исторические темы сложнее было установить прямую связь с решением проблем и вопросов, с которыми сталкиваются женщины [Hershatter, Wang 2008: 153]. Тем не менее такие работы появились. Их главный результат — важный вывод о женской повседневности: женщины низшего класса чаще находились вне дома, чем представительницы высшего класса, что было обусловлено не личными желаниями, но социально-экономической необходимостью, и уже в силу этого первыми вовлекались во внедомашнюю активность. Так была поставлена проблема соотношения «внутреннего» и «внешнего» в жизни семьи, уязвимости женщин в традиционном обществе (в том числе и в плане их подчинения калечащим действиям с их телом — речь о бинтовании ног [Gao 1995: 198]) и их сопротивления заведенному порядку вещей, вопрос о пассивно-подчиненном статусе и формах преодоления его, способах принятия решений в семейных делах.

Начало и середина 1990-х гг. в китайской историографии были временем подготовки первых профильных «специалистов по женской истории», чьи имена позже станут символическими как имена создательниц новой области исторических исследований. Среди таких пионерок, впервые использовавших возможности гендерного подхода в китайском историописании, стоит назвать Ду Фанцин [Du 1998: 47–52; Du 2001: 106–111; Du 2002: 205–210; Du 2003: 111–118]. Она предложила концепцию «гендерной системы Хуася» в качестве инструмента для анализа явления мужского превосходства и патриархата в рамках традиционной китайской культуры.

Одной из наиболее ярких черт гендерной системы Хуася, представленной в «Чжоуских ритуалах», является двойная иерархия — по классовому и по половому признакам. В отношении классовой иерархии мужчины-аристократы разделяются на Сынов Неба (天子), чжухоу (诸侯), дафу (大夫) и ши (士). При этом даже люди од-

ного клана могут быть либо главной, либо младшей линией, а сыновья одного отца могут являться или сыновьями главной жены, или сыновьями второстепенных жен. Что касается иерархии полов в пределах одного класса, то существует также иерархия между мужчинами и женщинами (мужское превосходство и женская неполноценность) и иерархия между женщинами (следует иерархия отца, мужа и сына).

Еще одной особенностью гендерной системы Хуася является изоморфизм семьи и государства, потому что отец и муж на самом деле являются «правителями» семьи. Цели и методы отцов и правителей в управлении семьей и государством не имеют принципиальных различий — поддерживать привилегии сильных и богатых, подавлять слабых и бедных, жертвовать личностью ради блага коллектива. Женщины, находясь в подчиненном положении и являясь потенциальными жертвами, оказываются под контролем мужчин-правителей. Автор доказывает, что подобные скрупулезные исследования важны для понимания негомогенности и существенных отличий гендерных культур в древнем Китае.

В самой значимой обобщающей монографии под редакцией Ду Фанцин, увидевшей свет в 2004 г., — «Женщины и гендер в истории Китая» [Du, Wang 2004] (подготовлена в соавторстве с Ван Чжэн) авторы отказались от линейной модели «свобода — угнетение — освобождение» и простых суждений о положении женщин, характерных для всех предыдущих исследований по женской истории женщин, показав, как многоаспектно понимание женской эмансипации, как влияли на нее различные общественные институты, формирующие социально-половое неравенство. Одновременно с подготовкой и выходом книги в китайской историографии развернулась дискуссия о том, можно ли считать любое исследование, где присутствует женская тема, исследованием по гендерной истории [Gao 2004: 97–107] или к ним можно отнести лишь те, в которых имеется ориентированность на феминистскую теорию в ее западноевропейской трактовке [Du 2004: 5–19].

Любопытно, что в ходе дискуссии обнаружился и такой взгляд на изучение женской темы в истории и антропологии, как представление о подобных исследованиях как об

особой дисциплине, которая зарождается и укореняется на китайской почве путем генерализации концептов и методов смежных дисциплин [Liu 2003: 79–87].

Издание обобщающей монографии по женской истории Китая показало, как именно — начиная с середины 1990-х гг. вместе с проникновением в Китай гендерной теории, — исследовательницы стали осторожно апробировать новые подходы, ранее считавшиеся для историков нерелевантными. Речь прежде всего об устной истории.

Книга «Создание равенства: устная история образования девочек на северо-западе Китая» [Yang 1995] была одной из первых попыток дать самим женщинам право голоса — право рассказать пережитую ими историю в трех провинциях северо-западного Китая (Нинся-Хуэйский автономный район, провинция Цинхай и провинция Ганьсу).

Данное исследование указывает на значимость проблемы образования девочек для распространения начального образования в отдаленных, бедных провинциях Китая в начале 1990-х гг. Нищета, устаревшие представления, предпочтение мальчиков, невежество родителей, большое количество детей в семьях и неблагоприятные условия для обучения — все эти факторы значительно осложняли решение проблемы образования девочек. В связи с этим правительство предприняло немалые усилия, чтобы путем активных действий и постоянного повышения информированности общества расширить возможности получения образования и способствовать социальной справедливости [Yang 1995: 423].

Чжан Сяо, взяв для изучения культуру и образование у народности мяо, показала в своей книге «Исследование устной истории женщин народности мяо в Сицзяне», как культура может оказывать влияние на строй мышления и поведения женщин и как женщины воспроизводили и продолжают воспроизводить традиционность [Zhang 1997].

4. Заключение

Обобщая обзор работ китайских историков первой половины XX в., можно прийти к заключению о том, что возникновение нового направления в китайских науках о прошлом было неизбежно, поскольку было

предопределено сменой познавательных ориентаций. Процесс накопления знаний о социально-историческом вкладе китайок в свою культуру — ранее почти незаметных, «невидимых и неслышимых» действующих лиц китайской истории — должен был неминуемо прийти к признанию особого направления в историографии. Это процесс включил в себя новый теоретический уровень развития исторической науки в Китае вместе с новыми подходами и концептами науки европейской (и прежде всего гендерной концепцией, разделившей биологический пол и его социально-культурные проявления, а также концепцией «соединяющихся сфер», в которой сфера господства женщин и вопросы организации повседневного быта оказались не второстепенными, а столь же важными, как сферы господства мужчин). Он включил в себя также и ее организаци-

онный уровень — новые конференции и форумы, в том числе и особенно значимую Четвертую Всемирную конференцию по положению женщин 1995 г., прошедшую в Пекине, которая стала разделительной чертой в истории складывания нового научного направления. С того времени Федерация женщин Китая стала называть себя общественной организацией, и при ее поддержке были развернуты исследовательские работы в разных городах и университетах, сформировались научные школы, выделились их лидеры. Новое направление объединило тех, кто на основе марксистской методологии с ее упором на особо пристальное изучение социально-экономических проблем обратился к гендерной концепции, которая позволила высветить темы, связанные с социально-половыми различиями, но ранее китайскими историками не изучавшиеся.

Литература

- Chen 1925 — *Chen Guyuan* 陈顾远. Zhongguo guandai hunyinshi 中国古代婚姻史 (= Чэнь Гююань. История брака в древнем Китае). Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1925. 148 p.
- Chen 1937 — *Chen Dongyuan* 陈东原. Zhongguo funü shenghuoshi 中国妇女生活史 (= Чэнь Дунъюань. История жизни женщин в Китае). Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1937. 439 p.
- Den 2014 — *Deng Yan* 邓焱. Shitan “nanwai nünei” yu “nangong nüsi” duiying de yuanyi — jianlun liangqichao he guomoru de xingbie lilun de yingxiang 试探“男/外·女/内”与“男/公·女/私”对应的源起 — 兼论梁启超和郭沫若的性别理论的影响 (= Дэн Янь. Изучение происхождения соответствия «мужчина / внешнее – женщина / внутреннее» и «мужчина / общественное – женщина / частное»: о влиянии гендерных теорий Лян Цичао и Го Можо) // Suzhou keji xueyuan xuebao (shehui kexueban) 苏州科技学院学报 (社会科学版). 2014. No. 1. 96 p.
- Deng 1999 — *Deng Xiaonan* 邓小南. Dunhuang tulufan yanjiu 敦煌吐鲁番研究 (= Дэн Сяонань. Исследование Дуньхуана и Турфана). Beijing 北京: Beijing daxue chubanshe 北京大学出版社, 1999. 637 p.
- Ding 1999 — *Ding Yizhuang* 定宜庄. Manzu de funü shenghuo yu hunyin zhidu yanjiu 满族的妇女生活与婚姻制度研究 (= Дин Ичжуан. Исследование жизни и системы брака маньчжурских женщин). Beijing 北京: Beijing daxue chubanshe 北京大学出版社, 1999. 384 p.
- Dong 1950 — *Dong Jiazun* 董家遵. Zhongguo shoujihu zhishi de yanjiu 中国收继婚之史的研究 (= Дун Цзяцзунь. Исследование истории левирата в Китае). Guangzhou 广州: Lingnan daxue xinan shehui jingji yanjiusuo 岭南大学西南社会经济研究所, 1950. 106 p.
- Du 1988 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Nüxing guannian de yanbian 女性观念的衍变 (= Ду Фанцин. Эволюция женских представлений). Zhengzhou 郑州: Henan renmin chubanshe 河南人民出版社, 1988. 391 p.
- Du 1998 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Huaxiazu xingbie zhidu de xingcheng jiqi tedian 华夏族性别制度的形成及其特点 (= Ду Фанцин. Формирование и особенности гендерной системы народности хуася) // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 1998. No. 3. Pp. 47–52.
- Du 2001 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Funü yanjiu de lishi yujing: fuquanzhi, xiandaixing yu xingbie guanxi 妇女研究的历史语境: 父权制、现代性与性别关系 (= Ду Фанцин. Исторический контекст женских исследований: патриархат, современность и гендерные отношения) // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 2001. No. 1. Pp. 106–111.
- Du 2002 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Dengji zhongde hehe: xizhou lizhi yu xingbie zhidu 等级中的合和: 西周礼制与性别制度 (= Ду Фанцин. Гармония в иерархии: ритуал и гендерные системы в Западном Чжоу) // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 2002. No. 4. Pp. 205–210.

- Du 2003 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Lishi yanjiu de xingbie weidu yu shijiao — jiantan funüshi, shehui xingbieshi yu jingji shehuishi de guanxi 历史研究的性别维度与视角 — 兼谈妇女史、社会性别史与经济-社会史的关系 (= Ду Фанцин. Гендерные измерения и перспективы в исторических исследованиях: взаимосвязь между историей женщин, гендерной историей и экономической и социальной историей) // *Shanxi shida xuebao* (shehui kexueban) 山西师大学报 (社会科学版). 2003. No. 4. Pp. 111–118.
- Du 2004 — *Du Fangqin* 杜芳琴. Funüshi yu shehui xingbie de qishi 妇女史与社会性别的启示 (= Ду Фанцин. Вдохновение женской истории гендера) // *Shixue lilun yanjiu* 史学理论研究 (= Исследования по исторической теории). 2004. No. 3. Pp. 5–19.
- Du, Wang 2004 — *Du Fangqin, Wangzheng* 杜芳琴, 王政. *Zhongguo lishi zhongde funü yu xingbie* 中国历史中的妇女与性别 (= Ду Фанцин, Ван Чжэн. Женщины и гендер в истории Китая). Tianjin 天津: Tianjin renmin chubanshe 天津人民出版社, 2004. 311 p.
- Du 2009 — *Du Fangqin* 杜芳琴. *Zhongguo funü xingbieshi yanjiu liushinian shuping: lilun yu fangfa* 中国妇女/性别史研究六十年述评: 理论与方法 (= Ду Фанцин. Шестидесятилетний обзор китайских женщин / гендерной истории: теория и методы) // *Zhonghua nüzi xueyuan xuebao* 中华女子学院学报. 2009. No. 5. 13 p.
- Gao 1988 — *Gaoshiyu* 高世瑜. *Tangdai funü* 唐代妇女 (= Гao Шиюй. Женщины династии Тан). Xi'an 西安: Sanqin chubanshe 三秦出版社, 1988. 176 p.
- Gao 1995 — *Gao Hongxing* 高洪兴. *Chanzushi* 缠足史 (= Гao Хунсин, История бинтования ног). Shanghai 上海: Shanghai wenyi chubanshe 上海文艺出版社, 1995. 198 p.
- Gao 2004 — *Gao Shiyu* 高世瑜. *Fazhan yu kunhuo — xinshiqi zhongguo dalu de funüshi yanjiu* 发展与困惑 — 新时期中国大陆的妇女史研究 (= Гao Шиюй. Развитие и путаница: исследования женской истории в материковом Китае в новую эпоху) // *Shixue lilun yanjiu* 史学理论研究. 2004. No. 3. Pp. 97–107.
- He, Shi 1996 — *He Xiaoxia, Shi Jinghuan* 何晓霞, 史静寰. *Jiaohui xuexiao yu zhongguo jiaoyu jindaihua* 教会学校与中国教育近代化 (= Хэ Сяося, Ши Цзинхуань. Церковные школы и модернизация китайского образования). Guangzhou 广州: Guangdong jiaoyu chubanshe 广东教育出版社, 1996. 370 p.
- Engendering China 1994 — *Engendering China: Women, Culture, and the State* / Ed. by C. K. Gilmartin, G. Hershatter, L. Rofel, T. White. Harvard: Harvard University Press, 1994. 470 p.
- Hershatter, Wang 2008 — *Hershatter Gail, Wang Zheng* 王政. *Zhongguo lishi: shehui xingbie fenxi de yige youyong fanchou* 中国历史: 社会性别分析的一个有用的范畴 (= Гейл Хершаттер, Ван Чжэн. Китайская история: полезная категория для гендерного анализа) // *Shehui kexue* 社会科学. 2008. No. 12. Pp. 148–153 p.
- Hu 1957 — *Hu Wenkai* 胡文楷. *Lidai funü zhuzuo* 历代妇女著作考 (= Ху Вэнькай. Исследование женских сочинений в прошлых династиях). Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1957. 1115 p.
- Huang 1998 — *Huang Yufu* 黄育馥. *Jingju qiao he zhongguo de xingbie guanxi* (1902–1937) 京剧·跷和中国的性别关系 (1902–1937) (= Хуан Юйфу. Пекинская опера — ходули и гендерные отношения в Китае (1902–1937). Beijing 北京: Shenghuo dushu xinshi sanlian shudian 生活·读书·新知三联书店, 1998. 211 p.
- Li 1996 — *Li Bozhong* 李伯重. *Cong “fufu bingzuo” dao “nangeng nüzhi” — Mingqing jiangnan nongjia funü laodong wenti tanta zhiyi* 从“夫妇并作”到“男耕女织” — 明清江南农家妇女劳动问题探讨之一 (= Ли Бочжун. От «муж и жена работают вместе» к «мужчины пахут, а женщины ткут»: первое обсуждение женского труда в Цзяннан и во время династий Мини Цин) // *Zhongguo jingjishi yanjiu* 中国经济史研究. 1996. No. 3. Pp. 99–107.
- Li 1997 — *Li Bozhong* 李伯重. *“Nangeng nüzhi” yu “funü banbiantian” jueise de xingcheng* — *Mingqing jiangnan nongjia funü laodong wenti tanta zhi'er* “男耕女织”与“妇女半边天”角色的形成 — 明清江南农家妇女劳动问题探讨之二 (= Ли Бочжун. Формирование ролей «мужчины пахут, женщины ткут» и «женщины как половина неба»: второе обсуждение женского труда в Цзяннан и в династии Мини Цин // *Zhongguojingjishiyannjiu* 中国经济史研究. 1997. No. 3. Pp. 10–22.
- Liu 2003 — *Liu Wenming* 刘文明. *“Xin funüshi” zai zhongguo dalu de xingqi* “新妇女史”在中国大陆的兴起 (= Лю Вэньмин. Возникновение «новой женской истории» в материковом Китае) // *Shixue lilun yanjiu* 史学理论研究. 2003. No. 1. Pp. 79–87.
- Lü 1929 — *Lü Simian* 吕思勉. *Zhongguo hunyin zhidu xiaoshi* 中国婚姻制度小史 (= Люй Симянь. Краткая история китайской брачной системы). Shanghai 上海: Zhongshan shuju 中山书局, 1929. 100 p.

- Ma 1956 — *Ma Qi* 马起. Hunyin he jiating zai lishishang de yanbian 婚姻和家庭在历史上的演变 (= Ма Ци. Эволюция брака и семьи в истории) // Dongbei renmin daxue xuebao 东北人民大学学报, 1956. No. 6. Pp. 93–107.
- Tao, Li 1999 — *Tao Yongbai, Li Shi* 陶咏白, 李滢. Shiluo de lishi: zhongguo nüxing huihuashi 失落的历史: 中国女性绘画史 (= Tao Юнбай, Ли Ши. Потерянная история: история китайской женской живописи). Changsha 长沙: Hunan meishu chubanshe 湖南美术出版社, 1999. 262 p.
- Wang 1934 — *Wang Shunu* 王书奴. Zhongguo changjishi 中国娼妓史 (= Ван Шуну. История китайской проституции). Shanghai 上海: Shenghuo shudian 生活书店, 1934. 358 p.
- Yang 1995 — *Yang Liwen* 杨立文. Chuangzao pingdeng: zhongguo xibei nü tong jiaoyu koushushi 创造平等: 中国西北女童教育口述史 (= Ян Ливэнь, Создание равенства: устная история образования девочек на северо-западе Китая). Beijing 北京: Minzu chubanshe 民族出版社, 1995. 423 p.
- Zhang 1997 — *Zhang Xiao* 张晓. Xijiang miaozu funü koushushi yanjiu 西江苗族妇女口述史研究 (= Чжан Сяо. Исследование устной истории женщин народности Мяо в Сицзяне). Guiyang 贵阳: Guizhou renmin chubanshe 贵州人民出版社, 1997. 261 p.
- Zhao 1928 — *Zhao Fengjie* 赵凤喈. Zhongguo funü zai falü shangzhi diwei 中国妇女在法律上之地位 (= Чжао Фэнцзе. Правовой статус женщин в Китае). Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1928. 152 p.
- Zheng 1988 — *Zheng Huisheng* 郑慧生. Shanggu huaxia funü yu hunyin 上古华夏妇女与婚姻 (= Чжэн Хуэйшэн. Женщины и брак в Древнем Китае). Zhengzhou 郑州: Henan renmin chubanshe 河南人民出版社, 1988. 251 p.
- Zhou, Guo 2013 — *Zhou Daming, Guoyongping* 周大鸣, 郭永平. Xingbie quanli yu shenfen jian-gou — yi “dazhai tieguniang” wei kaocha duixiang 性别、权力与身份建构 — 以大寨铁姑娘为考察对象 (= Чжоу Дамин, Го Юнпин. Гендер, власть и построение идентичности — взятие железной девушки Дачжэй в качестве объекта исследования) // Qinghai minzu yanjiu 青海民族研究. 2013. No. 10 p.
- ACWF 1979 — *Zhonghua quanguo funü lianhehui* 中华全国妇女联合会. Zhongguo funü yundong zhongyao wenxian 中国妇女运动重要文献 (= Всекитайская федерация-женщин). Beijing 北京: Renmin chubanshe 人民出版社, 1979. 256 p.
- ACWF 1989 — *Zhonghua quanguo funü lianhehui* 中华全国妇女联合会. Zhongguo funü yundongshi 中国妇女运动史 (= История китайского женского движения). Beijing 北京: Chunqiu chubanshe 春秋出版社, 1989. 615 p.
- WMHRO 1981 — *Zhonghua quanguo funü lianhehui funü yundong lishi yanjiushi* 中华全国妇女联合会妇女运动历史研究. Wusi shiqi funü wenti wenxuan 五四时期妇女问题文选 (= Избранные труды по вопросам женщин в период Четвертого мая). Beijing 北京: Shenghuo dushu xinzhishi sanlian shudian 生活·读书·新知三联书店, 1981. 368 p.
- CWMCI 1988 — *Zhongguo funü guanli ganbu xueyuan* 中国妇女管理干部学院. Zhongguo funü yundong wenxian ziliao huibian 中国妇女运动文献资料汇编 (1949–1983) (= Сборник документов по китайскому женскому движению (1949–1983). Beijing 北京: Zhongguo funü chubanshe 中国妇女出版社, 1988. 1342 p.

Sources

- All-China Women's Federation. Important Documents of Chinese Women's Movement. Beijing 北京: Renmin chubanshe 人民出版社, 1979. 256 p. (In Chin.)
- All-China Women's Federation. History of the Chinese Women's Movement. Beijing 北京: Chunqiu chubanshe 春秋出版社, 1989. 615 p. (In Chin.)
- Chen Guyuan 陈顾远. History of Marriage in Ancient China. Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1925. 148 p. (In Chin.)
- Chen Dongyuan 陈东原. Chinese Women's Life History. Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1937. 439 p. (In Chin.)
- China Women's Management Cadre Institute. A Compilation of Chinese Women's Movement Literature (1949–1983). Beijing 北京: Zhongguo funü chubanshe 中国妇女出版社, 1988. 1342 p. (In Chin.)
- Deng Xiaonan 邓小南. Dunhuang Tulufan Studies. Beijing 北京: Beijing daxue chubanshe 北京大学出版社, 1999. 637 p. (In Chin.)
- Deng Yan 邓焱. Exploring the Origin of the Correspondence between “Male/External – Female/Inner” and “Male/Public – Female/Private”: An Influence of the Gender Theories of Liang Qichao and Guo Moruo // Suzhou keji xueyuan xuebao (shehui kexueban) 苏州科技学院学报 (社会科学版). 2014. No. 1. 96 p. (In Chin.)

- Ding Yizhuang 定宜庄. A Study of Women's Life and Marriage System in Manchu. Beijing 北京: Beijing daxue chubanshe 北京大学出版社, 1999. 384 p. (In Chin.)
- Dong Jiazun 董家遵. A Study of the History of Succession Marriage in China. Guangzhou 广州: Lingnan daxue xin'an shehui jingji yanjiusuo 岭南大学西南社会经济研究所, 1950. 106 p. (In Chin.)
- Du Fangqin 杜芳琴. Evolution of Women's Concept. Zhengzhou 郑州: Henan renmin chubanshe 河南人民出版社, 1988. 391 p. (In Chin.)
- Du Fangqin. The Formation and Characteristics of the Huaxia Gender System // Zhejiang xuekan. 1998. No. 3. Pp. 47–52. (In Chin.)
- Du Fangqin 杜芳琴. The Historical Context of Women's Studies: Patriarchy, Modernity, and Gender Relations // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 2001. No. 1. Pp. 106–111. (In Chin.)
- Du Fangqin 杜芳琴. Harmony in Hierarchy: Western Zhou Rituals and Gender Systems // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 2002. No. 4. Pp. 205–210. (In Chin.)
- Du Fangqin 杜芳琴. Gender Dimensions and Perspectives in Historical Research: The Relationship between Women's History, Gender History and Economic and Social History // Shanxi shida xuebao (shehui kexueban) 山西师大学报 (社会科学版). 2003. No. 4. Pp. 111–118. (In Chin.)
- Du Fangqin 杜芳琴. Women's History and Gender Insights // Shixue lilun yanjiu 史学理论研究. 2004. No. 3. Pp. 5–19. (In Chin.)
- Du Fangqin, Wangzheng 杜芳琴, 王政. Women and Gender in Chinese History. Tianjin 天津: Tianjin renmin chubanshe 天津人民出版社, 2004. 311 p. (In Chin.)
- Du Fangqin 杜芳琴. A Review of Sixty Years of Women's/Gender History Research in China: Theory and Methodology // Zhonghua nüzi xueyuan xuebao 中华女子学院学报. 2009. No. 5. 13 p. (In Chin.)
- Gao Hongxing 高洪兴. History of foot binding. Shanghai 上海: Shanghai wenyi chubanshe 上海文艺出版社, 1995. 198 p. (In Chin.)
- Gao Shiyu 高世瑜. Women of the Tang Dynasty. Xi'an 西安: Sanqin chubanshe 三秦出版社, 1988. 176 p. (In Chin.)
- Gao Shiyu 高世瑜. Development and Confusion: Women's History Research in Mainland China in the New Era // Shixue lilun yanjiu 史学理论研究. 2004. No. 3. Pp. 97–107. (In Chin.)
- He Xiaoxia, Shi Jinghuan 何晓霞, 史静寰. Church-Schools and the Modernization of Chinese Education. Guangzhou 广州: Guangdong jiaoyu chubanshe 广东教育出版社, 1996. 370 p. (In Chin.)
- Hershatter 1994 — Gail Hershatter. Engendering China: Women, Culture, and the State. Ed. by CK. Gilmartin. Harvard: Harvard University Press, 1994. 470 p. (In Eng.)
- HershatterGail, Wang Zheng 王政. Chinese History: A Useful Category for Gender Analysis // Shehui kexue 社会科学. 2008. No. 12. Pp. 148–153 p. (In Chin.)
- Hu Wenkai 胡文楷. Women's Writings Throughout the Ages. Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1957. 1115 p. (In Chin.)
- Huang Yufu 黄育馥. Stilts in Beijing Opera and Gender Relations in China (1902-1937). Beijing 北京: Shenghuo dushu xinzhi sanlian shudian 生活·读书·新知三联书店, 1998. 211 p. (In Chin.)
- Li Bozhong 李伯重. From "Husband and Wife Working Together" to "Men Farming and Women Weaving"—The First Discussion of Women's Labor in Jiangnan in the Ming and Qing Dynasties // Zhongguo jingjishi yanjiu 中国经济史研究. 1996. No. 3. Pp. 99–107. (In Chin.)
- Li Bozhong 李伯重. The Formation of the Role of "Men Farming and Women Weaving" and "Women as Half of the Sky"—The Second Discussion of Women's Labor in Jiangnan in the Ming and Qing Dynasties // Zhongguo jingjishi yanjiu 中国经济史研究. 1997. No. 3. Pp. 10–22. (In Chin.)
- LiuWenming 刘文明. The Rise of "New Women's History" in Mainland China // Shixue lilun yanjiu 史学理论研究. 2003. No. 1. Pp. 79–87. (In Chin.)
- Lü Simian 吕思勉. A Brief History of Marriage System in China. Shanghai 上海: Zhongshan shuju 中山书局, 1929. 100 p. (In Chin.)
- Ma Qi 马起. The evolution of marriage and family in history // Dongbei renmin daxue xuebao 东北人民大学学报, 1956. No. 6. Pp. 93–107. (In Chin.)
- Tao Yongbai, Li shi 陶咏白, 李滢. Lost History: A History of Chinese Women's Painting. Changsha 长沙: Hunan meishu chubanshe 湖南美术出版社, 1999. 262 p. (In Chin.)
- Wang Shunu 王书奴. The History of Chinese Prostitution. Shanghai 上海: Shenghuo shudian 生活书店, 1934. 358 p. (In Chin.)
- Women's Movement History Research Office of the All-China Women's Federation. Selected Works on Women's Issues in the May Fourth Period. Beijing 北京: Shenghuo dushu xinzhi sanlian shudian 生活·读书·新知三联书店, 1981. 368 p. (In Chin.)

- Yang Liwen 杨立文. Creating Equality: An Oral History of Girls' Education in Northwest China. Beijing 北京: Minzu chubanshe 民族出版社, 1995. 423 p. (In Chin.)
- Zhang Xiao 张晓. An Oral History Study of Hmong Women in Xijiang. Guiyang 贵阳: Guizhou renmin chubanshe 贵州人民出版社, 1997. 261 p. (In Chin.)
- Zhao Fengjie 赵凤喈. The Legal Status of Women in China. Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1928. 152 p. (In Chin.)
- Zheng Huisheng 郑慧生. Women and Marriage in Ancient China. Zhengzhou 郑州: Henan renmin chubanshe 河南人民出版社, 1988. 251 p. (In Chin.)
- Zhou Daming, Guoyongping 周大鸣, 郭永平. Gender, Power and Identity Construction – Taking Iron Girl of Dazhai as the Research Object // Qinghai minzu yanjiu 青海民族研究. 2013. No. 10 p. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 2, pp. 417–427, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.51

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-417-427

Уточнение степени близости кыпчакских языков между собой в сравнении с финно-угорскими на основе анализа словарей XVIII в.

Юлия Викторовна Норманская^{1,2}

¹ Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (д. 25, ул. Александра Солженицына, 109004 Москва, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, главный научный сотрудник

 0000-0002-2769-9187. E-mail: julianor@mail.ru

² Институт языкознания РАН (д. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2769-9187. E-mail: [julianor\[at\]mail.ru](mailto:julianor[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Норманская Ю. В., 2023

Аннотация. *Введение.* До настоящего времени у исследователей нет единого мнения по поводу классификации кыпчакских языков. В труде П. С. Палласа собраны словари XVIII в. по татарскому, башкирскому, ногайскому и казахскому языкам. Статья посвящена анализу их графики, который позволяет уточнить наши знания о развитии графико-фонетических изоглосс, которые являются диалектно-классифицирующими. *Материалы и методы.* В настоящей работе мы разберем те 16 изоглосс, которые были выделены А. В. Дыбо на материале современных татарского, башкирского, казахского и ногайского языков, и покажем, как количественно отличалось количество общих изоглосс для этих языков в XVIII в. В настоящее время словари П. С. Палласа загружены на онлайн-платформу «ЛингвоДок», в них добавлены параллели с современными литературными языками, тюркские праформы по EDAL, и они соединены этимологическими связями между собой. *Результаты.* Анализ показал, что в XVIII в. языки были примерно равноудалены друг от друга, некоторая специфическая близость наблюдалась между татарским и башкирским языками, но лишь на одну инновацию большая, чем между казахским и башкирским, при этом отсутствовала специфическая близость между казахским и ногайским. Можно предположить, что в XX в. в результате контактов произошло вторичное сближение казахского языка с ногайским и отдаление их от башкирского и татарского, носители которых в свою очередь еще больше сблизилась между собой. *Выводы.* Таким образом, полученные результаты показывают, что в XVIII в. классификация, видимо, была отличной от общепринятой, разработанной на материале современных языков Н. А. Баскаковым, Н. А. Самойловичем, К. М. Мусаевым и А. В. Савельевым. Одновременно следует отметить, что А. В. Дыбо на основе глоттохронологии и О. А. Мудрак в результате применения мор-

фологической лингвостатистики пришли к выводу о специфической близости казахского и ногайского языков, которая тоже не подтверждается данными графики памятников XVIII в.

Ключевые слова: кыпчакские языки, башкирский, татарский, ногайский, казахский, П. С. Паллас, классификация, изоглоссы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» (№ 20-18-00403).

Для цитирования: Норманская Ю. В. Уточнение степени близости кыпчакских языков между собой в сравнении с финно-угорскими на основе анализа словарей XVIII в. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 417–427. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-417-427

Defining Proximity Levels between Kipchak Languages in Comparison to Finno-Ugric Ones: Analyses of Eighteenth-Century Dictionaries

Julia V. Normanskaja^{1,2}

¹ Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (25, Aleksandr Solzhenitsyn St., 109004 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0002-2769-9187

² Institute of Linguistics of the RAS (1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation) Leading Research Associate

 0000-0002-2769-9187. E-mail: julianor[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Normanskaja J. V., 2023

Abstract. Introduction. Currently, researchers have no consensus on the classification of the Kipchak languages. The dictionaries compiled by P. S. Pallas provide valuable insights into the 18th-century Tatar, Bashkir, Nogai, and Kazakh languages. **Goals.** This article attempts an analysis of the latter's graphic features in order to enhance our understanding of the development of dialect-classifying graphophonic isoglosses. **Materials and methods.** The paper examines the sixteen isoglosses identified by A. V. Dybo based on materials from modern Tatar, Bashkir, Kazakh and Nogai, and shows how numbers of common isoglosses for these languages differed in the 18th century. The dictionaries of P. S. Pallas have been uploaded to the online LingvoDoc platform, all words in these dictionaries now have parallels with modern literary languages, and with Turkic proto-forms according to EDAL. The dictionaries are also linked together by etymological connections. **Results.** The analysis shows that in the 18th century the languages were approximately equidistant from each other, some specific closeness observed just between Tatar and Bashkir, though Bashkir-Kazakh parallels differ by one innovation only, and no specific proximity between Kazakh and Nogai observed. It can be assumed that 20th-century communication resulted in a secondary convergence of Kazakh with Nogai and their common distancing from Tatar and Bashkir, the latter's speakers in turn having become closer to each other. It is interesting to note that in 18th-century Bashkir and Nogai other archaic reflexes were represented, in particular, *s (Bashkir), *č (Nogai, Bashkir), *ž (š Nogai), these changes have occurred later. **Conclusions.** Thus, the analysis of the vocabularies created in the 18th century casts doubt on the traditional classification of N. Baskakov, A. Samoylovich, K. Musaev, and A. Savelyev based on the modern languages. At the same time, it should be noted that A. Dybo and O. Mudrak turned to glottochronology and applied morphological linguostatistics to have concluded together as to the specific proximity of Kazakh and Nogai, which is also not confirmed by the data of the graphics of the 18th-century texts.

Keywords: Kipchak languages, Bashkir, Tatar, Nogai, Kazakh, P. S. Pallas, languages, classification, isoglosses

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 20-18-00403 'Digital Description of Uralic Dialects Based on Big Data Analysis'.

For citation: Normanskaja J. V. Defining Proximity Levels between Kipchak Languages in Comparison to Finno-Ugric Ones: Analyses of Eighteenth-Century Dictionaries *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 417–427. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-417-427

0. Введение

Кыпчакские языки — одна из самых крупных групп тюркских языков. Они распространены по всей России от Балтики и Причерноморья до Кавказа и Урала вплоть до Сибири, а также в Казахстане, Киргизии. Численность говорящих на кыпчакских языках превышает двадцать миллионов человек.

По [СИГТЯ 2002: 4] кыпчакские языки включают в себя: язык алабугатских татар-ногайцев, язык астраханских ногайцев-карагашей, язык юртовских татар, ногайский язык, татарский язык, язык барабинских татар, башкирский язык, караимский язык, казахский язык, каракалпакский язык, киргизский язык, алтайский язык, крымскотатарский язык, крымчакский язык, кумыкский язык.

Как будет показано ниже, до настоящего времени у исследователей нет единого мнения по поводу классификации кыпчакских языков. В работе [Паллас 1787–1789] собраны словари XVIII в. по татарским, башкирскому, ногайскому и казахскому языкам. Статья посвящена анализу их графики, который позволяет уточнить наши знания о развитии графико-фонетических изоглосс, которые являются диалектно-классифицирующими.

1. Анализ существующих классификаций современных кыпчакских языков

Ниже при анализе существующих классификаций мы специально будем останавливаться именно на близости татарских, башкирского, ногайского и казахского языков, потому что именно по ним доступные нам словари XVIII в. позволяют нам получить новые сведения.

Одна из наиболее ранних и известных классификаций тюркских языков предложена Н. А. Баскаковым, см. подробнее [СИГТЯ 2006: 767], ниже на рис. 1 приведена схема классификации кыпчакских языков.

Рис. 1. Классификация кыпчакских языков по Н. А. Баскакову [СИГТЯ 2006: 767]

[Fig. 1. Classification of Kipchak languages according to N. Baskakov]

Видно, что в этой классификации татарский и башкирский языки относятся к одной группе «кыпчакско-булгарские», а ногайский и казахский — к другой — «кыпчакско-ногайские».

Классификация А. Н. Самойловича в этом вопросе принципиально не отличается от схемы А. Н. Баскакова. Фрагмент его классификации кыпчакских языков можно видеть на схеме ниже (рис. 2).

Северо-западная группа (кыпчакская)		
домонгольско-кыпчакская	волжско-кыпчакские	ногайские (канглыйские)
Караимский, кумыкский, балкарский	Татарский, башкирский	Ногайский, казахский, каракалпакский, (киргизский)
Рис. 2. Классификация кыпчакских языков по Н. А. Самойловичу [СИГТЯ 2006: 768] [Fig. 2. Classification of Kipchak languages according to A. Samoylovich]		

К. М. Мусаев предлагает следующую последовательность распада пракипчакского языка-основы: «раньше всех отделился севернокыпчакский язык (болгарский), от которого происходят башкирский и татарский языки, затем — восточнокыпчакский (кыргызский), от которого пошли киргизский и алтайский, более длительные контакты сохранились между центральными (кимакскими), к которым восходят казахский, каракалпакский, являющийся ближайшим к казахскому языку, ногайский, язык астраханских ногайцев и др., и западными (куманские, половецкие): карачаево-балкарский (карачаевский и балкар-

ский разделились поздно), крымскотатарский (соединение огузского типа с кыпчакским — ногайским — типом произошло значительно позже), кумыкский» [СИГТЯ 2002: 217].

Таким образом, он тоже придерживается гипотезы об особой близости татарского и башкирского языков в отличие от ногайского и казахского.

Принципиально иные результаты получил О. А. Мудрак, выстраивая классификацию кыпчакских языков с точки зрения морфологической лингвостатистики, см. подробнее [СИГТЯ 2002: 713–737] и рис. 3 ниже.

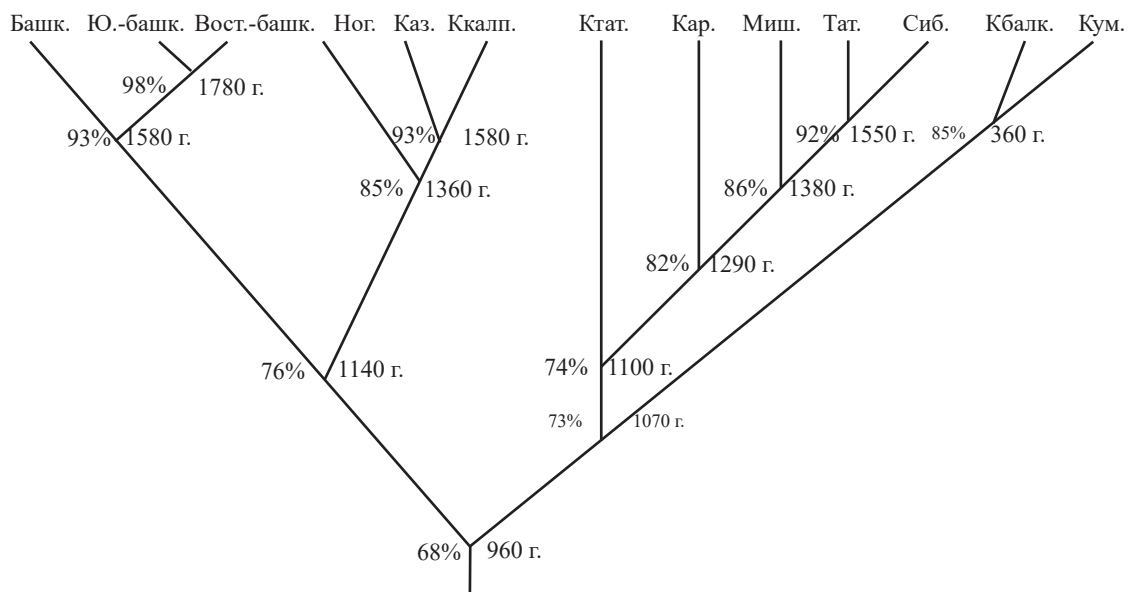

Рис. 3. Классификация кыпчакских языков по О. А. Мудраку [СИГТЯ 2002: 732]

[Fig. 3. Classification of Kipchak languages according to O. Mudrak]

О. А. Мудрак высказывает гипотезу о том, что татарские языки образуют подгруппу с карачаево-балкарским и кумыкским, а башкирский — с ногайским, казахским и каракалпакским.

В следующем томе [СИГТЯ 2006: 771] А. В. Дыбо на основе глоттохронологического анализа стословных списков тюркских языков получает следующую классификацию кыпчакских языков, см. рис. 4.

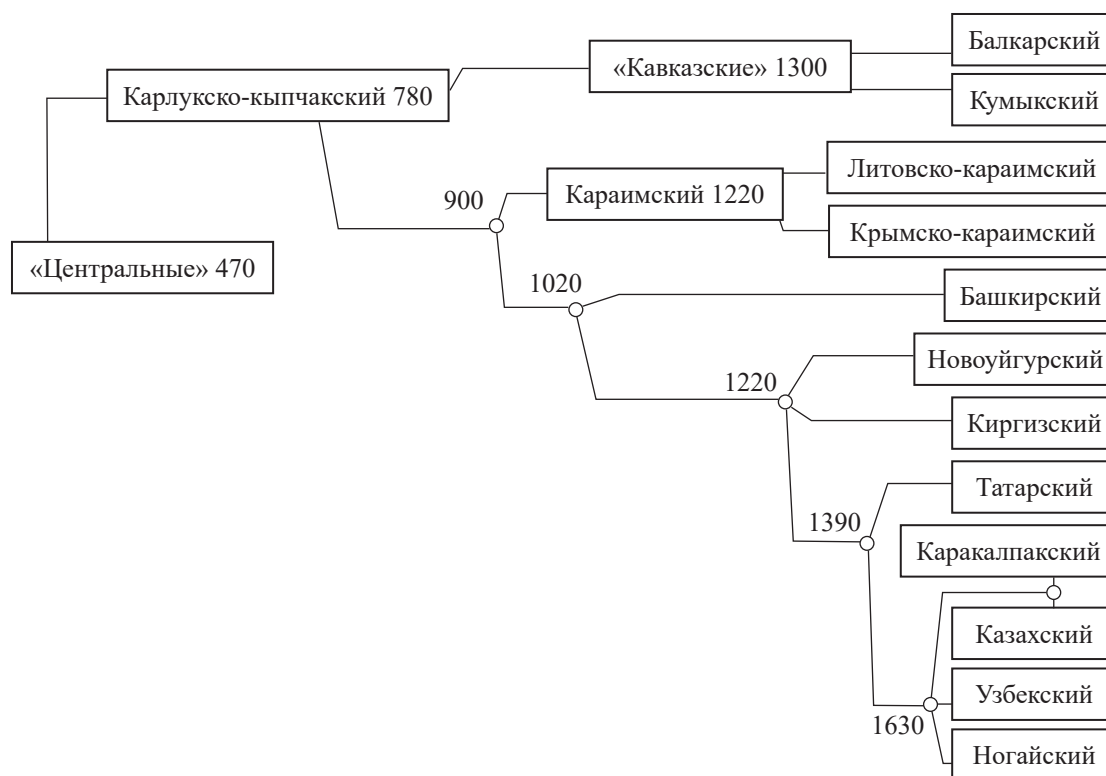

Рис. 4. Классификация кыпчакских языков по А. В. Дыбо [СИГТЯ 2006: 771]

[Fig. 4. Classification of Kipchak languages according to A. Dybo]

Эта классификация принципиально отличается как от гипотезы О. А. Мудрака, так и от более традиционных классификаций Н. А. Баскакова, Н. А. Самойловича и К. М. Мусаева, в частности, тем, что А. В. Дыбо постулирует большую близость казахского, ногайского и татарского в отличие от башкирского, который, по ее мнению, значительно отличается от этих языков и ни с одним из них не имеет специфической близости.

В недавно опубликованной главе «Байесовский подход к классификации тюркских языков» [Oxford Guide 2020] А. В. Савельев применил метод генетического анализа к 195 словам из 200-словного списка базисной лексики Лейпциг-Джакарта. Ниже на рисунке 5 приводится фрагмент кыпчакской части классификационной схемы.

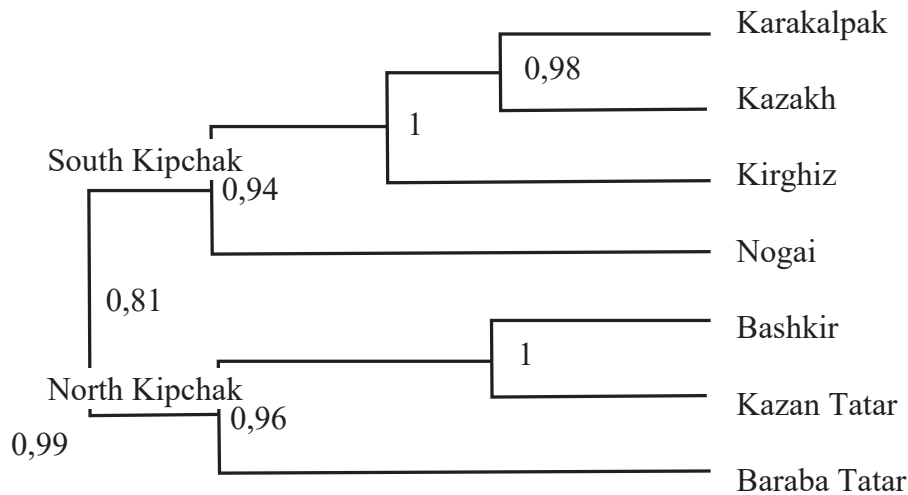

Рис. 5. Классификация кыпчакских языков по А. В. Савельеву [Oxford Guide 2020]

[Fig. 5. Classification of Kipchak languages according to A. Savelyev]

Из схемы видно, что по результатам А. В. Савельева башкирский и татарский языки образуют единую северную кыпчакскую группу в отличие от южных кыпчакских языков, состоящих из ногайского, киргизского, казахского, каракалпакского. Другими словами, с точки зрения соотношения татарского, башкирского, ногайского и казахского языков, А. В. Савельев ближе к традиционной классификации.

Если обратиться к фрагменту таблицы фонетических соответствий для рассматриваемых в настоящей статье кыпчакских языков, созданной А. В. Дыбо на материале всех тюркских языков в [СИГТЯ 2006: 13–16, 156–157], то можно увидеть следующие фонетические изоглоссы, различающие казахский, ногайский, башкирский и татарский языки (см. табл. 1).

Таблица 1. Фонетические различия между татарским, башкирским, ногайским и казахским языками (по А. В. Дыбо) [СИГТЯ 2006: 13–16, 156–157]

[Table 1. Phonetic differences between Tatar, Bashkir, Nogai and Kazakh according to A. Dybo]

Пратюркский	Казахский	Ногайский	Татарский	Башкирский
1. *b-	b-		b- (сиб. тат. p-)	b-
2. *-b-	b/wj/0		wj/0	
3. *d-	t-(d-)		t-	
4. *s-	s-			h-
5. *-s-	-s-			-g-
6. *č	š-		č-	s-
7. *j-	ž-	j-	j-, ž-	j-
8. *l̥	s		š	
9. *K-	k-, q-	k-		k-, q-
10. *ŋ	ŋ, -j-, n		ŋ, -j-, n, -g-	
11. *i, *ī	i		e	
12. *e, *ē, *ē, *ē̄	e		i	
13. *u, *ū	u		o	
14. *o, *ō	o		u	
15. *ü, *ū̄	ü		ö	
16. *ö, *ō̄	ö		ü	

Количественный анализ общих изоглосс представлен ниже в таблице 2.

Таблица 2. Количество общих изоглосс между языками по таблице соответствий А. В. Дыбо
[Table 2. Numbers of common isoglosses between languages in A. Dybo's correspondence table]

	Казахский	Ногайский	Татарский	Башкирский
Казахский		14	2	3
Ногайский	14		3	1
Татарский	2	3		10
Башкирский	3	1	10	

Можно видеть, что наибольшая близость наблюдается между казахским и ногайским языками (14 изоглосс), несколько меньшая между татарским и башкирским (10 изоглосс). При этом у татарского и башкирского 7 общих инноваций и 3 архаизма, а между казахским и ногайским всего 5 общих инноваций и 9 архаизмов. Учитывая, что классификация строится на общих инновациях, можно считать, что близость между татарским и башкирским — большая, между казахским и ногайским несколько меньшая, но тоже значимая. Это соответствует традиционным классификациям Н. А. Баскакова, Н. А. Самойловича и К. М. Мусаева. Специфической близости с татарским и казахским или ногайским, в отличие от башкирского, как полагает А. В. Дыбо по результатам лексикостатистики, или между башкирским, казахским и ногайским, как указывает О. А. Мудрак по морфологической лингвостатистике, при анализе фонетических изоглосс современных литературных языков не выявлено. Безусловно, этот подсчет является достаточно условным, поскольку он проводится только по литературным языкам. Сравнение западно-казахских диалектов и астраханского ногайского, в которых частично присутствует перелом гласных и в ХХI в. по нашим полевым материалам, которые доступны на онлайн-платформе «ЛингвоДок» (lingvodoc.ispras.ru), дало бы несколько больший процент общих инноваций между казахским, ногайским, татарским и башкирским, чем при сравнении литературных языков, но, ограничиваясь рамками статьи, проверим, есть ли изменения, которые касаются всех диалектов и произошедшие за последние 200 лет, т. е. существенно повлиявшие на классифика-

цию по графико-фонетическим изоглоссам. Для ответа на этот вопрос в следующей части статьи обратимся к разбору отражения пратюркских звуков из табл. 1 в словниках П. С. Палласа.

2. Анализ графико-фонетических различий в кыпчакских словарях П. С. Палласа

Полный анализ кыпчакских словарей, изданных П. С. Палласом, — это отдельная исследовательская задача, которую планируется решить в серии дальнейших статей. В настоящей работе мы разберем те 16 изоглосс, которые были выделены А. В. Дыбо на материале современных татарского, башкирского, казахского и ногайского языков, и покажем, как количественно отличалось число общих изоглосс для этих языков в XVIII в.

В настоящее время словари П. С. Палласа загружены на онлайн-платформу «ЛингвоДок», в них добавлены параллели с современными литературными языками, тюркские праформы по [EDAL 2003], и они соединены этимологическими связями между собой.

Башкирский язык: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4292/1/perspective/4292/2/view>,

Казахский язык: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4295/1/perspective/4295/2/view>,

Ногайский язык: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/6049/18939/perspective/6049/18940/view>,

Татарский язык:
казанский: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/6049/7381/perspective/6049/7382/view>.

Ниже приводится список 16 изоглосс и по одному иллюстративному примеру на

каждый тип рефлексии. Для татарского языка в случае, если рефлексия совпадает во всех словарях, то для экономии места приводится пример только из казанского словаря, в тех случаях, когда она отличается, то приводятся соответствующие примеры:

1. *b-: казах. *б/м*, ног. *б/в/м*, тат. *б/м*, башк. *б/м* (XVIII в.):
 ср.: *b-: казах. *б*, ног. *б*, каз. тат. *б*, енис., бараб., чац. тат. *п*, башк. *б* (XX в.):
 – казах. *Басъ*, ног. *Баиъ*, тат. *Баиъ*, башк. *Баиъ* ‘голова’ < ПТю **baĩ*;
 – казах. *Бардуръ*, ног. *Баръ* / *Варъ*, тат. *Баръ*, бараб. *Паръ*, башк. *Бардуръ* ‘есть, бывает’ < ПТю **bār*;
 – казах. *Бутакъ*, ног. *Будакъ*, тат. *Бутакъ*, енис., чац. тат. *Путакъ*, башк. *Бутакъ* ‘сук’ < ПТю **būta*;
 – казах. *Мынг*, ног. *Минь*, тат. *Минь* ‘тысяча’ < ПТю **biŋ*.
2. *b-: казах. *θ*, ног. *в*, тат. *в/й/θ*, башк. *в/й/θ* (XVIII в.):
 ср.: *b-: казах. ног. *б/в/й/θ*, тат., башк. *в/й/θ* (XX в.):
 – казах. *Даулъ*, тат. *Давылъ*, башк. *Даулъ* ‘буря’ < ПТю **dabul*;
 ног. *Ивъ*, тат. *Уй* ‘дом’ < ПТю **eb*;
 – казах. *Съерга*, ног. *Севингенъ*, тат. *Сю-гянъ*, *Сюмякликъ*, *Саюклюкъ*, башк. *Суярга* ‘любить’ < ПТю **seb*;
 – казах. *Яузлыкъ*, тат. *Яузлыкъ*, башк. *Явузлыкъ* ‘зло’ < ПТю **jAb*.
3. *d-: казах. *т/д*, ног. *т/д*, тат. *т/д*, башк. *т/д* (XVIII в.):
 ср.: *d-: казах., ног. *т/д*, тат., башк. *т* (XX в.):
 – казах. *Тезъ*, ног. *Дизъ*, тат. *Тизъ*, башк. *Тизъ* ‘колени’ < ПТю **dīr* (**dūr*);
 – казах. *Тырнакларъ*, ног. *Тірнакларъ*, тат. *Тарнакларъ*, башк. *Тарнакларъ* ‘ногти’ < ПТю **dīrŋa-k*;
 – казах. *Донгусъ*, ног. *Донгусъ*, тат. *Тонгусъ*, башк. *Тонгусъ* ‘свинья’ < ПТю **doŋu*;
 – казах. *Тюртъ*, ног. *Дортъ*, тат. *Дюртъ*, башк. *Дэртъ* ‘четыре’ < ПТю **dōrt*.
4. *s-: казах. *с*, ног. *с*, тат. *с*, башк. *с* (XVIII в.):
 ср.: казах. *с*, ног. *с*, тат. *с*, башк. *h* (XX в.):
 – казах. *Су*, ног. *Су*, тат. *Су*, башк. *Су/Со* ‘вода’ < ПТю **sib*.
5. *s-: казах. *с*, ног. *с*, тат. *с*, башк. *с* (XVIII в.):
 ср.: казах. *с*, ног. *с*, тат. *с*, башк. *ʒ* (XX в.):
 – казах. *Кесерге*, ног. *Кесмекъ*, тат. *Кисярға*,

башк. *Кисярге* ‘резать’ < ПТю **kes*.

6. *ç: казах. *ч*, ног. *ч*, тат. *ч*, башк. *ч/с* (XVIII в.):
 ср. казах., ног. *ç*-, тат. *ч*, башк. *с* (XX в.)
 – казах. *Чибиень*, ног. *Чибиень*, тат. *Кара-Чибиень*, башк. *Чибиень* / *Сибиень* ‘муха’ < ПТю **çīrīn*;
 – казах. *Ичерге*, ног. *Ичмекъ*, тат. *Ичярға* / *Эчярға*, башк. *Исмякыкъ* ‘пить’ < ПТю **iç*;
 – казах. *Чике*, ног. *Чи*, тат. *Чи*, башк. *Чи* ‘сыро’ < ПТю **çij*.
7. *j-: казах. *дж-й-д-*, ног. *θ/й-чж-дж-*, тат. *й-й-дж-з-*, башк. *й-ддж-с-з-* (XVIII в.):
 ср.: казах. *ж-*, ног. *й-*, тат. *й-ддж-*, башк. *й-* (XX в.)
 – казах. *Джилджызыъ*, ног. *Ильдизъ*, тат. *Иулдусъ*, башк. *Юлдузъ* ‘звезда’ < ПТю **jul-diŋ* (**-dīr*)
 – казах. *Яузлыкъ*, тат. *Яулзыкъ*, башк. *Явузлыкъ* ‘зло’ < ПТю **jAb*;
 – казах. *Джумуртка*, ног. *Чжомуртка*, тат. *Юмурка*, башк. *Семуртка* ‘яйцо’ < ПТю **jumurtka*;
 – ног. *Джюсъ*, тат. *Джюсъ* ‘сто’ < ПТю **jīŋ*;
 – ног. *Ель*, тат. *Гиль*, *Ейль*, башк. *Ель*, *Джилъ* ‘ветер’ < ПТю **jel*;
 – казах. *Дала*, ног. *Яйла*, тат. *Яланъ*, башк. *Джаланъ* ‘поле’ < ПТю **jalay*;
 – казах. *Джурек*, ног. *Юрекъ*, *Чжесгеръ*, тат. *Юрякъ*, башк. *Джюрякъ*, *Юряк*, *Зюрякъ* ‘сердце’ < ПТю **jürek*.
8. *ġ: казах. *с/ш*, ног. *ш*, тат. *ш*, башк. *ш* (XVIII в.):
 ср.: казах., ног. *с-*, тат. , башк. *š-* (XX в.)
 – казах. *Ясъ*, ног. *Яишъ*, тат. *Яишъ*, башк. *Яишъ* ‘молод’ < ПТю **jaĩ*;
 – казах. *Джяишъ* ‘зелень’, *Ясельнерсе* ‘зелено’, ног. *Бишъ* ‘зелено’, тат. *Яишъ* ‘зелено’, башк. *Яишъ* ‘зелено’ < ПТю **jaĩ*.
9. *K-: казах. *к-*, ног. *к-*, тат. *к-*, башк. *к-* (XVIII в.):
 ср.: казах. *к-*, *қ-*, ног. *к-*, тат. *к-*, башк. *к-*, *қ-* (XX в.):
 – казах. *Казъ*, ног. *Касъ*, тат. *Казъ*, башк. *Касъ* ‘гусь’ < ПТю **Kāŋ*;
10. *ŋ: казах. *нз/н/θ*, ног. *нз/н/θ*, тат. *н/нз/θ/в*, башк. *н/нз/й/м* (XVIII в.):
 ср. казах., ног. *нз/н/й*, тат. , башк. *н/нз/й/з* (XX в.):
 – казах. *Дала*, ног. *Яйла*, тат. *Яланъ*, башк. *Джаланъ* ‘поле’ < ПТю **jalay*;
 – казах. *Донгусъ*, ног. *Донгусъ*, тат. *Тонгусъ*,

- башк. *Тонгусь* ‘свинья’ < ПТю **doŋuʃ*;
– казах. *Сенель*, тат. *Сыныль*, башк. *Сен-
ламь* ‘сестра’ < ПТю **siŋil*;
– казах. *Сюекъ*, ног. *Сююкъ*, тат. *Суякъ* /
Сювякъ, башк. *Суякъ* ‘кость’ < ПТю **siŋöŋ*;
– ног. *Калинь*, тат. *Калынь*, башк. *Калымь*
‘толст’ < ПТю **Kaliŋ*.
11. **i*, **i̇*: казах. *i/e*, ног. *i*, тат. *i/e/ы*, башк. *i/e*
(XVIII в.):
ср.: казах., ног. *i*, тат., башк. *e* (XX в.):
– казах. *Ичерге*, ног. *Ичмекъ*, тат. *Ичяргá* /
Эчаргá, башк. *Исмяклыкъ* ‘пить’ < ПТю **ič*;
– ног. *Дири*, тат. *Терикъ/Тыри*, башк. *Ти-
рикъ/Тере* ‘живой’ < ПТю **dīri-*;
– казах. *Эмень*, тат. *Имянь*, башк. *Именьага-
чи* ‘живой’ < ПТю **imen*.
12. **e*, **ē*, **ė*, **ė̇*: казах. *e/i*, ног. *e/i*, тат. *i/e/ü*,
башк. *i/e/ü* (XVIII в.):
ср.: казах., ног. *e*, тат., башк. *i* (XX в.):
– казах. *Итъ*, ног. *Этъ*, тат. *Итъ*, башк.
Итъ ‘мясо’ < ПТю **et*;
– ног. *Ель*, тат. *Гиль*, *Еиль*, башк. *Ель*, *Джилъ*
‘ветер’ < ПТю **jel*;
– казах. *Тэке*, тат. *Тякя*, башк. *Тякя* ‘баран’ <
ПТю **teke*.
13. **u*, **ū*: казах. *u/o*, ног. *u*, тат. *u/o*, башк. *u/o*
(XVIII в.):
ср.: казах., ног. *u*, тат., башк. *o* (XX в.):
– казах. *Кушь*, ног. *Кушь*, тат. *Кушь*, башк.
Кушь ‘птица’ < ПТю **Kuī*;
– казах. *Колакъ*, ног. *Кулакъ*, тат. *Колакъ*,
башк. *Кулакъ* ‘ухо’ < ПТю **Kul-kak*;
– казах. *Торъ*, тат. *Туръ*, башк. *Торъ* ‘стой’ <
ПТю **dur-*.
14. **o*, **ō*: казах. *u/o*, ног. *u/o*, тат. *u/o*, башк. *u/o*
(XVIII в.):
ср. казах., ног. *o*, тат., башк. *u* (XX в.)
– казах. *Урмань*, ног. *Ормань*, тат. *Урмань*,
башк. *Урмань* ‘лес’ < ПТю **orman*;
– казах. *Онъ*, ног. *Онъ*, тат. *Онъ*, башк. *Онъ*
‘десять’ < ПТю **ōn*;
– казах. *Утъ*, ног. *Утъ*, тат. *Утъ/Отъ*, башк.
Утъ ‘огонь’ < ПТю **ōt*;
– казах. *Толкынь*, тат. *Тулкынь/Толкунлеръ*,
башк. *Тулкынь* ‘волна’ < ПТю **tolku*.
15. **ü*, **ī*: казах. *ю*, ног. *у/ю/e*, тат. *у/ю*, башк.
ю/o (XVIII в.):
ср.: казах., ног. *ю*, тат., башк. *ө* (XX в.):
– ног. *Узюмъ*, башк. *Джюзумьемеши* ‘вино-
град’ < ПТю **jūrūt*;
– ног. *Джюсъ*, тат. *Джюсъ* ‘сто’ < ПТю
**jūr*;
– казах. *Тюнь*, тат. *Тюнь*, *Тунъ*, башк. *Тюнь*
‘ночь’ < ПТю **tün*;
– казах. *Джюкъ*, тат. *Юкъ*, башк. *Джюкъ*
‘воз’ < ПТю **jū*;
– казах. *Джурек*, ног. *Юрекъ*, *Чжесегеръ*,
тат. *Юрякъ*, башк. *Джюрякъ*, *Юряк*, *Зюрякъ*
‘сердце’ < ПТю **jürek*.
16. **ö*, **ō̇*: казах. *ю/o/у*, ног. *у/ю/o*, тат. *ю/у*, башк.
ю/э (XVIII в.):
ср.: казах., ног. *ө*, тат., башк. *ю* (XX в.)
– ног. *Кюкъ* ‘корень’ < ПТю **kōk*
– казах. *Кюбяляръ*, ног. *Кубе*, тат. *Кюбя*,
башк. *Кюбяляръ* ‘латы’ < ПТю **kōre*;
– казах. *Тюкмекъ*, ног. *Токмекъ*, тат. *Тугяргá*
, башк. *Тюярга* ‘лить’ < ПТю **dōk-*;
– казах. *Тюртъ*, ног. *Дортъ*, тат. *Дюртъ*,
башк. *Дэртъ* ‘четыре’ < ПТю **dōrt*;
– казах. *Согушь*, ног. *Сокушь*, башк. *Сугушь*
‘драка’ < ПТю **sōk-*;
– казах. *Кунъ*, ног. *Гюнь*, башк. *Кунтирй* ‘ко-
жа’ < ПТю **gōn*.

Суммарный подсчет одинаковых реф-
лексов по 16 изоглоссам в кыпчакских сло-
варях XVIII в. дает следующие результаты,
представленные в табл. 3.

Таблица 3. Количество совпадающих рефлексаций
по 16 изоглоссам между словарями XVIII в.

[Table 3. Numbers of matching reflexes on 16 isoglosses between the 18th-century dictionaries]

	Казахский	Ногайский	Татарский	Башкирский
Казахский		9 (3–5, 6, 9, 10, 12, 14, 16)	8 (1, 3–5, 6, 9, 13, 14)	8 (1, 3–5, 9, 11, 13, 14)
Ногайский	9 (3–5, 6, 9, 10, 12, 14, 16)		7 (3–6, 8–9, 14)	7 (3–5, 8, 9, 14)
Татарский	8 (1, 3–5, 6, 9, 13, 14)	7 (3–6, 8–9, 14)		10 (1–5, 8–9, 12–14)
Башкирский	8 (1, 3–5, 9, 11, 13, 14)	7 (3–5, 8, 9, 14)	10 (1–5, 8–9, 12–14)	

Если оценить количество не просто общих рефлексов в рассмотренных словниках XVIII в., а совместных инноваций, которые могли затронуть звук, хотя бы в части лек-

сем, и являются наиболее важными признаками для построения классификации, то будут получены следующие результаты (см. табл. 4).

Таблица 4. Количество общих инноваций по 16 изоглоссам между словарями XVIII в.
[Table 4. Numbers of common innovations in 16 isoglosses between the 18th-century dictionaries]

	Казахский	Ногайский	Татарский	Башкирский
Казахский		4 _(3, 10, 12, 16)	4 _(1, 3, 13, 14)	5 _(1, 3, 11, 13, 14)
Ногайский	4 _(3, 10, 12, 16)		2 _(3, 14)	3 _(3, 6, 14)
Татарский	4 _(1, 3, 13, 14)	2 _(3, 14)		6 _(1-3, 12-14)
Башкирский	5 _(1, 3, 11, 13, 14)	3 _(3, 6, 14)	6 _(1-3, 12-14)	

О чем свидетельствует такая существенная разница в общей рефлексии дифференцирующих признаков в XX в. (табл. 2) и XVIII в. (табл. 3, 4)? Если брать эти цифры как данность можно предположить, что в XVIII в. языки были примерно равноудалены друг от друга, некоторая специфическая близость наблюдалась между татарским и башкирским языками, но лишь на одну инновацию большая, чем между казахским и башкирским, при этом отсутствовала специфическая близость между казахским и ногайским. Можно предположить, что в XX в. в результате контактов произошло вторичное сближение казахского языка с ногайским и отдаление их от башкирского и татарского, носители которых в свою очередь еще больше сблизились между собой. При этом мы видим, что существенное отличие в цифрах складывается, во многом, за счет того, что перелом гласных в XVIII в. еще не полностью прошел в тот период в татарском и башкирском, и одновременно частично затронул те диалекты казахского и ногайского, словари которых были изданы в [Паллас 1787–1789], хотя в двух последних современных литературных языках эта инновация отсутствует.

Интересно, отметить, что в башкирском и ногайском языках также в XVIII в. представлен и ряд других архаичных рефлексов, в частности, **ɣ* (башкирский), **ʃ* (ногайский, башкирский), **ʒ* (ʒ ногайский), изменение которых, видимо, произошло позже и дало более высокие цифры, например, 14 современных изоглосс между казахским и но-

гайским. Вероятно, это было обусловлено языковыми контактами в XIX–XX вв., а не изначальной генетической классификацией.

3. Заключение

Полученные результаты показывают, что в XVIII в. классификация, видимо, была отличной от общепринятой, разработанной на материале современных языков Н. А. Баскаковым, Н. А. Самойловичем, К. М. Мусаевым и А. В. Савельевым. Одновременно, следует отметить, что А. В. Дыбо на основе глоттохронологии и О. А. Мудрак в результате применения морфологической лингвостатистики пришли к выводу о специфической близости казахского и ногайского языков, которая тоже не подтверждается данными графики памятников XVIII в. Но обращает на себя некоторая особая близость в XVIII в. между башкирским и казахским языками, которая была отмечена и О. А. Мудраком на основании анализа морфологии, обычно сохраняющей более древнее состояние языка.

Для сравнения отметим, что количество инновационных различий между контактными финно-пермскими языками по словарям Г. Ф. Миллера и П. С. Палласа в тот период сравнимо с кыпчакскими. Например, в результате анализа словарей, размещенных на lingvodoc.ispras.ru с помощью авторской программы «Анализ когнатов» было установлено, что между пермскими языками: коми и удмуртским в XVIII в. было пять различий, касающихся гласных: 1) коми *o* vs. удмуртский *u*, 2) коми *ø* vs.

удмуртский *e*, 3) коми *u* vs. удмуртский *i*, 4) коми *e* vs. удмуртский *o*, 5) коми *ø* vs. удмуртский *o*, 6) коми *ø* vs. удмуртский *o*, среди согласных последовательных инновационных изменений в тот период между пермскими языками не выявлено. Многочисленные инновации в финно-пермских языках, также как и в кыпчакских возникли уже в XIX в. Но, например, в хантыйском языке в диалектах по словарям, собранным П. С. Палласом, Г. Ф. Миллером и А. М. Шёгреном и доступным на ЛингвоДоке, количество инновационных изменений в XVIII в. было большим: для тобольского диалекта были характерны восемь следующих инноваций: ПХант. $*a > o$, $*\omega > u$, $*l > t/l$, $*\acute{c} > t'$, $*w > 0|_u$ и ряд процессов,

которые начались, но ещё не завершились: $*\acute{c} > \acute{s}$, $*\lambda > tl$, $*kV > x$. Для прииртышского и салымского диалектов были характерны три из этих инноваций: $*kV > xl$, $*a > o$, $*\omega > u$, в иртышском также начался переход $*\acute{c} > \acute{s}$. В березовском диалекте произошли также три инновации $kV > x$, $*\acute{c} > \acute{s}$, $*\acute{c} > \acute{s}$, а также начался переход $*a > o$. Так, анализ памятников XVIII в. показывает, что классификация языков в тот период была иной, некоторые идиомы, которые в настоящее время считаются разными языками, в тот период имели незначительные различия между собой, и, наоборот, хантыйские диалекты уже в тот период имели многочисленные различия, которые могут быть характерны лишь для разных языков.

Сокращения

бараб. — барабинский
башк. — башкирский
енис. — енисейский
казах. — казахский

ног. — ногойский
ПТю — пратюркский
тат. — татарский
чац. — чатский

Литература

Паллас 1787–1789 — Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Шнора, 1787. [18], 411, [1] с. Ч. 2. СПб.: Тип. Шнора, 1789. [8], 1-440, 445-491 [=487] с.
СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая

грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / ред.: Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
Oxford Guide 2020 — Robbeets M., Savelyev A. The Oxford Guide to the Transeurasian Languages. Oxford: Oxford University Press, 2020. 893 p.
EDAL 2003 — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 2106 p. (In Eng.)

References

Pallas P. S. Comparative dictionaries of all languages. Part. 1, 2, St. Petersburg, 1787–1789. (In Russ.)
Comparative historical grammar of the Turkic languages. Regional reconstructions. M., 2002. (In Russ.)
Comparative historical grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language. The picture

of the world of the Proto-Turkic ethnos according to the data of the language. M., 2006. (In Russ.)
Robbeets M., Savelyev A. The Oxford Guide to the Transeurasian Languages. Oxford University Press, 2020. (In Eng.)
Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 2106 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 2, pp. 428–443, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.82-16.398

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-428-443

Благопожелание чаю в калмыцкой лирике XX в.: фольклорный аспект

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: [khaninova\[at\]bk.ru](mailto:khaninova[at]bk.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ханинова Р. М., 2023

Аннотация. *Введение.* В калмыцком фольклоре жанр благопожелания чаю (*цээд тэвх йөрэл*) сопровождает многие обряды магической поэзии, направленные на здоровье, долголетие, благополучие, счастье человека, а также сохранение и процветание окружающего мира. Чай является одним из главных компонентов пищи — подношения духам предков и божествам, людям для исполнения благопожелания. В традиционной модели питания калмыков чай остается основным элементом. *Актуальность* статьи обусловлена малой изученностью авторского благопожелания чаю в калмыцкой поэзии XX в. *Цели и задачи* исследования определены выявлением таких примеров в жанровой парадигме, рассмотрении фольклорной традиции и новации, адекватности русского перевода. *Материалами* статьи стали репрезентативные стихотворения калмыцких поэтов, адресованные чаю, созданные на калмыцком и русском языках, в том числе в русском переводе. *Методы* исследования базируются на историко-литературном и сравнительно-сопоставительном подходах для раскрытия связи фольклора и поэзии, преемственности данного жанра в литературном процессе Калмыкии. *В результате* выяснилось, что в калмыцкой поэзии благопожелания чаю в фольклорном аспекте, претерпев некоторые изменения, были созданы во второй половине прошлого века. *Выводы.* Благопожелания чаю в стихотворениях калмыцких поэтов характеризуются синтезом жанра, сюжетностью, включением пословиц и поговорок, фольклорных формул, восхвалением напитка, описанием его приготовления, главенствующей роли в традиционной модели питания народа.

Ключевые слова: благопожелание, жанр, обряд, калмыцкий чай, калмыцкая поэзия, фольклорная традиция, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Благопожелание чаю в калмыцкой лирике XX в.: фольклорный аспект // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 428–443. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-428-443

Tea Well-Wishes in 20th-Century Kalmyk Lyric Poetry: The Folklore Aspect Revisited

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova[at]bk.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Khaninova R. M., 2023

Abstract. *Introduction.* In Kalmyk folklore, the genre of tea well-wishes (Kalm. *цэд тэвх үөрэл*) accompanies many rituals characterized by magic poetry and aimed to secure health, longevity, well-being, human happiness, as well as preservation and prosperity of the surrounding world. Tea is a major meal component to be offered to the spirits of ancestors, deities, and individuals for the fulfillment of well-wishes. In Kalmyk traditional meals, tea remains a basic element. The article is topical enough since tea well-wishes in 20th-century Kalmyk poetry are still somewhat understudied. *Goals.* The study seeks to identify related examples in terms of genre, consider the folklore tradition and innovations, analyze available Russian translations for adequacy. *Materials and methods.* The article focuses on representative Kalmyk- and Russian-language (including Russian translations) poems by Kalmyk poets addressed to tea. Methodology rests on historical-literary and comparative approaches to reveal the relation between folklore and poetry, the continuity of this genre throughout Kalmykia's literary process. *Results.* The paper attests to the bulk of poetic tea well-wishes — in the folklore aspect — underwent some changes and were created in the mid-to-late 20th century. *Conclusions.* Tea well-wishes in writings of Kalmyk poets are characterized by genre syntheses, certain plots, inclusions of proverbs and sayings, folklore formulas, praises to the beverage, descriptions of how it be cooked, and its leading role in the ethnic meals model.

Keywords: well-wishes, genre, rite, Kalmyk tea, Kalmyk poetry, folklore tradition, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Khaninova R. M. Tea Well-Wishes in 20th-Century Kalmyk Lyric Poetry: The Folklore Aspect Revisited. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 428–443. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-428-443

1. Введение

В традиционной модели питания монголоязычных народов чай занимает главенствующее место, определенное ранее экологической зоной проживания, скотоводческим типом хозяйствования кочевников, верованиями и обрядами [Викторова 1980; Жуковская 1988; Борджанова 1999; Борджанова 2007; Настинова 2014; и др.]. «Чай проник в Монголию из Китая в конце XVI – начале XII в. <...> Нередко в чай добавляли,

кроме молока, масло, соль, поджаренную муку, курдючное сало, пельмени, костный мозг барана, размельченное вяленое мясо» [Жуковская 1988: 75]. Чай входил в состав и будничной, и праздничной, и ритуальной пищи. По цветовой символике, освященной шаманскими верованиями, а затем, очевидно, переосмысленными и закреплёнными буддийскими канонами, у монголов еда делилась на белую, желтую, зеленую, красную и черную, соответственно чистую и

нечистую. К белой и чистой еде относились молоко и молочные продукты, к желтой и чистой — масло, к зеленой и чистой — корни и травы, к красной и нечистой — кровь, мясо и мясные продукты, к черной и нечистой — чай без молока, мясной бульон, чистая вода [Викторова 1980: 22]. Чай, следовательно, по его основным ингредиентам входит в состав белой пищи (монг. *цагаан идээ*; калм. *цаһан идэн*).

Цели и задачи исследования определены выявлением таких примеров в жанровой парадигме, рассмотрении фольклорной традиции и новации, адекватности русского перевода.

2. Благопожелание чаю в калмыцком фольклоре

Благодарное отношение к чаю у калмыков нашло отражение в устном народном творчестве: в эпосе, сказках, легендах, преданиях, пословицах, поговорках, загадках, адресованных этому напитку, в частности в благопожелании чаю — *цэд тэвх йөрэл* [Джангар 1990; Обрядовый фольклор 1993; Хальмг улсин йөрэлмүд 2010; Пословицы, поговорки 2007; Пою степной нектар 2016; Мифы, легенды 2017].

Чай сопровождал многие календарные и семейные обряды в жизни народа, отражая благоговение перед этим напитком, происхождение которого по легендам связывали с буддийским священником, исцелившимся после тяжелой болезни при помощи чая или сотворившим его с помощью молитвы [Семь звезд 2004: 75–76; Мифы, легенды 2017: 162–165]. Так, в легенде «Зул» благодаря совету известного лекаря пить чай Зункава исцелился. «Божественный напиток, ниспосланный калмыкам, стал называться с тех пор калмыцким чаем или джомбой и считается первым угощением» [Семь звезд 2004: 75]. В «Легенде о калмыцком чае» («Хальмг цээнин туск тууж») говорится о том, что в одно из времен жил лама, который задумался над тем, как сделать людей сытыми и довольными, и решил силой молитв вырастить чай на калмыцкой земле. Узнав от мальчика, что благодаря молитвам через много дней появились невиданные цветы, лама произнес ему прекрасное благопожелание: *ут нас, бат кишг эдлх бол!* [Мифы, легенды 2017: 164], т. е. пожелал долголетия, благополучия, счастья. Эти

формулы частотны в благопожелании чаю.

Например, такой «Цээнин йөрэл» («Благопожелание чаю»): *Нэ, хээрхн, / Цэ шиңгн болв чигн / Идэнэ дееж болдг, / Цаасн нимгн болв чигн / Номин көлгн болдг. / Эн нерэд-сн зандн улан цээтн / Элвг хотынтн дееж болж, / Өгчэх күн өглһнэ эзн болж, / Уужах нанд аришан болж, / Иигжэ тосч-тэжэх эзн улс / Ут наста, бат кишгтэ болж, / Олн көгшдүдин наснд күрч, / Орчлңгн хормад багтжэ йовхиг / Олн бурхд өршэх болтха!* «О, милостивый, чай, хоть и жидкий, становится почетным угощением, бумага, хоть и тонкая, является основой книги. Этот сандалово-красный чай, став обильной пищей-подношением, полученный от гостеприимного хозяина, подобен для меня божественному напитку, пусть гостеприимные хозяева живут долго, пребывают в благополучии, достигнут преклонных лет, пусть будут к ним благосклонны боги»¹ [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 58]. *Идэни дееж* означает «почетное угощение», *ном* имеет несколько значений: 1) наука; 2) грамота, учеба; 3) уст. рел. учение, канон; 4) уст. книга [КРС 1977: 194, 380–381]. Сначала приведена калмыцкая пословица: *Цэ шиңгн болв чигн идэни дееж, Цаасн нимгн болв чигн номин көлгн болдг.* «Как ни жидок чай — первое угощение, / Как ни тонка бумага — основа книги»² [Пословицы, поговорки 2007: 618]. Метафора «Орчлңгн хормад багтжэ йовхиг» передает пожелание благополучного существования в подоле Вселенной, т. е. в этом мире.

Благопожелания чаю звучат во время зимнего и весеннего праздников Зул и Цаган Сар. Например, «Зулын цээнин йөрэл» («Благопожелание чаю на Зул»): *Цаасн нимгн болвчн, / Номин көлгн. Цэ шиңгн болвчн, / Идэни дееж. / Ботхни жил харчана, / Олн-эмтн — цуһар өрк болһнар / Байрта, жсирһлтэ болх, / Цуг маһдуркмдн / Дүүгжэ-дүрклжэ бээтхэ, / Эмтэ юмн һазр деер / Элвг-делвг жсирһлтхэ!* «Бумага, пусть и тонкая, основа книги. Чай, пусть и жидкий, почетное угощение. Пришел новый год, пусть люди, каждая семья будут радостны, счастливы, пусть все завтра пребывают в доволь-

¹ Здесь и далее смысловой перевод автора статьи.

² Здесь и далее перевод пословиц из издания [Пословицы, поговорки 2007] дан составителем указанной работы.

ствии, пусть все живое на земле благоденствует в мире и спокойствии» [Обрядовый фольклор 1993: 51]. Здесь также использована калмыцкая поговорка, воздающая почести чаю, затем звучат формульные пожелания счастья, благополучия, мира. Ср. в «Ирсн гиичин йөрэл» («Благопожелание гостям»), где в самом начале воздается должное не только чаю, но и кумысу (калм. чигэн): *Цэ-чигэн элвг-делвг болж* ‘Пусть будет у вас в изобилии чай и чигян’, а затем следует описание чаепития: *Улан зандн цээһэн уулдж* ‘Напившись красного сандалового чая’ [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 14]. Такое же начало в благопожелании сватам «Худрин йөрэл»: *Цэ-чигэнтн элвг-делвг болж, / Татв чигн, тасриго* ‘Пусть будет вдоволь у вас чая и чигяна, чтобы они не кончались (букв. метафорически: как бы ни тянули, не рвались)’ [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 14].

Как правило, любое значимое действие и событие начинается и отмечается приготовлением чая, высказыванием благопожелания.

Существует множество рецептов калмыцкого чая, основные названия которого различаются: чай без молока (*хар ца*), обычный чай (*ца*) и лучший чай джомба (*жомба*) [КРС 1977: 628, 232]. Превосходство чая показано в поговорке: *Жомбаһас оңдан хот уухшив, / Жораһас оңдан мөр унхшив* ‘Не хочу иного кушанья, кроме джомбы, / Не хочу ездить на иной лошади, кроме как на иноходце’ [Пословицы, поговорки 2007: 546].

Напиток с использованием главных ингредиентов — прессованного плиточного чая, воды, молока, масла и соли — иллюстрирован одной из загадок: *Деерэс ирсн дерсн-хурсн, / Дорас ирсн элвг хар, / Өңгинь ясдг өл буурл, / Амтинь ясдг амр цаһан, / Та-винь хээдг тарһн шар. (Цэ, усн, үсн, давсн, тосн).* ‘Сушеные листья и стебли, прибывшие сверху, / Обильное черное, прибывшее снизу, / Питательное белесое, придающее цвет, / Любимое белое, придающее вкус, / Жирное желтое, заботящееся об удовольствии. (Чай, вода, молоко, соль, масло)’ [Пословицы, поговорки 2007: 748].

В ритуалах подношения пищи духам предков и божествам, угощения гостей чай первенствует: «А» үзг — эрдмин дееж, / Ааһ ца — идэнэ дееж. ‘Буква «А» — начало уче-

нья, / Чашка чая — начало еды’ [Пословицы, поговорки 2007: 244]. Ср. с бурятской поговоркой: «А» үзэг эрдэмэй дээжэ, / Аяга сай эдээнэй дээжэ, / Мэндэ гээшэ угэ зугаагай / хундэ. ‘Буква А — начало учения, / Чашка чая — начало еды. / Приветствие „мендэ“ разговора / начало’ [Фольклор монгольских народов 2011: 297].

3. Материалы и методы

Темы и мотивы чая представлены в калмыцкой литературе XX в., в прозе, драматургии, поэзии, передавая традиционную модель питания, мировоззрение и мироощущение, этнические приоритеты народа. Есть стихотворения калмыцких поэтов, в которых упоминается или главным героем является этот национальный напиток.

Материалами исследования стали репрезентативные стихотворные тексты, адресованные калмыцкому чаю, созданные представителями разных поколений поэтов на калмыцком и русском языках в фольклорной традиции. Сопоставление при наличии у оригинала русского перевода дано с целью выявить соответствие авторского воплощения средствами иного языка при сохранении фольклорного дискурса.

Сразу отметим, что подобные стихотворения — йорялы чаю, судя по всему, отсутствовали в калмыцкой лирике первой половины прошлого столетия. Не находим их в довоенной и военной периодике калмыцких газет и журналов, в книгах, сборниках, альманахах первой половины прошедшего века. Причин, вероятно, для этого несколько: во-первых, приоритет общественно-политической, агитационно-идеологической, социально-экономической направленности поэзии в период борьбы и построения нового государства; во-вторых, государственная атеистическая политика, связанная с запретом вероисповедания, религиозных праздников и ритуалов; в-третьих, в годы сталинской ссылки невозможность создавать и публиковать произведения на родном языке, в-четвертых, малочисленность писателей, частью репрессированных и уничтоженных, и смена творческих поколений.

После возвращения калмыков на родину в 1957 г. воспевание возрождения коснулось многих сторон действительности, но тема чая по-прежнему оставалась на периферии писательского внимания. Так, в «Хальмг

поэзин антолог» («Антология калмыцкой поэзии», 1962) не было ни одного стихотворения о чае [Хальмг поэзин 1962]. Показательно, что одно из первых стихотворений о калмыцком чае «Цэ» («Чай», 1961) создано Босей Сангаджиевой в 1961 г. Оно вошло в ее вторую книгу «Шүлгүд» («Стихи», 1962) [Саңджин Б. 1962а: 18–19].

Этот гендерный ракурс продолжен позднее в стихах Айсы Бамбаевой [Бамбан А. 1988], Веры Шуграевой [Шугран В. 2008; Шугран В. 2010], Осорин Утнасун [Осорин 2008], Риммы Ханиновой [Ханинова 2010; Ханинова 2011].

Один из немногих рассказов о чае «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай», 1961) написан Бемом Джимбиновым, опубликован тогда же в альманахе «Тегин герл» [Жимбин Б. 1961: 55–57]. Любопытно, что в рассказе монгольский гость в Москве сравнил национальные напитки, отдавая предпочтение калмыцкому угощению.

Обычно в последующих антологиях калмыцкой поэзии также стихи о калмыцком чае уступали в количественном отношении стихам, например, о калмыцком языке или о калмыцкой степи. Так, в «Поэзию Калмыкии», изданную на калмыцком и русском языках в 2009 г., включены стихи Боси Сангаджиевой, Сергея Бадмаева «Хальмг цэ», Ивана Бадма-Халгаева «Жомба», Айсы Бамбаевой «Хотын дееж» [Поэзия Калмыкии 2009: 87; 127, 141–142, 160], в русском переводе «Чай» Санджи Каляева, «Калмыцкий чай» Боси Сангаджиевой [Поэзия Калмыкии 2009: 185, 222]. В двухтомную антологию «Моя Россия, моя Калмыкия!» (2018) вошли русские переводы стихотворений Санджи Каляева «Чай», Михаила Хонинова «Калмыцкий чай», Тимофея Бембеева «Джомба», Веры Шуграевой «Бабушки-калмычки», Николая Санджиева «Джомба», Осорин Утнасун «Калмыцкий чай», а также стихотворение Риммы Ханиновой «Джомба» [Моя Россия 2018а: 24–25, 194–195, 226, 306; Моя Россия 2018б: 35–36, 198, 74–75]. Стихи Владимира Нурова о калмыцком чае опубликованы в оригинале «Хальмг цэ — бурхна ундн» [Нуура В. 2021: 104] и русском переводе [Нуров 2021: 104–105] в альманахе «Дар духовный» в 2021 г.

Подарочное издание о калмыцком чае «Пою степной нектар — пою калмыцкий чай» (2016) составили различные материа-

лы: этнографические, фольклорные, научные, художественные, в том числе избранные стихи поэтов о чае на калмыцком и русском языках.

Что касается собственно фольклорных материалов, то в сборнике «Народное творчество Калмыкии», изданном до войны в русском переводе, нет раздела с благопожеланиями, но в разделе пословиц и загадок приведена известная загадка о калмыцком чае [Народное творчество 1940: 284]. Отсутствовали в подборке благопожеланий записи, адресованные калмыцкому чаю, на страницах довоенного сборника «Хальмг фольклор» («Калмыцкий фольклор», 1941) [Хальмг фольклор 1941].

В трудах калмыцких ученых, в изданиях калмыцкого фольклора немного йорялов о чае. Так, в сборнике «Хальмг улсин йөрэлмүд» («Калмыцкие народные благопожелания», 2010) собственно «Цээһин йөрэл» («Благопожелание чаю») присутствует в четырех записях от четырех информантов [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 16, 58, 135, 154]. При этом упоминание чая есть и в других благопожеланиях, связанных с праздниками Зул и Цаган Сар, адресованных пище — «Хотын йөрэл» («Благопожелание пище»), «Дотрин йөрэл» («Благопожелание субпродуктам») [Хальмг улсин йөрэлмүд 2010: 59, 87, 16, 121], в том числе на свадьбе, поминках и т. д. Нет благопожеланий чаю в сборнике «Цацлын дееж (Заздравное слово)», где представлены различные йорялы ойратов Синыцзян-Уйгурского автономного района КНР [Цацлын дееж 1997].

Благопожелания чаю по разным поводам даны в оригинале, а также в русском переводе поэта Василия Чонгонова [Пою степной нектар 2016: 11–15].

Данная тема в калмыцкой поэзии XX в. рассмотрена в указанном аспекте на примере лирики М. Хонинова в статьях Р. М. Ханиновой [Ханинова 2005; Ханинова 2009].

Сравнительно-сопоставительный подход позволит выявить фольклорную традицию благопожелания чаю в стихах калмыцких поэтов разных поколений, а историко-литературный подход позволит определить преемственность традиции и новации авторских аналогов, частность обращения к заявленной теме, индивидуальное своеобразие выявленных образцов в калмыцкой лирике XX в.

4. Благопожелание чаю в калмыцкой лирике XX в.

4.1. Поэтика заглавия

Прежде всего обратимся к поэтике заглавия, чтобы показать целенаправленное обращение калмыцких поэтов к жанру благопожелания чаю. Из всех выявленных стихотворных текстов на калмыцком языке такая манифестация присутствует в заглавии произведения Андрея Джимбиева «Цээд йөрэл тэвх» («Произнесут благопожелание чаю», 1984) [Жимбин А. 1984: 4]. Ср. в русском переводе Владимира Савельева иное заглавие «Калмыцкий чай» [Джимбиев 2020: 69]. В стихотворении А. М. Джимбиева, написанном в возрасте шестидесяти лет, — полемика с оппонентами, утверждавшими, что из-за калмыцкого чая может подниматься давление крови. Лирический субъект, защищая свой любимый напиток, напротив, заявлял: *Цевр, чик ухаһарн / Цеңгән күртлән бээдгәр, / Зүркм цуцрлт угаһар / Зу күртлм цокдгәр, / Ааһта цээһән уунав, / Ардаснь дэки келгнэв* 'Чтобы сохранить ум ясным и чистым, пребывая в наслаждении, чтобы сердце без перебоев билось до ста лет, пью пиалу чая, прошу налить следующую' [Жимбин А. 1984: 4]. Если лирический субъект высказал пожелание своим друзьям, в том числе оппонентам о вредности для здоровья такого чая, помянуть его после ухода из жизни сначала калмыцким чаем, а потом уже водкой (*Цаһан әркд биш, / Цээд түрүлдә йөрәл тәвх*), то у переводчика звучит иначе: «Друзья меня не водкой белой, / А чаем красным помянут» [Джимбиев 2020: 69]. Речь же идет не о противопоставлении чая водке, а об очередности питья в поминальном обряде калмыков. В благопожелании ушедшему в лучший мир человеку упоминались поминальная еда и подношение, чтобы пар горячей пищи достиг его, чтобы вкушаемое стало аршаном (божественным) для присутствующих [Хальмг улсин йөрәлмүд 2010: 65, 69, 138].

Таким образом, автор, кстати, доживший до преклонных лет, использовал в своем произведении элементы восхваления-магтала и благопожелания-йоряла национальному напитку, выразив ментальный характер мироощущения народа.

В калмыцкой лирике XX в. среди заглавий репрезентативных стихотворений на родном языке о чае: единичны «Цэ»

(С. К. Каляев) и «Жомба» (Т. О. Бембеев, Иван Бадма-Халгаев), распространенные «Хальмг цэ» (Б. Б. Сангаджиева, М. В. Хонинов, Э. И. Тепкенкиев, С. М. Бадмаев), в сочетании со словом «цэ» (С. К. Каляев, Б. Б. Сангаджиева, М. В. Хонинов), со словосочетанием «хальмг цэ» (М. В. Хонинов), в сочетании со словом «йөрәл» (А. М. Джимбиев). Названия также косвенным образом передают объект и предмет темы чая. Например, кем сваренный чай: «Кермнэ чансн цэ» («Чай, сваренный Кермен») С. К. Каляева, «Ээжин цэ» («Бабушкин чай») Б. Б. Сангаджиевой. Или характеристику чая: «Нарна амтнь — эмтэхнәрн йосн...» («Вкус солнца — настоящий...») М. В. Хонинова, «Хотын дееж» («Подношение пищей») А. Б. Бамбаевой. При этом стихи на калмыцком языке озаглавлены или непосредственно, или по первой строчке. Редко включены в рамку произведения посвящение, место и время создания, нет эпиграфа.

В калмыцкой русскоязычной лирике прошлого столетия калмыцкому чаю адресованы два стихотворения Джангра¹ Насунова — «Чай», «Дядя Федя».

4.2. Фольклорный аспект в благопожеланиях чаю калмыцких поэтов XX в.

Одно стихотворение на калмыцком языке начинается в соответствии с основным йорялом чаю — с пословицы о главенствующей роли чая в модели питания народа. Начало стихотворения Санджи Каляева «Цэ» (1971): *Цэ шиңгн болвчн — / Идәни дееж болдг, / Цаасн нимгн болвчн — / Номин кәлгн болдг* 'Хоть и жидкий чай — начало почетного угощения. Хоть и тонкая бумага — основа книги' [Калян С. 1975: 4]. Ср. в переводе Константина Алтайского стихотворение «Чай» не имеет этих закавыченных четырех строк пословицы [Каляев 1971: 86]. Поэт воздаст должное предкам, благословившим этот чай как почетное угощение: *Өвкнрин йөрәһәд үлдәсн / Өлзәтә «Идәни дееж»...* [Калян С. 1975: 4]. Автор передает из калмыцкой степи свою благодарность чаеводам, конкретно из Аджарии, выражая от всего сердца благопожелание труженикам: *Хальмг теегин дундас / Ханлт теднд өргәжәнәв. / Зүркин сәәхн йөрәләс / Зөвтә*

¹ Джангр Насунов — литературный псевдоним В. И. Насунова.

хамгинь тальвжэнанав [Калян С. 1975: 4]. Поэтому он, описывая их нелегкий труд, обращается к землякам с просьбой во время питья красного сандалового чая передавать привет грузинским чаеводам: *Улан зандн цээнхэн / Ууж суусн цагтан, / Аджарии цэ тарэчдэн / Амһулц мэндинь мөрэдит* [Калян С. 1975: 4]. Здесь определение чая по цвету как красного, подобного сандалу, формульное в фольклоре, в контексте эпитет подчеркивает сакральный статус этого дерева. Также используется колористическое сравнение чая с золотом: *Алтан өңгтэ цээнхэн...* [Калян С. 1975: 4]. Эта формула, как и сравнение с солнцем, частотна в стихах калмыцких поэтов о чае. Ср. у переводчика произвольные включения: сравнение с янтарем, дополнения географических координат (Суматра, Цейлон), уточнение (окрестности Батуми), флора (магнолии, розы), а также неточности в показе посуды (стакан, чайник), в приготовлении чая, который варят, а не заваривают: «Заварку в чайник положи...» [Каляев 1971: 86]. В сборнике С. К. Каляева «Сын степей» (1974) тот же перевод К. Н. Алтайского имел иное название «Хвала чаеводу» [Каляев 1974: 28].

Близкое к фольклору описание приготовления чая наблюдаем в каляевском стихотворении «Кермнэ чансн цэ» («Чай, сваренный Кермен»). Так, вес куска масла, который не поднимет ворона, отсылает к эпической традиции: *Керэ даашиго тоста, / Келн ээдрм агта / Кермн күүкнэ жомбаг / Келгүлэд ууһад сууһит*. ‘С маслом, который не поднимет ворона, крепкую, вязущую язык джомбу, сваренную девушкой Кермен, садитесь выпить’ [Калян С. 2005: 55]. Ср. в синьцзянской версии эпоса «Джангар», как указала Т. Г. Борджанова, сохранились формулы приготовления и питья чая богатырями, где упоминается положенный в напиток кусок масла, который может унести в клюве только ворона: *Керэ эрэ даам тос авад*, выпили такой крепкий чай, от которого язык вяжет: *Келн ээдрм цээнхэн ууһад* (цит. по: [Борджанова 2007: 371]). Поэт подчеркнул, что чай размешали, как полагается, девятью девятью раз: *Дөчн йис самрсн* [Калян С. 2005: 55]. Ср. калмыцкую поговорку: *Цэ самрх дутман зандрдг*. ‘Чем дольше перемешиваешь чай, тем он становится гуще’ [Пою степной нектар 2016: 618]. См. в той же синьцзянской эпической версии, где чай

помешивали слева направо: *Буру зөв самрад* (цит. по: [Борджанова 2007: 371]).

У поэта те же традиционные красочные определения чая (*улан зандн цэ* ‘красный сандаловый чай’), в то же время на протяжении всего текста (22 строки) встречается разное написание напитка: *цэ* (дважды, без учета заглавия) и *жомба* (дважды). Текст построен на рефрене начальных шести строк в конце стихотворения, синтаксическом параллелизме с парной анафорой, например: *Хальмг чансн цэ / Хайжэ һарвзач — күлэ! / Улан зандн цэ, / Уух дутман — ула!* ‘Калмыцкий сваренный чай не оставляй, не уходи, — подожди! Красный сандаловый чай, желая испить, — пей!’ [Калян С. 2005: 55]. Об этом калмыцкая пословица: *Халулсн хальмг цэ хэржэ ирсн күүкн хойр тоомср уга*. ‘Разогретый чай не так почетен, как и вернувшаяся от мужа дочь’ [Пою степной нектар 2016: 16].

Такой же сюжет приготовления женщиной чая в стихотворении Боси Сангаджиевой «Ээжин цэ» («Бабушкин чай», 1962). Бабушка называет калмыцкий чай почетным угощением: *Хотын деежэ гүһэд / Хальмг цээнхэн ууна* [Саңһжин Б. 1962б: 3]. Этой формулы (*хотын деежэ*) нет в переводе «Чай моей бабушки» Наума Гребнева: [Сангаджиева 2018: 267]. Внучка, от имени которой ведется повествование, обращается к читателям, что раскроет им секрет приготовления бабушкиного чая. Она наблюдала, как старая женщина поджарила в котелке две ложки муки на сале, налила воду, бросила щепотку чая, мускатные листья (*затин хамтхас*), добавив соли. Ср. у переводчика: «И лавровый лист кладет» [Пою степной нектар 2016: 24]. См. *зать* ‘мускатник, мускатный орех’ [Манджикова 2007: 17; КРС 1977: 242–243]. Затем старушка вскипятила, размешала чай, заправила сливками, вновь вскипятила, положила ложку сливочного масла. Бабушка, попробовав напиток, удовлетворена результатом: *Келн ээдрм нигтрэ, / Керэ даамар өткрэ* ‘Язык от крепости чая затвердел, чай загустел так, что ворона его поднимет’ [Саңһжин Б. 1962б: 3]. Ср. с подобной формулой из каляевского стихотворения «Кермнэ чансн цэ». Этих бабушкиных слов нет в переводе, вместо кленовой пиалы (*агч ааһ*) указана чашка [Сангаджиева 2018: 277]. В этом стихотворении дана рецептура калмыцкого чая с поджаркой.

Тот же гендерный прием использован Б. Сангаджиевой в стихотворении «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай»), обозначенном автором разными годами — 1961 и 1962. Несколько редакций текста отличаются стилистической правкой и последующим включением посвящения Л. С. Соболеву, тогдашнему председателю Союза писателей РФ, посетившему Калмыкию в середине 1960-х гг. Вначале лирический субъект задается вопросом, что не знает, где и когда появился калмыцкий чай, который готовит каждое утро. Трудно сказать, риторический ли это вопрос, поскольку легенда о происхождении калмыцкого чая достаточно известная. Здесь также показан процесс приготовления напитка, названного *зандрсн цэ* ‘крепкий чай или красный, как сандал’, от слова *зандн*: 1) сандаловый, 2) *перен*. красный (как сандал), 3) крепкий [КРС 1977: 240]. Упомянуты компоненты чая: *давста, устэ, тоста* ‘с солью, молоком, маслом’. Описано угощение приезжего нового гостя чаем, обозначенным традиционной формулой *хотын дееж*. Характеристика гостем незнакомого прежде чая дана в сравнении вкуса напитка с медом, с запахом степных трав, утверждения, что лучше чая он не знал. В продолжение темы угощения автор обратился к читателю, приглашая его к чаепитию, заверяя в дружбе, адрес известен: там, где живет друг степей — калмык. *Мана хайг — хальмгуд, / Мөңк теегин иньгуд* ‘Наш адрес — калмыки, друзья вечной степи’ [Саңһжин Б. 1962а: 19]. В поздней редакции: *Танд хайган илгэнэв: / — Теегин иньг — хальмг!* ‘Отправляю вам адрес: друг степей — калмык!’ [Саңһжин Б. 1986: 13]. В этой редакции актуализирована цитата из пушкинского «Памятника». Ср. в переводе Семена Липкина: «Как нас найти? В степи мы обитаем. / Иль вам напомнить? „Друг степей / калмык...“» [Сангаджиева 1978: 39].

Фантастический сюжет чаепития человека с солнцем развернут в стихотворении Михаила Хонинова «Хальмг цэ уудгтан нарн» («Солнце, пьющее калмыцкий чай», 1966), отсылая к такому же сюжету в известном стихотворении В. В. Маяковского о необычном приключении на даче [Хонин 2009: 227]. Обыгрывая красный цвет солнца, калмыцкий поэт открыл для себя его «тайну»: красный цвет калмыцкого чая повлиял на окраску светила. Фольклорная

традиция чаепития отражена в его обилии, а также в сравнении раскрасневшихся любителей чая с цветом тамариска: *Суха мет улаһад однавидн* [Хоньна М. 1966: 50]. Суха — жидовинник, таволжанка, тамариск [Манджикова 2007: 28].

Такие формульные сравнения присутствуют в эпизодах калмыцкого эпоса «Джангар» при чаепитии богатыря Мингияна и трех богатырей-малышей [Джангар 1990: 111, 280, 148, 335]. Подразумевается, что лирический субъект-поэт сам приготовил чай для солнца. В другом стихотворении М. В. Хонинова «Хальмг цэ» («Калмыцкий чай», 1971), наоборот, мужчина готовит чай в гостях для друзей-тюменцев. Рамка произведения: Тюмень — 1970 г., с посвящением («Моим друзьям-тюменцам посвящаю»), тогда поэт участвовал в Днях советской литературы в Тюменской области. Такой гендерный подход обусловил приготовление «всесоюзного чая» на сибирской земле. Фольклорный гиперболизм в описании процесса подготовки большого количества калмыцкого чая в огромном котле, разлития его в такую широкую пиалу, которую могут поднять, как в эпосе (*Жаңһрахна баатр-муд*), семьдесят один человек, призван подчеркнуть приоритет главного напитка в угощении и богатырскую силу сибиряков. Поэт уверен, что его чай понравится народам Советского Союза, всем людям при чаепитии произнесут благопожелание: *Цуг Союзд цэм таасгдхм, / Цуг амтн уухларн йөрәхм* [Хоньна М. 1971: 26].

Как и Б. Б. Сангаджиева, воздавая похвалу полезным свойствам национального напитка, который утолит жажду в зной и согреет в холод, М. В. Хонинов также перечислил составные компоненты чая (*устэ, тоста, давста* ‘с молоком, маслом, солью’), заверяя, что в этом чае есть и благословение его матери: *Ээжнрин заяснь бээнэ, уутн!* [Хоньна М. 1971: 28]. «Так пейте его на здоровье, / мой чай, / И счастливы будьте, / как счастлив ваш край!» (пер. Алексея Смольникова) [Хонинов 1972: 97].

В другом хониновском стихотворении «Ундн-цэәһим эдлит» («Отведайте мой чай-напиток», 1971) — элементы восхваления-магтала калмыцкому чаю, сравнимому с цветом солнца, в характеристике его достоинств (утолит жажду и голод, согреет в холод, подобен аршану — божественно-

му напитку) соседствуют с обязательным благопожеланием хозяевам: *сэн бээһит, / Ундн-цээһэн / өгсн улс* 'Живите в благополучии, люди, угостившие чаем' [Хоньна М. 1971: 94]. Если у Б. Б. Сангаджиевой вкус калмыцкого чая позиционируется со вкусом меда, степных трав, то в стихотворении М. В. Хонинова «Нарна амтнь — эмтэхнэрн йосн...» («Вкус чая настоящий...», 1978) [Хоньна М. 1978: 22] вкус чая метафорически соотнесен со вкусом солнца, обозначая связь человека и природы, солярную символику в верованиях кочевников.

Санжара Байдыев актуализировал соленость чая, без которого не понять вкус национального напитка: *Даслт болж одсн / агта хальмг цэ / Давсн уга болхла, / Амтнь нанд медгдхи* 'Привыкший к крепкому калмыцкому чаю, когда в нем нет соли, его вкус мне непонятен' [Байдын С. 1963: 35]. Ср. в переводе Д. М. Долинского и В. А. Стрелкова: «Калмыцкий чай. / Я привык к нему, / Ароматному, / розовому, / как рассвет. / Только вкус его истинный я не пойму, / Если соли, соли в нем нет» [Байдыев 2000: 317].

Поэт сравнил вкус чая со вкусом жизни, в которой настоящее счастье можно узнать в сравнении с несчастьем. В одном из восьмистиший С. Л. Байдыев, акцентируя народное гостеприимство, указал на взаимосвязь доброты и пищи: *Санан-сэн седклэр йовсн болхла, / Самржасн улан цээлэ харһхч* 'Если идешь с добрыми помыслами, всегда встретишься с красным чаем, который помешивают' [Байдын С. 1968: 27], т. е. с угощением. Но если у тебя иные помыслы, ни к кому не заходи, иди прочь: *Кемр талдан ухата йовсн болхла, / Кендхүрчн орлго, хажуһар давич* [Байдын С. 1968: 27]. Ср. в переиначенном переводе Д. М. Долинского: «Если с добрыми мыслямиходишь, запомни тогда, / По преданью калмыцкому, к чаю поспеешь всегда. / Ну, а если закончился чай, ты не верь, что не ждут / — Доброта и тепло никогда не кончаются тут» [Байдыев 2000: 339].

Ср. в стихотворении монгольского поэта Дожоогийна Цэдэва «Юрта в Великой Гоби», где путник, найдя в пустыне юрту, чтобы утолить жажду: «увидел порядок в распахнутой юрте, / Даже чай кипяченый еще был горяч. / Так считают в народе: /

Если путник заходит / И отведаст чая — радость в дом принесет» (пер. Анатолия Парпары) [Из монгольской 1981: 234].

В раннем непротивительном по содержанию и форме стихотворении «Хальмг цэ» (1963) Эрнест Тепкенкиев, воздав хвалу национальному напитку (придает силы, дает отдых), использовал те же формульные определения чая (*цээһин идэн, зандн улан цэ*), подчеркнул аромат чая от положенного в него мускатного ореха, от которого обильный пот выступает: *Затин унрнь дааврта, / Заядар көлс харһна* [Төвкнкин Э. 1963: 21].

Такие формулы также частотны в народном йоряле, например: *Кезэ чигн улан цээһэн ууж / Көлсән харһж, маңна тиньгр* 'попивая красный чай, с потным лбом' [Пою степной нектар 2016: 12]. См. об этом и в стихах Б. Б. Сангаджиевой, М. В. Хонинова и др. Э. И. Тепкенкиев закончил свои размышления риторическими вопросами: *Иим сээхн хотыг / Эдлгө харч болдв? / Ирэд харсн күүг / Үүгэр тоолго бээдв?* 'Разве можно уйти, не попробовав такой прекрасной еды? Разве можно не угостить ею гостей?' [Төвкнкин Э. 1963: 21].

С произведением Э. И. Тепкенкиева перекликается стихотворение Сергея Бадмаева с тем же названием, с теми же характеристиками чая, но более подробными в художественных средствах. Здесь сливки и масло, придающие густоту и крепость чаю, с запахом мускатного ореха и солью любимый чай сандалового цвета. От его аромата капает слюна с языка, при виде красноватого чая душа отдыхает: *Каңкнсн үнринь соңсхнь / Келнэсм шүлсн асхрна. / Зандрсн өңгинь үзхнь / Заядар седклм амрна* [Бадмин С. 1975: 77]. Когда болит голова, после калмыцкого чая словно отдыхаешь. Пью, чуть остудив, красный сандаловый чай, славлю благоуханную калмыцкую степь: *Улан зандн цээһэн / Ууринь харһад уунав. / Уурхан саң теегэн / Урмдын өргэд магтнав* [Бадмин С. 1975: 77]. Как у Э. И. Тепкенкиева и Б. Б. Сангаджиевой, звучит приглашение читателям на чаепитие, пожелание стать друзьями. Ведь двери просторной степи заранее распахнуты, крепкий калмыцкий чай уже готов: *У теегин үүдн / Урдаснь белн, секэтэ. / Зандрсн хальмг цэ / Зуух деер нерэтэ* [Бадмин С. 1975: 77].

4.3. Благопожелание джомбе калмыцких поэтов XX в.

Два стихотворения начала 1990-х гг. Т. О. Бембеева и И. С. Бадма-Халгаева имеют одинаковое заглавие «Жомба» («Джомба»). Такой чай фигурирует в простой калмыцкой загадке: *Үсэр үслнэв, / Ухрап тослнэв, / Хальмпр тэвэд, / Халуһар уунав. Жомба* 'Молоком заправлю, масло ложкой кладу, положив гвоздику, горячим пью. Джомба' [Пою степной нектар 2016: 17].

У Т. О. Бембеева семейный сюжет, как в стихотворении Б. Б. Сангаджиевой «Ээжин цэ» («Бабушкин чай»), но это уже чаепитие с мамой. *Ааһд жомба кенэд / Аакм тэвэд оркхла — / Нарн деернь көвэд, / Намчрад сээхн одхла* 'Когда мама, приготовив джомбу, нальет в пиалу, солнце на поверхности, расплываясь, узорчато плывет' [Бембин Т. 1994: 27]. Переводчик Олег Дмитриев пояснил эту метафору («Солнца лик — кружочек золотой»), т. е. кусочек масла в чае [Бембеев 2005: 33]. Когда же выпьешь джомбы, внутри у тебя — смотри! — солнце радугой переливается всеми цветами: *Дотрм нарн — хэлэ! — / Доһлң эмгэнһар солһһрна* [Бембин Т. 1994: 27]. Поэт использовал метафорическое обозначение радуги — *доһлң эмгн* ('неполная радуга') вместо слова *солң*. Прием психологического параллелизма (пение жаворонка, звуки домбры и гармошки) акцентирует гармонию человека с природой; этот художественный прием не использован при переводе. Заключительная строфа связывает лирического субъекта-поэта с матерью, равной для него солнцу, вдохновляющей его на творчество: он просит ее вновь налить ему джомбы. В этом плане стихотворение Т. О. Бембеева близко стихотворению М. В. Хонинова «Солнце, пьющее калмыцкий чай» темой поэзии.

Ранее Т. О. Бембеев перевел на калмыцкий язык стихотворение бурятского поэта Цыдена-Жапа Жимбиева «Ааһ цэ» («Пиала чая», 1966) со сходными мотивами и фольклорными формулами: гостю преподнесут прежде всего пиалу с чаем (*Түрүлэд танд ааһ цэ бэрүлх*), чай (хоть без молока, хоть с молоком, хоть с сахаром) нужно пить горячим (*Халуһар цэһинь уутн*), чай назван почетным угощением (*идэн*): «А» *үзг эрдмин эк гидмн, / Ааһ цэ идэни дееж болдмн* [Жимбиев 1966: 52] 'Буква «А» — начало знания, пиала чая — почетное угощение'.

В то же время мотив первенства чая над водкой перекликается со стихотворением А. М. Джимбиева «Цээд йөрэл тэвх»: *Үнднь келхлэ, уусн / ааһ цэ / Үнтэ гисн аркэс / деер гихч* 'По правде говоря, пиала выпитого чая лучше дорогой водки' [Жимбиев 1966: 52].

И. С. Бадма-Халгаев в своем стихотворении «Жомба» так же, как Б. Б. Сангаджиева, задался риторическим вопросом, когда появился калмыцкий чай, как он стал почетным угощением. Поэт использовал вслед за С. К. Каляевым («Кермнэ чансн цэ») фольклорные формулы о вороне и масле, о крепости чая: *Керэ даам тосар тослгдсн, / Келн ээдрм агта цэм!* 'Мой чай, с куском масла, который может поднять ворона, такой крепкий, что вяжет язык!' [Бадм-Хаалһин И. 1993: 3]. Здесь те же ключевые слова о чае как об аршане (*сепрэ аршан* 'освященный напиток'), главной пище (*һоллгч идэнь*), о его перемешивании (*самрх*), о пользе (*эрүл-менд*) для молодых и старых. По сравнению с рецептурой чая в других стихах калмыцких поэтов тут упоминаются такие пряности, как гвоздика и перец (*хальмпр, бури*). Национальную принадлежность чая калмыкам заключают строки, в которых утверждается неповторимость напитка, звучит приветствие гостям от людей, живущих по этому обычаю, степных калмыков: *Иим сонһн идэһар болхла, / Ирсн гиһчэн тосхла — тавта, / Тер заңиалар бээдг улс — / Теегин хальмгуд болдгнь лавта!* [Бадм-Хаалһин И. 1993: 3].

«Хотын дееж» («Подношение пищей») А. Б. Бамбаевой начинается с приготовления чая. По признанию лирического субъекта, не знает лучшей еды, ведь у калмыков чай в большом почете. Молодой поэт заключил: *Хальмг цэһэн тевчж, / Хотын дееж гинэ* 'Почитая калмыцкий чай, говорят: «подношение пищей»' [Бамбан А. 1998: 24].

4.4. Благопожелание чаю в калмыцкой русскоязычной лирике XX в.

Одно из программных стихотворений «Чай» (1971) русскоязычного поэта Джангра Насунова открывало первую книгу «Голоса расстояний» (1971). «Средь многих яств его мы отмечаем», — сразу заявил он. Подтвердил первоочередность напитка в национальной модели питания на примере собственного деда: «Не потому ль повсюду

и везде, / Не пригубив живительного чая, / Мой дед не прикасается к еде?» [Насунов 1971: 5]. Если во второй строфе вначале чай традиционно позиционируется как угощение, украшение стола, то там же появляется исторический экскурс власти: «И хан бывал намного человечней, когда ладони грела пиала» [Насунов 1971: 5]. Через тактильную метафору («ладони грела пиала») передана чайная церемония: чай всегда пили горячим. Психологически поведение властелина тоже объяснимо: известно влияние еды на настроение, самочувствие человека. Современный ракурс в третьей строфе явлен мирной картиной отдыхающих за чаем чабанов. В такой временной и пространственной амплитуде (история — современность, хан — дед — чабаны) эксплицитно явлена тема сибирской ссылки, в которой оказалась семья будущего поэта в декабре 1943 г. Эта же тема в стихотворении «Дядя Федя», где автор понимающе вспоминал грусть своей бабушки: «Без хлеба я неделю продержусь, / А вот без чая столько не сумею» [Насунов 1971: 19]. Семейный сюжет также расширен за счет истории о русском соседе, дяде Феде, обменивавшем на базаре свой паек и новые калоши на плитку чая для калмыцкой семьи. Интересна метафора, представленная словно кинематографическими средствами: «А чай входил, он был уже в сенях, / И дядя Федя вырос у порога: „Я чай принес. Я был вчера в Ложках, / Но, правда, чай надпиленный немного“» [Насунов 1971: 19].

Вещь (прессованный плиточный чай) и человек с вещью-чаем появляются в тексте за кадром и в кадре. Следует панорама, приходят соседи. Это не просто совместное чаепитие, это ностальгия по степной родине, отставленной не по своей воле. Поэтому так пронзительны эти строки, передающие цвет и запахи родного края ключевыми маркерами: «Тот чай калмыцкий, купленный в Ложках, / Был словно дождь негаданный в пустыне. / Он солнцем грел, и степью он пропах, / Кизячным дымом, запахом полыни» [Насунов 1971: 19]. Текст, также датированный 1971 г., имеет посвящение «В. Сидорову». Московский поэт Валентин Сидоров написал предисловие ко второй книге калмыцкого поэта. Дружба русского и калмыцкого народа, выдержавшая проверку историей и временем, передавала голоса расстояний.

Сибирский локус этого стихотворения пересекается с сибирским локусом стихотворения «Калмыцкий чай» М. В. Хонинова, также отбывавшего ссылку в период сталинских репрессий против калмыцкого народа.

5. Заключение

Стихи, адресованные национальному напитку, в калмыцкой лирике XX в. созданы на родном языке и на русском (Д. Насунов). Выявленные тексты представителей разных поколений были написаны во второй половине прошлого столетия. Ранее таких примеров, в том числе и в жанре поэмы, не наблюдаем по разным причинам, указанным выше. Анализ стихотворений с главным героем-чаем показал ту или иную связь с фольклорным жанром — благопожеланием чаю (*цээд тэвх йөрэл*), сопровождавшим календарные и семейные обряды, значимые события в жизни человека. Сохраняя эту преемственность, калмыцкие поэты создавали свои произведения, включая ключевые слова (*йөрэл, магтал, улан зандн цэ, хальмг цэ, жомба, холгч идэн, аршан, ааһ, үсн, тосн, давсн*), формульные выражения (*хотын дееж, самрх, халун уур, эрул-менд, сэн бээтн, керэ даам тоста, келн ээдрм агта*), образы, цветовые сравнения (с солнцем, золотом, тамариском), вкусовые (вкус меда, солнца, трав), метафоры, разнообразные сюжеты — семейные, гостевые, исторические, фантастические, с разными лирическими субъектами в гендерном дискурсе. Поэтика заглавия выражена по-разному: собственно названием или по первой строчке; среди заглавий: «Цэ», «Жомба», чаще «Хальмг цэ», а также в сочетаниях со словом *цэ*, словосочетанием *хальмг цэ*, иными наименованиями. Рама произведения не имела эпиграфов, редко датирована, сопровождалась иногда посвящением (Б. Б. Сангаджиева, М. В. Хонинов, Д. Насунов). Композиция обычно небольших текстов в основном была линейной, реже кольцевой, временной диапазон — прошлое и современность. Фантастический ракурс в стихотворении М. В. Хонинова «Хальмг цэ уудгтан нарн» — чаепитие с солнцем, элементы разных жанров — разговора, благопожелания, похвалы. Сибирский контекст ссылки народа имплицитно явлен в стихах М. В. Хонинова «Хальмг цэ» и Д. Насунова «Чай», «Дядя Федя». Кал-

мыцкая пословица о первенстве чая и бумаги открывала стихотворение С. К. Каляева «Цэ». Часть стихотворений строится на обращении к читателю. Отсутствие же обращения к божествам, характерного и для жанра благопожелания чаю, в стихах калмыцких поэтов объясняется цензурой, атеистической направленностью поэзии тех лет. Нет сюжетов на тему легенд о создании калмыцкого чая. «Легенда о калмыцком чае» Владимира Бамбаева не принимается

нами во внимание ввиду низкого художественного уровня по форме и содержанию [Дар духовный 2021: 265–266]. Большинство текстов о чае отвечают традиционной системе стихосложения, некоторые же стихи М. В. Хонинова построены «лесенкой».

Фольклорный аспект благопожелания чаю в калмыцкой лирике начала нового столетия показал преемственность традиции в творчестве поэтов разных поколений.

Литература

- Бадмин С. 1975 — *Бадмин С.* Хальмг цэ (= Калмыцкий чай) // Теегин герл. 1975. № 3. X. 77.
- Бадм-Хаалһин И. 1993 — *Бадм-Хаалһин И.* Жомба (= Джомба) // Хальмг үнн. 1993. Лу сарин 27. X. 3.
- Байдыев 2000 — *Байдыев С. А.* Избранное: стихи. Элиста: Джангар, 2000. 436 с.
- Байдын С. 1963 — *Байдын С.* «Даслт болж одсн агта хальмг цэ...» (= «Привыкший к крепкому калмыцкому чаю...») // Байдын С. Нерэдлһн: шүлгүд болн поэм (= Посвящение: стихи и поэма). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1963. X. 35.
- Байдын С. 1968 — *Байдын С.* «Ут хаалһдчн зуур хотн харһхла...» (= «Если встретится тебе на долгом пути хотон...») // Теегин герл. 1968. № 2. X. 27.
- Бамбан А. 1998 — *Бамбан А.* Хотын дееж (= Первинки пици) // Бамбан А. Түрүн дурн (= Первая любовь): шүлгүд. Элст: Жаңһр, 1998. X. 24.
- Бембеев 2005 — *Бембеев Т.* Джомба // Бембеев Т. О. На уровне сердца: стихи и поэма. Элиста: Джангар, 2005. С. 33.
- Бембин Т. 1994 — *Бембин Т.* Жомба // Умшлһна дегтр: эклц классмудин сурһульһнрт нерэдгджәнэ (= Книга для чтения 1–4 классов). Элст: Жаңһр, 1994. X. 27.
- Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Викторова 1980 — *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 224 с.
- Дар духовный 2021 — Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. / сост. Э. А. Эльдышев, В. Б. Чонгонов, Е. Н. Решетникова. Элиста: [б. и.], 2021. 272 с.
- Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 475 с.
- Джимбиев 2020 — *Джимбиев А.* Калмыцкий чай // Джимбиев А. М. Избранное: Неиссякаем бытия исток... Элиста: РИА «Калмыкия», 2020. С. 69.
- Жимбиев 1966 — *Жимбиев Ц.-Ж.* Ааһ цэ (= Пиала чая) // Теегин герл. 1966. № 1. X. 52.
- Жимбин А. 1984 — *Жимбин А.* Цээд йөрэл тэвх (= «Произнесут благопожелание чаю...») // Хальмг үнн. 1984. Декабрин 5. X. 4.
- Жимбин Б. 1961 — *Жимбин Б.* Хальмг цэ (= Калмыцкий чай) // Теегин герл. 1961. № 2. X. 55–57.
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 196 с.
- Из монгольской 1981 — Из монгольской поэзии XX века / пер. с монг., сост. Г. Михайлов. М.: Худож. лит., 1981. 278 с.
- Каляев 1974 — *Каляев С.* Хвала чаеводу // Каляев С. К. Сын степей: стихотворения и поэмы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. С. 28.
- Каляев 1971 — *Каляев С.* Чай // Каляев С. К. Восходит день. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. С. 86.
- Калян С. 2005 — *Калян С.* Кермнэ чансн цэ (= Чай, сваренный Кермен) // Калян С. Теегин булг. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 2005. X. 55–56.
- Калян С. 1975 — *Калян С.* Цэ (= Чай) // Хальмг үнн. 1975. Январин 16. X. 4.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Манджикова 2007 — *Манджикова Б. Б.* Хальмг орс терминологическ толь (урһмлмудын болн мал-адусна нерэдлһн) (= Калмыцко-русский терминологический словарь (флора и фауна). Элиста: КИГИ РАН, 2007. 98 с.
- Мифы, легенды 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер.,

- вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. И. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 367 с.
- Моя Россия 2018а — Моя Россия, моя Калмыкия: Антология поэзии Калмыкии в 2 тт. Т. 1 / сост. Э. А. Эльдышев, предисл. Б. А. Бичеева. Элиста: Нац. библ-ка им. А. М. Амур-Санана, 2018. 352 с.
- Моя Россия 2018б — Моя Россия, моя Калмыкия: Антология поэзии Калмыкии в 2 тт. Т. 2 / сост. Э. А. Эльдышев. Элиста: Нац. библ-ка им. А. М. Амур-Санана, 2018. 320 с.
- Народное творчество 1940 — Народное творчество Калмыкии / сост. И. Кравченко. Сталинград; Элиста: Областное изд-во, 1940. 314 с.
- Насинова 2014 — *Насинова Г. Э.* Чай, молоко в жизни калмыцкого этноса. Элиста: Джангар, 2014. 128 с.
- Насунов 1971 — *Насунов Д.* Голоса расстояний. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 62 с.
- Нуров 2021 — *Нуров В.* Калмыцкий чай — напиток богов // Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. / сост.: Э. А. Эльдышев, В. Б. Чонгонов, Е. Н. Решетникова. Элиста: [б. и.], 2021. С. 104–105.
- Нуура В. 2021 — *Нуура В.* Хальмг цэ — бурхна ундн (= Калмыцкий чай — напиток богов) // Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. / сост.: Э. А. Эльдышев, В. Б. Чонгонов, Е. Н. Решетникова. Элиста: [б. и.], 2021. С. 104.
- Обрядовый фольклор 1993 — Обрядовый фольклор калмыков / сост., вступ. ст., коммент. Н. Ц. Биткеева. Элиста: Санан, 1993. 79 с.
- Осорин 2008 — *Осорин У.* Калмыцкий чай // Осорин У. Зимний цветок. Стихи на калм. и рус. яз. Элиста: Джангар, 2008. С. 98.
- Пословицы, поговорки 2007 — Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Синьзяна / сост., перевод Б. Х. Тодаевой. Элиста: Джангар, 2007. 839 с.
- Пою степной нектар 2016 — «Пою степной нектар — пою калмыцкий чай» / сост., аппарат издания А. Т. Баяновой, П. Э. Алексеевой. Элиста: РИА «Калмыкия», 2016. 192 с.
- Поэзия Калмыкии 2009 — Поэзия Калмыкии: антология: на калм. и рус. яз. / гл. ред. Д. Б. Дорджиева. Элиста: Герел, 2009. 352 с.
- Сангаджиева 1978 — *Сангаджиева Б.* Калмыцкий чай // Сангаджиева Б. Б. Калмыцкий чай. Стихотворения и поэмы. М.: Сов. Россия, 1978. С. 38–39.
- Сангаджиева 2018 — *Сангаджиева Б.* Чай моей бабушки // Сангаджиева Б. Б. Избранное: стихи, поэмы. М.: Аргон-Книга, 2018. 432 с.
- Саңһжн Б. 1962а — *Саңһжн Б.* Хальмг цэ (= Калмыцкий чай) // Саңһжн Б. Шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1962. Х. 18–19.
- Саңһжн Б. 1962б — *Саңһжн Б.* Ээжин цэ (= Бабушкин чай) // Хальмг үнн. 1962. Декабрин 2. Х. 3.
- Саңһжн Б. 1986 — *Саңһжн Б.* Хальмг цэ (= Калмыцкий чай) // Саңһжн Б. Мини жирһлм — мини теегм (= Моя жизнь — моя степь): шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1986. Х. 12–13.
- Семь звезд 2004 — Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Төвкнкин Э. 1963 — *Төвкнкин Э.* Хальмг цэ (= Калмыцкий чай) // Хурц үг. Шинэс бичжэх 16 поэтрин шүлгс (= Острое слово. Стихи 16 молодых поэтов) / Бүрдэгч Хоньна М. (Сост. М. Хонинов). Элст: Хальмг госиздат, 1963. Х. 21.
- Фольклор монгольских народов 2011 — Фольклор монгольских народов: исследование и тексты. Т. 2. Бурятский фольклор / сост. С. С. Бардаханова, С. Д. Гымпилова. Элиста: Джангар, 2011. 444 с.
- Хальмг поэзин 1962 — Хальмг поэзин антолог (= Антология калмыцкой поэзии) / бурдәһэчнр Калян С., Мацга И., Санган Л. Элст: Хальмг госиздат, 1962. 304 х.
- Хальмг улсин йөрәлмүд 2010 — Хальмг улсин йөрәлмүд (= Калмыцкие народные благопожелания) / сост., вступ. статья М. Э.-Г. Эрдни-Горяева. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 160 с.
- Хальмг фольклор 1941 — Хальмг фольклор (= Калмыцкий фольклор) / Бүрдәж кеснь, нүр үгинь болн темдгүдинь бичсь Лежнэ Ц., Шалвра Г. (Составление, предисловие, примечания Ц. Леджинова, Г. Шалбукова). Элст: Хальмг госиздат (Калмгосиздат), 1941. 461 х.
- Ханинова 2009 — *Ханинова Р. М.* Разговор с солнцем в лирике Владимира Маяковского, Давида Кугультинова и Михаила Хонинова // Художественный мир Давида Кугультинова: сб. науч. тр. Элиста: Калм. ун-т, 2009. С. 24–35.
- Ханинова 2011 — *Ханинова Р.* Джомба // Байрта. 2011. 31 марта. С. 3.
- Ханинова 2010 — *Ханинова Р.* Чай и пиала // Калм. ун-т. 2010. 8 апреля. С. 3.
- Ханинова 2005 — *Ханинова Р. М.* Семиотико-культурологический концепт еды в вос-

- точном дискурсе: чай и чигян в творчестве Михаила Хонинова // Юг России: взаимодействие народов и культур. Сб. науч. ст. Элиста: Джангар, 2005. С. 129–140.
- Хонинов 1972 — *Хонинов М.* Калмыцкий чай // Хонинов М. В. Все начинается с дороги: стихи и поэмы. М.: Современник, 1972. С. 95–97.
- Хонинов 2009 — *Хонинов М.* Солнце, пьющее калмыцкий чай // Поэзия Калмыкии: антология: на калм. и рус. яз. / гл. ред. Д. Б. Дорджиева. Элиста: Герел, 2009. С. 227.
- Хоньна М. 1978 — *Хоньна М.* «Нарна амтнь — амтэхнэрн йосн...» (= «Вкус солнца — настоящий...») // Хоньна М. Төрскнүрм бичэ хатн: шүлгүд болн шүлгэр бичсн түүк. (= Не стреляйте в Родину мою: стихи и повесть в стихах). Элст: Хальмг дегтр харһач, 1978. Х. 22.
- Хоньна М. 1971 — *Хоньна М.* Эрэсэн теңгр дор: шүлгүд болн поэм (= Под небом России: стихи и поэма). Элст: Хальмг дегтр харһач, 1971. 171 х.
- Хоньна М. 1966 — *Хоньна М.* Хальмг цэ уудгтан нарн (= Солнце, пьющее калмыцкий чай) // Хоньна М. Цаган-Нуурин айсмуд: шүлгүд (= Цаган-Нурские мотивы: стихи). Элст: Хальмг дегтр харһач, 1966. Х. 50.
- Цацлын дееж 1997 — Цацлын дееж. Зүңһарин хальмгудын йөрэл, магталмуд болн хүрмин йосн (= Заздравное слово. Благопожелания, восхваления и свадебный обряд калмыков Синьцзяна) / бүрдэгч Н. Содмон (Составитель Н. Содмон). Элст: Хальмг дегтр харһач, 1997. 174 х.
- Шугран В. 2008 — *Шугран В.* Хальмг цэ (= Калмыцкий чай) / Шугран В. Мини дегтр. Элст: Хальмг дегтр харһач, 2008. Х. 245–246.
- Шугран В. 2010 — *Шугран В.* Хальмг эмгд (= Бабушки-калмычки) // Шугран В. Шүлглен. (Поэзия) Элст: Герел, 2010. Х. 76.

References

- Badmaev S. (Badmin S.) Kalmyk tea. *Teegin gerl.* 1975. No. 3. P. 77. (In Kalm.)
- Badma-Khalgaev I. (Badm-Khaalyin I.) Jomba. *Khal'mg ünn.* 1993, February 27. P. 3. (In Kalm.)
- Baidyev S. (Baidyn S.) 'If you happen to meet a settlement on your way ...'. *Teegin gerl.* 1968. No. 2. P. 27. (In Kalm.)
- Baidyev S. (Baidyn S.) 'Strong Kalmyk tea is [my old] habit ...'. In: Baidyev S. (Baidyn S.) The Nomination. Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1963. P. 35. (In Kalm.)
- Baidyev S. A. Selected [Writings]: Poems. Elista: Dzhangar, 2000. 436 p. (In Kalm.)
- Bambaeva A. (Bamban A.) Food offering. In: Bambaeva A. (Bamban A.) The First Love. Poems. Elista: Dzhangar, 1998. P. 24. (In Kalm.)
- Bardakhanova S. S., Gypilova S. D. (comps.) Folklore of Mongols: Studies and Texts. Vol. 2: Buryat Folklore. Elista: Dzhangar, 2011. 444 p. (In Russ.)
- Basaev D. E. (comp.) The Seven Stars [of Ursa Major]: Kalmyk Legends and Tales. Elista: Kalmykia Book Publ., 2004. 415 p. (In Russ.)
- Bayanova A. T., Alekseeva P. E. (comps.) 'Glorifying Nectar of Steppe — Glorifying Kalmyk Tea'. Elista: RIA Kalmykia, 2016. 192 p. (In Kalm. and Russ.)
- Bembeev T. (Bembin T.) Jomba. In: Primary School Reader. Elista: Dzhangar, 1994. P. 27. (In Kalm.)
- Bembeev T. Jomba. In: Bembeev T. O. At the Heart Level. Poems. Elista: Dzhangar, 2005. P. 33. (In Kalm.)
- Bitkeev N. Ts. (comp.) Kalmyk Ritual Folklore. Elista: Sanan, 1993. 79 p. (In Kalm. and Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Magic Poetry: Study and Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 182 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Ritual Poetry: Genre System, Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Burykin A. A., Kuzmina E. I., Kukanova V. V., Pyurbeev G. Ts. (eds.) Kalmyk Myths, Legends and Tales. T. Basangova, T. Mikhaleva (text prep., foreword, etc.). Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Kalm. and Russ.)
- Dordzhieva D. B. (ed.) Poetry of Kalmykia: Anthology. Elista: Gerel, 2009. 352 p. (In Kalm. and Russ.)
- Dzhimbiev A. (Jimbin A.) Tea well-wishing be recited. *Khal'mg ünn.* 1984, December 5. P. 4. (In Kalm.)
- Dzhimbiev A. Kalmyk tea. In: Dzhimbiev A. M. Selected [Writings]: The Inexhaustible Source of Being... Elista: RIA Kalmykia, 2020. P. 69. (In Russ.)
- Dzhimbinov B. (Jimbin B.) Kalmyk tea. *Teegin gerl.* 1961. No. 2. Pp. 55–57. (In Kalm.)
- Eldyshev E. A. (comp.) My Russia, My Kalmykia: Anthology of Kalmykia's Poetry. In 2 vols. Vol. 1. B. Bicheev (foreword). Elista: Amur-Sanan National Library of Kalmykia, 2018. 352 p. (In Russ.)

- Eldyshev E. A. (comp.) My Russia, My Kalmykia: Anthology of Kalmykia's Poetry. In 2 vols. Vol. 2. Elista: Amur-Sanan National Library of Kalmykia, 2018. 320 p. (In Russ.)
- Eldyshev E. A., Chongonov V. B., Reshetnikova E. N. (comps.) The Gift of Spirit. Almanac. Elista, 2021. 272 p. (In Kalm. and Russ.)
- Erdni-Goryaev M. E.-G. (comp.) Kalmyk Well-Wishing Verses. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2010. 160 p. (In Kalm.)
- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyk [People]. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 475 s. (In Kalm. and Russ.)
- Jimbiev Ts.-J. The bowl of tea. *Teegin gerl*. 1966. No. 1. P. 52. (In Kalm.)
- Kalyaev S. (Kalyan S.) [Kalmyk] tea cooked by Kermen. In: Kalyaev S. (Kalyan S.) The Steppe Spring. Elista: Kalmykia Book Publ., 2005. Pp. 55–56. (In Kalm.)
- Kalyaev S. (Kalyan S.) [Kalmyk] tea. *Khal'mg ünn*. 1975, January 16. P. 4. (In Kalm.)
- Kalyaev S. (Kalyan S.), Matsakov I. (Matsga I.), Sangaev L. (Sangan L.) (comps.) Kalmyk Poetry: Anthology. Elista: Kalmykia Book Publ., 1962. 304 p. (In Kalm.)
- Kalyaev S. Praised be tea grower. In: Kalyaev S. K. The Son of Steppe. Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1974. P. 28. (In Russ.)
- Kalyaev S. Tea. In: Kalyaev S. K. The Day Arises. Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. P. 86. (In Kalm.)
- Khaninova R. Jomba. *Bayrta*. 2011, March 31. P. 3. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Conversation with the Sun in lyric poems by Vladimir Mayakovsky, David Kugultinov and Mikhail Khoninov. In: The Poetic World of David Kugultinov. Collected papers. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2009. Pp. 24–35. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Semiotic and culturological concept of food in Oriental discourse: Tea and chigyan (fermented milk) in Mikhail Khoninov's works. In: South Russia — the Meeting Point of Ethnic Groups and Cultures. Collected papers. Elista: Dzhangar, 2005. Pp. 129–140. (In Russ.)
- Khaninova R. Tea and bowl. *Kalmytskiy universitet*. 2010, April 8. P. 3. (In Russ.)
- Khoninov M. (Khonina M.) 'Taste of the Sun be finest of all ...'. In: Khoninov M. (Khonina M.) Don't Shoot at My Motherland. Poems and novel. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. P. 22. (In Kalm.)
- Khoninov M. (Khonina M.) The Sun to drink Kalmyk tea. In: Khoninov M. (Khonina M.) Melodic Motifs of Tsagan Nur. Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1966. P. 50. (In Kalm.)
- Khoninov M. (Khonina M.) Under the Sky of Russia. Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. 171 p. (In Kalm.)
- Khoninov M. Kalmyk tea. In: Khoninov M. V. It All Begins with the Path. Poems. Moscow: Sovremennik, 1972. Pp. 95–97. (In Russ.)
- Khoninov M. The Sun to drink Kalmyk tea. In: Dordzhieva D. B. (ed.) Poetry of Kalmykia: Anthology. Elista: Gerel, 2009. P. 227. (In Russ.)
- Kravchenko I. (comp.) Folk Culture of Kalmykia. Stalingrad, Elista: [Kalmyk Autonomous] Oblast [Book] Publ., 1940. 314 p. (In Russ.)
- Ledzhinov Ts. (Lejnä Ts.), Shalburov G. (Shalvra G.) (comps.) Kalmyk Folklore. Elista: Kalmgosizdat, 1941. 461 p. (In Kalm.)
- Mandzhikova B. B. Kalmyk-Russian Terminological Dictionary: Flora and Fauna. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2007. 98 p. (In Kalm. and Russ.)
- Mikhaylov G. (comp.) Twentieth-Century Mongolian Poetry. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1981. 278 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nastinova G. E. Tea, Milk in Kalmyk Ethnic Life. Elista: Dzhangar, 2014. 128 p. (In Russ.)
- Nasunov D. The Voices of Distance. Elista: Kalmykia Book Publ., 1971. 62 p. (In Russ.)
- Nurov V. (Nuura V.) Kalmyk tea — nectar of Heaven. In: Eldyshev E. A., Chongonov V. B., Reshetnikova E. N. (comps.) The Gift of Spirit. Almanac. Elista, 2021. P. 104. (In Kalm.)
- Nurov V. Kalmyk tea — nectar of Heaven. In: Eldyshev E. A., Chongonov V. B., Reshetnikova E. N. (comps.) The Gift of Spirit. Almanac. Elista, 2021. Pp. 104–105. (In Russ.)
- Osorin U. Kalmyk tea. In: Osorin U. The Winter Flower. Poems. Elista: Dzhangar, 2008. P. 98. (In Kalm. and Russ.)
- Sangadzhieva B. (Sanyjin B.) Kalmyk tea. In: Sangadzhieva B. (Sanyjin B.) Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1962. Pp. 18–19. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Sanyjin B.) Kalmyk tea. In: Sangadzhieva B. (Sanyjin B.) My Fortune — My Steppe. Poems. Elista: Kalmykia Book Publ., 1986. Pp. 12–13. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. (Sanyjin B.) Mother's tea. *Khal'mg ünn*. 1962, December 2. P. 3. (In Kalm.)
- Sangadzhieva B. Kalmyk tea. In: Sangadzhieva B. B. Kalmyk Tea. Poems. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1978. Pp. 38–39. (In Russ.)
- Sangadzhieva B. My grandmother's tea. In: Sangadzhieva B. B. Selected [Writings]: Poems. Moscow: Argo-Kniga, 2018. 432 p. (In Russ.)

- Shugraeva V. (Shugran V.) Kalmyk tea. In: Shugraeva V. (Shugran V.) My Book. Elista: Kalmykia Book Publ., 2008. Pp. 245–246. (In Kalm.)
- Shugraeva V. (Shugran V.) To a Kalmyk old woman. In: Shugraeva V. (Shugran V.) Poetry. Elista: Gerl, 2010. P. 76. (In Kalm.)
- Sodmon N. (comp.) The Words of Sprinkle Offerings: Yöräls, Magtals, and Wedding Rites of Xinjiang Oirats (Kalmyks). Elista: Kalmykia Book Publ., 1997. 174 p. (In Russ.)
- Tepkenkiev E. (Tövkkin E.) Kalmyk tea. In: Khoninov M. (Khonina M.) (comp.) The Sharp Word: New Poems by Sixteen Poets. Elista: Kalmykia Book Publ., 1963. P. 21. (In Kalm.)
- Todaeva B. Kh. (comp.) Kalmyks of Russia and Oirats of Xinjiang: Proverbs, Sayings and Riddles. Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Kalm. and Russ.)
- Viktorova L. L. Mongols: Ethnic and Cultural Backgrounds. Moscow: Nauka — GRVL, 1980. 224 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Mongolian Traditional Culture: Categories and Symbols. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. 196 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 2, pp. 444–456, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.22

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-444-456

Сюжетосложение «Песни о женитьбе Узенг Алдар-хана» из эпического репертуара ойратского сказителя Джавин Джуны

Байрта Барбаевна Манджиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5644-3340. E-mail: [mbbairta\[at\]yandex.ru](mailto:mbbairta[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Манджиева Б. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* Несмотря на изученность ряда проблем синьцзян-ойратской версии «Джангара» в отечественной и зарубежной фольклористике, вопросы сюжетосложения эпических песен ойратской традиции все еще остаются недостаточно исследованными. *Цель* исследования — изучение сюжетосложения «Песни о женитьбе Узенг Алдар-хана» из эпического репертуара ойратского джангарчи Джавин Джуны, представителя хобуксарской сказительской традиции. *Задачи* — изучить сюжет и выявить основные сюжетно-композиционные особенности песни, проанализировать единство и различие сюжетных тем в сравнении с калмыцкой версией эпоса «Джангар». *Материалом* исследования явились опубликованные источники по изучаемому аспекту на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»), монгольском и калмыцком языках. *Результаты.* Генеалогическая циклизация, являясь последовательной разработкой таких важнейших этапов эпической биографии Джангара, как чудесное рождение, первый подвиг, женитьба и героические деяния, побудила творцов эпоса проявить интерес к судьбе главного героя в целом и представить аудитории слушателей полную картину эпических событий. Как следствие, возможно, и была создана сказителями песнь, повествующая о событиях до рождения Джангара, его появления на свет и последующем сиротстве. В сравнении с калмыцкой версией в синьцзян-ойратской традиции преобладают элементы сказочно-мифологической фантастики: жилище красавицы-дагини, магические способности невесты, чудесный помощник-конь, волшебная шкатулка невесты. Сюжет героического сватовства строится как последовательное повествование, где каждая тема, эпизод и мотив имеют нерасторжимую связь между собой и служат раскрытию темы. Рассмотрение темы героического сватовства в синьцзян-ойратской и калмыцкой версиях эпоса «Джангар» выявило общие элементы в структуре сюжета: отправление героя в дальнюю поездку в поисках невесты, преодоление препятствий в пути, описание жилища суженой, прохождение женихом испытаний, победа, свадебный пир и возвращение на родину. Однако при всей общности и схематичности сюжетной структуры, тема героического сва-

товства имеет особенности, присущие национальным версиям и сказительским традициям ойратов и калмыков.

Ключевые слова: эпос «Джангар», синьцзян-ойратская версия, джангарчи, эпический репертуар, сюжет, тема, мотив, герой, суженая

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Манджиева Б. Б. Сюжетосложение «Песни о женитьбе Узенг Алдар-хана» из эпического репертуара ойратского сказителя Джавин Джуны // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 444–456. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-444-456

The Song of Khan Uzeng Aldar's Marriage Recorded from Oirat Tale-teller Javin Juna: Plot Structure Reviewed

Bayrta B. Mandzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Mandzhieva B. B., 2023

Abstract. Introduction. Despite quite a number of issues relating the Xinjiang Oirat version of the Jangar have been sufficiently dealt with in domestic and foreign folklore research papers, those of plot structure inherent to epic narratives within the Oirat tradition still remain somewhat understudied. **Goals.** The article attempts an insight into the plot structure of the Song of Khan Uzeng Aldar's Marriage recorded from the Oirat jangarchi Javin Juna — a representative of the Hoboksar tale-telling tradition. The work seeks to examine the plot and identify some key plot and compositional features of the narrative, compares the latter to the Kalmyk version of the Jangar for further analysis of traced similarities and differences. **Materials.** The study investigates corresponding publications in Oirat (Clear Script), Mongolian, and Kalmyk. **Results.** Being a consistent development of such important stages of Jangar's epic biography as miraculous birth, earliest feat, marriage and heroic deeds, the genealogical cyclization prompted the epic's creators to show interest in the main character's destiny at large and present a complete picture of epic events to the audience. This may have resulted in that they finally created a narrative describing certain events prior to Jangar's birth, his birth proper, and subsequent orphanhood. If compared to the Kalmyk version, the Xinjiang Oirat tradition is dominated by elements of fabulous mythological fiction: dwelling of a beautiful dakini, horse as a magic assistant, the bride's magical abilities and wishing box. The plot of heroic matchmaking is structured as a sequential narrative where each episode, element and motif are inextricably linked and together serve to reveal the theme. Our insight into the theme of heroic matchmaking in the Xinjiang Oirat and Kalmyk versions of the Jangar epic reveals common elements in plot structures, namely: the hero's departure on a long journey in search of bride, passage of obstacles en route, descriptions of the bride's home, trials underwent by the groom, victory, wedding feast, and return to homeland. However, despite the plot structures are common enough and essentially sketchy, the theme of heroic matchmaking is distinguished by some specific characteristics inherent to the Oirat and Kalmyk ethnic versions and tale-telling traditions, respectively.

Keywords: Jangar epic, Xinjiang Oirat version, jangarchi, epic repertoire, plot, theme, motif, hero, betrothed

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Mandzhieva B. B. The Song of Khan Uzens Aldar's Marriage Recorded from Oirat Tale-teller Javin Juna: Plot Structure Reviewed. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 444–456. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-444-456

1. Введение

Изучению синьцзян-ойратской эпической традиции «Джангара» посвящены работы отечественных и зарубежных исследователей: Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1923], А. Ш. Кичикова [Кичиков 1981; Кичиков 1992; и др.], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 1984; Неклюдов 2019а; Неклюдов 2019б], Н. Ц. Биткеева [Биткеев 1990; и др.], Э. Б. Овалова [Овалов 2004; Овалов 2008], Е. Э. Хабуновой [Хабунова 2006; Хабунова 2015; и др.], В. З. Церенова [Церенов 2008], Ц. Б. Селеевой [Селеева 2013; Селеева 2019а; Селеева 2019б], Т. Джамцо [Джамцо 1985; Джамцо 1991; Джамцо 1997; Джамцо 2008], Ж. Ринчиндоржа [Ринчиндорж 1986], Ж. Эрдэнэбаяра [Эрдэнэбаяр 2010], Б. Мёнки [Мёнкия 2011], Д. Таи [Тауа 2002; Тая 2010], Б. Амрдалы [Амрдала 2008], Ж. Батнасан [Батнасан 1986; Батнасан 2008], Лю Шиу [Лю 2004], М. Няма [Няма 1984], Б. Нямжава [Нямжав 1991] и др.

Несмотря на изученность ряда проблем синьцзян-ойратской версии «Джангара» в отечественной и зарубежной фольклористике, вопросы сюжетосложения эпических песен ойратской традиции все еще остаются недостаточно исследованными.

Цель исследования заключается в изучении сюжетосложения песни «Үзнг Алдр хан өргэлсн бөлг» («Песнь о женитьбе Узенг Алдар-хана») из эпического репертуара ойратского джангарчи Джавин Джуны — представителя хобуксарской сказительской традиции.

2. Материалы и методы исследования

Материалом исследования явились тексты эпических песен синьцзян-ойратской эпической традиции «Джангара», опубликованные Народным издательством Синьцзяна в Китае в 1986–2000 гг. на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») [Жангар 1986; Жангар 1987; Жангар 2000], переложенные на калмыцкий язык известным востоковедом Б. Х. Тодаевой [Джангар 2005; Джангар 2006; Джангар

2008]. В сравнительном аспекте были также привлечены тексты песен калмыцкого героического эпоса «Джангар» [Джангар 1978; Джангар 2020]. В целях изучения сюжетосложения песни сказительской традиции ойратов Синьцзяна применялись описательный и сравнительный методы.

3. Сюжетная структура песни «Үзнг Алдр хан өргэлсн бөлг» («Песнь о женитьбе Узенг Алдар-хана»)

Основная сюжетно-композиционная особенность эпоса «Джангар» заключается в «последовательном проведении принципа генеалогической циклизации эпических сказаний вокруг центральной фигуры эпического монарха, являющегося в то же время первым богатырем своего народа, воплощением его героического самосознания» [Жирмунский 1974: 33].

В синьцзян-ойратской версии «Джангара», в отличие от калмыцкой традиции, биографическая циклизация песен представлена тремя поколениями героев: 1) отец Джангара — Узенг Алдар-хан [Джангар 2005: 37–56]; 2) Джангар; 3) сын Джангара — Хара Джилган [Джангар 2006: 521–546].

Циклизация обусловлена не только последовательной разработкой важнейших этапов эпической биографии Джангара — чудесное рождение, первый подвиг, женитьба, богатырские поездки и героические подвиги, но и интересом аудитории слушателей к судьбе главного героя, к истории его семьи в целом. По мнению современного исполнителя песен синьцзян-ойратской версии «Джангара», джангарчи Нарса из аймака Алашань Внутренней Монголии Китая, «сказитель должен представлять полную картину эпических событий, в том числе до и после рождения главного героя богдо нойона Джангара» [ПМА 2023]. Данное мнение связано с сюжетом изучаемой песни, которая повествует о событиях до рождения Джангара и в первый год его жизни.

«Эпический сюжет в каждой отдельно взятой эпической поэме / песне реализует одну и ту же модель конструирования эпического сюжета, которая варьируется в зависимости от характерных для данной национальной традиции сюжетных коллизий. Модель эпического сюжета включает в себя ряд базовых сюжетообразующих мотивов, которые образуют устойчивую последовательность нескольких элементов:

1. Героическая коллизия (причина, побуждающая героя к деянию).
2. Путь к деянию (способ пространственного перемещения).
3. Испытание / претерпевание / препятствие.
4. Героическое деяние.
5. Последствия деяния.

Сюжет всякого эпического текста может быть представлен этой комбинацией элементов, каждый из которых является сюжетопорождающим мотивом, который в свою очередь влечет за собой целый мотивный комплекс, разворачивающийся далее в повествовательной структуре любого эпического текста в традиции. Однако комбинация этих элементов (или сюжетопорождающих мотивов) не произвольна, а, наоборот, необычайно устойчива и строго последовательна» [Ершова 2018: 52].

Предложена И. В. Ершовой модель эпического сюжета, состоящая из устойчивой последовательности элементов, применима и к эпическим песням «Джангара», в частности к изучаемой поэме синьцзян-ойратской традиции.

Сюжет «Песни о женитьбе Узенг Алдар-хана» из эпического репертуара ойратского джангарчи Джавин Джуны основан на теме героического сватовства, которое обусловлено богатырской поездкой Узенг Алдар-хана в чужую страну в поисках невесты — предназначенной герою суженой. Сюжет песни включает в себя ряд сюжетообразующих мотивов, имеющих следующую устойчивую последовательность:

1. Героическая коллизия (причина, побуждающая героя к деянию).
2. Путь к деянию (способ пространственного перемещения).
3. Героическое деяние.
4. Испытание / соперничество (препятствия на обратном пути).
5. Последствия деяния (смерть героя).

3.1. Героическая коллизия (причина, побуждающая героя к деянию)

«Песнь о женитьбе Узенг Алдар-хана» начинается с описания пространственно-временного фона: *Эрдний энх сэн цагт харгсн, / Эн орчлүгин үүсл цагт харгсн, / Эңк хаанакн эңк жүрхд, / Мөңк хаанакн мөңк наслхд, / Эрдни цолт хаанакн сүндрлхд / Эзн Маньзушрин эрдни ширэ / Эн хаанд Хурмстнас буугсн гидг* 'В начальное драгоценное время рожденный, / В то время как сотворилась вселенная рожденный, / Когда мирные ханы в мире и спокойствии пребывали, / Когда бессмертные ханы вечностью наслаждались, / Когда с драгоценным титулом ханы были величественны, / Владыки Манджуши драгоценный престол / Этому хану от Хурмусты-тенгрия спустили, говорят'¹ [Джангар 2005: 39]. Таким образом, время в зачине определяется как мифическая эпоха первотворения и характеризуется как идеальный «драгоценный век».

Через описание родословной Узенг Алдар-хана вводится главный герой, создается картина его эпического мира. Завязкой песни служит приезд Узенг Алдар-хана во владения побратима Шигширге, сына Ширке-хана, живущего по соседству. Справившись о здоровье хана Ширке и его супруги, Узенг Алдар-хан угостился аракой и разного вида яствами, по обычаю преподнес белый платок-хадак, поведал о причине приезда. Как оказалось, герою приснился сон, будто через дымоход солнце вошло, а в дверь вошла луна. Цель его визита — попросить растолковать этот сон хана Шигширги. Шигширги с супругой указали на то, что сон предвещает ему суженую — красавицу Урман Цецен Дамбушо, дочь хана Усун Хадын. Однако, тем не менее, существует запрет ее замужества, как они знают, на три года, если она выйдет замуж, то вместе с ней уйдет благополучие всего нутука, поскольку Цецен-дагини является хранительницей счастья всего кочевья. Поэтому во избежание ее замужества хан, отец 99 дочерей, намеренно объявил всему народу о рождении сотой, якобы, очень глупой дочери, которую отдаст тому, кто разрешит сто восемь трудных споров в течение трех лет. Шигширги с супругой уговаривали Узенг Алдар-хана не торопиться, прислушаться к

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

их совету — в течение трех лет разрешить трудные задачи, а потом засватать красавицу Дамбушо. Но герой, не вняв их совету и уговорам, спешно отправляется в путь за своей суженой невестой [Джангар 2005: 40–42].

3.2. Путь к деянию (способ пространственного перемещения)

В архаическом эпосе отправляющийся в брачную поездку герой преодолевает на своем пути сказочные преграды (водные рубежи, волшебные-магические препятствия), выполняет трудные задачи, однако, как заметил В. М. Жирмунский, «в патриархально-родовом обществе в особенности на высшей ступени его развития, в период „военной демократии“, сюжет брачной поездки принимает, с преобладанием воинских интересов, характер по преимуществу героический» [Жирмунский 1974: 264]. Подобное развитие сюжета мы наблюдаем в анализируемой эпической песне синьцзянских ойратов.

Так, в изучаемой песне герой направляется в страну Гюртем Цецен-хана, чтобы засватать свою суженую и жениться, в противном случае, — проявив богатырскую силу, забрать ее. Когда, преодолев огромное расстояние, Узенг-хан стал приближаться к границе владений чужеземного хана, узнавший о непрошеном госте Гюртем Цецен с помощью магических способностей вызвал две стихии: ураганный ветер, не дающий богатырю пройти вперед, и знойную жару, палящую ему в спину. Десять суток герой пытался пройти вперед, изнемогая, на пятнадцатые он упал обессиленный, без сознания. В это время на помощь Узенг-хану приходит его суженая красавица-дагини Цецен, вдохнув в него жизнь, исцеляет его белым лекарством-снадобьем. Красавица-дагини, сотворив озеро в окружении прекрасных фруктовых деревьев, написала ему послание, что оказала ему помощь, а потом оставила его в этом месте. Пробудившись после долгого сна, Узенг-хан находит письмо красавицы-дагини. Узнав, что суженая оживила и исцелила его, герой отправляется к хану, к отцу своей суженой [Джангар 2005: 43–44].

Прибыв во владения хана Гюртем Цецена, Узенг-хан видит дворец-сюме: *Деерэн дүүжэңгэ уга, / Доран бахн уга / Тавн өңгин солһи туяргсн, / Таңгсг сээхн сүм сүврһ*

харгдв ‘Сверху, не имеющий веревок-креплений, / Снизу, не имеющий опорного столба, / Пятью цветами радуги сияющий, / Прекрасный дворец-сюме обнаружил’ [Джангар 2005: 44–45].

Описание жилища красавицы-дагини встречается как в сказочной, так и в эпической традиции калмыков. В богатырской сказке «Нальхан Цаган эджи богатырь Найхал» [Калмыцкие богатырские 2018: 261] жилище суженой героя представляет собой «наглухо закрытый бесшовный объем» [Кичиков 1992: 54], которое не имеет ни окон, ни дверей: «...богатырь добрался до того места, где небо с землей сходятся. Там были крымский котел и огромный таган. Взяв их, пошел к яме, в которую провалилась нижняя часть муса. Оставив крымский котел рядом с ней, спустился в подземелье. [Видит —] стоят без веревок-креплений три белых [дворца-]кибитки [Калмыцкие богатырские 2018: 261].

Девичье жилище не касается земли, висит в воздухе «между небом и землей», поскольку «нет подвески-поддержки сверху, подпорки (лестницы) снизу» [Кичиков 1992: 54].

В калмыцком героическом эпосе «Джангар» девичья башня красавицы-рагини, в отличие от сказочных теремов, имеет окно. В заключительной песне «*Догшин Шар Гүргү маңһс хааг дуут Улан Шовиур дөрэцүлгсн бөлг*» («Песнь о том, как прославленный Улан Шовшур покори́л хана мангасов — Сви́репого Шара Гю́ргю») Малодербетовского цикла на особенность жилища суженой героя указывает способ проникновения богатыря: «Джангар в окно с обрамлением из волшебного сандала влез» [Джангар 2020: 307], также в этой песне наблюдается мотив уменьшения красавицы-рагини до самых маленьких величин (она уместается в кармане): Джангар, проникнув во дворец девы-рагини, «за белые, цвета раковины, руки взял ее / и, в карман положив, вышел» [Джангар 2020: 307].

В изучаемой песне сказителя Джавин Джуну проникнуть в жилище невесты герою помогает его конь, у которого в процессе прыжка вырастают крылья, и несколькими взмахами скакун доставляет Узенга «в звездно-пестрый дворец-сюме» красавицы-дагини. Встретив Узенг-хана, красавица Цецен рассказала жениху о запрете выхо-

дить замуж и необходимости повременить три года, чтобы все благополучно разрешилось. Однако герой не соглашается с невестой и отправляется к ее отцу Гюртем Цецен-хану.

В разговоре с отцом невесты Узенг Алдар-хан напомнил, что когда-то давно его отец Тангаг Бумба-хан преподнес ему белый платок-хадак и желтый клей в знак скрепления будущего союза детей, теперь он явился забрать его дочь, свою суженую невесту. В данном эпизоде отражаются «предсвадебные и свадебные ритуалы — с подношением даров родителям невесты и последующим свадебным пиром. Свадебные подарки у монгольских народов имели определенную символику, — например, клей означал крепость создаваемого союза» [Селеева 2019б: 69].

Однако, несмотря на взаимную договоренность двух отцов, Гюртем Цецен-хан отказывает Узенг Алдару, мотивируя отказ тем, что выдал замуж 99 дочерей, а для младшей объявил всенародный клич «тому, кто разрешит сто восемь трудных споров в течение трех лет, и выдаст дочь», и если он является судьбою предназначенным женихом, то в течение трех лет ему надо подготовиться и выиграть, тогда он их благословит [Джангар 2005: 48].

3.3. Героическое деяние

Получив отказ, Узенг-хан вступает в конфликт с будущим тестем. Кульминацией песни является сражение героя с войском Гюртем Цецен-хана: *Нал үдин баргт дэврж орад, / Налвр зандн модыни түүмрдэд, / Налвс далаһини татн ширгэдэд, / Ганьгс уулмудыни сөңг татв. / Бар хот балһдыни балвчад, / Бадргсн шажн киидини күүчэд, / Бэңгү нутг алвтыни талхчад одв. / Нойн нутгтаһан ноха көлчн уга / Ниргн үүмлдэд, самурад одгсн цагт, / Гүртм Цецн хан / Уул шуһу хоюулнд бөггсн / Ү-түмн каамудан урадхла, / Усн дала уурхад бөггсн / Орнд уга баатрмудни бүслв гинэ / <...> Эн нарни көл дор / Эрин сээниг сэрлций гигсэр / Эрс догшин дэн эклв* «В полдень [Узенг Алдар-хан в ханство] ворвался, / Сандаловые деревья огню предал, / Грозный океан иссушил, / Высокие горы разрушил. / Прекрасный город в руины превратил, / Религию распространяющие монастыри разрушил, / Безмятежные кочевья-владения уничтожил. / Нойоны с подданными / В суматохе, в беспорядке бе-

гали. / Гюртем Цецен-хан / В уголке между гор сгорбившись, / Многочисленную охрану свою призвал, / Словно волна океана / Отборные богатыри [хана] кольцом его окружили, говорят / <...> Под лучами солнца, / Словно лучшие из лучших мужчин испытывая, / Грозная война началась» [Джангар 2005: 49].

Согласно сюжету песни, битва длится много месяцев, отрубленные головы образовали гору-ова, убитые горами лежали, от кровавого потока люди в беспамятство впадали, охрана хана численностью убывала, оставшиеся воины вновь в битву вступали [Джангар 2005: 49]. Так представлена картина катастрофы в ханстве Гюртем Цецен-хана.

Дальнейшее развитие действия ведет к развязке конфликта. Когда в ханстве не осталось ни одного воина, который мог бы оказать сопротивление, война закончилась. Узенг-хан, закулив трубку, написал свои требования на бумаге и, обмотав ее вокруг стрелы, пустил в сторону дворца Гюртем Цецена — стрела вонзилась в ханский престол. Прочитав письмо Узенга, хан с сожалением сказал: «Не послушались меня жених с невестой, теперь неблагоприятной будет жизнь у них. Пять лет будут счастливы, а на шестой год случится беда» [Джангар 2005: 50].

Хан-отец вынужден был признать победу жениха, покориться Узенг-хану, дать свое согласие на женитьбу и устроить свадебный пир.

3.4. Испытание / соперничество (препятствия на обратном пути)

На обратном пути в родные кочевья герой преодолевает новые препятствия. В борьбе с врагами Узенг-хану помогает его невеста Цецен-дагини. Когда половина дороги пройдена, чужеземный хан Киганда, узнав, что Узенг-хан возвращается со своей суженой, выставляет на их пути многочисленную армию воинов. Узенг-хан обращается к своей невесте за советом, в ответ Цецен-дагини раскрывает свою шкатулку, и из нее выходят сначала воины внутренней охраны принцессы, затем целое войско. Сразившись с войском Киганда-хан, уничтожили они всех и двинулись дальше в путь. На дальнем пути («сколько суток в пути проскакали, не ведая»), встретили они свирепого Огонда-хана, который, услышав,

что Узенг-хан возвращается со своей невестой, решил уничтожить хана, а его суженую забрать. Вновь Цецен-дагини, раскрыв свою шкатулку, выпускает несметное войско свое. Уничтожив врага, они продолжают путь дальше.

Препятствия, которые герой преодолевает на обратном пути, имеют традиционный сказочный характер. Вражеские богатыри Киганда-хан и Огонда-хан являются соперниками героя, угрожающими силой захватить его невесту. «Их чудовищные черты, уже лишённые мифологического отсвета „потустороннего“ мира, надолго сохраняются не только в сказочном, но и в героическом эпосе как гротескная художественная гипербола — в противопоставлении благородному человеческому облику героя» [Жирмунский 1974: 295].

Пройдя испытания, Узенг-хан со своей суженой прибывают в обратной дороге к границе родных кочевий, первыми их встречают Шигширге с супругой, затем собравшиеся на склоне белоснежной горы Манхан жители родного нутка приветствуют жениха с невестой. Выбрав благоприятный день, возводят дворец Узенгу и его суженой. Свадебный пир длится много дней и ночей [Джангар 2005: 53–54].

5. Последствия деяния (смерть героя)

Нарушение Узенг-ханом запрета на женитьбу приводит к негативным последствиям. Предсказание отца невесты, что после пяти лет счастливого брака случится несчастье, становится пророческим. Согласно сюжету, через пять лет благополучной жизни, когда Узенг-хан находился в отлучке для приготовления пяти видов оружия своему будущему сыну, у них рождается наследник [Джангар 2005: 54]. Сын рождается с признаками чудеснорожденного героя: *Куу́кн хар шу́лмиг да́рн / Кө́л до́ран ишкэ́сн, / Э́р хар шу́лмиг да́рн / Э́лкн де́ерни зэмлн суугэ́сн, / Хо́йр да́лынни хоорн́д / Тосн то́рлг кү́рңэ ула́н меңгтэ́, / <...> Сү́р сү́лдтэ́ кө́вүн ха́рв гинэ́* ‘Женщину, черную шулму, подавляя, / Ногою раздавить готовый, / Мужчину, черного шулму, подавляя, / На его печени, ноги скрестив, восседающий, / Меж двух лопаток его / Красное родимое пятно выделялось, / <...> Могуществом и величием наделенный мальчик родился, говорят’ [Джангар 2005: 55]. Чудеснорожденный герой архаическо-

го эпоса превращается в центральный образ героического эпоса «Джангар».

Родимое пятно — признак необыкновенности, поэтому мать вместе с приближенными обращается к бакши (к настоятелю буддийского монастыря), чтобы узнать о его будущем. Когда бакши берет в руки сутру, страница с его великим предначертанием открывается сама. По совету бакши Цецен-хатун должна вырастить сына в затаённом месте на озере, окруженном скалами. На шестой год супружества, как и предугреждал Гюртем Цецен-хан, случается беда: на ханство Узенга нападает свирепый Шара Мангас, и в живых остался только чудеснорожденный сын. Песня завершается пленением Шигширге, владельца соседнего кочевья, и осиротевшего младенца вместе с ему предназначенным жеребенком [Джангар 2005: 56]. Но при этом становится зачином следующей песни о Джангаре, где он победил Шара Мангаса и освободил свои владения.

Рассмотрим в сравнительном аспекте сюжетосложение песен о героическом сватовстве в калмыцкой версии эпоса «Джангар».

4. Тема героического сватовства в калмыцкой традиции «Джангара»

В калмыцкой версии эпоса «Джангар» теме героического сватовства посвящены две песни: 1. «Песнь о том, как восемнадцатилетний Хонгор женился на девушке Герензел — дочери свирепого хана Цаган Зула, одного из четырех ханов четырех материков» из цикла джангарчи Ээлян Овла, записанная Номто Очировым в 1908 г. [Джангар 1978: 25–70]; 2. «Песнь о женитьбе Улан Хонгора Превосходного» из эпического репертуара сказителя Давы Шавалиева [Манджиева 2018: 79–102].

«Песнь о женитьбе Хонгора» в исполнении Давы Шавалиева повествует о далекой поездке богатыря за суженой, героическом сватовстве, состязании с соперниками и возвращении героя с женой на родину. Завязкой сюжета служит обращение на пиру хатун Шавдал к Джангару с просьбой уделить внимание Хонгору и начать поиски суженой для него, ибо настало время женитьбы молодого богатыря. Снарядившись, Джангар, а вслед за ним и Боро Мангна спешно отправляются на поиски невесты богатырю

Хонгору. Прибыв в ханство Кермен-хана, Джангар некоторое время остается незамеченным. Неузнаваемость героя сопряжена с мифологическим по своему происхождению мотивом пребывания богатыря в ином мире (т. е. в стране Кермен-хана).

Согласно повествованию, Кермен-хан, увидев гостя, расспрашивает его о цели визита. В ответ на предложение Джангара засватать его дочь Кермен-хан выдвигает требование отдать ему богатырей Санала и Савра, а также двух скакунов — аранзала Зерде и Кёке Галзана. Джангар дает свое согласие и возвращается в Бумбу. Оскорбленный таким ультиматумом, Хонгор спешно отправляется в страну Кермен-хана, разоблачает лженивесту, расправляется с ней и ее женихом.

Неудачное сватовство Хонгора влечет за собой скитания героя, внешне бесцельные. «Но бесцельность и безволие скитающегося Хонгора-жениха выступают как антитеза, как художественный прием раскрытия проблематики „Джангара“: богатыри совершают героические подвиги во имя народа и державы Бумбы, действуя активно, не щадя себя, свою жизнь» [Кичиков 1992: 216].

Тема сватовства в «Джангаре» порождает сюжет о похождениях героя в ином мире, в нем отражены скитания Хонгора, вступление его в границы владений Замбал-хана, превращение себя в мальчика-тарха (плешивого), а своего коня — в плохонького жеребенка. Прибытие Хонгора на вражескую территорию в облике плешивого мальчика связано с обрядом инициации, знаменующим переход героя на новую ступень, в данном случае — в статус жениха.

Мотив безволосого жениха взаимосвязан с мотивом «неумойки», или «незнайки», который в свою очередь соотносится с представлениями о неузнаваемости героя, возвратившегося из страны смерти [Пропп 1986: 135]. По мнению А. Ш. Кичикова, «плешивость-паршивость героя как признак прохождения обряда инициации отличала его от других женихов — идентифицировала его как суженого принцессы» [Кичиков 1992: 59].

В песне в интерпретации Давы Шавалиева отсутствует мотив встречи плешивого мальчика с бездетными стариком и старухой, а также связанные с ним эпизоды, сохранившиеся в песне с аналогичным

сюжетом в цикле Ээлян Овла: усыновление стариками Хонгора, игра в альчики с детьми знати, выигрыш и спрашивание совета у коня. При этом в песне Давы Шавалиева сохранились мотивы, которые отсутствуют в песне Ээлян Овла, как, например, дарение подарков невесте (нож, платок, золотое кольцо).

Мальчик-тарха постепенно обнаруживает свою истинную сущность и намерения. После исполнения плешивцем песни о богатырях Джангар-хана ханская дочь начинает догадываться, что перед ней сам богатырь Хонгор, который желает оставаться неузнанным. Не вняв просьбе девушки принять свой настоящий облик, Хонгор дарит ей золотое кольцо, которое в последующем послужит доказательством его знакомства с будущей женой, дочерью Замбал-хана. Прекрасная песня, исполненная плешивцем, оказывается песней-кличем, с помощью которой Хонгор призывает Джангара и богатырей на помощь. В ответном обращении богдо Джангара к одному из своих отважных, могучих героев — любимцу, богатырю Хонгору выражаются тревога и опасения за него.

Кульминацией темы героического сватовства является принятие плешивцем-тарха прежнего вида и его участие в трех видах состязаний с претендентом на руку невесты. Чтобы определить избранника своей дочери, Замбал-хан объявляет брачные состязания: скачки, стрельбу из лука и борьбу. В первом состязании — скачках — побеждает юноша, который, по выбору Хонгора, заменял его. В двух других состязаниях Хонгор, проявив свои богатырские качества, одерживает сам. Развязкой песни является женитьба Хонгора и получение им приданого, затем следует финальный эпизод возвращения богатырем на родину.

Рассмотрение темы героического сватовства в синьцзян-ойратской и калмыцкой версиях эпоса «Джангар» выявляет общие элементы в структуре сюжета: отправление героя в дальнюю поездку в поисках невесты, преодоление препятствий в пути, описание жилища суженой, прохождение женихом испытаний, победа, свадебный пир и возвращение на родину. Однако при всей общности и схематичности сюжетной структуры песен, тема героического сватовства имеет свои особенности, присущие на-

циональным версиям и сказительским традициям ойратов и калмыков.

5. Выводы

В синьцзян-ойратской версии «Джангара» в отличие от калмыцкой традиции биографическая циклизация песен представлена тремя поколениями героев: отца Джангара — Узенг Алдар-хана, главного героя Джангара и его сына Хара Джилгана. По нашему мнению, циклизация, являясь последовательной разработкой таких важнейших этапов эпической биографии Джангара, как чудесное рождение, первый подвиг, женитьба и героические деяния, побудила творцов эпоса проявить интерес к судьбе главного героя в целом и представить аудитории полную картину эпических событий. И, как следствие, возможно была создана сказителями песнь, повествующая о событиях до рождения Джангара, его появления на свет и последующем сиротстве. Сюжет песни вобрал в себя элементы чудесного волшебства, которые являются основой архаического эпоса. В сравнении с калмыцкой версией

в синьцзян-ойратской традиции (в разработке темы героического сватовства) преобладают элементы сказочно-мифологической фантастики: жилище красавицы-дагини (без подвесок-креплений висящий в воздухе дворец-сюме), магические способности невесты (обладание волшебной силой в эпизоде исцеления жениха), чудесный помощник-конь (превращение в крылатого коня), волшебная шкатулка невесты (в ней заключены воины внутренней охраны принцессы и целое войско). Сюжет героического сватовства строится как последовательное повествование, где каждая тема, эпизод и мотив имеет неразрывную связь между собой и служит раскрытию темы. Несмотря на провиденциальный характер связи между героем и героиней, богатырь добывает свою невесту подвигом, который является испытанием его богатырской доблести. В калмыцкой и синьцзян-ойратской эпической традиции «Джангара» герой, выдержав испытания, доказывает свое право на невесту, обнаруживает перед всеми, что он тот самый, которому она предназначена свыше.

Полевой материал автора

ПИМА 2023 — Эпический репертуар ойратского джангарчи Нарса, 1974 г. р. (хошуд, уроженец г. Алашань Внутренней Монголии КНР). Запись осуществлена Б. Б. Манджиевой 26.01.2023.

Author's Field Data

Epic narratives recorded from jangarchi Narsa, b. 1974, ethnic Khoshut, native of Alashan League (Inner Mongolia Autonomous Region, People's Republic of China). Rec. by B. Mandzhieva on 26 January 2023.

Источники

Джангар 1978 — Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен) / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. Т. 2. 417 с.
Джангар 2005 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3 тт. Т. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 856 с.
Джангар 2006 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3 тт. Т. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2006. 831 с.
Джангар 2008 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3 тт. Т. 3. Элиста: АПП «Джангар», 2008. 460 с.
Джангар 2020 — Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Малодербетовский цикл / вст. ст. Б. Б. Манджиевой; сверка текстов песен с оригиналом на «ясном письме» Б. Б. Го-

ряевой, Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой; пер. Т. А. Михалевой; примеч., коммент., словарь, указатели Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев, С. Ю. Неклюдов, В. В. Куканова. М.: Первая Образцовая типография, Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. 544 с. (Свод калмыцкого фольклора).
Жангар 1986 — Жангар = «Джангар». В 3 тт. Т. 1. Дунд улусийин ардын амн зокал урлгиг судлх ниигмлгин шинжангин уйгур эбээн засх оюни сала ниигмлигэс эмкэгдэлвэ. Урумчи: Шинжийан-гиин ардын кэвлэлин хора, 1986. 860 х. (На ойрат. письмен.)
Жангар 1987 — Жангар = «Джангар». В 3 тт. Т. 2. Дунд улусийин ардын амн зокал урлгиг судлх ниигмлгин шинжангин уйгур эбээн засх оюни сала ниигмлигэс эмкэгдэлвэ.

Урумчи: Шинжийан-гийн ардын кэвлэлин хора, 1987. 865 х. (На ойрат. письмен.)
 Жангар 2000 — Жангар = «Джангар». В 3 тт. Т. 3. Дунд улусийн ардын амн зокал урлгиг судлх нийгмлгн шинжангин уйгур эбээн засх оюни сала нийгмлигэс эмкэгдэлвэ. Урумчи: Шинжийан-гийн ардын кэвлэлин хора, 2000. 460 х. (На ойрат. письмен.)
 Калмыцкие богатырские 2018 — Калмыцкие богатырские сказки / вступит. ст. Б. Б. Ман-

джиевой; подгот. текстов, переложение калмыцких текстов, пер., примеч., коммен., указатели, словарь Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой, Ц. Б. Селеевой; примеч., коммент., указатели, словарь Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев; КалмНЦ РАН. М.: АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2018. 561 с.

Sources

Jangar. Vol. 1. Urumqi: Xinjiang People's Press, 1986. 860 p. (In Oir.)
 Jangar. Vol. 2. Urumqi: Xinjiang People's Press, 1987. 865 p. (In Oir.)
 Jangar. Vol. 3. Urumqi: Xinjiang People's Press, 2000. 460 p. (In Oir.)
 Jangar: Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2005. 856 p. (In Russ. and Kalm.)
 Jangar: Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Dzhangar, 2006. 831 p. (In Russ. and Kalm.)
 Jangar: Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. 460 p. (In Russ. and Kalm.)
 Jangar: Kalmyk Heroic Epic (Texts of 25 Songs). A. Kichikov (comp.), G. Mikhaylov (ed.). Mos-

cow: Nauka — GRVL, 1978. Vol. 2. 417 p. (In Kalm.)

Kalmyk Heroic Epic of Jangar: The Baga Dorbet Cycle. B. Mandzhieva (foreword), B. Goryaeva, B. Mandzhieva, Ts. Seleeva (rev.), etc. G. Pyurbееv, S. Neklyudov, V. Kukanova (eds.). Moscow: Pervaya Obraztsovaya Tipografiya (Chekhovskiy Pechatnyi Dvor), 2020. 544 p. (In Kalm. and Russ.)

Kalmyk Heroic Tales. B. Mandzhieva (foreword), T. Mikhaleva, Ts. Seleeva (text prep., comment. index, vocabulary), etc. A. Burykin, V. Klyaus, V. Kukanova, G. Pyurbееv (eds.). Kalmyk Scientific Center (RAS). Moscow: Pervaya Obraztsovaya Tipografiya (Chekhovskiy Pechatnyi Dvor), 2018. 561 p. (In Kalm. and Russ.)

Литература

Амрдала 2008 — Амрдала Б. Жаңһрчдын товч намтр = Краткая биография джангарчи // «Джангар». Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 3. Элиста: НПП «Джангар», 2008. С. 334–340. (На калм. яз.)
 Батнасан 1986 — Батнасан Ж. Ховогсайрт Жангар уламжлагад ирсэн тухай байцаалтын мэдүүлэлт (= К вопросу изучения сказительской традиции «Джангара» в Хобуксаре) // Жангарын тухай өгүүлэл (= Статьи по исследованию «Джангара»). II боть. Урэмчи: Шинжийан-гийн ардын кэвлэлин хора, 1986. Х. 623–646. (На ойрат. письмен.)
 Батнасан 2008 — Батнасан Ж. «Жаңһр»-ин тууль ба Ховгсэрин жанһрчдын туха бээцэлт = О записи и изучении эпоса «Джангар» и джангарчи Хобуксара // «Джангар». Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 3. Элиста: НПП «Джангар», 2008. С. 368–390. (На калм. яз.)
 Биткеев 1990 — Биткеев Н. Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типоло-

гии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 155 с.

Владимирцов 1923 — Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. Пг.; М.: Светоч, 1923. 253 с.

Джамцо 1985 — Джамцо Т. Шинжааны Ойрад монголын баатарлаг тууль – Жангарын тархалт ба түүний хадгаламжийн тойм байдал = К вопросу о распространении и сохранении синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» // Үүрийн цолмон (= Утренняя звезда). 1985. № 1. Х. 24–48. (На ойрат. письмен.)

Джамцо 1991 — Джамцо Т. Алдарт жангарч П. Рампил болон Э. Овлойн Жангарын оршил бүлгийн харьцуулал = Сравнение текста прологов «Джангара» выдающихся джангарчи П. Рампила и Э. Овлы // Ойрадын судлал (= Ойратоведение).. Урэмчи: [б.и.] 1991. № 2. Х. 31–91. (На ойрат. письмен.)

Джамцо 1997 — Джамцо Т. Туули «Жангар»-ын учир = Значение эпоса «Джангар». Урэмчи: Шинжийан-гийн ардын кэвлэлин хора, 1997. 516 х. (На ойрат. письмен.)

- Джамцо 2008 — *Джамцо Т.* Шинжэнгийн монголчуудын дотр «Жангар»-ин туулин тархж хадгдсн тойм бээдл = Распространение и сохранение эпоса «Джангар» среди монголов Синьцзяна // «Джангар». Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Джангар, 2008. С. 368–390. (На калм. яз.)
- Ершова 2018 — *Ершова И. В.* Сказание о Сиде в испанском эпосе и историографии средних веков. Структура и эволюция эпического сюжета: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2018. 393 с.
- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.
- Кичиков 1981 — *Кичиков А. Ш.* «Джангар» современных джунгарских ойратов (К вопросу о соотношении традиций) // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста: [б. и.], 1981. С. 41–56.
- Кичиков 1992 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, Вост. лит., 1992. 320 с.
- Лю 2004 — *Лю Шю.* Особенности песен «Джангара» в четырех аймаках Синьцзяна // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 22–24 августа 1990 г.). Элиста: Джангар, 2004. С. 113–116.
- Неклюдов 1984 — Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. М.: Наука, 1984. 309 с.
- Неклюдов 2019а — Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии: Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 519 с.
- Неклюдов 2019б — Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии: Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 590 с.
- Ням 1984 — Ням М. Үндэсний соёлын өвөө үр ачнартаа залгамжлагч – Жангарч Мөндүүр настны тухай сурвалжлага = Наследие джангарчи Мёндур — достояние национальной культуры // Шинжааны Өдрин сонин (= Синьцзянская ежедневная газета). 1984. № 2. X. 4–14. (На ойрат. письмен.)
- Нямжав 1991 — Нямжав Б. Жангарч Бэмбэийн тухай дурсамж = Воспоминания о джангарчи Бэмбэ // Ойрадын судлал (= Ойратоведение). 1991. № 3. X. 75–76. (На ойрат. письмен.)
- Манджиева 2018 — Манджиева Б. Б. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: исследование и тексты эпического репертуара Давы Шавалиева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 264 с.
- Мёнка 2011 — Мёнка Б. «Жангар»-ын тархац хийгээд «Жангар»-ын үүсэл бүрдэл = К вопросу о распространении и происхождении эпоса «Джангар» // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 104–110.
- Овалов 2004 — Овалов Э. Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов (опыт сравнительно-типологического исследования). Элиста: АПП «Джангар», 2004. 184 с.
- Овалов 2008 — Овалов Э. Б. Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста: Джангар, 2008. 304 с.
- Пропп 1986 — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 365 с.
- Ринчиндорж 1986 — Ринчиндорж Ж. «Жангар»-ын үүссэн цаг үеийн тухай = О времени создания эпоса «Джангар» // «Жангар»-ын тухай өгүүлүүд. II боть. Урэмчи: Шинжий-ан-гийн ардын кэвлэлин хора, 1986. X. 82–88. (На ойрат. письмен.)
- Селеева 2013 — Селеева Ц. Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар». Элиста: КалмНЦ РАН, 2013. 276 с.
- Селеева 2019а — Селеева Ц. Б. Особенности сюжетосложения в синьцзян-ойратской эпической традиции // Oriental Studies. 2019. Т. 12. № 3. С. 478–491. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-478-491
- Селеева 2019б — Селеева Ц. Б. Героическое сватовство в синьцзян-ойратской версии «Джангара»: сюжетный состав и композиционная структура // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 65–78.
- Тая 2010 — Тая Д. Шинжааны жангарчийн уламжлал судлал = Исследование сказительской традиции синьцзянских джангарчи. Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв, 2010. 322 х. Серия: Bibliotheca Oiratica (На монг. яз.)
- Хабунова 2006 — Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: СК НЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Хабунова 2015 — Хабунова Е. Э. Этнопоэтические константы героического эпоса монгольских народов: к вопросу о выявлении и систематизации // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2015. Т. 12. № 1. С. 140–144.

Церенов 2008 — Церенов В. З. Эпос «Джангар» у ойратов Синьцзяна // Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 3. Элиста: НПП «Джангар», 2008. С. 437–457.

Эрдэнэбаяр 2010 — Эрдэнэбаяр Ж. Жангарын тархац, түүний газарзүйн хэв шинжүүд = Распространение «Джангара» и его гео-

графические особенности. Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв, 2010. 136 х. Серия: Bibliotheca Oiratica (На монг. яз.)

Taya 2002 — Taya D. Арампилин «Жангар» – Шинжаан Ойрадын баатарлаг тууль = Синьцзян-ойратская версия «Джангара» в исполнении Арампиля. Chiba: Chiba University, 2002. 298 p. (На старописьмен. монг. яз.)

References

Amrdala B. Brief biographies of jangarchis. In: Jangar. Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 334–340. (In Kalm.)

Batnasan Zh. Exploring the Jangar storytelling tradition in Hoboksar. In: [Collected] Narratives of Jangar. Vol. 2. Urumqi, 1986. Pp. 623–646. (In Oir.)

Batnasan Zh. Jangar epic and jangarchis of Hoboksar: Recordings and studies reviewed. In: Jangar. Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 368–390. (In Kalm.)

Bitkeev N. Ts. Kalmyk Heroic Epic of Jangar and Its Ethnic Versions: Issues of Typology Revisited. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 155 p. (In Russ.)

Erdenebayar J. Distribution of the Jangar and Its Geographical Features. Ulaanbaatar: Tod Nomy Gerel (Bibliotheca Oiratica), 2010. 136 p. (In Mong.)

Jamtso T. Dissemination and preservation of the Jangar among Xinjiang Mongols. In: Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 368–390. (In Kalm.)

Jamtso T. Jangar narratives recorded from prominent jangarchis P. Rampil and E. Ovla: Comparing texts of prologues. *Oiradyn sudlal*. 1991. No. 2. Pp. 31–91. (In Oir.)

Jamtso T. Significance of the Jangar Epic. Urumqi: Xinjiang People's Press, 1997. 516 p. (In Oir.)

Jamtso T. Xinjiang Oirat version of the Jangar: Issues of dissemination and preservation revisited. *Üüriyn tsolmon*. 1985. No. 1. Pp. 24–48. (In Oir.)

Khabunova E. E. Heroic Epic of Jangar: Poetic Constants of Heroic Life Cycle (A Comparative Study of Ethnic Versions). Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center of University-Level Institutions, 2006. 256 p. (In Russ.)

Khabunova E. E. The ethnopoetic constants [of] the heroic epic of the Mongolian peoples: The issue of identifying and cataloguing. *Vestnik*

of North-Eastern Federal University. 2015. Vol. 12. No. 1. Pp. 140–144. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: A Study in Comparative Typology. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 1992. 320 p. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. Jangar [narratives] of contemporary Oirats from Dzungaria: Revisiting the issue of correlation between the [existing Jangar] traditions. In: Ethnography and Folklore of Mongolic Peoples. Elista, 1981. Pp. 41–56. (In Russ.)

Liu Shiu. Revisiting peculiar features of Jangar narratives [recorded] in four aimags of Xinjiang. In: Jangar and Issues of Epic Storytelling. Conference proceedings (Elista, 22–24 August 1990). Elista: Dzhangar, 2004. Pp. 113–116. (In Russ.)

Mandzhieva B. B. Kalmyk Heroic Epic of Jangar: A Study and Epic Texts Recorded from Dava Shavaliyev. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 264 p. (In Russ.)

Mönkä B. Jangar epic: Revisiting the issue of dissemination and origin. In: Jangar and Epic Traditions of Eurasia — Problems of Research and Preservation. Conference proceedings (Elista, 20–23 September 2011). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. Pp. 104–110. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Myth and Ritual. Moscow: Indrik, 2019. 519 p. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Print and Oral Epic [Traditions]. M.: Indrik, 2019. 590 s.

Neklyudov S. Yu. Heroic Epic of Mongols. Moscow: Nauka, 1984. 309 p. (In Russ.)

Nyam M. Legacy of jangarchi Möndüür — pinnacle of ethnic culture. *Shinzhany Ödrin sonin*. 1984. No. 12. Pp. 4–14. (In Oir.)

Nyamjav B. Recollecting jangarchi Bembe. *Oiradyn sudlal*. 1991. No. 3. Pp. 75–76. (In Oir.)

Ovalov E. B. Jangar Epic and Its Versions: Plot and Stylistic Traditions Reviewed. Elista: Dzhangar, 2008. 304 p. (In Russ.)

- Ovalov E. B. Typology of Motifs and Plots in Epics of Mongols: A Study in Comparative Typology. Elista: Dzhanger, 2004. 184 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. Historical Roots of Magic Folklore. Leningrad: Leningrad State University, 1986. 365 p. (In Russ.)
- Rinchindorj J. Jangar and the time of its creation revisited. In: [Collected] Narratives of Jangar. Vol. 2. Urumqi, 1986. Pp. 82–88. (In Oir.)
- Seleeva Ts. B. “Heroic matchmaking” in Xinjiang-Oirat version of “Dzhanger”: Story construction and compositional structure. *The New Philological Bulletin*. 2019. No. 2 (49). Pp. 65–78. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. Kalmyk and Xinjiang Oirat Versions of the Jangar Epic: An Index of Themes. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2013. 276 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. The Xinjiang Oirat epic tradition: Peculiarities of plot studies. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 3. Pp. 478–491. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-478–491
- Taya D. Exploring the Tale-telling Tradition of Xinjiang Jangarchis. Ulaanbaatar: Tod Nomyn Gerel (Bibliotheca Oiratica), 2010. 322 p. (In Mong.)
- Taya D. Xinjiang Oirat Version of the Jangar [Epic] Recorded from Arampil. Chiba: Chiba University, 2002. 298 p. (In Mong.)
- Tserenov V. Z. Epic of Jangar among Xinjiang Oirats. In: Jangar. Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhanger, 2008. Pp. 437–457. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Heroic Epic of Oirat Mongols. Petrograd, Moscow: Svetoch, 1923. 253 p. (In Russ.)
- Yershova I. V. The Poem of the Cid in Spanish Epic and Medieval Historiography: Structure and Evolution of the Epic Plot. Dr. Sc. (philology) thesis. On: Gorky Institute of World Literature (RAS). Available at: http://imli.ru/images/Diss_2018_Ershova/Diss_ershova.pdf (accessed: 10 February 2023). (In Russ.)
- Zhirmunsky V. M. Turkic Heroic Epic. Leningrad: Nauka, 1974. 726 p. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2023. Т. 16. № 2

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 01.06.2023.
Формат бумаги 60х84¹/₈. Усл. печ. л. 24,87.
Тираж 100 экз. Заказ 03-2023.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

